

ΘАЛЕСЪ.

Ч 2

ПУТЕШЕСТВІЕ
МЛАДШАГО
АНАХАРСИСА
ПО ГРЕЦІИ,

въ половинѣ четвертаго вѣка до
Рождества Христова.

Переведено съ Французскаго

Императорской Россійской Академіи
Членомъ

Александромъ Никольскимъ

и оною Академіею издано.

ТОМЪ ВТОРЫЙ.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ,

При Императорской Академіи Наукъ.
1805 года.

СОДЕРЖАНІЕ

ВТОРАГО ТОМА.

стран.

ПУТЕШЕСТВІЕ МЛАДШАГО АНАХАРСИСА ПО ГРЕЦІИ

Около половины четвертаго столѣтія до Р. Х.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Отъѣздъ изъ Скиѳіи. Херсонисъ Тавріческій (Крымъ). Эвксинскій Понтъ (Черное море). Состояніе Греціи, (отъ взятія города Аѳинъ въ 404 году до Р. Х. до времени сего путешествія). Ѳракійскій Восфоръ. Прибытіе въ Византію (Константинополь).

Анахарсисъ, родомъ Скиѳъ, сынъ Токсариса, есть творецъ сея книги; онъ, обращая слово къ друзьямъ своимъ, начинаетъ сказаніемъ причинъ, побудившихъ его путешествовать.

Извѣстно вамъ, что я веду родъ свой отъ мудраго Анахарсиса, который толь знаменитъ былъ между Греками, и съ которымъ толь недостойно поступили Скифы. Повѣствованїе о жизни и кончинѣ его внушило мнѣ, съ самыхъ юныхъ лѣтъ, уваженїе къ народу, чтившему добродѣтели его, а къ не познавшему оныхъ, нѣкое отвращенїе.

Сїе отвращенїе усугубилось прибытїемъ одного купленнаго мною Греческаго невольника. Онъ происходилъ отъ знаменитаго поколѣнїя въ Вїотїйскомъ городѣ Ѳивахъ, и еще
400 го да до Р. Х. за тридцать шесть лѣтъ предъ симъ былъ съ младшимъ Киромъ въ походѣ, предпрїятомъ симъ государемъ противъ брата своего Артаксеркса, царя Персидскаго. На одномъ изъ тѣхъ сраженїй, каковыхъ не могли избѣгнуть Греки при отступленїи своемъ, взятъ онъ въ плѣнъ, часто переходилъ отъ одного господина къ другому, влачилъ узы между различными народами и достигъ наконецъ до мѣста моего пребыванїя.

Чѣмъ больше я познавалъ его, тѣмъ больше чувствовалъ преимущество просвѣщенныхъ народовъ предъ другими народами. Тимагенъ, такъ назывался мой Ѳивянинъ, привлекалъ меня сладостїю бесѣды и вмѣстѣ уни-

жалъ превосходствомъ знанія своего. Исторія о Грекахъ, ихъ нравы, образъ правленія, науки, художества, празднества и позорища ихъ были неисчерпаемымъ источникомъ нашихъ разговоровъ. Я вопрошалъ и слушалъ его съ восторгомъ: мнѣ лишь только минуло семнадцать лѣтъ; воображеніе мое придавало живѣйшія краски богатымъ картинамъ Тимагеновымъ. До того времени видѣлъ я одни токмо шалаши, стада и степи. Мнѣ ужѐ несносна стала и кочующая жизнь, какую я велъ, и глубокое невѣжество, въ коемъ коснѣть бы мнѣ надлежало; итакъ рѣшился удалиться отъ страны, гдѣ природа едва удовлетворяла нуждамъ человѣческимъ, и оставить народъ, коего добродѣтели, казалось мнѣ, состояли только въ томъ, что не всѣ извѣстны ему были пороки.

Я провелъ лучшіе годы моей жизни въ Греціи, Египтѣ и Персіи; но въ первой странѣ жилъ гораздо долѣе. Я такъ былъ счастливъ, что засталъ еще послѣднія минуты славы ея, и не прежде оставилъ страну сію, какъ ужѐ вольность ея издыхала на долинѣ Херонейской. Обтекая Греческія области, тщательно собиралъ я все, что только заслуживало нѣкоторое вниманіе. Изъ сихъ то за-

писокъ, по возвращеніи моемъ въ Скиѳію, составилъ я повѣствованіе о путешествіи моемъ. Можетъ статься, оно было бы исправнѣе, естьлибъ корабль, на которомъ я отправилъ мои книги, не потонулъ въ Понтѣ Эвксинскомъ.

Вы, знаменитые супруги, Арсамъ и Федима, коихъ узнать имѣлъ я счастіе во время путешествія моего въ Персію, коликократно порывался я включить имена ваши въ моихъ повѣствованіяхъ! въ какомъ блистательномъ видѣ представлялись имена сіи, когда надлежало мнѣ описывать какое нибудь великое качество сѐрдца и разума; когда надлежало говорить о благодѣяніяхъ и благодарности! вы имѣете право на книгу сію. Я написалъ ее отъ части въ томъ пріятномъ жилищѣ, коему вы были самымъ лучшимъ украшеніемъ; хотя кончилъ ее бывъ удаленъ отъ Персіи, но кончилъ, такъ сказать, предъ вашими очами: ибо воспоминаніе о часахъ, проведенныхъ съ вами, никогда не изгладится изъ моего воображенія. Оно составлять будетъ блаженство остальныхъ дней моихъ; и я ничего больше не желаю, какъ чтобъ по смерти моей, на камнѣ, который покроетъ прахъ мой, были глубоко

вырѣзаны слова сїи: ,,*онъ пользовался благодѣянїями Арсама и Федимы.* ,,

Въ исходѣ перваго года 104 й Олимпїады отправился я въ путь съ Тимагеномъ, коему возвратилъ я вольность. Прешедъ обширныя пустыни, достигли мы до береговъ Танаиса (Дона) по близости къ тому мѣсту, гдѣ впадаетъ онъ въ нѣкоторый родъ моря, извѣстнаго подъ именемъ озера Меотїйскаго. Тамъ, возсѣдъ на корабль, приплыли мы къ городу Пантикапеѣ, лежащему на нѣкоей высотѣ при входѣ въ проливъ, называемый Восфоромъ Киммерїйскимъ, и соединяющїй то озеро съ Понтомъ Эвксинскимъ. Апрѣл. 363 г. до Р. Х.

Сей городъ, состоявшїй нѣкогда изъ Греческихъ поселенцовъ, сдѣлался столицею небольшаго государства, простирающагося по восточному берегу Херсониса Таврическаго. Въ то время царствовалъ тамъ Левконъ уже около тридцати лѣтъ. Сей великодушный и славный государь не однократно уничтожалъ заговоры и одерживалъ побѣды единымъ своимъ мужествомъ и искуствомъ. Мы не имѣли случая видѣть его: онъ предводительствовалъ тогда своимъ воинствомъ. За нѣсколько времени жители города Ираклеи

въ Виѳинїи, показалися съ сильнымъ флотомъ, чтобъ сдѣлать покушенїе на высадку войскъ въ его владѣнїяхъ. Левконъ, примѣтивъ слабое своихъ войскъ непрїятельскому намѣренїю сопротивленїе, поставилъ позади ихъ отрядъ Скиѳовъ, съ приказанїемъ убивать всѣхъ отступающихъ съ робостїю.

Я слышалъ объ одномъ его изреченїи, отъ коего и теперь еще содрогаюсь. Его любимцы ложными доносами удалили многихъ изъ друзей его, и завладѣли ихъ имѣнїемъ. Наконецъ онъ то примѣтилъ, и, какъ нѣкїй изъ нихъ осмѣлился сплесть новую клевету, „несчастный, сказалъ ему Левконъ, я „приказалъ бы умертвить тебя, естьлибъ „такїе изверги, какъ ты, не были нужны дес„потамъ.“

Въ Херсонисѣ Таврическомъ родится хлѣбъ въ изобилїи: тамъ земля, едва вскрытая плугомъ, приноситъ тридцати-кратный плодъ. Греки отправляютъ тамъ толь знатную торговлю, что Царь принужденъ былъ открыть въ Ѳеодосїи, другомъ городѣ Восфора, пристань, которая могла бы вмѣщать до ста кораблей. Аѳинскїе купцы во множествѣ приставали тамъ, или у Пантикапеи. Они не платили никакой пошлины; и республика

Аѳинская, изъ благодарности, включила сего государя и его дѣтей въ число сограждань своихъ.

Мы нашли Лезвiйскiй корабль, бывшiй уже подъ парусами. Клеомидъ, начальникъ сего корабля, согласился насъ принять на оный. Въ ожиданiи отъѣзда, ходилъ я туда и сюда: но не могъ насмотрѣться на замокъ, оружейницу, пристань, суда, ихъ снасти, ихъ обороты, входилъ случайно въ домы людей частныхъ, въ рукодѣльни, въ малѣйшiя торговыя лавки; выходилъ изъ города, и не сводилъ глазъ моихъ съ зеленѣющихъ садовъ, покрытыхъ плодами, а съ полей, обогащенныхъ жатвою. Все то чувствовалъ я сильно; о всемъ томъ говорилъ съ живостiю. Не могъ я жаловаться, что не имѣлъ свидѣтелей блаженства моего; разсказывалъ о томъ каждому: все, что меня ни поражало, спѣшилъ я сообщать Тимагену за нѣчто новое, какъ для меня такъ и для него. Спрашивалъ у него: Меотiйское озеро не величайшее ли изъ морей? Пантикапея не прекраснѣйшiй ли городъ во вселенной?

Въ продолженiе моихъ путешествiй, а особливо при началѣ, я ощущалъ подобныя впечатлѣнiя всякiй разъ, какъ природа или

искуство представляли мнѣ новые предметы; и когда величіе сихъ предметовъ возвышало душу, тогда удивленіе мое облегчалось слезами, коихъ не могъ я удерживать, или восторгами радости, коихъ Тимагенъ не въ состояніи былъ умѣрить. Въ послѣдствіи же, какъ мое изумленіе мало по малу ослабѣло, то исчезли и удовольствія, коихъ оно было источникомъ; и я съ прискорбіемъ позналъ, что по мѣрѣ успѣховъ опыта, теряются удовольствія чувствій.

Я не буду описывать движеній, какими волнуемъ былъ, когда, при выходѣ изъ Воспора Киммерійскаго, открылось нечувствительно моему взору море, Эвксинскимъ Понтомъ именуемое. Оно есть обширный водоемъ, почти отовсюда окруженный горами, болѣе или менѣе отъ берега удаленными, и въ который почти сорокъ рѣкъ изливаютъ воды нѣкоей части Асіи и Европы. Долгота его, сказываютъ, простирается на 11000, а самая большая широта на 3300 стадій. На брегахъ обитаютъ народы, различествующіе между собою происхожденіемъ, нравами и языкомъ. По нѣкоторымъ мѣстамъ, а особливо на полуденной сторонѣ, находятся Греческіе города, основанные Милетянами, Мегарянами и

Аѳинянами, построенные большею частію въ урочищахъ плодоносныхъ и для купечества удобныхъ. Къ востоку лежитъ Колхида, славная мореплаваніемъ Аргонавтовъ, которое толико украшено баснями, и дало Грекамъ лучшее понятіе о сихъ отдаленныхъ странахъ.

Рѣки, впадающія въ Понтъ, покрываютъ его льдомъ во время сильной стужи, услаждаютъ горечь водъ его, заносятъ туда великое множество илу и произрастеній, коими привлекаются и утучняются разнаго вида рыбы. Тунцы, камбала и почти всѣхъ родовъ рыбы мечутъ тамъ икру и плодятся тѣмъ паче, что море сіе не питаетъ рыбъ хищныхъ и губительныхъ. Оно часто бываетъ покрыто мрачными парами, и волнуемо сильными бурями. Для плаванія на ономъ избирается такое время въ году, когда кораблекрушенія бываютъ не столь часты. Оно не глубоко, исключая восточную часть, гдѣ природа ископала такія пропасти, въ коихъ водомѣромъ не льзя достать и дна.

Клеомидъ, повѣствуя намъ о сихъ подробностяхъ, чертилъ между тѣмъ на бумагѣ окружность Понта Эвксинскаго. И какъ онъ то кончилъ, я сказалъ ему: ты безъ намѣ-

ренія изобразилъ лукъ, изъ коего мы обыкновенно стрѣляемъ въ Скиѳіи; таковъ точно видъ его. Но я не вижу исхода у сего моря. Оно сообщается съ другими морями, отвѣтствовалъ Клеомидъ, однимъ только протокомъ, и почти такимъ же, которымъ мы не давно плыли.

Вмѣсто того, чтобъ пуститься прямо къ помянутому протоку, Клеомидъ, боясь удалиться отъ береговъ, направилъ путь свой къ западу, а потомъ къ полудню. Между тѣмъ разсуждали мы о народахъ, тамо обитающихъ; мы видѣли иногда стада, подходящія къ берегу моря, которое представляетъ имъ пойло пріятное и здоровое. Намъ сказывали, что зимою, когда море покроется льдомъ, тамошніе рыбаки ставятъ шалаши на поверхности онаго, и бросаютъ рыболовныя снасти сквозь отверстія, нарочно для сего во льду сдѣланныя. Намъ показали издали устья Борисѳена (Днепра), Истра (Дуная) и нѣкоторыхъ другихъ рѣкъ. Мы часто проводили ночи на матерой землѣ, а иногда ставъ на якорь.

Однажды Клеомидъ сказалъ намъ, что онъ читалъ нѣкогда повѣствованіе о походѣ младшаго Кира. Итакъ Греція занималась

бѣдствїями нашими, прервалъ рѣчь его Тимагенъ: а по сему не такъ горестны онѣ для тѣхъ, кои имѣли несчастїе пережить ихъ. Кто же начерталъ ихъ картину? Одинъ изъ полководцевъ, отвѣчалъ Клеомидъ, приведшихъ обратно Грековъ въ отечество, и именно Ксенофонтъ Аѳинскїй. Увы! воскликнулъ Тимагенъ, почти уже тридцать семь лѣтъ тому, какъ судьба съ нимъ меня разлучила; вотъ еще первое извѣстїе, дошедшее до моего свѣденїя о его возвращенїи. Ахъ! коль сладостно было бы для меня опять его увидѣть, послѣ толь долговременной разлуки! но я боюсь, чтобъ смерть. . . .

Успокойся, сказалъ Клеомидъ; онъ еще живъ. Благодаренїе богамъ! говорилъ Тимагенъ. Онъ живъ, онъ приметъ цѣлованїе отъ воина, отъ друга, коего жизнь спасалъ онъ неоднократно. Аѳиняне безъ сомнѣнїя осыпали его почестьми? Они изгнали его, отвѣчалъ Клеомидъ, поелику казался онъ съ лишкомъ привержeнъ къ Лакедемонянамъ. — Но по крайней мѣрѣ и въ своемъ изгнанїи обращаетъ онъ на себя взоры всей Грецїи? — Нѣтъ, они всѣ устремлены на Эпаминонда Ѳивскаго. Эпаминонда! какихъ онъ лѣтъ? какъ имя отца его? — Лѣтъ пятидесяти; Эпаминондъ.

сынъ Полимниса и братъ Кафисія. Это онъ, сказалъ Тимагенъ съ умиленіемъ, точно онъ. Я зналъ его съ самаго его младенчества. Черты лица его представляются живо глазамъ моимъ: узы родства съ юности соединили насъ. Я нѣсколькими годами былъ его старѣе: онъ воспитанъ въ любви къ бѣдности, въ любви къ добродѣтели. Никто толико не успѣвалъ въ упражненіяхъ тѣла и разума. Наставники его не могли вполнѣ удовлетворять его жадности къ ученію. Я помню: мы никакъ не могли отвлечь его отъ собесѣдованія съ однимъ мрачнымъ и строгимъ Пиѳагорейцомъ, по имени Лисисомъ. Эпаминонду не болѣе двѣнадцати или тринадцати лѣтъ было отъ роду, когда я отправился къ войску Кирову; однако ужѐ въ немъ проявлялись иногда черты великаго свойства: ужѐ предусматривалось то превосходство, какое онъ будетъ имѣть надъ прочими. Прости моей докучливости: какимъ образомъ исполнилъ онъ толь великую о себѣ надежду?

Клеомидъ отвѣтствовалъ: онъ возвысилъ народъ свой; и посредствомъ славныхъ своихъ подвиговъ учинилъ его первымъ и могущественнѣйшимъ въ Греціи народомъ. О Ѳивы! воскликнулъ Тимагенъ, о отечество

мое! блаженное жилище моего младенчества! но Эпаминондъ блаженнѣе... Нѣкое невольное стѣсненіе духа пресѣкло слова его. При семъ я воскликнулъ: О! какъ достоинъ любви тотъ, кто такъ чувствителенъ! и бросясь къ нему на шею, любезный мой Тимагенъ, сказавъ я, когда ты столь много принимаешь участія въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ случай привелъ тебѣ родиться, то каковы должны быть твои чувствованія къ друзьямъ, коихъ ты самъ избираешь. Онъ отвѣчалъ, пожавъ мнѣ руку: я тебѣ часто говорилъ о сей неизмѣняемой любви, какую Греки сохраняютъ къ своему отечеству. Тебѣ трудно то понять; но ты видишь по слезамъ моимъ, коль глубоко оная впечатлѣна и коль искренна. Онъ и дѣйствительно плакалъ.

По нѣкоторомъ молчаніи, спросилъ онъ, какимъ образомъ произошла перемѣна, для Ѳивянъ толико славная. Не ожидай отъ меня, сказалъ Клеомидъ, подробнаго повѣствованія о всемъ томъ, что случилось послѣ отбытія твоего. Я тебѣ опишу только главныя происшествія: изъ нихъ довольно узнаешь о настоящемъ состояніи Греціи.

Тебѣ ужѐ извѣстно, что взятіемъ Аѳинъ всѣ наши республики стали нѣкоторымъ образомъ порабощены Лакедемонянамъ; что иныя принуждены были просить у нихъ союза, а другія принять оный. Блистательныя качества и знаменитые подвиги Агезилая, царя Лакедемонскаго, казалось, угрожали имъ долговременнымъ рабствомъ. Отозванъ будучи въ Асію на помощь Іонянамъ, кои объявивъ себя союзниками младшему Киру, должны были страшиться мщенія Артаксерксова, онъ многократно разбивалъ полководцевъ сего государя, и его виды простирались по мѣрѣ успѣховъ его; онъ замышлялъ ужѐ перенесть оружіе свое въ Персію и напасть на великаго обладателя, на самомъ даже его престолѣ.

Агезилай.

Артаксерксъ отвратилъ сію бурю. Серебро, щедро разсыпанное по многимъ городамъ Греціи, отторгло ихъ отъ Лакедемонянъ. Ѳивы, Коринѳъ, Аргосъ и другіе народы составили сильный заговоръ, и собирали войска свои на поляхъ Херонейскихъ въ Віотіи: они скоро сразилися съ войсками Агезилая, коего насланное изъ Лакедемона повелѣніе заставило прервать теченіе знаменитыхъ подвиговъ. Ксенофонтъ, сражавшійся подлѣ

Битва Херонейская.

государя сего, говаривалъ, что онъ кровопролитнѣе битвы сей никогда не видывалъ. Слава побѣды была на сторонѣ Лакедемонянъ, а на сторонѣ Ѳивянъ честь, что отступили, не обратившись въ бѣгство.

Сія побѣда, утверждавшая могущество Спарты, возродила новыя возмущенія, новые заговоры. Изъ самыхъ побѣдителей, одни утомлены были своими успѣхами, а другіе славою Агезилая. Сіи послѣдніе, подъ руководствомъ Спартанца Анталкида, предложили царю Артаксерксу даровать миръ племенамъ Греческимъ. Собрались повѣренные ихъ; и Теробазъ, Сатрапъ Іонійскій, объявилъ имъ волю своего государя въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

„Царь Артаксерксъ почитаетъ за справедливое, чтобъ Греческіе въ Асіи города, такъ какъ и острова Класоменъ и Кипръ, остались присоединенными къ его государству; чтобъ другіе Греческіе города были свободны, кромѣ острововъ Лемноса, Имброса и Скироса, кои принадлежать должны Аѳинянамъ. Онъ присовокупитъ силы свои къ силамъ народовъ, кои примутъ сіи условія, и обратитъ ихъ

„противъ тѣхъ, кои не согласятся на „оныя.“

Исполненіе договора, назначеннаго къ перемѣнѣ политической системы Греціи, ввѣрено было Лакедемонянамъ, которые придумали и постановили статьи онаго. По содержанію первой, они подъ иго Персовъ возвратили Асійскихъ Грековъ, за вольность коихъ столько пролито крови въ теченіи цѣлаго почти столѣтія; по второй, обязуя Ѳивянъ признать независимость городовъ Віотійскихъ, ослабляли они могущество, которое одно, можетъ статься, и было въ состояніи противиться ихъ начинаніямъ: и такъ Ѳивяне, а равно и Аргивцы не прежде приступили къ договору, какъ уже принудили ихъ къ тому силою. Прочія республики приняли оный безъ сопротивленія, а нѣкоторыя даже съ великою охотою.

По нѣскольких годахъ, Спартанецъ
382 год. до Р. Х. Февидъ, вступивъ въ Віотію съ нѣкоторымъ отрядомъ войскъ, расположилъ оныя подъ Ѳивами. Городъ былъ раздѣленъ на двѣ крамолы, изъ коихъ каждая имѣла главою одного изъ первѣйшихъ градоначальниковъ. Леонтіадъ, начальникъ стороны, приверженной къ Лакедемонянамъ, склонилъ Февида

овладѣть замкомъ, подавъ ему къ тому способъ. То было при полномъ мирѣ и въ такое время, когда Ѳивяне, безъ боязни, безъ подозрѣній, торжествовали праздникъ Цереры. Толь необычайное вѣроломство учинилось еще ненавистнѣе по жестокостямъ, оказаннымъ надъ гражданами, неизмѣнно привязанными къ отечеству своему: четыре ста изъ таковыхъ гражданъ ушли къ Аѳинянамъ искать себѣ убѣжища: Исменій, начальникъ стороны сей, обремененъ былъ оковами, и умерщвленъ по пустымъ предлогамъ.

Всеобщій ропотъ распространился по Грецїи. Лакедемоняне изъявили сильное негодованїе; они вопрошали съ гнѣвомъ, имѣлъ ли Ѳевидъ повелѣнїе произвесть въ дѣйство такой злой умыселъ? Агезилай отвѣтствуетъ, что военачальству позволительно преступить границы данной ему власти, когда общественное благо того требуетъ, и что не должно судить о поступкѣ Февидовомъ иначе, какъ сообразуясь сему правилу. Леонтїадъ находился тогда въ Лакедемонѣ: онъ успокоилъ духи, возбуждая ихъ противъ Ѳивянъ. Итакъ опредѣлено было оставить за собою замокъ Ѳивскій, а на Февида наложить сто тысячъ драхмъ пени.

Итакъ, сказалъ Тимагенъ, прервавъ рѣчь Клеомидову, Лакедемонъ, воспользовавшись преступленїемъ, наказалъ виновнаго. А какъ поступилъ въ дѣлѣ семъ Агезилай? Его винили, отвѣчалъ Клеомидъ, въ томъ, якобы онъ втайнѣ затѣялъ сїе предпрїятїе и споспѣшествовалъ приговору, довершившему несправедливость онаго. Ты мнѣ внушилъ почтенїе къ государю сему, сказалъ Тимагенъ; но послѣ толь безчестнаго поступка. . . .

Постой, говорилъ ему Клеомидъ; знай, что добродѣтельный Ксенофонтъ не преставалъ удивляться Агезилаю, почитать и любить его. Я самъ былъ во многихъ походахъ подъ предводительствомъ сего государя. Я не говорю тебѣ о воинскихъ его дарованїяхъ: ты увидишь побѣдоносные его памятники, воздвигнутые въ разныхъ областяхъ Грецїи и Асїи. Но могу тебя увѣрить, что онъ былъ обожаемъ отъ воиновъ, съ коими дѣлилъ труды и опасности; что въ походѣ своемъ въ Асїю, удивлялъ онъ варваровъ простотою внѣшности своей и высокостїю своихъ чувствованїй; что всегда удивлялъ и насъ новыми опытами безкорыстїя, умѣренности, воздержанїя и благодушїя; что забывая величїе свое, не боясь, чтобъ другїе

забыли оное, былъ удобоприступенъ, привѣтливъ, незлобенъ, независтливъ; всегда внималъ терпѣливо нашимъ жалобамъ; словомъ, самый суровый Спартанецъ не имѣлъ толь строгихъ нравовъ; любезнѣйшій Аѳинянинъ не имѣлъ толико пріятства въ разумѣ. Я одно токмо прибавлю къ похвалѣ сей: при блистательныхъ побѣдахъ въ Асіи первое попеченіе его было умягчать участь плѣнныхъ и рабамъ возвращать свободу.

Но къ чему служатъ всѣ сіи качества, возразилъ Тимагенъ, когда онъ помрачилъ ихъ, согласясь на несправедливость, оказанную въ разсужденіи Ѳивянъ? Однакожъ, отвѣтствовалъ Клеомидъ, почиталъ онъ справедливость первою изъ добродѣтелей. Признаюсь, что иногда онъ нарушалъ ее; но, не извиняя его, скажу, что то бывало только въ пользу друзей, а никогда во вредъ непріятелямъ. Онъ поступилъ иначе въ разсужденіи Ѳивянъ или по тому, что всѣ способы показались ему правильными для униженія могущества, въ соперничествѣ съ Лакедемономъ бывшаго, или для того, что онъ почелъ за долгъ воспользоваться случаемъ, дабы отомстить за личныя себѣ оскорбленія. Онъ господствовалъ надъ всѣми страстями, кромѣ одной, кото-

рая надъ нимъ господствовала, и которая, усилясь побѣжденіемъ прочихъ страстей, сдѣлалась жестокою, несправедливою и неспособною прощать обиды. Страсть сія была безмѣрная любовь къ славѣ, а Ѳивяне неоднократно оскорбляли оное чувствованіе, а особливо уничтоживъ мѣры, какія онъ воспріялъ было свергнуть Персидскаго царя съ престола.

Помянутое опредѣленіе Лакедемонянъ было эпохою упадка ихъ: большая часть союзниковъ оставили ихъ; а три или четыре года спустя, Ѳивяне свергли съ себя ненавистное иго. Нѣкоторые неустрашимые граждане въ одну ночь, и почти въ одно мгновеніе истребили приверженцовъ тиранніи; и при помощи народа, принудили Спартанъ оставить замокъ. Одинъ изъ изгнанниковъ, юный Пелопидъ, былъ первый изъ начинателей сего заговора. Онъ былъ знатенъ и породою и богатствомъ; вскорѣ прославился и дѣяніями, коихъ блескомъ озарилось его отечество.

Пелопидъ.

Тогда обоимъ народамъ не осталось никакого средства къ примиренію. Ненависть въ Ѳивянахъ до крайности возрасла тѣмъ, что претерпѣли они несносное оскорбленіе, а въ Лакедемонянахъ отъ того, что причинили

ѳное. Хотя симъ послѣднимъ надлежало вести войну со многими непрїятелями, однако не опускали дѣлать иногда набѣги и на Вїотїю. Агезилай приходилъ туда два раза съ воинами своими, обыкшими побѣждать подъ начальствомъ его: онъ былъ раненъ на одной маловажной битвѣ; и Спартанецъ Анталкидъ сказалъ ему, показывая на текущую кровь изъ его раны:" Вотъ плодъ наставле„нїй, какїя ты самъ подавалъ Ѳивянамъ". Въ самомъ дѣлѣ Ѳивяне, попустивъ сперва опустошать свои поля, измѣривали силы свои въ небольшихъ сшибкахъ, которыя вскорѣ потомъ умножились. Пелопидъ выводилъ ихъ каждый день предъ непрїятеля, и при всей своей природной необузданности, въ случаѣ успѣховъ удерживалъ ихъ, при неудачахъ ободрялъ, и медлѣнно научалъ ихъ противостоять Спартанцамъ, коихъ мужество, а еще болѣе слава были для нихъ страшны. Самъ же извлекая наставленїе изъ собственныхъ своихъ погрѣшностей, и изъ примѣровъ Агезилая, прїобрѣталъ опытность самаго искуснаго полководца въ Грецїи: въ одномъ изъ послѣдующихъ походовъ собралъ онъ плодъ достойный с оихъ трудовъ и размышленїй.

Онъ находился въ Віотіи; и когда шелъ къ Ѳивамъ, часть войска Лакедемонскаго гораздо въ большемъ числѣ, нежели было его, возвращалась тою же дорогою. Одинъ Ѳивскій всадникъ, напереди бывшій и примѣтивъ, какъ они выходили изъ одного узкаго мѣста, спѣшитъ въ Пелопиду. „Мы, кричитъ, по„пались въ руки непріятелю. — А для чего „не онъ попался намъ въ руки? „ отвѣтствуетъ полководецъ. До того времени никакой народъ не осмѣливался нападать на Лакедемонянъ съ равными силами, а еще не обыкновеннѣе, съ меньшими. Схватка была кровопролитна, побѣда долго неизвѣстна. Лакедемоняне, потерявъ двоихъ военачальниковъ и отборнѣйшихъ воиновъ своихъ, разступаются, не разстроивая рядовъ, чтобъ дать пройти непріятелю: но Пелопидъ, желая удержать мѣсто сраженія за собою, снова на нихъ устремляется, и вкушаетъ наконецъ то удовольствіе, что разсыпаетъ ихъ по долинѣ.

Сей неожидаемый успѣхъ удивилъ Аѳины, Лакедемонъ и всѣ другія республики Греціи. Онѣ, бывъ удручены несчастіями войны, вознамѣрились полюбовно окончить расприсвои. Сеймъ собрался въ Лакедемонѣ: Эпами-

нондъ явился туда въ числѣ прочихъ повѣренныхъ Ѳивскихъ.

Ему былъ тогда сороковый годъ отъ роду. До сего времени, по совѣту мудрецовъ, велъ онъ жизнь уединенную: онъ поступалъ еще лучше; приводилъ себя въ состоянiе учинить такую жизнь другимъ полезною. Вышедъ изъ отрочества, принялъ на себя самаго окончить свое воспитанiе. Не смотря на посредственное свое имѣнiе, взялъ къ себѣ въ домъ Философа Лисиса; и въ частыхъ съ нимъ собесѣдованiяхъ напитался тѣми высокими понятiями, какiя Пифагоровы послѣдователи имѣли о добродѣтели; и добродѣтель сiя, блиставшая въ малѣйшихъ его дѣянiяхъ, сдѣлала его непоколебимымъ отъ всѣхъ страховъ. Въ то же время, какъ здоровье свое укрѣплялъ бѣганiемъ, борьбою, а еще паче воздержанiемъ, старался познавать людей, совѣтовался съ просвѣщеннѣйшими, и размышлялъ о должностяхъ военачальника и судiи. Въ словахъ, предъ народомъ произнесенныхъ, онъ не пренебрегалъ украшенiй искуственныхъ; но всегда открывалось въ нихъ краснорѣчiе душъ великихъ. Его дарованiя, поставившiя его на ряду съ знаменитыми витiями, блеснули въ первый разъ на сеймѣ

Лакедемонскомъ, коего дѣйствіями располагалъ Агезилай.

Повѣренные отъ разныхъ республикъ разсматривали тамъ права и пользы ихъ. Мнѣ случилось читать рѣчи трехъ Аѳинскихъ пословъ. Изъ нихъ первый былъ Жрецъ Цереры, надменный породою своею и гордящійся похвалами, которыя получалъ отъ другихъ, или самъ себѣ приписывалъ. Онъ упоминалъ о важныхъ порученіяхъ, какія отъ Аѳинянъ ввѣряемы были предкамъ его; говорилъ о благодѣяніяхъ, какія народамъ Пелопониса низпосылали Боги, коихъ былъ онъ служителемъ, и заключилъ таковымъ замѣчаніемъ, что надлежитъ войну начинать, какъ можно позже, а оканчивать, какъ можно, скорѣе. Каллистратъ, славный ораторъ, вмѣсто того, чтобъ защищать общую пользу Греціи, былъ столько нескроменъ, что въ присутствіи всѣхъ союзниковъ внушалъ, что частный между Аѳинами и Лакедемономъ союзъ доставилъ бы симъ двумъ державамъ владычество надъ моремъ и землею. Наконецъ Автоклесъ, третій повѣренный, съ твердостію выяснялъ несправедливости Лакедемонянъ, кои, не престая, призывали народы къ вольности, а въ самомъ дѣлѣ содер-

жали ихъ въ рабствѣ, подъ пустымъ предлогомъ ручательства ихъ въ вѣрномъ содержанiи договора Антпалкидова.

Я сказалъ тебѣ, что по силѣ договора сего, всѣ города въ Грецiи должны быть вольными: а Лакедемоняне, содержа подъ своею зависимостiю города Лаконiи, требовали съ высокомѣрiемъ, чтобъ города Вiотiи не были болѣе подвластны Өивянамъ. Когда они горестно жаловались на послѣднихъ, и не съ тою уже краткостiю изъяснялись, какъ прежде, тогда Эпаминондъ скучивъ протяженными ихъ ругательствами, сказалъ имъ нѣкогда: „по крайней мѣрѣ вы признаетесь, что мы при„нудили васъ порастянуть односложныя ваши „изрѣченiя.„ Произнесенная имъ послѣ того рѣчь произвела толь сильное впечатленiе въ повѣренныхъ, что Агезилай пришелъ отъ сего въ смущенiе. Өивянинъ сильно настоялъ въ томъ, что нужно заключить договоръ, единственно на справедливости и разсудкѣ основанный? „Несправедливо ли и неблагоразумно ли кажет„ся тебѣ, сказалъ Агезилай, возвратить „независимость городамъ Вiотiи? — А ты, от„вѣтствовалъ Эпаминондъ, не почитаешь ли за благоразумное и справедливое дѣло признать также независимость Лаконiи? — Говори яснѣе,

„сказалъ Агезилай, воспаливишсь гнѣвомъ: я „спрашиваю у тебя, будутъ ли свободны города Віотіи? — А я, отвѣчалъ съ гордостію Эпаминондъ, у тебя спрашиваю, будутъ „ли свободны города Лаконіи?„ По сихъ словахъ Агезилай исключилъ Ѳивянъ изъ числа союзниковъ, и собраніе кончилось.

Таково было, какъ думаютъ, послѣдствіе сихъ славныхъ переговоровъ. Нѣкоторые повѣствуютъ о семъ инако, и болѣе въ честь Агезилаю. Какъ бы то ни было, но главныя статьи опредѣленія сейма заключались въ томъ, чтобъ распущены были войска, чтобъ всѣ народы наслаждались вольностію, и чтобъ каждой изъ союзныхъ державъ позволено было помогать городамъ утѣсненнымъ.

Еще бы можно было прибѣгнуть къ дальнѣйшимъ переговорамъ; но Лакедемоняне, влекомые духомъ буйства къ своему паденію, дали повелѣніе царю Клеомброту, предводительствовавшему въ Фокидѣ войсками союзниковъ, идти съ оными въ Віотію. Силы его состояли изъ десяти тысячъ пѣшихъ и тысячи конныхъ ратниковъ. Ѳивяне могли противопоставить имъ не болѣе шести тысячъ пѣхоты, и малаго числа конницы; но Эпами-

нондъ предводительствовалъ ими, и по немъ Пелопидъ.

Предзнаменованія были неблагопріятны: но онъ говорилъ, что самое лучшее предзнаменованіе есть защищать свое отечество. Были также благопріятствующія прорицанія, которыя онъ утверждалъ такъ, что подозрѣвали его виновникомъ оныхъ. Войско его было опытно и къ нему привержено. Непріятельская конница, на удачу почти набранная, не имѣла ни опытности ни усердія. Союзные города согласились на сей походъ не иначе, какъ съ крайнимъ нехотѣніемъ, и воины ихъ шли туда противъ воли. Царь Лакедемонскій примѣтилъ сіе уныніе; но онъ имѣлъ враговъ, и лучше хотѣлъ на все отважиться, нежели подать новый поводъ къ ненависти.

Сраженіе при Левктрахъ.

Оба войска сошлись на одномъ мѣстѣ Віотіи, называемомъ Левктры. За день до битвы, когда Эпаминондъ дѣлалъ свои распоряженія, безпокоясь о будущемъ успѣхѣ, который долженъ былъ рѣшить судьбу отечества его, онъ услышалъ, что одинъ знатный чиновникъ спокойно умеръ въ шатрѣ своемъ: „О благіе Боги! воскликнулъ онъ, время „ли умирать при такомъ обстоятельствѣ?„

На другой день была дана сія битва, которая по дарованіямъ полководца Ѳивскаго останется навсегда незабвенною. Клеомвротъ стоялъ по правую сторону своего воинства съ Лакедемонскою фалангою, которую покрывала конница, составлявшая первую линію. Эпаминондъ, будучи увѣренъ о побѣдѣ, естьли возможетъ пробить сїе страшное крыло, пріемлетъ намѣреніе не выставлять праваго крыла своего непрїятелю, а произвесть нападеніе лѣвымъ. Онъ переводитъ туда лучшїя свои войска, ставитъ ихъ по пятидесяти рядовъ въ толщину, конницу помѣщаетъ также въ первой линіи. Увидѣвъ сїе, Клеомвротъ перемѣняетъ свое перьвое положеніе; но вмѣсто того чтобъ дать болѣе толщины крылу своему, онъ его растягиваетъ, дабы протяженіемъ симъ превзойти Эпаминонда. Во время сего движенія Ѳивская конница ударила на конницу Лакедемонянъ и опрокинула ее на фалангу ихъ, которая была только въ двѣнадцать рядовъ толщины. Пелопидъ, начальствовавшій надъ священнымъ отрядомъ, (*) наступилъ

(*) Сей отрядъ состоялъ изъ 300 Ѳивскихъ юношей славныхъ по своей храбрости.

на нее съ боку: Эпаминондъ напалъ со всею колонною своею. Она выдержала ударъ съ мужествомъ достойнымъ справедливѣйшаго дѣла и успѣха счастливѣйшаго. Чудеса храбрости не могли спасти Клеомврота. Воины, его окружавшіе, пожертвовали жизнію своею, или для спасенія дней его или для унесенія его тѣла, коего не удалось Ѳивянамъ захватить для своей славы.

По смерти его, Пелопониское воинство отступило въ свой станъ, расположенный на ближней высотѣ. Нѣкоторые изъ Лакедемонянъ предлагали возвратиться и вновь начать сраженіе; но ихъ полководцы, коихъ устрашила потеря, понесенная Спартою, и кои не могли положиться на союзниковъ, паче довольныхъ, нежели опечаленныхъ униженіемъ ея, попустили Ѳивянамъ спокойно воздвигнуть побѣдоносный памятникъ на полѣ сраженія. Утрата сихъ послѣднихъ была весьма маловажна; уронъ же непріятельскій простирался до четырехъ тысячъ человѣкъ, между коими считали тысячу Лакедемонцевъ. Изъ семи сотъ Спартанъ, четыреста лишились жизни.

Первое извѣстіе о сей побѣдѣ возбудило въ Аѳинахъ одну только непристойную

ревность къ Өивянамъ; а въ Спартѣ возобновило тѣ необычайныя чувствованія, каковыя впечатлены были у всѣхъ въ сердца Ликурговыми законами. Народъ присутствовалъ при торжественныхъ играхъ, гдѣ мужчины всякаго возраста спорили о преимуществѣ въ борьбѣ и другихъ тѣлесныхъ упражненіяхъ. По прибытіи вѣстника, градоправители увѣрились о совершенномъ несчастіи Лакедемона; но не прерывая зрѣлища, разослали по домамъ списокъ побитымъ, увѣщевая матерей и женъ не обнаруживать скорьби своей. На другой день семейства сіи, съ начертанною на лицахъ радостію, бѣжали во храмы благодарить боговъ, и на общенародную площадь поздравлять другъ друга съ тѣмъ, что доставили онѣ республикѣ толь мужественныхъ гражданъ. Другія не смѣли показываться на улицахъ, или являлись съ видомъ печали и сѣтованія. Горестное чувствованіе стыда и любовь къ отечеству были въ большей части изъ нихъ такъ сильны, что мужья страшились взора женъ своихъ, а матери боялись возвращенія своихъ сыновей.

Симъ успѣхомъ столько возгордились Өивяне, что Философъ Антисфенъ сказалъ:

„Я вижу, кажется, учениковЪ, кои велича-
„ются шѣмЪ, что побили своего учителя.“
СЪ другой стороны, Лакедемоняне не хотѣли признать себя побѣжденными, и требовали, чтобЪ обоимЪ народамЪ отдаться вЪ томЪ на судЪ АхеянЪ.

Два года спустя, ЭпаминондЪ и ПелопидЪ назначены были Віотархами, или начальниками Віотійскаго союза. Стеченіе обстоятельствЪ, взаимное почтеніе, дружба, сходство видовЪ и чувствованій, составляли между ими неразрывную связь. ОдинЪ, безЪ сомнѣнія, имѣлЪ больше добродѣтелей и дарованій; но другой, признавая сіе превосходство, затмѣвалЪ почти оное. СЪ симЪ то вѣрнымЪ соучастникомЪ трудовЪ своихЪ и славы, вступилЪ ЭпаминондЪ вЪ ПелопонисЪ, разнося ужасЪ и опустошеніе между народами, кЪ Лакедемону приверженными, ускоряя отпаденіе другихЪ, сокрушивЪ иго, подЪ коимЪ Мессеняне стенали ужè многіе вѣки. СемьдесятЪ тысячЪ ратниковЪ изЪ различныхЪ народовЪ шли подЪ его знаменами сЪ равною довѣренностію. ОнЪ велЪ ихЪ кЪ Лакедемону, вЪ намѣреніи напасть на его жителей вЪ самыхЪ домахЪ ихЪ, и воздвигнуть побѣдоносный памятникЪ посредѣ города.

Спарта не имѣетъ ни стѣнъ, ни замка. Есть тамъ много пригорковъ, на коихъ разставилъ Агезилай по нѣскольку войска; все же воинство свое расположилъ на скатѣ самаго возвышенія изъ тѣхъ пригорковъ. Оттуда увидѣлъ онъ Эпаминонда, приближавшагося съ воинствомъ своимъ, и готовившагося перейти *Евротъ*, который отъ растаявшихъ снѣговъ весьма широко разлился. Долго слѣдуя за нимъ глазами, произнесъ онъ сіи только слова: „Какой человѣкъ! какое чудо!

Между тѣмъ государя сего тревожили смертельныя беспокойства. Извнѣ, страшное ополченіе; внутри, малое число ратниковъ, кои перестали уже почитать себя непобѣдимыми, и множество мятежниковъ, кои на все отваживались; жалобы и ропотъ жителей, кои видѣли опустошеніе земель своихъ, и жизнь свою въ опасности; всеобщій вопль, обвинявшій его, какъ творца всѣхъ золъ Греціи; жестокое воспоминаніе царствованія прежде толико блистательнаго, а при концѣ обезславленнаго зрѣлищемъ новымъ, и купно ужаснымъ; ибо въ теченіе около шести вѣковъ, едва смѣли непріятели производить временные набѣги на границы

Лаконiи; никогда жены Спартанскiя не видывали дыма въ непрiятельскомъ станѣ.

Не смотря на толь справедливыя причины безпокойствiя, Агезилай показывалъ веселое лице, и презиралъ оскорбленiя, наносимыя отъ непрiятеля, который, чтобъ понудить его оставить свое положенiе, то порицалъ его трусостiю, то въ глазахъ его опустошалъ сосѣдственныя поля. Между тѣмъ около двухъ сотъ мятежниковъ захватили одно выгодное и почти непреодолимое мѣсто. Агезилаю предложено было, чтобъ послать противъ нихъ отрядъ войска: онъ отвергъ совѣтъ сей, и представъ предъ бунтовщиковъ самъ, однимъ слугою сопровождаемый. „Вы не такъ поняли мои приказа„нiя, сказалъ онъ имъ; не сюда идти вамъ „надлежало, а въ такое и такое мѣсто.„ И тогда же показалъ имъ мѣста, по коимъ раздѣлить ихъ имѣлъ намѣренiе. Они тотчасъ ему повиновались.

Между тѣмъ Эпаминондъ отчаевался заманить Лакедемонянъ въ долину. Зима ужѐ давно наступила. Ужѐ Аркадяне, Аргiяне, и Элеане оставили осаду. Өивяне ежедневно теряли людей, и начинали нуждаться въ съѣстныхъ припасахъ. Аөи-

няне и другїе народы собирали войско въ помощь Лакедемонянамъ. Сїи причины понудили Эпаминонда отступить. Онъ опустошилъ всю Лаконїю, и избѣгнувъ встрѣчи съ воинствомъ Аѳинскимъ, подъ начальствомъ Ификрата бывшимъ, привелъ свое въ Вїотїю безпрепятственно.

Начальники Вїотїйскаго союза отправляютъ должность только одинъ годъ, по истеченїи коего обязаны сдавать начальство своимъ преемникамъ. Эпаминондъ и Пелопидъ удержали оное за собою цѣлые четыре мѣсяца за срокъ закономъ предписанный. На нихъ сдѣланъ доносъ и они позваны къ суду. Послѣднїй защищался малодушно: онъ прибѣгъ къ прозьбамъ. Эпаминондъ явился предъ судей своихъ съ тѣмъ же спокойствїемъ, съ какимъ бывалъ предъ своимъ воинствомъ.“ „Законъ осуждаетъ меня, сказалъ онъ имъ; „я достоинъ смерти. Прошу только, чтобъ „на моемъ гробѣ положена была сїя надпись: „Ѳивяне предали Эпаминонда смерти за то, „что при Левктрахъ принудилъ онъ ихъ „сразиться и побѣдить Лакедемонянъ, на коихъ они прежде и взирать не смѣли; за то, „что побѣда сїя спасла отечество его, и „возвратила вольность Грецїи; за то, что

„подъ его предводительствомъ, Ѳивяне осадили Лакедемонъ, который почелъ счастіемъ, „что избавилъ отъ совершеннаго своего паденія; за то, что онъ возстановилъ Мессену, „и окружилъ ее крѣпкими стѣнами.“ Предстоящіе восплескали, выслушавъ Эпаминонда, и судіи не дерзнули обвинить его.

Зависть, которая обыкновенно возрастаетъ отъ неудачъ своихъ, нашла, какъ мнилось ей, случай къ его униженію. При раздѣленіи должностей, возложено было на побѣдителя Левктрійскаго смотрѣніе за чистотою градскихъ улицъ. Онъ должность сію привелъ въ уваженіе, и показалъ, какъ самъ говаривалъ, что не надобно судить о людяхъ по званіямъ, но о званіяхъ по людямъ, кои исправляютъ оныя.

Въ теченіи послѣднихъ шести лѣтъ, Эпаминондъ неоднократно заставлялъ уважать оружіе Ѳивское въ Пелопонисѣ, а Пелопидъ торжествовалъ съ онымъ въ Ѳессаліи. Сей послѣдній избранъ былъ судіею между двумя братьями, спорившими о престолѣ Македонскомъ, окончилъ распри ихъ, и возстановилъ тишину въ семъ государствѣ; потомъ отправленъ ко двору въ Сузы, гдѣ предшествовавшая ему слава обратила на него блистательныя почести; расторгъ мѣры Аѳинскихъ

и Лакедемонскихъ посланниковъ, кои просили покровительства у царя Персидскаго; исходатайствовалъ отечеству своему договоръ, который тѣсно соединялъ оное съ симъ государемъ.

Въ 364 до Р. Х. Въ минувшемъ году пошелъ онъ противъ тирана Ѳессалїйскаго, именемъ Александра, и лишился жизни на сраженїи, преслѣдуя непрїятеля, уже въ постыдное бѣгство имъ обращеннаго. Ѳивы и союзныя державы оплакали смерть его: Ѳивы потеряли одного изъ поборниковъ своихъ, но имъ остался еще Эпаминондъ. Онъ намѣревается нанести Лакедемону послѣднїе удары. Всѣ Греческїя республики между собою раздѣляются, составляютъ частные договоры, и дѣлаютъ страшныя прїуготовленїя. Теперь всѣ думаютъ, что Аѳиняне присовокупятся къ Лакедемонянамъ, и что сей союзъ не остановитъ однакожъ Эпаминонда. Наступающая весна рѣшитъ сїю великую прю. Таково было повѣствованїе Клеомидово.

Ѳракїйскїй Восфоръ. По многихъ дняхъ благополучнаго плаванїя, прибыли мы въ Восфоръ Ѳракїйскїй. Такъ называется тотъ морскїй протокъ, о которомъ говорилъ намъ Клеомидъ. Входъ въ оный опасенъ; противные вѣтры бросаютъ

часто корабли на сосѣдственные берега, и мореплаватели находятъ тамъ или смерть или невольничество: ибо жители страны сей суть истинные варвары по тому, что свирѣпы.

Вошедъ въ протокъ всѣ плаватели возсылали тысячу благодареній Юпитеру, названному Уріемъ, коего храмъ былъ въ лѣвѣ на берегу Асійскомъ, и который насъ сохранилъ отъ опасностей толь бурнаго моря. Между тѣмъ я говорилъ Тимагену: Понтъ Эвксинскій принимаетъ въ себя, такъ какъ думаютъ, до сорока рѣкъ, изъ коихъ нѣкоторыя весьма велики, и не могутъ, кажется, истекать толь малымъ исходомъ. Куда же дѣвается такое безмѣрное количество водъ, денно и нощно впадающихъ въ сіе обширное водохранилище? Ты видишь здѣсь малую часть оныхъ, отвѣчалъ Тимагенъ; прочія, обращаясь въ пары, должны быть привлекаемы солнечными лучами: ибо воды сего моря, будучи слаще и слѣдовательно легче, нежели воды другихъ морей, удобнѣе испаряются. По чему знать? можетъ быть тѣ бездны, о коихъ говорилъ намъ Клеомидъ, поглощаютъ нѣкотрую часть водъ Понта, и сообщаютъ ихъ отдаленнымъ морямъ чрезъ подземные ходы.

Восфоръ Ѳракїйскїй отдѣляетъ Европу отъ Асїи. Длина его, начиная отъ храма Юпитерова до города Византїи, гдѣ онъ кончится, простирается на сто на двадцать стадїй; а ширина различна: при входѣ на четыре стадїи, а въ другомъ концѣ на четырнадцать. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ составляются великїе водоемы и глубокїе заливы.

По обѣимъ сторонамъ, матерая земля возвышается въ видѣ амфитеатра, и представляетъ многообразныя и прїятнѣйшїя зрѣлища; холмы, древами осѣненные, и плодоносныя долины, являютъ по мѣстамъ, разительную противоположность съ каменными утесами, кои мгновенно премѣняютъ направленїе протока. На пригоркахъ видимы памятники благочестїя народовъ; на берегахъ прекрасные домы, спокойныя пристани, града и села, торговлею обогащенныя; источники, приносящїе въ дань воды свои. Въ извѣстныя времена года картины сїи оживляются множествомъ рыболовныхъ судовъ и кораблей, плывущихъ въ Эвксинскїй понтъ, или съ грузомъ оттуда приходящихъ.

Около средины протока мы видѣли мѣсто, гдѣ Дарїй, Персидскїй царь, переправилъ чрезъ мостъ, изъ судовъ сдѣланный,

семь сотЪ тысячЪ человѣкЪ войска, которое онЪ велЪ противу СкиѳовЪ. ПроливЪ, имѣющїй не болѣе пяти стадїй вЪ ширину, стѣсняется тутЪ мысомЪ, на коемЪ построенЪ храмЪ МеркурїевЪ. На семЪ мѣстѣ, два человѣка, стоящїе одинЪ вЪ Асїи, другой вЪ Европѣ, могутЪ удобно другЪ сЪ другомЪ разговаривать. Вскорѣ послѣ того увидѣли мы крѣпость и стѣны Византїйскїя; вошли вЪ пристань, оставивЪ влѣвѣ небольшой городЪ Хрисополь, и имѣя на той же сторонѣ вЪ виду ХалкидонЪ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Описанїе Византїи. Греческїя поселенїя. Эллеспонтскїй проливЪ. Путешествїе изЪ Византїи вЪ Лесбосъ.

Византїя, основанная нѣкогда Мегарянами, вЪ разныя времена потомЪ возобновленная Милезїанами и другими Греческими народами, стоитЪ на мысѣ, коего видЪ похожЪ почти на треугольникЪ. НѣтЪ лучше и величественнѣе положенїя. ВзорЪ ока протекая го- Византїя.

ризонтъ, останавливается вправо на томъ морѣ, которое называется Пропонтидою; прямо, за узкимъ протокомъ на городахъ Халкидонѣ и Хрисополѣ; потомъ на проливѣ Восфорскомъ; наконецъ на холмахъ плодоносныхъ, и на заливѣ, который служитъ пристанїю, подаваясь въ матерую землю на шестьдесять стадїй.

Замокъ стоитъ на самомъ выдавшемся краю мыса: стѣны городскїя сооружены изъ большихъ четыреугольныхъ камней, такъ плотно между собою соединенныхъ, что онѣ составляютъ, кажется, одну толщу: онѣ весьма высоки со стороны матерой земли, а съ другихъ сторонъ меньше возвышены по тому, что естественно защищаются свирѣпостїю волнъ, въ иныхъ же мѣстахъ скалами, на коихъ онѣ основаны, и кои въ море далеко простираются.

Кромѣ Гимназїи и другихъ общенародныхъ зданїй есть въ семъ городѣ всѣ удобности, какїя токмо народъ богатый и многочисленный доставить себѣ можетъ. Онъ собирается на площади, которая такъ пространна, что на ней можно построить къ бою небольшое войско. Тамъ онъ утверждаетъ, или отвергаетъ опредѣленїя Сената, болѣе,

нежели народЪ просвѣщеннаго. Сія несообразимость поражала меня во многихЪ городахЪ Греческихъ; и я часто приводилЪ себѣ на память Анахарсисово изрѣченіе кЪ Солону: „Между вами мудрые разсуждаютЪ, а глупые „рѣшатЪ.„

ВЪ Византіи земля производитЪ сЪ изобиліемЪ хлѣбЪ и древесные плоды, весьма часто подверженные хищеніямЪ ѲракіянЪ, обитающихЪ вЪ сосѣдственныхЪ селеніяхЪ. Ловится даже вЪ самой пристани удивительное множество рыбЪ; осенью, когда онѣ выходятЪ изЪ Понта Эвксинскаго вЪ низшія моря; весною, когда возвращаются вЪ ПонтЪ. Сія ловля рыбЪ и соленіе оныхЪ умножаютЪ доходы города, вЪ прочемЪ купцами наполненнаго, и цвѣтущаго дѣятельною и непрерывною торговлею. Пристань его, бурямЪ неприступная, привлекаетЪ корабли всѣхЪ народовЪ Греціи: положеніе ея при самомЪ проливѣ, подаетЪ ей возможность удерживать или налагать великія пошлины на торгующихЪ вЪ Понтѣ ЭвксинскомЪ, и изнурять народы, получающіе оттуда свои надобности. ОтЪ сего то происходятЪ усильныя старанія АѳинянЪ и ЛакедемонянЪ, чтобЪ склонить ее на свою сторону. Она была тогда союзницею первыхЪ.

Клеомидъ взялъ соленой рыбы въ Пантикапеѣ; но какъ Византійская почиталась лучшею, то онъ и запасся ею, сколько было надобно; окончивъ свои дѣла, мы оставили пристань, и вошли въ Пропонтиду. Въ ширину сіе море, какъ думаютъ, простирается на пять сотъ стадій, а въ длину на тысячу четыреста. На берегахъ его возвышаются многіе славные города, основанные или завоеванные Греками: съ одной стороны Селамврія, Перинѳъ, Византъ, съ другой, Астакъ въ Виѳиніи, Кисикъ въ Мисіи.

Поселенія.

По брегамъ морей, которыми мы плыли, представлялись взорамъ нашимъ многія поселенія, Греческими народами учрежденныя. Я долженъ найти ихъ и въ Эллеспонтѣ, и даже на моряхъ отдаленнѣйшихъ. Но какія были причины сихъ перехожденій? въ которую сторону онѣ паче направлялись? сохраняли ли оные выходцы какія нибудь сношенія съ отечественными своими городами? Клеомидъ разложилъ предо мною нѣсколько картъ, а Тимагенъ спѣшилъ отвѣтствовать на мои вопросы.

Греція, сказалъ онъ мнѣ, есть полуостровъ, окруженный съ запада Іоническимъ, а съ востока Эгейскимъ морями. Она заклю-

чаетъ въ себѣ нынѣ Пелопонисъ, Аттику, Фокиду, Віотію, Ѳессалію, Етолію, Акарнанію, часть Эпира, и другія небольшія области. Тамъ между многими цвѣтущими городами, отличаются Лакедемонъ, Коринѳъ, Аѳины и Ѳивы.

Сія страна пространствомъ весьма посредственна, вообще безплодна, и почти гориста повсюду. Ея прежніе дикіе обитатели соединились нуждою, а въ послѣдствіи времени разсѣялись по разнымъ мѣстамъ. Обозримъ единымъ взглядомъ настоящее положеніе нашихъ владѣній.

Къ западу мы занимаемъ сосѣдственныя острова, какъ то: Закинѳъ, Кефалонію, Корциру; мы имѣемъ нѣкоторыя поселенія даже на брегахъ Иллирійскихъ. Далѣе, мы составили многочисленныя и сильныя общества въ полуденной части Италіи и во всей почти Сициліи. Еще далѣе на землѣ Кельтовъ, вы найдете Марсель, основанную Фокеянами, мать многихъ селеній на берегахъ сосѣдственныхъ; Марсель, долженствующая гордиться тѣмъ, что предписала себѣ мудрые законы, побѣдила Карѳагенянъ, и въ странѣ варварской съ успѣхомъ водворила науки и художества Греціи.

ВЪ Африкѣ, богатый городЪ Киринея, столица государства того же имени, и городЪ НавкратЪ, стоящїй при одномЪ изЪ устїй Нила, находятся подЪ нашею властїю.

Обращаясь кЪ сѣверу, вы увидите, что мы обладаемЪ всемЪ почти островомЪ КипромЪ, островами РодосомЪ, КритомЪ и другими на морѣ ЭгейскомЪ лежащими, большею частїю береговЪ Асїи, симЪ островамЪ противоположныхЪ, берегами Эллеспонта, многими мѣстами около Пропонтиды и Понта Эвксинскаго.

Аѳиняне, по мѣстному положенїю своему, обратили поселенїя кЪ востоку, а народы Пелопонискїе кЪ западной части Грецїи. Жители Iонїи и многихЪ острововЪ Эгейскаго моря, происхожденїемЪ суть Аѳиняне. Многїе города основаны Кориѳянами вЪ Сицилїи, а Лакедемонянами вЪ великой Грецїи.

Непомѣрное размноженїе народа вЪ какомЪ нибудь округѣ, честолюбїе вЪ начальникахЪ, любовь кЪ вольности вЪ людяхЪ частныхЪ, заразительныя и частыя болѣзни, обманчивыя прорицалища, безразсудные обѣты были причиною многихЪ перехожденїй, а кЪ новѣйшимЪ поданЪ случай видами тор-

говли и политики. Тѣ и другія присоединили новыя земли къ Греціи, а въ право народное ввели законы природы и чувствованія.

Таковые же узы, какіе связуютъ дѣтей съ родителями, существуютъ между поселеніями и городами, ихъ заведшими. Они, въ различныхъ другъ ко другу отношеніяхъ, принимаютъ на себя нѣжныя и почтительныя имена дочери, сестры, матери, бабки; и отъ сихъ разныхъ именованій происходятъ взаимныя ихъ обязательства.

Начальный городъ естественно долженъ покровительствовать свои поселенія, которыя, съ своей стороны, поставляютъ долгомъ летѣть ему на помощь въ случаѣ непріятельскаго нападенія. Отъ него часто получаютъ онѣ себѣ жрецовъ, судей, полководцевъ; принимаютъ или хранятъ его законы, обычаи и богочтеніе; каждогодно въ храмы его посылаютъ первые плоды жатвъ своихъ. Его граждане имѣютъ у нихъ первую часть при раздѣленіи жертвенныхъ приношеній, и отличнѣйшія мѣста на играхъ и собраніяхъ народныхъ.

Толико преимуществъ, начальному городу присвоенныхъ, не дѣлаютъ власти его

ненавистною. Поселенія также свободны въ зависимости своей, какъ дѣти вольны въ почтеніи, какое воздаютъ они родителямъ достойнымъ ихъ нѣжности. Такій по крайней мѣрѣ духъ долженствовалъ бы оживотворять большую часть городовъ Греціи, и заставлять чтить Аѳины, Лакедемонъ и Коринѳъ, яко родителей или родоначальниковъ трехъ многочисленныхъ семействъ, разсѣянныхъ по тремъ частямъ свѣта. Но тѣ же причины, которыя между частными людьми потушаютъ чувствованія природы, каждодневно производятъ неустройство въ сихъ семействахъ городовъ; и мнимое или существенное нарушеніе взаимныхъ должностей ихъ весьма часто бывали предлогомъ или побужденіемъ ко бранямъ, раздиравшимъ Грецію.

Сіи законы обязываютъ только тѣ поселенія, которыя оставили отечество или по повелѣнію или съ согласія начальнаго своего города: другія же, а особливо отдаленныя, довольствуются единственно нѣжнымъ воспоминаніемъ о мѣстахъ своего происхожденія. Первыя не иное что суть какъ по большой части хранилища полезныя или нужныя, для торговли первобытнаго отече-

ства; но не всегда удается, чтобъ народы, у коихъ насильно отъемлютъ онѣ земли, оставили ихъ спокойными, или бы согласились съ ними на мѣну своихъ товаровъ. Здѣсь, на примѣръ, Греки поселились на берегахъ моря; далѣе, мы имѣемъ въ правой сторонѣ плодоносныя поля Ѳракійскія; въ лѣвой границы великаго государства Персидскаго заняты Виѳинянами и Мисянами. Сіи послѣдніе распространились вдоль Эллеспонта, въ который мы входимъ.

Эллеспонтъ.

Сей проливъ былъ третій изъ видѣнныхъ мною въ пути моемъ изъ Скиѳіи. Онъ въ длину имѣетъ четыре ста стадій. Мы проплыли по оному въ короткое время. Вѣтръ дулъ благопріятный, теченіе воды было стремительно: берега рѣки, ибо можно такъ назвать сей рукавъ моря, перерываются холмами и покрыты городами и селами. Въ одной сторонѣ увидѣли мы городъ Лампсакъ, коего земля славится виноградными садами; въ другой, устье небольшой рѣки, именуемой Егосъ-Потамосъ, гдѣ Лисандръ одержалъ ту достопамятную побѣду, которая окончала войну Пелопонискую. Далѣе, представились города Сестосъ и Авидосъ, почти одинъ противъ другаго стоя-

щїе. Недалеко отъ перваго видна башня Геро: тамъ то, говорятъ, юная жрица Венерина бросилась въ волны, кои поглотили Леандра, любовника ея, который для свиданїя съ нею принужденъ былъ переправляться вплавь черезъ протокъ.

Сказывали мнѣ еще, что здѣсь проливъ имѣетъ не болѣе семи стадїй въ ширину. Ксерксъ, предводительствуя ужаснѣйшимъ ополченїемъ, перешелъ путъ море по двойному мосту, по его повелѣнїю наведенному. Но вскорѣ обратно переправился въ рыбачей лодкѣ. На сей сторонѣ находится гробница Гекувы, на другой гробница Аякса. Вотъ и пристань, изъ которой флотъ Агамемноновъ отплылъ въ Асїю; и вотъ земли, гдѣ царствовалъ Прїамъ.

Мы находились тогда при концѣ пролива. Я безпрестанно имѣя въ головѣ Омира и его страсти, неотступно просилъ, чтобъ меня высадили на землю. Я бросился на берегъ; увидѣлъ огнедышущую гору, изрыгающую пламенные потоки на валы пѣнящагося Скамандра , возбужденнаго противъ Ахилла. Приближился ко градскимъ вратамъ, и сердце мое раздиралось отъ нѣжныхъ прощанїй Андромахи съ Экторомъ. Видѣлъ

на горѣ Идѣ Париса, преимущество красоты матери любви присуждающаго. Видѣлъ прибывшую туда Юнону: земля улыбалась въ ея присутствіи; цвѣты раждались подъ стопами ея; на ней былъ поясъ Венеринъ; никогда она больше не заслуживала названія царицы боговъ.

Но сія сладостная мечта скоро изчезла, и я не могъ признать мѣстъ, коихъ память Омиръ содѣлалъ безсмертною. Не осталось ни малѣйшаго слѣда Трои; не видно даже развалинъ ея. Морскіе наносы и землетрясенія перемѣнили лице страны сей.

Я возвратился на корабль, и вострепеталъ отъ радости, услышавъ, что наше путешествіе скоро кончится, что мы ужѐ были на Эгейскомъ морѣ, и что на другой день будемъ въ Митиленѣ, одномъ изъ главныхъ городовъ Лесвоса.

Мы оставили вправѣ острова Имвросъ, Самоѳракъ, Ѳазосъ; послѣдній славенъ золотыми своими рудниками; вторый, святостію таинствъ своихъ. Подъ вечеръ къ сторонѣ Лемноса, который показался намъ отъ запада, увидѣли мы пламя, подымающееся по временамъ на воздухъ. Мнѣ сказали, что оное изрыгалось изъ вершины одной горы, что ос-

тровъ былъ наполненъ подземными огнями, что находились тамъ источники горячихъ водъ, и что древнїе Греки не относили сихъ дѣйствїй къ естественнымъ причинамъ. Вулканъ, говорили они, учредилъ мастерскую свою въ Лемносѣ; Киклопы куютъ тамъ громоносныя орудїя для Юпитера. По глухому звуку, которымъ сопровождается иногда изверженїе пламени, простый народъ мнитъ, яко бы слышитъ удары молота.

Около полуночи мы проплыли мимо острова Тенедоса. При разсвѣтѣ вошли въ протокъ, отдѣляющїй Лесвосъ отъ матерой земли. Вскорѣ очутились мы предъ Митиленою, и увидѣли въ полѣ торжественное шествїе къ одному храму, который мы вдали усмотрѣли. То былъ храмъ Аполлона, коего праздникъ отправляли тогда жители Митилены. Громогласное пѣнїе раздавалось по воздуху. День былъ ясный; тихїй зефиръ игралъ въ вѣтрилахъ нашихъ. Восхищаясь зрѣлищемъ симъ, я и не примѣтилъ, что мы были ужѐ въ пристани. Клеомидъ нашелъ, на берегу, родственниковъ и друзей своихъ, кои приняли его съ восторгами радости. Къ нимъ пристало великое множество морскихъ служителей и ремесленниковъ, коихъ обратилъ

я на себя взоры. Съ шумнымъ любопытствомъ вопрошали, кто я, откуда, куда ѣду? Мы остановились въ домѣ у Клеомида, который принялъ на себя попеченіе переправить насъ въ Грецію, на матерой землѣ лежащую.

ГЛАВА ТРЕТІЯ

Описаніе Лесвоса. Питтакъ, Аріонъ, Терпандръ, Алкей, Сафо.

Съ какою нетерпѣливостію ни желалъ Тимагенъ увидѣть паки свое отечество, однакожъ болѣе мѣсяца прождали мы отбытія одного корабля, долженствовавшаго препроводить насъ въ Халкидъ, столицу Эввеи: время сіе употребилъ я на узнаніе всего того, что относилось до земли, въ которой я тогда жилъ.

Полагаютъ, что Лесвосъ имѣетъ тысячу стадій въ окружности. Внутренность острова, особливо въ восточныхъ и западныхъ частяхъ, пресѣкается цѣпьми горъ и холмовъ; однѣ покрыты виноградными садами; другія буковыми, кипарисными и сосновыми рощами; иныя доставляютъ обыкновен-

ный и малоцѣнный марморъ. Пологости, между ими находящіяся, производятъ обильныя жатвы. Во многихъ мѣстахъ есть ключи теплыхъ водъ, попадаются агаты и разные дорогіе камни. Почти всюду растутъ миртовыя, оливковыя, фиговыя дерева: но главное богатство жителей состоитъ въ винахъ, которыя во многихъ странахъ предпочитаются всѣмъ винамъ Греческимъ.

Вдоль береговъ, природа ископала небольшіе заливы, около коихъ воздвигнуты города, которые искуство укрѣпило, а торговля учинила цвѣтущими. Таковы суть Митилена, Пирра, Меѳимнъ, Арисва, Ерессъ, Антисса. Ихъ исторія представляетъ цѣпь превратностей. Долгое время пользовавшись вольностію, или стенавъ въ рабствѣ, они свергнули съ себя Персидское иго при царѣ Ксерксѣ; и въ продолженіе Пелопониской войны, неоднократно отторгались отъ союза Аѳинянъ; но всегда были принуждаемы паки приступать къ оному, и нынѣ еще содержатъ его. Одно изъ сихъ отъ союза отпаденій имѣло послѣдствія толико же бѣдственныя, колико маловажна была причина оныхъ.

Митилена.

Одинъ изъ первыхъ гражданъ Митилены, не могши для сыновей своихъ получить двухъ

богатыхЪ наслѣдницЪ вЪ супружество, посѣялЪ раздорЪ между жителями сего города, обвинилЪ ихЪ вЪ томЪ, яко бы хотѣли они соединиться сЪ Лакедемонянами, и столько успѣлЪ вЪ своихЪ происках, что Аѳиняне прислали вЪ ЛесвосЪ флотЪ для предупрежденія или наказанія сего оскорбленія. Сосѣдственные города, исключая МеѳимнЪ, тщетно вооружились за своихЪ союзниковЪ. Аѳиняне покорили ихЪ вЪ короткое время, взяли Митилену, срыли ея стѣны, захватили корабли ея, и предали смерти главныхЪ жителей числомЪ тысячу человѣкЪ. Пощажена была только земля, принадлежащая Меѳимну; впрочемЪ островЪ раздѣленЪ на три тысячи участковЪ, изЪ коихЪ три ста посвящены богослуженію, другіе по жеребью розданы АѳинянамЪ, кои, не могши сами ихЪ воздѣлывать, отдавали на откупЪ прежнимЪ владѣльцамЪ, получая сЪ нихЪ по двѣ мины за участокЪ; что ежегодно приносило новымЪ помѣщикамЪ девяносто талантовЪ.

Послѣ сей несчастной эпохи, Митилена, вознаградивЪ потери свои и вновь воздвигнувЪ стѣны, достигла той же степени великолѣпія, вЪ какомЪ была прежде многіе вѣки. Пространство ея окружности, красо-

та зданій, число и богатство жителей, заставляютЪ почитать ее столицею Лесвоса. Древній городЪ, построенный на небольшомЪ островѣ, отдѣляется отЪ новаго рукавомЪ моря. Сей послѣдній протягается вдоль берега по равнинѣ, окруженной холмами, кои покрыты виноградными и оливковыми садами, и за коими простирается весьма плодоносная и многолюдная земля. Но сколь ни выгодно кажется положеніе Митилены, бываютЪ однакожЪ вѣтры, которые обитаніе вЪономЪ дѣлаютЪ иногда несноснымЪ. Вѣтры полуденные и сѣверозападные производятЪ тамЪ различныя болѣзни; а сѣверный вѣтрЪ, который исцѣляетЪ ихЪ, столь холоденЪ, что когда онЪ подуетЪ, то сЪ трудомЪ можно быть на площадяхЪ и на улицахЪ. Торговля привлекаетЪ множество иностранныхЪ кораблей вЪ ея пристани, изЪ коихЪ одна находится на сѣверЪ, а другая на полдень отЪ города. Первая будучи больше и глубже другой, защищается отЪ ярости вѣтровЪ и волнЪ плотиною или насыпью огромной величины каменьевЪ.

ЛесвосЪ есть обиталище веселостей, или паче самаго необузданнаго своевольства. Жители имѣютЪ о нравственности такія поня-

тія, которыя изгибаются по волѣ, и принаравливаются къ обстоятельствамъ съ тою же удобностію, какъ и извѣстныя свинцовыя линейки (*), употребляемыя ихъ архитекторами. Въ продолженіе моихъ путешествій, ничто меня столько не удивило, какъ подобное распутство и скоропреходныя перемѣны, въ душѣ моей онымъ произведенныя. Я принялъ, безъ разбору, впечатлѣнія младенчества; и мой разумъ, примѣромъ и довѣренностію къ разуму другихъ образованный, вдругъ сдѣлался чуждъ между народомъ просвѣщеннѣйшимъ. Въ семъ новомъ свѣтѣ царствовала вольность мыслей и чувствованій, которая сперьва опечалила меня; но нечувствительно мущины научили меня стыдиться моей трезвости, а женщины, моего воздержанія. Я не такъ скоро успѣвалъ въ вѣжливости обхожденія и слова: я подобенъ былъ дереву, изъ дикаго лѣсу въ садъ перенесенному, коего вѣтви не вдругъ, а постепенно и медлѣнно изгибаться могутъ по волѣ садовника.

(*) Сіи линейки употреблялись для измѣренія всякаго рода плоскихъ и кривыхъ поверхностей.

Въ продолженіе сего моего, такъ сказать, воспитанія, занимался я знаменитыми особами Лесвоса. Между именами славными помѣщу я во первыхъ имя Питтака, коего включила Греція въ число мудрецовъ своихъ.

Питтакъ.

Съ лишкомъ два вѣка, протекшіе по смерти его, присовокупили новое сіяніе къ его славѣ. Мужествомъ и благоразуміемъ своимъ избавилъ онъ Митилену, свое отечество, отъ тирановъ, кои угнетали ее; отъ войны, кою вела она противъ Аѳинянъ, и отъ внутреннихъ раздоровъ, коими была раздираема. Власть надъ нею самою и надъ всемъ островомъ, принялъ онъ единственно для того, чтобъ возстановить тишину въ нѣдрахъ ея, и дать ей нужные законы. Между прочими законъ, налагающій сугубое наказаніе за преступленія, въ пьянствѣ содѣянныя, обратилъ на себя вниманіе мудрыхъ. Оный былъ, по видимому, несоразмѣренъ проступку, но необходимо нуженъ для отнятія предлога къ извиненію тѣхъ излишествъ, въ каковыя страсть къ вину повергала Лесвійцевъ. Издавъ законы, вознамѣрился онъ посвятить остатокъ дней своихъ ученію мудрости, и безъ тщеславія сложилъ съ себя верховную власть. Будучи вопрошенъ о причинѣ сего, онъ отвѣт-

ствовалъ: „я ужаснулся, услыша, что Пе„ріандъ Коринѳскій сдѣлался тираномъ сво„ихъ подданныхъ, бывъ прежде отцемъ ихъ; „весьма трудно быть всегда добродѣтель„нымъ.„

Музыка и Поэзія доведены до такого степени совершенства въ Лесвосѣ, что, хотя языкъ тамъ и не такъ чистъ, какъ въ Аѳинахъ, Греки говорятъ однакожъ единогласно, что при погребеніяхъ Лесвіянъ, сѣтующія Музы наполняютъ воздухъ стенаніями своими. На семъ островѣ есть училище для музыки, основаніе которой относится къ самымъ отдаленнымъ вѣкамъ, естьли вѣрить преданію, о коемъ узналъ я въ Меѳимнѣ. Нѣкоторымъ образомъ стыжусь повѣствовать объ ономъ. Однако, чтобъ лучше познать Грековъ, не безполезно обратить иногда вниманіе и на вымыслы, коими лѣтописи ихъ украшены или искажены. Въ самомъ дѣлѣ, мы находимъ въ исторіи сего народа свойство страстей его, а въ басняхъ качество ума его.

Когда Орфей, коего пѣніе толико чудесъ производило, былъ растерзанъ Вакханками, то голова и лира брошенныя въ рѣку Эвръ во Ѳракіи, пренесены были морскими

волнами даже до береговъ Меѳимна. Во время пути, голосъ Орфеевъ раздавался въ трогательныхъ звукахъ, сопровождаемыхъ лирою, до струнъ коея вѣтръ тихо касался. Жители Меѳимна погребли сїю голову въ одномъ мѣстѣ, которое мнѣ показали, а лиру повѣсили въ храмѣ Аполлона. Чтобъ ихъ за то наградить, богъ сей внушилъ имъ вкусъ къ музыкѣ, и открылъ въ нихъ множество дарованїй. Между тѣмъ, какъ жрецъ Аполлоновъ намъ разсказывалъ о семъ, одинъ Меѳимнскїй гражданинъ, прибавилъ, что музы погребли тѣло Орфеево въ извѣстной странѣ Ѳракїи, и что въ окрестности гробницы его, соловьи поютъ прїятнѣе, нежели въ другихъ мѣстахъ.

Лесвосъ произвелъ въ разныя времена великихъ дарованїями мужей, кои передавали одинъ другому честь, чтобъ превосходить прочихъ искусниковъ Грецїи въ игранїи на арѣ. Имена Арїона Меѳимнскаго и Терпандра Антисскаго украшаютъ сїю многочисленную роспись.

Арїонъ. Первый, жившїй почти за три сталѣтъ, оставилъ собранїе разныхъ стихотворенїй, которыя пѣлъ онъ, наигрывая на лирѣ своей, по примѣру всѣхъ того времени стихотворцевъ. Онъ изобрѣлъ, или по край-

ней мѣрѣ, привелъ въ совершенство Дифирамвы, родъ стихотворенія, о которомъ буду говорить ниже; присоединилъ къ онымъ хороводную пляску, что сохранилось даже до временъ нашихъ. Періандръ, тираннъ Коринѳскій, удерживалъ его долго при себѣ; онъ поѣхалъ отъ него въ Сицилію, гдѣ одержалъ верьхъ въ музыкѣ, и получилъ награду.

Когда онъ въ Тарентѣ сѣлъ на корабль Коринѳскій, то корабельщики уговорились бросить его въ морѣ, чтобъ воспользоваться имуществомъ его. Аріонъ самъ бросился въ оное, по тщетномъ покушеніи отвратить ихъ отъ того пріятностію своего голоса. Дельфинъ, чувствительнѣе будучи, перенесъ его, сказываютъ, на хребтѣ своемъ къ мысу Тенарскому: возможность сего дива старались доказывать мнѣ причинами и примѣрами. Оное происшествіе, засвидѣтельствованное Аріономъ въ одной изъ его пѣсней, Лесвіанами въ преданіяхъ сохраненное, было мнѣ подтверждено въ Коринѳѣ, гдѣ говорятъ, что Періандръ приказалъ умертвить тѣхъ корабельщиковъ.

Я видѣлъ самъ въ Тенарѣ, на Геликонѣ и въ другихъ мѣстахъ истуканы, представ-

ляющіе сего стихотворца всегда на дельфинѣ. Прибавимъ, что дельфины не только кажутся любящими музыку, способными къ благодарности, друзьями человѣку, но и возобновляли неоднократно трогательное явленіе, о каковомъ я говорю. Они спасли отъ потопленія Тару, основателя Тарента; и Аристотелъ далъ мнѣ однажды замѣтить, что жители сего города ознаменовали оное происшествіе на монетѣ своей.

Терпандръ. Терпандръ жилъ почти въ одно время съ Аріономъ. Онъ неоднократно одерживалъ верьхъ на общенародныхъ Греческихъ играхъ; но истинныя побѣды его состояли въ его изобрѣтеніяхъ. Онъ прибавилъ три струны на Лирѣ, на коей прежде было ихъ только четыре; для разныхъ мусикійскихъ орудій сочинилъ пѣсни, которыя служили другимъ образцами; ввелъ новыя риѳмы въ стихотворство, и учредилъ дѣйствіе лицъ и тѣмъ самымъ сдѣлалъ занимательными имны, кои способствовали преимуществу музыки. Ему обязаны тѣмъ, что онъ опредѣлилъ извѣстными знаками голосъ, который приличествовалъ въ пѣніи стихотвореніямъ Омировымъ. Лакедемоняне назвали его по превосходству пѣвцомъ Лесвійскимъ, а про-

чїе Греки сохраняютъ къ нему то глубокое почтенїе, какое отдаютъ они дарованїямъ, оживотворяющимъ забавы ихъ.

Алкей и Сафо.

Около пятидесяти лѣтъ послѣ Терпандра, прославились въ Митиленѣ Алкей и Сафо, оба въ числѣ первыхъ Лирическихъ стихотворцевъ поставляемые. Алкей былъ безпокойнаго и сварливаго духа. По видимому, сперьва онъ опредѣлялъ себя къ военному ремеслу, которое предпочиталъ всѣмъ прочимъ. Домъ его наполненъ былъ мечами, шлемами, щитами, панцырями; но при первомъ случаѣ, обратился онъ въ постыдное бѣгство; и Аѳиняне, по одержанїи побѣды, покрыли его безчестїемъ, повѣсивъ оружїе его въ Минервиномъ храмѣ въ Сигеѣ. Онъ всенародно изъявлялъ любовь къ вольности, и былъ подозрѣваемъ, что втайнѣ желалъ истребить оную. Онъ присоединился съ братьями своими къ Питтаку, для изгнанїя Меланхра, тирана Митиленскаго; а послѣ къ недовольнымъ, и возсталъ противъ правленїя Питтакова. Неистовая грубость ругательствъ, произнесенныхъ на сего государя, доказала только его зависть. Онъ изгнанъ былъ изъ Митилены; чрезъ нѣсколько времени возвратился потомъ, предводительствуя другими изгнанниками,

и попался въ руки своему сопернику, который отмстилъ ему неиначе, какъ великодушнымъ прощенїемъ.

Стихотворство, любовь и вино утѣшали его въ несчастїи. Въ первыхъ своихъ сочиненїяхъ изъявилъ онъ ненависть свою противъ тиранїи: воспѣвалъ потомъ боговъ, а особливо боговъ надъ чувственными удовольствїями; пѣлъ любовныя свои похожденїя, военные подвиги свои, путешествїя и бѣды изгнанїя своего. Даръ его, къ возбужденїю своему, имѣлъ нужду въ невоздержности; и въ семъ то родѣ пьянства писалъ онъ сочиненїя, составившїя предметъ удивленїя для потомства. Слогъ его, всегда соотвѣтственный вещамъ предлагаемымъ, не имѣлъ иныхъ недостатковъ кромѣ недостатка въ языкѣ, какимъ говорили въ Лесвосѣ. Онъ соединяетъ прїятность съ силою, обилїе съ краткостїю и яcностїю. Онъ также высокъ, какъ Омиръ, когда описываетъ сраженїя, или устрашаетъ тирана.

Алкей восчувствовалъ любовь къ Сафѣ. Онъ написалъ къ ней нѣкогда: „Я хотѣлъ „бы изъясниться, но стыдъ меня удерживаетъ. Чело твое не боялось бы стыда,

„она ему отвѣтствовала, естьли бы твое „сердце не было виновно.„

Сафо говаривала: „я получила въ удѣлъ „себѣ любовь къ забавамъ и къ добродѣте- „ли; безъ оной нѣтъ ничего опаснѣе, какъ „богатство; и благополучіе состоитъ въ „соединеніи одной съ другимъ.„

Она же говаривала: „одинъ отличается „пріятностію вида, другой своими добродѣ- „телями; тотъ кажется прекраснымъ при „первомъ взглядѣ, а другой и при второмъ „взглядѣ цѣны своей не теряетъ.„

Я, говоря нѣкогда съ однимъ Митиленскимъ гражданиномъ о сихъ и подобныхъ изреченіяхъ, примолвилъ: образъ Сафы находится на монетахъ вашихъ: вы имѣете великое почтеніе къ ея памяти. Какъ согласить чувствованія, обрѣтаемыя въ ея твореніяхъ, и почести, всенародно вами ей воздаваемыя, съ позорными нравами, какіе втайнѣ ей приписываются? Онъ мнѣ отвѣтствовалъ: намъ недовольно извѣстны подробности жизни ея, а по тому и судить о нихъ не можемъ. Сказать тебѣ правду, не льзя ничего заключить въ ея пользу изъ того, что она отдаетъ справедливость добродѣтели, а мы ея дарованіямъ. Читая нѣкоторыя изъ ея

сочиненій, не смѣю извинить ее; но вспомнивъ, что она имѣла достоинства и враговъ, осудить ее не смѣю.

По смерти мужа своего, посвятила она себя словеснымъ наукамъ, къ которымъ захотѣла внушить вкусъ и прочимъ Лесвіанкамъ. Многія изъ нихъ поручили себя въ ея управленіе; иностранки увеличили число учениць ея. Она любила ихъ безмѣрно, ибо не могла ничего любить иначе; изъясняла имъ нѣжность свою со всею стремительностію страсти. Ты не будешь сему дивиться, когда познаешь безпредѣльную чувствительность Грековъ; когда узнаешь, что между ими самыя невинныя связи часто заимствуютъ языкъ свой отъ любви. Прочитай разговоры Платоновы, и ты увидишь, въ какихъ выраженіяхъ говоритъ Сократъ о красотѣ своихъ воспитанниковъ. Однакожъ Платонъ всѣхъ лучше вѣдаетъ, сколь чисты были намѣренія его учителя. Сафо была, можетъ быть столькожъ безвинна; но нѣкоторое послабленіе во нравахъ, жаръ выраженій ея, весьма много послужить могли орудіемъ ненависти нѣкоторыхъ знатныхъ госпожъ, превосходствомъ ея униженныхъ, и нѣкоторыхъ изъ ея учениць, не бывшихъ предме-

томъ ея предпочтенія. Ненависть сія учинилась явною. Сафо отвѣчала на клеветы истинами и насмѣшками, которыя еще болѣе раздражили гонительницъ ея; она принесла на нихъ потомъ жалобу, и сіе вмѣнилось въ новое преступленіе. Принуждена будучи искать убѣжища внѣ отечества своего, удалилась въ Сицилію, гдѣ намѣреваются, какъ я слышалъ, поставить ей истуканъ. Хотя слухи, о которыхъ ты мнѣ говоришь, суть неосновательны , какъ я и думаю, но ея примѣръ доказалъ, что довольно единой неосторожности къ помраченію славы такой особы, которая обратила на себя взоры современниковъ и потомства.

Сафо была крайне чувствительна. — Итакъ была она крайне несчастлива, сказалъ я ему. — Безъ сомнѣнія, отвѣчалъ онъ. Полюбила она Фаона, который оставилъ ее. Она тщетно старалась возвратить любовь его, и отчаявшись быть счастливою съ нимъ и безъ него, рѣшилась броситься съ Левкадской скалы и въ волнахъ погибла. Смерть еще не стерла пятна, коимъ очернено ея поведеніе и можетъ быть, прибавилъ онъ, пятно сіе никогда не сотрется: ибо зависть, ненавистница славныхъ именъ, хотя и уми-

раетъ, но оставляетъ по себѣ клевету, никогда неумирающую.

Сафо сочиняла имны, оды, элегіи и множество другихъ стиховъ, большею частію по стопосложенію ею же самою въ употребленіе введенному: всѣ ея творенія исполнены удачныхъ выраженій, коими она языкъ обогатила.

Многія греческія жены съ успѣхомъ упражнялись въ стихотворствѣ, но ниодна доселѣ не могла сравняться съ Сафою; да и между прочими піитами находится весьма мало такихъ, кои заслуживаютъ преимущество. Какая внимательность въ выборѣ предметовъ и словъ! Она изображала все, что природа ни представляетъ веселаго: изображала то самыми подборными красками; и краски сіи умѣла, въ случаѣ нужды, отличать такъ, что изъ сего происходило всегда удачное смѣшеніе тѣней и свѣта. Ея вкусъ блисталъ даже въ составѣ слога. Въ немъ, по нѣкоему искуству, ни малаго усилія не показывающему, нѣтъ ни трудныхъ стеченій въ словахъ, ни натяжныхъ соединеній частей рѣчи; самое нѣжное ухо едва ли найдетъ въ цѣломъ сочиненіи нѣкоторые звуки, коихъ бы оно не хотѣло

слышать. Отъ сего восхитительнаго согласія происходитъ то, что во всѣхъ почти твореніяхъ ея, стихи текутъ съ большею пріятностію и сладостію, нежели стихи Анакреоновы и Симонидовы.

Но какою силою дара насъ увлекаетъ она, когда описываетъ прелести, восторги и упоеніе любви! какія картины! какой жаръ! Будучи вдохновенна, какъ Пиѳія, божествомъ, ее оживотворяющимъ, мещетъ она на бумагу пламенныя выраженія. Чувствованія ея упадаютъ на нее, наподобіе града стрѣлъ, наподобіе огненнаго дождя, все попалить стремящагося. Всѣ признаки страсти сей одушевляются и лицеобразуются, для произведенія самыхъ сильныхъ движеній въ душахъ нашихъ.

Сіе слабое изображеніе Сафиныхъ дарованій начерталъ я въ Митиленѣ, слѣдуя сужденію многихъ просвѣщенныхъ особъ. Тамъ-то, въ безмолвномъ размышленіи, въ одну изъ прекрасныхъ ночей толь обыкновенныхъ въ Греціи, услышалъ я подъ моими окнами трогательный голосъ, сопровождаемый лирою, поющій стихи, въ которыхъ сія знаменитая Лесвіанка предавалась совершенно впечатлѣнію, производимому красотою въ ея

безмѣрно чувствительномъ сердцѣ. Я видѣлъ ее слабу, трепещущу, пораженну какъ бы громовымъ ударомъ, отъявшимъ у нея употребленіе разума и чувствъ, краснѣющу, блѣднѣющу, едва дышащу, и уступающу попеременно различнымъ и мятежнымъ движеніямъ страсти своей, или паче движеніямъ всѣхъ страстей, въ душѣ ея сражавшихся.

Таково-то есть витійство чувствованія. Оно тогда только производитъ толь высокія и толь поразительныя изображенія, когда избираетъ и соединяетъ вмѣстѣ главныя обстоятельства какого нибудь занимательнаго положенія; и вотъ какое дѣйствіе производитъ оно въ сей краткой пѣсни, изъ коей я приведу здѣсь только первыя строфы.

Кто часто близь тебя бываетъ
И видитъ блескъ твоихъ заразъ,
Улыбкой нѣжной взоръ питаетъ
И твой сладчайшій внемлетъ гласъ,
Тотъ равенъ въ счастіи съ богами —
Какъ предъ небесными красами
Возможно мнѣ спокойной быть?
Ихъ сильной власти не любить? —
Какъ зрю тебя, языкъ нѣмѣетъ
И рѣчи гибнутъ во устахъ:
Вся кровь и сердце пламенѣетъ,
И меркнетъ свѣтъ въ моихъ очахъ:
Звукъ нѣкій странный, непонятный

Колеблетъ и смущаетъ слухъ:
Съ восторгами любви пріятный
Я трепетъ ощущаю вдругъ:
Томлюсь . . . блѣднѣю . . . . воздыхаю,
И въ нѣжныхъ вздохахъ умираю.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Отъѣздъ изъ Митилены. Описаніе Еввеи. Халкидъ. Прибытіе въ Ѳивы.

На другой день сказано намъ, чтобъ мы поспѣшили отправиться въ путь. Ужѐ ладія привязана была къ кораблю, и оба руля по сторонамъ кормы, мачта поставлена, райна поднята, парусъ развернутъ: все было готово. Двадцать гребцовъ, по десяти на каждой сторонѣ, ужѐ на веслахъ держали руки. Мы съ сожалѣніемъ оставили Митилену. Выходя изъ пристани, пловцы пѣли богамъ имны, и велегласно возсылали моленія о дарованіи благопріятнаго вѣтра.

Поровнявшись съ Малейскимъ мысомъ, лежащимъ на полуденномъ краю острова, распустили мы парусъ. Гребцы употребили новыя усилія; мы летѣли на поверхности

водъ. Корабль нашъ, сострoенный изъ сосноваго лѣсу, былъ изъ числа таковыхъ, кои преплываютъ въ лѣтнiй день около семидесяти, а въ ночь близь шестидесяти тысячъ оргiй. Такiе корабли иногда въ одни сутки проходятъ изъ странъ самыхъ холодныхъ въ самыя жарчайшiя, т. е. изъ озера Меотидскаго въ Еѳiопiю.

Плаванiе наше было благополучно и безъ всякихъ приключенiй. Шатры наши раскинуты были подлѣ шатра корабельщика, который назывался Фанесомъ. То съ удовольствiемъ слушалъ я повѣствованiе о путешествiяхъ его; то опять принимался за Омира и находилъ въ немъ новыя красоты; ибо въ тѣхъ только мѣстахъ, гдѣ онъ сочинялъ, и можно судить о точности его описанiй и объ истиннѣ его красокъ. Я веселился, сравнивая картины его съ самою природою, и подлинникъ не унижалъ списка.

Между тѣмъ мы начали усматривать вершину горы, именуемой Оха, которая выше всѣхъ горъ Еввейскихъ. Чѣмъ далѣе подавались мы впередъ, тѣмъ протяженнѣе казался мнѣ островъ отъ полудня къ сѣверу. Онъ простирается , сказалъ мнѣ Фанесъ,

вдоль Аттики, Віотіи, Локриды и нѣкоторой части Ѳессаліи: но ширина не соотвѣтствуетъ длинѣ его. Земля тамъ плодоносна, производитъ много хлѣба, вина, масла и плодовъ: производитъ также мѣдь и желѣзо. Наши ремесленники весьма искусны въ обдѣлываніи сихъ металловъ; и мы хвалимся тѣмъ, что изобрѣли употребленіе перваго. У насъ есть во многихъ мѣстахъ цѣлебныя воды, въ различныхъ болѣзняхъ употребляемыя. Съ сими однакожъ выгодами равняются несчастія отъ землетрясеній, которыя поглощали иногда цѣлые города, и изливали море на берега, прежде жителями населенные.

Превосходныя пристани, богатые города, надежныя крѣпости, обильныя жатвы, которыя часто снабжаютъ Аѳины; все сіе, включая и положеніе острова, заставляетъ думать, что естьли бы онъ попался въ руки какому нибудь самодержавному государю, то удобно могъ бы содержать въ оковахъ своихъ народы сосѣдственные. Раздоры наши, избавляя ихъ отъ сей опасности, часто внушали имъ желаніе и доставляли способы покарять насъ; но взаимная ихъ зависть возвращала намъ свободу. Будучи паче союзники, нежели подданные Аѳинянъ, можемъ мы, пла-

тя имъ нѣкоторую дань, наслаждаться въ мирѣ законами нашими и выгодами народнаго правленїя. Мы можемъ собирать сеймы въ Халкидѣ, гдѣ разсуждаемо бываетъ о пользахъ и требованїяхъ городовъ нашихъ.

На кораблѣ было нѣсколько Еввеянъ, кои по торговымъ дѣламъ ѣздили въ Митилену, и оттуда возвращались въ свое отечество. Одинъ былъ изъ Ореи, другой изъ Кариста, третїй изъ Эретрїи. Ежели вѣтръ, говорилъ мнѣ первый, дозволитъ намъ войти съ сѣверной стороны въ протокъ, отдѣляющїй островъ отъ матерой земли, то можемъ мы пристать при первомъ городѣ, который попадется намъ влѣвѣ, т. е. при городѣ Орѣ, населенномъ почти одними Аѳинянами. Ты увидишь замокъ, неодолимый по своему положенїю и по укрѣпленїямъ, его защищающимъ. Ты увидишь землю, которая была ужѐ славна виноградницами во времена Омировы. Естьли вступить въ протокъ съ противной стороны, сказалъ мнѣ другой, то я тебя попрошу выдти въ пристани города Кариста, который будетъ у насъ вправѣ. Взоръ твой прострется на поля, покрытыя пажитями и стадами. Я поведу тебя на каменоломни горы Охи. Марморъ, оттуда извлекаемый,

есть зеленосѣроватый и усыпанный пятнами различныхъ цвѣтомъ. Онъ весьма пригоденъ на дѣланїе столповъ. Ты увидишь также нѣкїй родъ камня, изъ коего дѣлаютъ пряжу и полотно, которое въ огнѣ не только не сгараетъ, но еще болѣе очищается.

Поди въ Еретрїю, говорилъ третїй; я покажу безчисленное множество картинъ и истукановъ, ты увидишь почтеннѣйшїй памятникъ, основанїя древнихъ стѣнъ нашихъ, разрушенныхъ Персами, коимъ мы нѣкогда противиться смѣли. Столпъ, поставленный въ одномъ изъ храмовъ нашихъ, докажетъ тебѣ, что во время торжества, каждогодно отправляемаго въ честь Дїаны, мы выставили нѣкогда три тысячи пѣшихъ, шесть сотъ конныхъ воиновъ и шестьдесятъ колесницъ. Онъ превозносилъ потомъ съ такимъ жаромъ древнее могущество сего города, и ту степень, которую занимаетъ оный еще въ Грецїи, что Фанесъ почелъ уже за нужное начать похвалу Халкиду. Тотчасъ загорѣлся споръ о преимуществѣ обоихъ городовъ.

Удивясь взаимному упорству ихъ, сказалъ я Тимагену: люди сїи смѣшиваютъ владѣнїя свои съ личностями своими. Много ли видалъ ты примѣровъ подобнаго соперниче-

ства? Оно существуетъ, отвѣчалъ Тимагенъ, между народами самыми сильными, и даже между деревушками. Оно основано на природѣ, которая, чтобъ все привесть на земли въ движенїе, впечатлѣла въ наши сердца двѣ прелести, которыя суть источникомъ всѣхъ благъ и всѣхъ золъ нашихъ: одна есть любовь плотскихъ увеселенїй, стремящаяся къ сохраненїю рода нашего; другая есть любовь къ преимуществу, отъ которой происходятъ самолюбїе и несправедливость, соревнованїе и промышленность, безъ чего люди не обсѣкали бы столповъ Каристскихъ, не писали бы картинъ Еретрїйскихъ, и не насаждали бы, можетъ быть, Орейскихъ винницъ.

Тогда Халкидянинъ говорилъ своему противнику: вспомни, что васъ представляли на Ѳеатрѣ Аѳинскомъ, да и теперь еще смѣются надъ тѣмъ варварскимъ произношенїемъ, которое вы принесли съ собою изъ Елиды. А ты не забудь, сказалъ Еретрїанинъ, что на томъ же Ѳеатрѣ издѣваются гораздо обиднѣе надъ скупостїю Халкидянъ, и надъ поврежденїемъ нравовъ ихъ. Но по крайней мѣрѣ, возразилъ первый, Халкидъ есть одинъ изъ

древнѣйшихъ городовъ Грецiи: Омиръ говорилъ объ немъ. Онъ говоритъ на томъ же мѣстѣ и объ Еретрiи, отвѣчалъ другiй. — Мы гордимся поселенiями, какiя учредили нѣкогда во Ѳракiи, Италiи и Сицилiи. -- А мы своими поселенiями близъ горы Аѳонской. -- Наши отцы стенали нѣкоторое время подъ жестокою властiю богатыхъ, потомъ подъ властiю Тирана, именемъ Фокса; но имѣли столько мужества, что свергли съ себя оную, и учредили народное правленiе. -- И наши отцы таковое же правленiе установили на мѣсто правленiя вельможей. -- Вамъ не надлежало бы хвалиться сею перемѣною, сказалъ Каристянинъ; ваши города никогда столько не процвѣтали, какъ подъ управленiемъ небольшаго числа гражданъ: въ то самое точно время сдѣлали вы многочисленныя переселенiя, о коихъ говорите. -- Они тѣмъ неправѣе, прервалъ ихъ рѣчь житель Ореи, что и нынѣ даже Халкидяне съ подлостiю сносятъ власть Тирана Мнесарха, а Еретрiане власть Ѳемисона. -- Не мужества недостаетъ имъ, сказалъ Тимагенъ; оба народа храбры, и всегда были таковы. Они нѣкогда, прежде вступленiя въ сраженiе, постановили условiя о битвѣ, и согласились

драться, не употребляя того оружїя, которое издалека смерть наноситъ. Сїе странное соглашенїе вырѣзано на столпѣ, который видѣлъ я въ храмѣ Дїаны Еретрїйской. Оно долженствовало пролить много крови; но долженствовало и войну окончить.

Изъ тѣхъ преимуществъ, коими вы хвалитесь, сказалъ я тогда, есть одно, о которомъ умалчиваете. Не уже ли Еввея не произвела ниединаго Мудреца, ниединаго стихотворца знаменитаго. По какому случаю сношенїя ваши съ Аѳинянами не вселили въ васъ вкуса къ свободнымъ наукамъ? Они сдѣлались неподвижны. Начальникъ корабля отдалъ приказы служителямъ. Мы поравнялись съ полуденнымъ мысомъ острова, и вошли въ проливъ, берега коего на каждой сторонѣ представляли намъ города различной величины. Мы проплыли подлѣ стѣнъ Кариста и Еретрїи, наконецъ прибыли къ Халкиду.

Сей городъ стоитъ на такомъ мѣстѣ, гдѣ при помощи двухъ мысовъ, съ одной и другой стороны въ море простирающихся, берега острова касаются почти береговъ Вїотїи. Сїе небольшое разстоянїе, называемое Еврипомъ, частїю загружено плотиною;

Тимагенъ вспомнилъ, что въ молодости своей видѣлъ онъ, какъ ее дѣлали. По обѣимъ концамъ оной, поставлено по башнѣ для ея защищенія, а между ими находится подъемный мостъ для пропуску кораблей. Тамъ бываетъ чувствительнѣйшимъ образомъ видимо такое природы явленіе, коего причины никто еще проникнуть не могъ. Многажды, днемъ и ночью, воды морскія стремятся попеременно то къ сѣверу то къ полудню, и занимаютъ столько же времени для возвышенія, сколько и для низпаденія своего. Въ извѣстные дни приливъ и отливъ, кажется, подверженъ постояннымъ законамъ, такъ какъ и въ Океанѣ. Но тотчасъ не слѣдуетъ никакому правилу, и вы видите, что теченіе воды поминутно перемѣняетъ свое направленіе.

Халкидъ построенъ на скатѣ одной горы того же имени. Сколь ни велика окружность его, но есть намѣреніе еще распространить оную. Великія дерева, на площадяхъ и въ садахъ возвышающіяся, защищаютъ жителей отъ солнечнаго зноя; и одинъ изобильный потокъ, Ареѳузинымъ источникомъ называемый, удовлетворяетъ ихъ нуждамъ. Городъ украшенъ ѳеатромъ, гимназіями, переходами, храмами, истуканами и жи-

вописью. Его выгодное положенїе, мѣдные заводы, кряжъ земли, рѣкою Лелантомъ орошаемый, и покрытый маслинами, привлекаютъ въ его пристань корабли торгующихъ народовъ. Жители его непросвѣщенны, и любопытны до крайности: они гостепрїимны къ чужестранцамъ; и хотя ревнительны къ своей вольности, однако удобно сносятъ рабство.

Мы ночевали въ Халкидѣ, а на другой день при самомъ разсвѣтѣ, прибыли въ Авлисъ, на противоположномъ берегу находящееся мѣстечко, близь коего въ пространномъ заливѣ фл[illegible]ъ Агамемноновъ былъ долгое время задержанъ противными вѣтрами.

Изъ Авлиса, проѣхавъ чрезъ Салганею, достигли мы до Анѳедона, дорогою довольно ровною, проложенною отъ части по морскому берегу, а отъ части по пригорку, деревами покрытому, изъ коего выходитъ множество источниковъ. Анѳедонъ есть небольшой городокъ, заключающїй въ себѣ площадь обсаженную прекрасными деревами, и окруженную крытыми переходами. Большая часть жителей упражняются единственно въ рыбной ловлѣ. Иные воздѣлываютъ малое коли-

чество земли, которая производитъ много вина, а хлѣба очень мало.

Мы проѣхали семьдесятъ стадій: до Ѳивъ оставалось намъ не болѣе ста шестидесяти.

Какъ мы ѣхали въ коляскѣ, то и избрали удольную дорогу, хотя была она далѣе и излучистѣе. Вскорѣ прибыли мы къ сему великому городу. При воззрѣніи на крѣпость, кою издалека мы примѣтили, Тимагенъ не могъ удержать рыданій своихъ. Надежда и страхъ изображались попеременно на лицѣ его. Вотъ мое отечество, говорилъ онъ; вотъ гдѣ оставилъ я отца, мать, которые любили меня весьма нѣжно. Не ласкаюсь надеждою увидѣться съ ними. Но у меня были братъ и сестра: уже ли смерть и ихъ не пощадила? Сіи размышленія, коими непрестанно мы занималися, раздирали его и мою душу. Ахъ! колико онъ трогалъ меня въ сію минуту! Послѣ того, колико жалокъ показался онъ мнѣ! Мы вступили въ Ѳивы, и первое извѣстіе вонзило кинжалъ въ грудь моего друга. Болѣзнованіе о его отсутствіи низвергло во гробъ родителей его; братъ погибъ на сраженіи: сестра была въ замужствѣ въ Аѳинахъ; уже нѣтъ ея; она оста-

тила только сына и дочь. Скорбь его была безмѣрна; но знаки вниманія и нѣжности, которые оказывали ему граждане всѣхъ состояній, нѣкоторые дальніе родственники, и особливо Эпаминондъ, облегчили печаль его, и вознаградили, нѣкоторымъ образомъ, его потерю.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Пребываніе въ Ѳивахъ. Эпаминондъ. Филиппъ Македонскій.

Въ описаніи втораго моего путешествія въ Віотію буду я говорить о городѣ Ѳивахъ и о нравахъ Ѳивянъ. Въ первую мою тамъ бытность я занимался только Эпаминондомъ.

Меня представилъ ему Тимагенъ. Эпаминондъ столько зналъ мудраго Анахарсиса, что имя мое его поразило. Съ прискорбіемъ услышалъ онъ о причинахъ, въ Грецію меня привлекшихъ: на нѣкоторые вопросы его о Скиѳахъ, я изъ великаго къ нему почтенія и удивленія, не зналъ, какъ отвѣтствовать. Онъ примѣтивъ сіе, обратилъ разго-

воръ на походъ младшаго Кира, и на отступленіе десяти тысячъ Греческаго войска. Просилъ насъ, чтобъ мы его чаще посѣщали; и мы видѣлись съ нимъ каждый день. Бывали при бесѣдахъ его съ самыми просвѣщенными Ѳивянами, съ самыми искусными военными чиновниками. Хотя разумъ его обогащенъ всѣми познаніями, но онъ любилъ больше слушать, нежели говорить. Его разсужденія были всегда справедливы и глубокомысленны. Въ случаяхъ чрезвычайныхъ, гдѣ надлежало ему защищать себя, отвѣты его были скоры, сильны и кратки. Весьма занимали его такіе разговоры, которые касались до предметовъ любомудрія и политики.

Съ удовольствіемъ и купно съ гордостію воспоминаю я о томъ, что имѣлъ дружеское обращеніе съ величайшимъ, можетъ быть, человѣкомъ изъ всей Греціи. И для чего не придать сего наименованія военачальнику, который въ совершенство привелъ искусство воинское, который помрачилъ славу знаменитѣйшихъ полководцевъ, и никѣмъ кромѣ непріятельскаго счастія побѣжденъ не былъ; человѣку государственному, который Ѳивянамъ доставилъ превосходство, коего

они никогда не имѣли, и кое потеряли по смерти его; совѣщателю, который на сеймахъ всегда бралъ верхъ надъ другими посланниками Греціи, и который умѣлъ удержать въ союзѣ съ Ѳивами, отечествомъ своимъ, народы, завиствующіе приращенію сея новыя державы; тому, который былъ столько же краснорѣчивъ, какъ и большая часть Аѳинскихъ ораторовъ, столько же преданъ своему отечеству, какъ Леонидъ, и справедливѣе, можетъ статься, самаго Аристида?

Точное изображеніе разума и сердца его было бы единственною и достойною его похвалою; но кто можетъ изъяснить то высокое любомудріе, которое управляло его дѣйствіями; тотъ умъ, познаніями толико блистательный, въ изобрѣтеніи средствъ толико обильный; тѣ начинанія, съ таковымъ благоразуміемъ разположенныя, и съ таковою скоростію исполненныя? Какъ представить ту непоколебимость духа, ту непорочность нравовъ, то величіе въ обращеніи и поступкахъ, его внимательную почтительность къ истиннѣ въ дѣлахъ даже маловажныхъ, кротость его, благость, терпѣніе, съ каковымъ сносилъ онъ несправедли-

вости отъ народа и отъ нѣкоторыхъ друзей своихъ?

При описанїи жизни, въ продолженїе коей частный человѣкъ не меньше былъ удивителенъ, какъ и человѣкъ государственный, довольно упомянуть о нѣкоторыхъ только случаяхъ, кои могли бы обьяснить качества того и другаго. Я уже сказалъ о главныхъ подвигахъ его въ первой главѣ сей книги.

Домъ его былъ не столько убѣжищемъ, сколько святилищемъ нищеты. Она царствовала въ немъ съ чистою радостїю непорочности, съ неизмѣняемою тишиною благополучїя, посредѣ другихъ добродѣтелей, которымъ сообщала она новыя силы, и которыя озаряли ее блескомъ своимъ. Она царствовала въ немъ съ такимъ отверженїемъ всего, что трудно повѣрить. Готовясь къ нападенїю на Пелопонисъ, Эпаминондъ принужденъ былъ самъ работать надъ путевымъ своимъ снарядомъ. Онъ занялъ пятьдесятъ драхмъ почти въ то самое время, какъ отринулъ съ негодованїемъ пятьдесятъ златницъ, однимъ Ѳессалїйскимъ государемъ ему предложенныхъ. Нѣкоторые Ѳивяне тщетно покушались раздѣлить съ нимъ имѣнїе свое; но Эпаминондъ

убѣждалъ ихъ дѣлить съ нимъ честь, помогая несчастнымъ.

Мы нашли его однажды со многими друзьями, нарочно имъ созванными. Онъ говорилъ имъ: „У Сфодрïа есть дочь въ та„комъ возрастѣ, что пора ей выдти за „мужъ. Онъ такъ бѣденъ, что не можетъ „дать за нею приданаго. На каждаго изъ „васъ возложилъ я нѣкоторое пособïе по ва„шей возможности. Мнѣ надобно на нѣсколь„ко дней остаться дома; а при перьвомъ „моемъ выходѣ представлю вамъ сего че„стнаго гражданина. Справедливость тре„буетъ, чтобъ онъ получилъ сïе благодѣя„нïе отъ васъ, и чтобъ зналъ виновниковъ „онаго.„ Всѣ одобрили сïе распоряженïе, и оставили его, благодаря за такую довѣренность. Тимагенъ, безпокоясь съ какимъ намѣренïемъ хочетъ онъ уединиться, спросилъ у него тому причины. Эпаминондъ просто отвѣчалъ: “ Мнѣ надобно отдать епанчу „мою вымыть.“ Въ самомъ дѣлѣ, у него и была одна только епанча.

Вскорѣ потомъ вошелъ Микиѳъ, человѣкъ молодой, коего онъ отмѣнно любилъ. „ „Дïомедонъ изъ Кизика находится здѣсь, „сказалъ Микиѳъ:„ онъ просилъ меня, чтобъ

„я его привелъ къ тебѣ. Царь Персидскій „поручилъ ему сдѣлать тебѣ нѣкоторыя „предложенія и доставить знатную сумму де„негъ. Онъ и меня принудилъ взять пять „талантовъ. — Пусть онъ войдетъ, отвѣт„ствовалъ Эпаминондъ. Діомедонъ! выслушай „меня, сказалъ онъ ему: ежели намѣренія Ар„таксерксовы согласны съ выгодами отечества „моего, то подарки его мнѣ не нужны: естьли „же оныя не таковы, то все золото госу„дарства его не заставитъ меня нарушить „моей должности. Ты судилъ о моемъ серд„цѣ по своему: я тебѣ прощаю; но выходи, „какъ можно, скорѣе изъ сего города; опасно, „чтобы ты не подкупилъ жителей. А ты, „Микиѳъ, ежели сей же часъ не возвратишь „полученныхъ тобою денегъ, то я предамъ „тебя суду.„ Во время сего разговора, мы стояли одаль: и Микиѳъ послѣ ужѐ пересказалъ намъ о томъ.

Подобное наставленіе давалъ Эпаминондъ не однократно тѣмъ, кои его окружали. Предводительствуя войскомъ, узналъ онъ, что его оруженосецъ взялъ выкупъ за одного военоплѣннаго. „ Отдай мнѣ щитъ „мой, сказалъ ему; когда золото осквернило

„руки твои, то ты уже не способенъ по-„слѣдовать за мною въ опасностяхъ.„

Бывъ ревностный ученикъ Пиѳагора, онъ подражалъ его умѣренности. Вина совсѣмъ не употреблялъ, и часто вмѣсто всякой пищи, ѣлъ по немногу меду. Музыка, коей учился онъ у самыхъ искусныхъ учителей, иногда услаждала праздные часы его. Онъ превосходно игралъ на флейтѣ; и на пиршествахъ, куда бывалъ приглашаемъ, пѣвалъ въ свою очередь, наигрывая на своей лирѣ.

Чѣмъ обходительнѣе былъ въ дружескихъ собраніяхъ, тѣмъ строже поступалъ тамъ, гдѣ надлежало поддержать благопристойность каждаго состоянія. Одинъ человѣкъ изъ самой подлой черни и распутнѣйшій содержался въ темницѣ. "Для чего ты, „сказалъ Пелопидъ другу своему, не про-„стилъ его по прозьбѣ моей, а простилъ по „прозьбѣ женщины непотребной? — Для „того, отвѣчалъ Эпаминондъ, что не при-„личествовало такому человѣку, какъ ты, „вступаться за такого, какъ онъ."

Онъ никогда не искалъ общественныхъ должностей, и никогда отъ нихъ не отрицался. Неоднократно служилъ въ качествѣ

простаго воина подЪ начальствомЪ полководцевЪ неопытныхЪ и по одному пронырству предпочтенныхЪ ему. Не однократно полки, осажденные вЪ своемЪ станѢ и приведенные до величайшей крайности, просили его помощи. Тогда управлялЪ онЪ всѢми дѢйствїями, отражалЪ непрїятеля и спокойно отводилЪ войска свои вЪ отечество, забывая несправедливость его и не помня услуги, которую ему оказалЪ.

ОнЪ не опускалЪ ниединаго обстоятельства кЪ возбужденїю мужества вЪ народѢ своемЪ, и кЪ содѢланїю его страшнымЪ для другихЪ народовЪ. ПредЪ перьвымЪ своимЪ походомЪ вЪ ПелопонисЪ, заставилЪ нѢкоторыхЪ изЪ ѲивянЪ бороться сЪ Лакедемонцами, вЪ ѲивахЪ случившимися; перьвые одержали верьхЪ; и сЪ того времени воины его перестали бояться ЛакедемонянЪ. ОнЪ стоялЪ станомЪ вЪ Аркадїи; тогда была зима. Нарочно посланные отЪ одного сосѢдственнаго города предложили ему, чтобЪ вошелЪ вЪ оный, и тамЪ расположился. ,,НѢтЪ, сказалЪ ЭпаминондЪ своимЪ чиновни- ,,камЪ, естьли они увидятЪ насЪ у огня си- ,,дящихЪ, то почтутЪ насЪ за людей обык- ,,новенныхЪ. Мы останемся здѢсь, не смотря

„на жестокость погоды. Будучи свидѣте-
„лями нашей борьбы и ратныхъ упражненій,
„они удивятся. "

Даифантъ и Іоллидъ, два военные чиновника, заслужившіе его почтеніе, говорили нѣкогда Тимагену: ты еще больше сталъ бы удивляться ему, естьлибъ слѣдовалъ за нимъ въ походахъ его; естьлибъ ты внимательно посмотрѣлъ на его движенія, на расположеніе стана, на распоряженія предъ боемъ, на блистательное мужество его и присутствіе духа въ самомъ сраженіи; естьли бъ ты видѣлъ его всегда спокойна, единымъ взоромъ проницающа въ намѣренія неприятеля, внушающа ему пагубную безпечность, умножающа вокругъ его неизбѣжныя почти сѣти, между тѣмъ самый строгій порядокъ въ своемъ войскѣ соблюдающа, непредвидимыми средствами жаръ воиновъ своихъ возбуждающа, непрестанно занимающася сохраненіемъ ихъ, а паче сохраненіемъ ихъ чести.

Таковыми нѣжными попеченіями привлекъ онъ къ себѣ любовь ихъ. Даже бывъ изнуренъ усталостію, мучимы голодомъ, они всегда готовы исполнять его приказанія, стремиться въ опасности. Сіи пустые

страхи, толь обыкновенные въ другихъ воинствахъ, въ его воинствѣ неизвѣстны. А когда они и появятся, то единымъ словомъ умѣетъ онъ разсыпать ихъ, или обратить въ свою пользу. Мы готовились вступить въ Пелопонисъ: неприятель расположилъ станъ свой передъ нами. Между тѣмъ, какъ Эпаминондъ разсматриваетъ положенїе онаго, громовый ударъ производитъ смущенїе въ воинахъ его. Прорицатель повелѣваетъ оставить шествїе. Съ ужасомъ вопрошаютъ у предводителя, что возвѣщало бы такое предзнаменованїе? " То, что неприятель из„бралъ худое мѣсто для стана своего, " отвѣчалъ онъ увѣрительно; мужество воиновъ оживотворяется, и на другой день проложили они путь себѣ сквозь неприятеля.

Сїи два Өивскїе чиновника разсказывали еще и о другихъ случаяхъ, о которыхъ я умалчиваю. Не буду говорить также о многихъ обстоятельствахъ, которыхъ былъ я самовидцемъ; помѣщу здѣсь одно только разсужденїе. Эпаминондъ, не по любочестїю, не по тщеславїю, ниже по корыстолюбїю въ нѣсколько лѣтъ возвысилъ отечество свое на ту степень величїя, на коей мы видѣли Өивянъ.

Произвелъ онъ чудо сїе силою своихъ добродѣтелей и дарованїй: въ то же время, какъ онъ господствовалъ надъ умами съ помощїю великаго духа своего и превосходныхъ познанїй, располагалъ онъ по волѣ своей страстями другихъ, по тому что своими собственными обладать умѣлъ. Но всего болѣе ускорила успѣхи его твердость его свойства. Гордая и зависимости не терпящая душа его давно ужѐ оскорблялась властвованїемъ Лакедемона и Аѳинъ надъ Греками вообще, и въ особенности надъ Ѳивянами. Онъ всегда питалъ къ нимъ ненависть, которую и скрывалъ бы можетъ быть въ самомъ себѣ; но коль скоро отечество ввѣрило ему попеченїе отмстить за себя, разорвалъ онъ узы народовъ, и сдѣлался по должности завоевателемъ. Онъ воспрїялъ намѣренїе, колико смѣлое, толико и новое напасть на Лакедемонянъ въ самомъ средоточїи владѣнїя ихъ, и отнять у нихъ то первенство, коимъ наслаждались они чрезъ толь многїе вѣки; онъ упорно слѣдовалъ сему предначертанїю, не смотря на ихъ могущество, славу, союзниковъ, ниже на собственныхъ враговъ своихъ, кои безпокойнымъ окомъ взирали на стремительные успѣхи Ѳивянъ.

Его не удержала и противная ему въ

Ѳивахъ сторона, которая хотѣла мира потому, что Эпаминондъ хотѣлъ войны. Менеклидъ былъ начальникомъ сей крамолы. Его краснорѣчіе, достоинства его и прелесть, какую большая часть людей находитъ въ покоѣ, доставляли ему великую довѣренность въ народѣ; но твердость Эпаминондова превозмогла наконецъ сіи препятствія; и ужѐ все было готово къ походу, когда мы его оставили. Ежели бы смерть не пресѣкла дней его посреди торжества, которое лишало Лакедемонянъ всѣхъ пособій, то бы не оставилъ онъ Аѳинянъ безъ того, что бы не заплатили за побѣды, ими надъ Греками одержанныя; и обогатилъ бы, какъ онъ самъ говаривалъ, Ѳивы памятниками, Аѳинскій зȧмокъ украшающими.

Намъ часто случалось видѣть Полимниса, отца Эпаминондова. Сей почтенный старецъ не столько восхищался уваженіемъ, оказываемымъ его добродѣтелямъ, сколько почестями, сыну его опредѣляемыми. Онъ неоднократно вспоминалъ при насъ о томъ нѣжномъ чувствованіи, которое, посредѣ радостныхъ восклицаній воинства, обнаружилъ Эпаминондъ послѣ сраженія при Левктрахъ:

„Меня льстит всего болѣе то, что живы мои родители, и будут наслаждаться моею славою.„

Филипп.

Ѳивяне поручили въ присмотръ Полимнису юнаго Филиппа, брата Пердикки, царя Македонскаго. Пелопидъ, усмиривъ мятежи въ семъ государствѣ, получилъ заложниками царевича онаго и тридцать юношей изъ знаменитыхъ Македонянъ. Филиппъ, будучи около осьмнадцати лѣтъ отъ роду, соединялъ ужѐ даръ съ желанїемъ нравиться. Смотря на него, не льзя было не поражаться красотою его; не льзя не удивляться его разуму, памяти, краснорѣчїю и приятностямъ, которыя придавали толико сладости словамъ его. Употребляемыя имъ иногда шутки, впрочемъ ни мало не оскорбительныя, показывали веселый нравъ его. Былъ кротокъ, привѣтливъ, щедръ; скоро различалъ достоинство; никто лучше его не зналъ искусства и нужды плѣнять сердца. Навзиѳой Пиѳагорецъ, наставникъ его, поселилъ въ него вкусъ къ наукамъ, оставшїйся въ немъ на всю его жизнь, и преподавалъ правила воздержанїя, послѣ имъ забытыя. Лю-

бовъ къ забавамъ проявлялась иногда посредѣ толь превосходныхъ качествъ, но не возмущала дѣйствія оныхъ; и всѣ заключали предварительно, что, ежели сей юный царевичъ вступитъ когда либо на престолъ, то не будетъ затрудненъ дѣлами, ниже управляемъ забавами.

Филиппъ почти неотлучно находился при Эпаминондѣ. Онъ искалъ въ духѣ великаго человѣка таинства содѣлаться нѣкогда самому великимъ. Прилѣжно замѣчалъ слова и дѣла его; и въ семъ то превосходномъ училищѣ навыкъ онъ умѣрять себя, слушать правду, исправляться въ погрѣшностяхъ, познавать Грековъ и ихъ поработить.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Отъѣздъ изъ Ѳивъ. Прибытіе въ Аѳины. Жители Аттики.

Я уже сказалъ, что у Тимагена остались только племянникъ и племянница, въ Аѳинахъ жившіе. Племянникъ назывался Филотомъ, а племянница Эпихарисою. Она вышла за мужъ за богатаго Аѳинянина, именемъ

Аполлодора. Они пріѣхали въ Ѳивы на первыхъ дняхъ нашего туда прибытія. Тимагенъ въ сообществѣ съ ними наслаждался пріятностію и тишиною, которыхъ сердце его съ давнихъ временъ не вѣдало. Филотъ былъ однихъ лѣтъ со мною. Я началъ чувствовать къ нему привязанность; вскорѣ сдѣлался онъ моимъ путеводителемъ, товарищемъ, другомъ, самымъ нѣжнымъ и самымъ вѣрнымъ изъ друзей.

Предъ отъѣздомъ своимъ, они взяли съ насъ обѣщаніе быть къ намъ не замедля. Мы простилися съ Эпаминондомъ не безъ прискорбія, которое и онъ раздѣлялъ съ нами; прибыли въ Аѳины 16 дня мѣсяца Анѳестеріона, во вторый годъ 104 олимпіады. Въ домѣ

13 Марта 362 до Р. Х. Аполлодоровомъ нашли мы пріятство и помощь, каковыхъ должны были ожидать отъ его богатства и общей къ нему довѣренности.

На другой же день моего пріѣзда, поспѣшилъ я въ Академію; увидѣлъ Платона; потомъ пошелъ къ живописцу Эвфанору. Я былъ въ нѣкоемъ упоеніи, какое при первой минутѣ происходятъ отъ присутствія знаменитыхъ мужей, и удовольствія въ обращеніи съ ними. Напослѣдокъ устремилъ взоры

мои на городЪ, и чрезЪ нѣсколько дней удивлялся памятникамЪ его, и обтекЪ его наружности.

Аѳины раздѣляются на три части, то есть: на за́мокЪ, построенный на каменной горѣ; городЪ, имѣющїй положенїе свое около сей горы; пристани Фалерскую, Мунихїйскую и Пирейскую.

На сей—то каменной горѣ, гдѣ находится за́мокЪ, поселились первые жители АѳинЪ: тамЪ находился древнїй городЪ. Хотя оный отЪ природы неприступенЪ, кромѣ стороны югозападной, однако всюду окруженЪ стѣнами, которыя и нынѣ существуютЪ.

Новый городЪ вЪ окружности имѣетЪ шестьдесятЪ стадїй. Стѣны сЪ башнями, воздвигнутыя наскоро во время Ѳемистоклово, представляютЪ повсюду обломки столповЪ и другїе остатки зодчества, вЪ безпорядкѣ смѣшанные сЪ необразованными веществами, которыя были употреблены кЪ сооруженїю оныхЪ.

ОтЪ города идутЪ двѣ длинныя стѣны, изЪ которыхЪ одна на тридцать пять стадїй, оканчивается при Фалерской, а другая на сорокЪ стадїй, при Пирейской пристаняхЪ. Онѣ обѣ концами своими почти совсѣмЪ при-

мыкаются къ третьей, которая, въ окружности шестидесяти стадій, заключаетъ помянутыя двѣ пристани и также Мунихійскую, въ срединѣ находящуюся; и какъ, кромѣ сихъ пристаней, между тѣми тремя стѣнами находится множество домовъ, храмовъ и разнаго рода памятниковъ; то можно сказать, что окружность города имѣетъ близь двухъ сотъ стадій.

На югозападной сторонѣ, и подлѣ самаго зáмка стоитъ гора Музеумъ, отдѣляемая небольшою долиною отъ того холма, на коемъ Ареопагъ собирается. Другія многія возвышенности дѣлаютъ положеніе города весьма неравнымъ. Изъ оныхъ проистекаетъ нѣсколько небольшихъ источниковъ, кои не могутъ удовлетворять всѣмъ нуждамъ жителей. Сей недостатокъ дополняютъ они кладезями и водоемами, въ которыхъ вода приобрѣтаетъ приятную для нихъ прохладительность.

Улицы вообще непрямы. Домы по большей части малы и неудобны; да и въ великолѣпнѣйшихъ изъ оныхъ едва видны украшенія сквозь дворы, или паче вѣзды длинные и узкіе. Извнѣ, все дышетъ простотою; и чужестранецъ при перьвомъ взглядѣ ищетъ

въ Аѳинахъ сего толь знаменитаго города въ свѣтѣ; но нечувствительно возрастаетъ его удивленіе, когда внимательно разсматриваетъ тѣ храмы, тѣ переходы, тѣ народныя зданія, въ украшеніи коихъ всѣ художества, кажется, спорили между собою о славѣ.

Илиссъ и Сефизъ обтекаютъ городъ; близъ береговъ ихъ учреждены народныя гульбища. Далѣе, и въ разныхъ разстояніяхъ, пологости высокихъ горъ, покрытыя масличными деревами, лаврами или винницами, составляютъ какъ бы нѣкое огражденіе около долины, простирающейся на полдень до самаго моря.

Аттика есть родъ полуострова похожаго на треугольникъ. Береговая сторона противъ Арголиды простирается въ длину, по прямой чертѣ, на три ста пятьдесятъ семь стадій; сторона къ Віотіи на двѣсти тридцать пять, а по берегу противъ Еввеи на четыре ста шесть. Ея площадь содержитъ пятьдесятъ три тысячи двѣсти квадратныхъ стадій: я не включаю здѣсь площади острова Саламина, которая имѣетъ только двѣ тысячи девять сотъ двадцать пять квадратныхъ стадій.

Сія небольшая земля, повсюду горами и каменными скалами пресѣкаемая, сама по себѣ безплодна; посредствомъ удобренія только награждаетъ она труды земледѣльца: но законы, промышленность, торговля и удивительная чистота воздуха толико благоприятствовали размноженію народа, что нынѣ Аттика покрыта деревнями и селами, коихъ столицею есть городъ Аѳины.

Жители Аттики раздѣляются на три состоянія. Въ первомъ полагаются граждане; во второмъ чужестранцы, тамъ поселившіеся; въ третьемъ невольники.

Невольники. Невольники суть или природные Греки, или иностранцы. Первые вообще состоятъ изъ военноплѣнныхъ, впадшихъ въ руки побѣдителя, долговременнымъ сопротивленіемъ раздраженнаго; а другіе получаются изъ Ѳракіи, Фригіи, Каріи и изъ странъ, варварами обитаемыхъ.

Невольники всякаго возраста, пола и страны составляютъ знатный предметъ торговли по всей Греціи. Корыстолюбивые купцы непрестанно перевозятъ ихъ съ одного мѣста на другое, выставляютъ ихъ на площадяхъ толпами, какъ товары самые

подлые; и когда выискивается покупщикъ, то заставляютъ ихъ плясать въ кружокъ, дабы можно было судить о силахъ и проворствѣ ихъ. Цѣна имъ различна, смотря по ихъ дарованіямъ. Иные цѣнятся въ три ста, другіе въ шесть сотъ драхмъ. Но есть и такіе, кои стоятъ гораздо больше. Греки, попадающіеся въ руки морскимъ разбойникамъ, привозятся на продажу въ города Греческіе, и лишаются свободы до тѣхъ поръ, пока не будутъ въ состояніи заплатить великаго выкупа. Платонъ и Діогенъ испытали сіе несчастіе; друзья перваго выкупили его за три тысячи драхмъ, а другій остался въ неволѣ, и научилъ дѣтей господина своего быть добродѣтельными и свободными.

По всей почти Греціи число невольниковъ несравненно превосходитъ число гражданъ. Повсюду изыскиваютъ средства удержать ихъ въ зависимости. Лакедемонъ, думая строгостію принудить ихъ къ повиновенію, часто доводилъ ихъ до мятежей. Аѳины, желая кротчайшими способами учинить ихъ вѣрными, сдѣлали ихъ наглыми.

Около четырехъ сотъ тысячъ считается ихъ въ Аттикѣ. Они обработываютъ

земли, занимаются рукодѣлїями, употребляются въ рудокопняхъ и каменоломняхъ; на нихъ возложены всѣ услуги домашнїя: ибо законъ запрещаетъ давать пропитанїе невольникамъ празднымъ; а тѣ, кои, родившись въ рабскомъ состоянїи, не могутъ нести трудовъ тяжелыхъ, стараются сдѣлать себя полезными или своею расторопностїю, или дарованїями и упражненїемъ въ художествахъ. Есть заводчики, кои имѣютъ ихъ болѣе пятидесяти, и получаютъ чрезъ нихъ знатный прибытокъ. Въ иномъ мастерствѣ невольникъ приноситъ чистой прибыли сто, а въ другомъ и сто двадцать драхмъ на годъ.

Были изъ нихъ и такїе, кои заслужили себѣ свободу, сражаясь за республику, а иногда являя господамъ своимъ опыты усердїя и привязанности, которые и понынѣ за примѣръ поставляются. Естьли же не могутъ получить свободы заслугами, то покупаютъ оную деньгами, прiобрѣтенїе коихъ имъ дозволено, и кои употребляютъ они на подарки господамъ своимъ въ случаяхъ торжественныхъ, какъ то при рожденїи младенца въ домѣ, или при бракосочетанїи.

Когда они дѣйствительно провинятся, господа могутъ заключить ихъ въ оковы, осудить къ ручной мѣльницѣ; запретить имъ жениться, или отлучить отъ жены; но никакъ не должны посягать на жизнь ихъ: поступая съ ними сурово, понуждаютъ ихъ къ побѣгамъ, или по крайней мѣрѣ укрываться во храмѣ Ѳисеевомъ. Въ семъ послѣднемъ случаѣ требуютъ они, чтобъ отдали ихъ въ услуженіе господину не столь жестокому, а иногда удается имъ избыть отъ ига тиранна, во зло употреблявшаго ихъ слабость.

Такимъ образомъ законы оградили ихъ безопасностію; но естьли они расторопны, или имѣютъ пріятныя дарованія, то прибытокъ служитъ имъ лучше законовъ. Они обогащаютъ своихъ господъ; обогащаются и сами, утаевая часть платы, получаемой за труды или искуство свое. Наконецъ усугубленіемъ таковыхъ выгодъ могутъ снискивать себѣ покровителей, жить въ непомѣрной роскоши, и наглость требованій присоединять къ подлости чувствованій

Запрещено подъ весьма строгимъ наказаніемъ бить чужаго невольника; поелику всякое насиліе есть преступленіе противъ

государства; и какъ невольники по наружности не имѣютъ почти никакого отличительнаго знака (*), то безъ закона сего оскорбленіе могло бы пасть на гражданина, коего особа должна быть священна.

Невольникъ, получившій свободу, переходитъ въ состояніе не гражданъ, а обселившихся чужестранцевъ, въ которомъ съ сими сходствуетъ онъ вольностію, а съ невольниками тѣмъ малымъ уваженіемъ, коимъ они пользуются.

Чужестранцы обселившіеся.

Обселившіеся чужестранцы, числомъ около десяти тысячъ, суть тѣ, кои основали жительство свое и съ семействами въ Аттикѣ; по большей части упражняются они въ ремеслахъ, или служатъ во флотѣ; находятся подъ покровительствомъ правленія, не участвуя въономъ; свободны и независимы; полезны республикѣ, которая страшится ихъ по тому, что страшится вольности безъ любви къ отечеству; презираемы отъ народа гордаго и ревнительнаго къ отличіямъ, состоянію гражданина присвоеннымъ.

(*) Невольники принуждены были брить себѣ голову; но они покрывали ее шапкою. Одежда ихъ должна быть по колѣна; и многіе изъ гражданъ такъ же одѣвалися.

Они должны избирать себѣ между гражданами покровителя, который бы отвѣчалъ за ихъ поведенїе, и платить въ народную казну ежегодной подати по двѣнадцати драхмъ съ каждаго отца семейства, а съ дѣтей по шести драхмъ. Они лишаются имѣнїй своихъ, когда не исполнятъ перваго изъ сихъ обязательствъ, а нарушая второе, теряютъ вольность; но ежели окажутъ знатныя заслуги государству, то отъ сей подати освобождаются.

При отправленїи богослужебныхъ обрядовъ особенныя должности отличаютъ ихъ отъ гражданъ: мужчины обязаны носить часть жертвоприношенїй, а жены ихъ держатъ покровы отъ солнца надъ женами свободными. Сверьхъ того они подвержены наглости народа, и уничижительнымъ оскорбленїямъ при самомъ исполненїи тѣхъ должностей своихъ.

Иногда распублика помѣщала изъ нихъ великое множество въ состоянїе гражданъ, истощенное долговременными войнами. Но ежели они, тайными происками, войдутъ въ сїе почтенное званїе, то позволено доносить на нихъ въ судѣ, и даже продавать иногда, какъ невольниковъ.

Отпущенники, записанные въ то же состоянїе, подвержены бываютъ равной подати, равной зависимости, равному уничиженїю. Рожденные въ рабствѣ не могутъ сдѣлаться гражданами; и всякой покровитель, естьли можетъ законнымъ образомъ обличить въ неблагодарности къ себѣ отпущенника своего, властенъ тотчасъ заключить его опять въ оковы, говоря ему: будь невольникъ по тому, что ты не умѣешь быть свободнымъ.

Состоянїе обселившихся чужестранцевъ начинаетъ облегчаться. Съ нѣкотораго времени они меньше изнуряются, но не сдѣлались довольнѣе своею участїю; получивъ нѣкое уваженїе, желаютъ имѣть и отличїе, да и прискорбно быть ничѣмъ въ такомъ городѣ, гдѣ толикое множество людей чтонибудь значатъ.

Граждане.

Природный гражданинъ есть тотъ, кто произошелъ отъ отца и матери, которые сами природные граждане; а дѣти Аѳинянина, женившагося на иностранкѣ, не должны имѣть инаго состоянїя, какъ состоянїе матери своей. Законъ сей издалъ Периклъ въ такое время, когда окруженъ былъ дѣтьми, могущими продлить поколѣнїе его. Онъ заставилъ послѣдовать ему съ такою строго-

стїю, что близъ пяти тысячъ человѣкъ, исключенныхъ изъ состоянїя гражданъ, продано съ публичнаго торгу. Но самъ же нарушилъ оный, когда остался у него одинъ только сынъ, коего рожденїе объявилъ прежде незаконнымъ.

Аѳиняне усыновленные пользуются почти тѣми же правами, какъ и природные Аѳиняне. Когда еще надлежало населять Аттику, давано было званїе гражданина всѣмъ приходившимъ туда на жительство. Когдажъ она довольно была населена, то Солонъ принималъ въ число гражданъ только тѣхъ, кои переселялись въ Аттику съ семействами своими, или кои, бывъ навсегда изгнаны изъ земли своей, искали здѣсь надежнаго убѣжища. Потомъ обѣщано сїе право тѣмъ, кои окажутъ заслуги республикѣ; поелику нѣтъ ничего почтеннѣе, какъ возбудить благодарность просвѣщеннаго народа, коль скоро званїе гражданина учинилось цѣною благодѣянїя, то и сдѣлалось оно предметомъ любочестїя самыхъ государей, кои придали оному новый блескъ, когда получали, а еще большїй, когда не могли получить его. Въ почетномъ званїи семъ отказано нѣкогда Пердиккѣ, царю Македонскому, который былъ того достоинъ;

потомъ съ меньшимъ затрудненіемъ дано оное Эвагору царю Кипрскому, Діонисію царю Сиракузскому и другимъ государямъ: его весьма домогались, доколѣ Аѳиняне строго слѣдовали законамъ, которые воспрещали давать оное безъ разбору; ибо не довольно, чтобъ кто былъ усыновленъ приговоромъ народа; надлежитъ приговору сему быть подтверждену собраніемъ, гдѣ шесть тысячъ гражданъ тайно подаютъ голоса свои; и сіе двоякое избраніе можетъ быть оспорено самымъ последнимъ Аѳиняниномъ. предъ судилищемъ, которое имѣетъ право перемѣнять приговоръ самаго народа.

Сіи предосторожности въ нынѣшнія времена остались въ великомъ небреженіи; по чему и были помѣщаемы въ число гражданъ люди, унизившіе званіе сіе, а таковый примѣръ подастъ въ послѣдствіи поводъ еще къ посрамительнѣйшимъ выборамъ.

Между гражданами Аттики считается двадцать тысячъ человѣкъ годныхъ носить оружіе.

Всѣ тѣ, кои отличаются богатствомъ, породою, добродѣтелями и знаніемъ, составляютъ здѣсь, какъ почти и вездѣ, главный

отрядъ гражданъ, коихъ можно назвать *первостатейными*.

Въ число таковыхъ полагаются люди богатые для того, что несутъ они тяжести общества; люди добродѣтельные и просвѣщенные, что способствуютъ наиболѣе благосостоянїю и славѣ республики. А порода почитается для того, что она, какъ думать можно, предаетъ отъ отца къ сыну благороднѣйшїя чувствованїя и бо́льшую любовь къ отечеству.

Итакъ отдается почтенїе тѣмъ родамъ, кои мнятъ себя происшедшими или отъ боговъ, или отъ царей Аѳинскихъ, или первыхъ ироевъ Грецїи; а еще болѣе тѣмъ родамъ, коихъ начальники подали великїе примѣры добродѣтелей, занимали первыя мѣста въ судилищахъ, одержали побѣды и были увѣнчаны на играхъ народныхъ.

Нѣкоторые роды относятъ свое происхожденїе къ самымъ отдаленнымъ вѣкамъ. Болѣе тысячи лѣтъ, какъ изъ дому Эвмолпидовъ избираются жрецы Цереры Элевзинской, такъ какъ Этеовутады суть урожденные жрецы Минервины. Другїе имѣютъ не меньшїя требованїя, и для поддержанїя оныхъ сплетаютъ родословныя, которыя уничто-

жать нѣтъ великой нужды; ибо первостатейные не составляютъ особаго общества; не имѣютъ никакихъ преимуществъ на предсѣдательства. Но воспитанїе ихъ даетъ имъ право на первыя мѣста, а общенародное мнѣнїе способствуетъ къ достиженїю оныхъ.

Городъ Аѳины содержитъ въ себѣ, кромѣ невольниковъ, болѣе тридцати тысячъ жителей.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Собранїе въ Академїи.

Я уже нѣсколько дней жилъ въ Аѳинахъ; обозрѣлъ тотчасъ всѣ находящїяся тамъ рѣдкости; и когда сталъ поспокойнѣе Аполлодоръ, мой хозяинъ, предложилъ мнѣ идти опять въ Академїю.

Мы перешли часть города, называемую Керамикъ; а оттуда чрезъ Дипилонскїя ворота вступили въ поля, именуемыя Керамическими, и увидѣли вдоль по дорогѣ множество гробницъ; ибо никого погребать въ городѣ не дозволено. Большая часть граждан имѣютъ свои кладбища въ загородныхъ

домахъ своихъ, или на урочищахъ, отведенныхъ имъ внѣ градскихъ стѣнъ. Керамикъ предоставленъ для убіенныхъ на брани. Между сими гробницами, примѣтна гробница Периклова и нѣкоторыхъ другихъ Аѳинянъ, кои скончали жизнь хотя не съ оружіемъ въ рукахъ, но республика чрезъ то хотѣла, по смерти ихъ, воздать имъ самыя отличныя почести.

Академія отстоитъ отъ города только на шесть стадій. Она не иное что есть, какъ пространное мѣсто, принадлежавшее нѣкогда одному Аѳинскому гражданину, именемъ Академу. Нынѣ находится тамъ Гимназія (*) и садъ, окруженный стѣнами, украшенный крытыми и пріятными гульбищами, прохлаждаемый источниками, текущими подъ сѣнію яворовъ и многихъ инаго рода деревъ. При входѣ стоитъ жертвенникъ Любви, и истуканъ сего божества; во внутренности находятся жертвенники многихъ другихъ боговъ. Не далеко отъ туда Платонъ основалъ

(*) Гимназіею у Грековъ называлось мѣсто, гдѣ упражнялись въ борьбѣ и другихъ играхъ для пріобрѣтенія тѣлесной крѣпости и проворства.

свое жилище при небольшомъ храмѣ, который посвятилъ Музамъ: сїя частица земли ему собственно принадлежитъ. Онъ приходитъ всякой день въ Академїю. Мы его нашли тамъ посреди учениковъ его, и я почувствовалъ то глубокое почтенїе, какое внушаетъ его присутствїе.

Хотя было ему около шестидесяти осьми лѣтъ отъ роду, но еще былъ свѣжъ: онъ имѣлъ отъ природы крѣпкое сложенїе. Долговременныя путешествїя разстроили здоровье его; но онъ поправилъ его строгимъ воздержанїемъ, и въ немъ не осталось иной немощи, кромѣ привычки къ задумчивости: сїя привычка въ немъ общая съ Сократомъ, Эмпедокломъ и другими знаменитыми мужами.

Онъ имѣлъ правильныя черты лица, видъ важный, взоры исполненные кротости, чело открытое и безвласое, грудь широкую, плеча возвышенныя, благородную осанку, походку степенную и наружность скромную.

Онъ принялъ меня учтиво и притомъ просто; хвалилъ такъ много предо мною Философа Анахарсиса, моего предка, что я краснѣлъ, нося имя его. Онъ изъяснялся медлѣнно; но прїятность и увѣренїе, казалось,

текли изъ устъ его. Какъ въ послѣдствіи узналъ я его гораздо короче, то имя его часто будетъ упоминаемо въ моемъ повѣствованіи: я хочу здѣсь помѣстить только нѣкоторыя подробности, о коихъ мнѣ сказывалъ тогда Аполлодоръ.

Мать Платонова, говорилъ онъ мнѣ , происходила отъ одного рода съ Солономъ, законодавцемъ нашимъ; а отецъ его былъ потомокъ Кодра, послѣдняго изъ нашихъ царей, умершаго почти за семь сотъ лѣтъ. Въ юности его живопись, музыка, различныя гимнастическія упражненія занимали все его время. Имѣвъ отъ природы сильное и пылкое воображеніе, сочинялъ онъ много дифирамвовъ, упражнялся въ родѣ епическихъ стихотвореній, но стихи свои, сравнивъ съ Омировыми, бросилъ въ огонь. Онъ подумалъ, что жертва сія можетъ вознаградиться ѳеатромъ ; написалъ нѣсколько трагедій; и между тѣмъ, какъ лицедѣи готовились представлять ихъ, познакомился онъ съ Сократомъ, взялъ обратно свои сочиненія, и всего себя посвятилъ любомудрію.

Тогда почувствовалъ онъ необходимую нужду быть полезнымъ человѣчеству. Пелопонисская война истребила добрыя пра-

вила и развратила нравы. Слава, какую предполагалЪ онЪ себѣ, чтобЪ возстановить оные, возбудила его любочестїе. Занимаясь день и ночь симЪ великимЪ намѣренїемЪ, сЪ нетерпѣливостїю ожидалЪ той минуты, когда получивЪ достоинство судїи, будетЪ вЪ состоянїи ознаменовать ревность и дарованїя свои; но потрясенїя, претерпѣнныя республикою вЪ послѣднїе годы войны, частыя перемѣны, вЪ короткое время представлявшїя тиранїю подЪ ужаснѣйшими видами; смерть Сократа, учителя его и друга; размышленїя, толь многими происшествїями вЪ умѣ его произведенныя, скоро увѣрили его, что всѣ правленїя страждутЪ неисцѣлимыми болѣзнями; что дѣла смертныхЪ, такЪ сказать, отчаянны, и что они тогда только могутЪ быть счастливы, когда любомудрїемЪ руководимы будутЪ. И такЪ, оставивЪ свое предпрїятїе, рѣшился умножить свои познанїя, и посвятить ихЪ нашему наставленїю. ВЪ семЪ намѣренїи ѣздилЪ онЪ вЪ Мегару, вЪ Италїю, Кирену, ЕгипетЪ, всюду, гдѣ разумЪ человѣческїи имѣлЪ успѣхи.

Ему было около сорока лѣтЪ, когда отправился вЪ Сицилїю для обозрѣнїя Этны.

Діонисій, тираннъ Сиракузскій, пожелалъ говорить съ нимъ. Они бесѣдовали о благополучіи, справедливости, истинномъ величествѣ. Когда Платонъ утверждалъ, что нѣтъ ничего подлѣе и несчастнѣе государя несправедливаго, Діонисій со гнѣвомъ сказалъ „ему: ты говоришь, какъ пустослов. А „ты, какъ тираннъ, отвѣчалъ Платонъ.„ Сей отвѣтъ едва не стоилъ ему жизни. Діонисій не прежде позволилъ ему сѣсть на галеру, обратно шедшую въ Грецію, какъ взявъ съ начальника оной обѣщаніе бросить его въ море, или сбыть съ рукъ, какъ подлаго невольника. Онъ былъ проданъ, выкупленъ и привезенъ въ свое отечество. Спустя нѣсколько времени, царь Сиракузскій, неспособный къ раскаянію, но ревнительный къ почтенію отъ Грековъ, писалъ къ нему, прося пощадить его въ разговорахъ своихъ, и получилъ отъ него только сей презрительный отвѣтъ: „Мнѣ недосугъ и вспомнить о Діонисіѣ.„

По возвращеніи своемъ, Платонъ учредилъ для себя родъ жизни, отъ коего никогда не удалялся. Онъ не входилъ въ народныя дѣла для того, что по мнѣнію его мы не можемъ доведены быть къ добру ни увѣ-

реніемъ, ни силою; но собралъ познанія, встрѣчавшіяся ему въ разныхъ его путешествіяхъ; и согласивъ, сколько можно было мнѣнія философовъ, предшественниковъ своихъ, составилъ изъ того правила, которыя открылъ въ своихъ писаніяхъ и бесѣдахъ. Творенія его суть въ образѣ разговоровъ: Сократъ въ оныхъ есть перьвый собесѣдникъ; и нѣкоторые думаютъ, что подъ симъ именемъ вводилъ онъ мнѣнія, имъ самимъ изобрѣтенныя, или отъ другихъ заимствованныя.

Его достоинство возбудило противъ него непріятелей: онъ навлекъ много ихъ и самъ, разсѣвая въ писаніяхъ своихъ колкія насмѣшки надъ нѣкоторыми знаменитыми сочинителями. Правда, дѣлаетъ онъ ихъ отъ лица Сократа; но искуство, съ каковымъ вводитъ оныя, и различныя изрѣченія его, каковыхъ не мало набрать можно, доказываютъ, что онъ имѣлъ, по крайней мѣрѣ въ молодости своей, довольно склонности къ сатирѣ. Однако непріятели его не возмущаютъ спокойствія, которое поддерживаютъ въ немъ успѣхи его или добродѣтели. Онъ въ самомъ дѣлѣ имѣетъ добродѣтели; иныя получилъ отъ природы; другія пріобрѣлъ собственнымъ усиліемъ; онъ былъ отъ при-

роды строптивъ, а нынѣ самый кротчайшій и терпѣливѣйшій изъ человѣковъ. Любовь ко славѣ или словутости есть въ немъ, кажется мнѣ, перьвая, или паче единственная страсть. Я думаю, что онъ чувствуетъ и зависть, коея предметомъ самъ бываетъ толь часто. Тяжелъ нравомъ и скрытенъ для тѣхъ, кои съ нимъ текутъ тѣмъ же поприщемъ; откровененъ и снизходителенъ къ тѣмъ, коихъ шествіемъ самъ онъ управляетъ. Съ прочими учениками Сократовыми жилъ всегда въ принужденіи или недружбѣ, а съ своими собственными обходится искренне и дружелюбно, безпрестанно занимается ихъ успѣхами, равно какъ и нуждами ихъ, съ благоразуміемъ располагая ихъ склонности къ предметамъ честнымъ, и исправляя ихъ своими примѣрами паче, нежели наставленіями.

Съ своей стороны и ученики простираютъ почтеніе къ нему даже до благоговѣнія, удивляются же ему до изступленія. Изъ нихъ увидишь ты и такихъ, кои нарочно держатъ высоко поднявши плеча, чтобъ только имѣть съ нимъ какое нибудь сходство. Подобно какъ въ Еѳіопіи, когда государь имѣетъ какой ни есть тѣлесный недостатокъ, то придворные, чтобъ на него походить, спѣшатъ изу-

родовать самихъ себя. Вотъ главныя черты жизни и свойства его. Въ послѣдствіи ты можешь самъ судить о его ученіи, краснорѣчіи и погрѣшностяхъ.

Тогда Аполлодоръ, примѣтивъ, что я съ удивленіемъ смотрѣлъ на одну довольно пригожую женщину, находящуюся между Платоновыми учениками, сказалъ мнѣ: ее зовутъ Ласѳеніею: она распутная женщина, родомъ изъ Мантинеи, что въ Аркадіи. Любовь къ философіи сюда привлекла ее; а подозрѣваютъ, что она здѣсь осталась по любви ко Спевсиппу, Платонову племяннику, который подлѣ нея сидитъ. Въ то же время указалъ онъ мнѣ на одну молодую Аркадскую дѣвицу, именемъ Аксіоѳію, которая, прочитавъ одинъ разговоръ Платоновъ, оставила все, даже одежду своего пола, и пришла слушать ученіе сего философа. Онъ сказывалъ мнѣ и о другихъ женахъ, которыя скрываясь подъ мужескою одеждою, подавали собою подобные примѣры.

Я послѣ спросилъ у него: кто таковъ тотъ худощавый молодый человѣкъ, котораго вижу подлѣ Платона, который картавитъ и имѣетъ глаза малые и огненные? Аристотель изъ Стагиры, отвѣчалъ онъ мнѣ,

сынЪ Никомаха, врача и друга Аминты, царя Македонскаго. НикомахЪ оставилЪ знатное имѣнїе своему сыну, который поселился у насЪ лѣтЪ тому пять назадЪ. Ему было тогда семнадцать или осмнадцать лѣтЪ отЪ роду. Я не знаю никого, кто бЪ имѣлЪ столько разума и прилѣжанїя. ПлатонЪ отличаетЪ его отЪ другихЪ учениковЪ своихЪ, а не одобряетЪ только щегольства его вЪ одеждѣ.

Подлѣ Аристотеля, продолжалЪ АполлодорЪ, ты видишь Ксенократа Халкидонскаго. ОнЪ имѣетЪ умЪ медлѣнный и безЪ прїятности. ПлатонЪ часто увѣщевалЪ его приносить жертву ГрацїямЪ. ОнЪ сказалЪ обЪ немЪ и Аристотелѣ, что для одного потребна узда, а для другаго бодцы. Нѣкогда донесли Платону, что КсенократЪ говорилЪ обЪ немЪ худо; я сему не вѣрю, отвѣчалЪ онЪ. Ему повторяли еще: онЪ и тогда не вѣрилЪ. Ему подлинно доказали; „нѣтЪ, „возразилЪ ПлатонЪ, не возможно, чтобЪ я „не былЪ любимЪ отЪ того, кого самЪ люб„лю столь нѣжно.„

КакЪ зовутЪ, спросилЪ я того молодаго человѣка, который кажется такЪ слабЪ здоровьемЪ, и отЪ времени до времени пожима-

етъ плечами? Это Димосѳенъ, сказалъ Аполлодоръ. Онъ родился въ достаточномъ состоянiи. Отецъ его, котораго лишился онъ, будучи семи лѣтъ, содержалъ немалое число невольниковъ для дѣланiя мечей и другихъ разнаго званiя вещей. Онъ недавно выигралъ спорное дѣло противъ опекуновъ своихъ, кои хотѣли завладѣть нѣкоторою частiю его имѣнiя: право свое защищалъ въ судѣ самъ, не прибѣгая къ помощи стряпчихъ, хотя ему не болѣе семнадцати лѣтъ отъ роду. Его товарищи, безъ сомнѣнiя завиствуя сему успѣху, называютъ его нынѣ змiемъ и многими иными поносительными именами, къ чему не менше повода подаетъ и грубость его нрава. Онъ готовится къ должности стряпчаго; и въ семъ намѣренiи ходитъ чаще въ училище Исея, нежели Исократа, потому что краснорѣчiе перьваго кажется ему сильнѣе втораго. Природа дала ему голосъ слабый, дыханiе трудное, произношенiе непрiятное, но одарила его тѣмъ твердымъ и непоколебимымъ свойствомъ души, которое препятствiями еще болѣе возбуждается. Онъ ходитъ сюда для того, чтобъ почерпать правила любомудрiя и купно научаться краснорѣчiю.

Тожъ самое привлекаетъ сюда и сихъ трехъ учениковъ, коихъ ты видишь подлѣ Димосѳена. Тотъ весьма видный здоровый юноша называется Есхиномъ. Бывъ рожденъ въ низкомъ состоянiи, исправлялъ въ малолѣтствѣ своемъ нѣкоторыя подлыя должности; а какъ голосъ имѣлъ прiятный и звучный, то былъ употребленъ потомъ на ѳеатрѣ, гдѣ однакожъ никогда не представлялъ первыхъ лицъ. Имѣетъ разумъ не безъ прiятностей, и съ нѣкоторымъ успѣхомъ упражняется въ стихотворствѣ. Другiй, по имени Иперидъ, а третiй Ликургъ. Сей послѣднiй происходитъ отъ древнѣйшаго рода въ республикѣ.

Всѣ тѣ, о коихъ мнѣ говорилъ Аполлодоръ, отличили себя въ послѣдствiи, одни краснорѣчiемъ, другiе благоразумнымъ поведенiемъ, а вообще постоянною ненавистiю къ рабству. Я видѣлъ тамъ многихъ и чужестранцевъ, кои внимательно слушали Платоновы наставленiя о справедливости и вольности; но кои, возвратяся въ свои земли, и оказавъ нѣкоторыя добродѣтели, пожелали поработить свое отечество, или въ самомъ дѣлѣ поработили оное, и учинились тиранами тѣмъ опаснѣйшими, что были воспитаны въ ненависти ко всякой тираннiи.

Иногда Платонъ читалъ предъ учениками свои сочиненія; а иногда предлагалъ имъ какой нибудь вопросъ, давалъ время на размышленіе, и приучалъ ихъ опредѣлять съ точностію тѣ понятія, которыя соединили они съ рѣченіями. Наставленія свои преподавалъ обыкновенно ходя по Академическому саду: ибо почиталъ прогулку для здоровья полезнѣйшею, нежели насильственныя упражненія гимнастическія. Его прежніе ученики, друзья и даже непріятели часто приходили его слушать, а иныхъ привлекала туда красота мѣста.

Я вдругъ увидѣлъ тамъ человѣка лѣтъ сорока пяти. Онъ былъ безъ башмаковъ, безъ туники, съ длинною бородою, съ посохомъ въ рукѣ, съ сумою за плечами и въ одной епанчѣ, подъ которой держалъ живаго ощипаннаго пѣтуха. Онъ бросилъ его посредѣ собранія, сказавъ: „Вотъ человѣкъ Платоновъ". И тотъ же часъ скрылся. Платонъ улыбнулся, а ученики подняли ропотъ. Аполлодоръ мнѣ говорилъ: Платонъ опредѣлилъ, или означилъ человѣка сими словами: животное о двухъ ногахъ и безъ перьевъ. Діогенъ хотѣлъ показать, что его опредѣленіе было не точно. А я почелъ сего незнакомца, сказалъ я, за одного изъ тѣхъ докучливыхъ нищихъ, которые бываютъ только въ народахъ

богатыхъ и просвѣщенныхъ. Онъ въ самомъ дѣлѣ проситъ иногда милостыню, отвѣчалъ Аполлодоръ; но не всегда по нуждѣ. Примѣтивъ мое удивленіе, онъ сказалъ мнѣ : пойдемъ сядемъ подъ симъ яворомъ: я вкратцѣ разскажу тебѣ о его жизни и дамъ знать о нѣкоторыхъ знаменитыхъ Аѳинянахъ, неподалеку отъ насъ прогуливающихся. Мы сѣли противъ одной башни, коя носитъ на себѣ имя Тимона человѣконенавидца, и противъ одного холма, покрытаго зеленью и домами, который называется колонь.

Около того времени, какъ Платонъ открылъ свое училище въ Академіи, началъ говорить Аполлодоръ, Антисѳенъ, такъ же ученикъ Сократовъ, заводилъ свое на одномъ холмѣ по другую сторону города. Сей философъ старался въ молодости своей показывать видъ строгой добродѣтели; но его намѣренія не могли укрыться отъ Сократа, который ему нѣкогда сказалъ:" Антисѳенъ, ,,я усматриваю твое тщеславіе сквозь прорѣ- ,,хи епанчи твоей." Познавъ отъ своего учителя, что благополучіе состоитъ въ добродѣтели, почелъ онъ добродѣтелію презрѣніе богатства и роскоши; и, чтобъ правила свои ввести въ довѣренность, всенародно явился

съ посохомъ въ рукѣ и за плечами съ сумою, на подобіе тѣхъ несчастныхъ, кои мимоходящимъ выставляютъ убожество свое. Странность сего зрѣлища привлекла къ нему учениковъ, коихъ своимъ краснорѣчіемъ удержалъ онъ при себѣ на нѣкоторое время. Но строгости, какія имъ предписывалъ, удалили ихъ нечувствительно; и сіе удаленіе причинило ему такую досаду, что онъ затворилъ свое училище.

Діогенъ появился тогда въ семъ городѣ. Онъ былъ изгнанъ изъ Синопы, отечества своего вмѣстѣ съ отцемъ, который обвиненъ въ дѣланіи ложныхъ денегъ. По долгомъ сопротивленіи Антисѳенъ сообщилъ ему свои правила, и Діогенъ не умедлилъ распространить оныя. Антисѳенъ старался исправить страсти; Діогенъ хотѣлъ истребить ихъ. Мудрый, чтобъ быть благополучнымъ, долженъ, по мнѣнію его, сдѣлать себя независимымъ отъ счастія, отъ людей и отъ самаго себя; отъ счастія, презирая дары и своенравіе онаго; отъ людей, отвергая предразсудки, обыкновенія, и даже законы, когда они несообразны съ его разумомъ; отъ самаго себя, стараясь укрѣплять тѣло свое противъ суровостей воздуха, а душу противъ пре-

лестей забавъ всякаго рода. Онъ нѣкогда сказалъ: „Я бѣденъ, скитаюсь, не имѣю ни „отечества, ни пристанища; едва есть у „меня дневное пропитанїе; но счастїю про„тивополагаю мужество, законамъ природу, „страстямъ разсудокъ. „

Отъ сихъ началъ, коихъ различныя послѣдствїя могутъ довести до высочайшаго совершенства, или до величайшихъ неустройствъ, происходитъ презрѣнїе къ богатству, почестямъ, славѣ, различїю состоянїй, общественнымъ благопристойностямъ, художествамъ, наукамъ, всѣмъ прїятностямъ жизни. Человѣкъ, коего образецъ представилъ себѣ Дїогенъ, и коего иногда съ фонаремъ ищетъ, есть чуждъ всего, что его ни окружаетъ, не трогается нимало тѣмъ, что ни льститъ чувствамъ, называется гражданиномъ всего свѣта, и не можетъ быть гражданиномъ собственнаго отечества; сей человѣкъ былъ бы столькожъ несчастенъ, сколько безполезенъ въ просвѣщенныхъ обществахъ, и даже не существовалъ прежде учрежденїя оныхъ. Дїогенъ думалъ, что нашелъ нѣкое слабое онаго изображенїе между Спартанцами. „Я нигдѣ не видалъ людей

„говорилъ онъ; но въ Лакедемонѣ по крайней „мѣрѣ видѣлъ дѣтей.„

Чтобъ въ самомъ себѣ представить человѣка, какого онъ вымыслилъ, подвергаетъ себя жесточайшимъ опытамъ, и отъ малѣйшаго свобождаетъ себя принужденія. Онъ борется съ голодомъ, утоляетъ его самою грубою пищею, преодолѣваетъ его на пиршествахъ, гдѣ царствуетъ изобиліе, проситъ иногда милостыни у мимоходящихъ, ночи проводитъ въ бочкѣ, во время холода и ненастья нарочно выходитъ и стоитъ подъ переходами одного храма, лѣтомъ валяется по горячему песку, зимою ходитъ по снѣгу босыми ногами, всѣмъ нуждамъ своимъ удовлетворяетъ всенародно, и въ мѣстахъ, наиболѣе чернію посѣщаемыхъ, презираетъ и мужественно переноситъ насмѣшки, ругательство и обиды, поступаетъ вопреки установленнымъ обычаямъ, даже въ случаяхъ самыхъ маловажныхъ, и каждодневно представляетъ такія позорища, которыя въ разумныхъ людяхъ возбуждая презрѣніе, открываютъ глазамъ ихъ тайныя его намѣренія. Я видѣлъ нѣкогда, какъ онъ, во время сильнаго морозу, бывъ полунагъ, обнималъ мѣдный истуканъ. Одинъ Лакедемонянинъ спросилъ у него, не чувствуетъ ли онъ боли?

Нѣтъ, отвѣчалъ философъ. — Такъ чтожъ ты за человѣкъ, когда не чувствуешь, примолвилъ Лакедемонянинъ?

Дїогенъ имѣетъ глубокїй умъ, душу твердую, нравъ забавный. Онъ предлагаетъ свое ученїе съ такою ясностїю, и толкуетъ съ такою силою, что многїе чужестранцы, бывъ имъ убѣждены, оставили все, чтобъ только ему послѣдовать. Какъ онъ почитаетъ себя призваннымъ для преобразованїя человѣковъ, то и не щадитъ ихъ нимало. По сему предположенїю вооружился онъ противъ пороковъ и злоупотребленїй, и по свойству своему непрестанно вопїетъ противъ тѣхъ, кои не отстаютъ отъ оныхъ. Поминутно мещетъ на нихъ стрѣлы охужденїя и стократъ еще ужаснѣйшїя стрѣлы насмѣшекъ. Вольность, господствующая въ его разговорахъ, дѣлаетъ его прїятнымъ народу. Его принимаютъ въ порядочныя общества, коихъ скуку умѣряетъ онъ скорыми, иногда острыми и на всякой случай готовыми отвѣтами. Молодые люди ищутъ его, чтобъ потушить надъ нимъ, и отмщеваютъ ему за его превосходство оскорбленїями, которыя сноситъ онъ съ равнодушїемъ, ихъ самихъ уничижающимъ. Я часто слыхалъ, какъ онъ обличалъ ихъ въ сло-

вахъ и дѣлахъ, противныхъ цѣломудрїю; и не думаю, чтобъ онъ самъ предавался тѣмъ излишествамъ, въ коихъ непрїятели его обвиняютъ. Его неблагопристойность состоитъ въ ухваткахъ болѣе, нежели во нравахъ. Великїя дарованїя, великїя добродѣтели, великїя усилїя не сдѣлаютъ изъ него ничего инаго, какъ человѣка страннаго; и я согласенъ со мнѣнїемъ Платона, который сказалъ объ немъ: „ Это Сократъ въ бреду.“

Въ сїю минуту увидѣли мы человѣка, близь насъ медленными шагами прогуливающагося. Ему было, по видимому, около сорока лѣтъ отъ роду. Онъ имѣлъ печальный и озабоченный видъ; руки держалъ подъ епанчею. Хотя наружность его была весьма проста, Аполлодоръ тотчасъ подошелъ къ нему съ почтенїемъ, которое изъявляло купно любовь и удивленїе; и сѣвъ опять подлѣ меня, это Фокїонъ, сказалъ онъ мнѣ; сїе имя должно возбудить въ умѣ твоемъ понятїе о самой честности. Онъ породы низкой, но душа его возвышенна. Съ юныхъ лѣтъ учился онъ въ Академїи: здѣсь почерпнулъ тѣ высокїя начала, кои направляли потомъ его поведенїе, начала, запечатлѣнныя въ его сердцѣ, и толико же непремѣнныя, какъ са-

мая справедливость и истинна, проистекающія изъ оныхъ.

По выходѣ изъ Академіи служилъ онъ подъ начальствомъ Хаврія, коего умѣрялъ стремительность, и который одолженъ ему, по большей части, побѣдою при островѣ Наксѣ. Другіе многіе случаи обнаружили воинскія его дарованія. Во время мира обработываетъ онъ небольшую землицу, которая едва можетъ удовлетворять нуждамъ самаго умѣреннаго человѣка въ своихъ желаніяхъ, а Фокіону доставляетъ избытокъ, коимъ онъ нужды другихъ облегчаетъ. Онъ живетъ тамъ съ супругою, достойною любви его, потому что достойна она его почтенія; онъ доволенъ своею участію; не стыдится своей нищеты и не тщеславится ею; не ищетъ должностей, а принимаетъ ихъ на себя охотно, чтобъ исполнять обязанности оныхъ.

Ты никогда не увидишь его ни смѣющагося ни плачущаго, хотя онъ счастливъ и чувствителенъ; душа его превыше радости и печали. Не страшись угрюмаго взора его. Фокіонъ благосклоненъ, человѣколюбивъ, снизходителенъ къ нашимъ слабостямъ. Онъ строгъ и суровъ только для тѣхъ, кои

развращают нравы своими примѣрами, или наносят вред республикѣ худыми совѣтами.

Я очень рад, что случай привел тебя видѣть Діогена и Фокіона. Сравнивая их, ты найдешь, что перьвый не иначе жертвует любомудрію, как со излишеством и хвастовством, а другій не показывает, не скрывает и не увеличивает ниодной из своих добродѣтелей. Я скажу еще болѣе; при перьвом взглядѣ можно опредѣлить, кто из них есть истинный философ. Епанча Фокіонова столько же груба, как и Діогенова; но Діогенова епанча вся в дирах, а Фокіонова нѣт.

За Фокіоном шли два Аѳинянина, из коих один примѣтен был по величественному стану и важному виду своему. Аполлодор мнѣ сказал: это сын одного сапожника, и зять Котиса, царя Ѳракійскаго. Его зовут Ификратом. Другій, сын Конона который был один из величайших мужей сего вѣка; имя ему Тимоѳей.

Они оба, предводительствуя нашими войсками, долгое время поддерживали славу республики; оба умѣли соединять просвѣ-

щенїе съ дарованїями, размышленїя съ опытностїю, хитрость съ мужествомъ. Ификратъ особенно отличался строгостїю порядка, введеннаго имъ въ наше воинство, благоразумїемъ въ своихъ предпрїятїяхъ, великою недовѣрчивостїю, которая дѣлала его всегда осторожнымъ противъ непрїятеля. Онъ много одолженъ своей славѣ; почему, выступая въ походъ противъ варваровъ, сказалъ: „я „одного только боюсь, и именно того, естьли не слыхали они объ Ификратѣ.

Тимоѳей дѣятельнѣе, терпѣливѣе, не столько можетъ быть искусенъ въ изобрѣтенїи предначертанїй, но постояннѣе и тверже, когда надлежало исполнять оныя. Его непрїятели, не хотя признать достоинства его, все приписывали счастїю: они изобразили его спящаго подъ шатромъ, а счастїе парящимъ надъ его гловою и полагающимъ подлѣ его города, пойманные въ сѣти. Тимоѳей, увидѣвъ картину, смѣючись сказалъ: „что жъ „бы сдѣлалъ я, ежелибъ проснулся!„

Ификратъ сдѣлалъ полезныя перемѣны въ сухопутныхъ войскахъ; Тимоѳей неоднократно обогащалъ истощенную народную казну добычами, взятыми у непрїятеля. Перьвый возводилъ государей паки на пре-

столы; другій принудилъ Лакедемонянъ уступить намъ владычество на морѣ. Они оба имѣютъ даръ слова. Краснорѣчіе Ификратово пышно, но неосновательно; а Тимоѳеево просто и убѣдительно. Мы воздвигли имъ истуканы, а можетъ статься осудимъ ихъ когда нибудь на изгнаніе.

Глава осьмая.

Ликей. Гимназіи. Исократъ. Палестры. Погребательные обряды Аѳинянъ.

Однажды, какъ Аполлодоръ пришелъ звать меня въ ликей прогуляться, я бросился къ нему на встрѣчу и съ восторгомъ спрашивалъ: знаешь ли ты его? Кого? Исократа. Я теперь читалъ одну его рѣчь, и нахожусь въ восхищеніи. Живъ ли онъ? Гдѣ и что дѣлаетъ? — Онъ здѣсь, отвѣчалъ Аполлодоръ; обучаетъ краснорѣчію; человѣкъ знаменитый, я его знаю. — Я хочу видѣть его нынѣ, сего утра, немедлѣнно. — Мы пойдемъ къ нему, возвратясь изъ ликея.

Миновавъ такъ называемую болотную

часть города, и вышедъ Эгейскими воротами, направили мы путь свой по нѣкоей стезѣ вдоль Илисса, который, смотря по временамъ года, бываетъ или быстрымъ потокомъ или тихимъ ручейкомъ, и стремительно несется, или струится кротко при подошвѣ одного холма, коимъ кончится гора Иметъ. Берега Илисса пріятны, воды его чисты и прозрачны. Въ окрестностяхъ усмотрѣли мы жертвенникъ, Музамъ посвященный; мѣсто, гдѣ, какъ думаютъ, Борей похитилъ прекрасную Ориѳію, дщерь царя Ерехѳія; храмъ Цереры, гдѣ совершаются малыя таинства; и храмъ Діаны, гдѣ ежегодно закалается великое множество козъ въ честь сей богинѣ. Предъ сраженіемъ Мараѳонскимъ обѣщали Аѳиняне пожертвовать ей столько оныхъ, сколько Персовъ найдутъ простертыхъ на полѣ битвы. По одержаніи побѣды примѣтили они, что исполненіемъ толь безразсуднаго обѣта знатно умалились бы стада Аттическія; по чему число жертвъ было уменшено до пяти сотъ; богиня и тѣмъ была довольна.

Между тѣмъ, какъ мнѣ о семъ было разсказываемо, увидѣли мы на холмѣ множество земледѣльцевъ, кои бѣгали, ударяя въ мѣ-

дные сосуды, дабы загнать рой пчелъ, изъ улья вылетѣвшій.

Сіи насѣкомыя весьма любятъ водиться на горѣ Иметѣ, которую наполнили многочисленными роями, и которая вся почти покрыта полевымъ тминомъ и другими благовонными травами. Но особливо съ превосходнаго тамошняго ѳиміама собираютъ онѣ тѣ драгоцѣнные соки, изъ коихъ составляютъ медъ по всей Греціи высоко почитаемый. Онъ бываетъ бѣложелтый; чернѣетъ отъ долговременности, но всегда сохраняетъ свою жидкость. Аѳиняне ежегодно собираютъ его великое множество; и сколько уважаютъ его, можно судить по тому, что у Грековъ никакой почти яствы не бываетъ безъ меду. Мнятъ, что продолжаетъ онъ жизнь, и старикамъ особенно полезенъ. Я видѣлъ, что многіе даже ученики Пиѳагоровы сохраняли здоровье свое, употребляя вмѣсто всякой снѣди по немногу меду.

Перешедъ Илиссъ, мы попали на дорогу, на которой упражняются въ бѣганіи, и которая привела насъ къ ликею.

У Аѳинянъ есть три гимназіи, опредѣленныя для наставленія юношества. Ликей, Киносаргъ, находящійся на холмѣ сего

имени и Академія. Всѣ при построены внѣ градскихъ стѣнъ иждивенїемъ правительства. Изъ сихъ училищъ во второе принимались прежде одни только незаконнорожденные.

Онѣ состоятъ изъ обширныхъ зданїй, окруженныхъ садами и священнымъ лѣсомъ. Сперьва надобно войти на дворъ, имѣющїй видъ четвероугольника, пространствомъ на двѣ стадїи. Онъ обведенъ переходами и другими строенїями. Съ трехъ сторонъ находятся пространныя храмины со скамьями, куда философы, риторы и софисты собираютъ учениковъ своихъ. Съ четвертой стороны находятся строенїя для бань и другихъ употребленїй училища. Переходы на полуденной сторонѣ двойные для того, чтобъ въ зимнее время дождь, вѣтромъ наносимый, не проницалъ во внутреннюю ихъ часть.

Со двора сего вступишь въ нѣкоторую ограду также четвероугольнаго вида. Нѣсколько яворовъ осѣняютъ средину оной. Съ трехъ сторонъ устроены переходы, на сѣверъ стоящїе съ двойнымъ рядомъ столбовъ, чтобъ прогуливающїеся тамъ въ лѣтнее время отъ солнечнаго жара укрываться могли. Противоположные симъ переходы называются Ксистъ.

Во всю длину занимаемаго ими мѣста сдѣланъ по срединѣ на подобіе впадистой дороги ходъ около двѣнадцати футовъ ширины, а въ глубину до двухъ футовъ. Тамъ то подъ прикрытіемъ отъ воздушныхъ перемѣнъ и бывъ отдѣлены отъ зрителей, кои стоятъ по обѣимъ возвышеннымъ сторонамъ, юные питомцы въ борьбѣ упражняются. За Ксистомъ есть поприще для бѣганія.

Одинъ чиновникъ, подъ именемъ Имнасіарха, начальствуетъ надъ Аѳинскими гимназіями. Онъ опредѣляется на годъ общимъ собраніемъ народа. Долженъ доставлять елей, употребляемый борцами для приданія гибкости членамъ. Ему подчинены въ каждой гимназіи многіе чиновники, какъ то: гимнастъ педотривъ и прочіе, изъ коихъ одни пекутся о содержаніи порядка между питомцами, а другіе обучаютъ ихъ различнымъ упражненіямъ. Между ими наипаче отличаются десять Софронистовъ, избираемыхъ десятью коленами, и долженствующихъ имѣть особенное смотрѣніе за нравами. Всѣ сіи чиновники утверждаются въ званіяхъ отъ Ареопага.

Поелику взаимная довѣренность и безопасность должны царствовать въ гимназіи,

такъ какъ и во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ бываютъ большія собранія: то воровство, тамъ содѣянное, наказывается смертію, естьли оно превышаетъ цѣну десяти драхмъ.

Какъ гимназіи долженствуютъ быть убѣжищемъ невинности и цѣломудрія, то Солонъ воспретилъ туда входъ народу, когда питомцы, отправляя торжество въ честь Меркурію, бывали меньше надзираемы своими наставниками; но уже нынѣ того не наблюдается.

Гимнастическія упражненія предписаны законами, подвержены извѣстнымъ правиламъ; онѣ оживляются похвалами учителей, а еще болѣе соревнованіемъ, существующимъ между учениками. Вся Греція почитаетъ оныя за самонужнѣйшую часть воспитанія, по тому что дѣлаютъ онѣ человѣка проворнымъ, сильнымъ, способнымъ сносить и трудности на войнѣ и праздность въ мирѣ. Въ разсужденіи здоровья врачи предписываютъ ихъ съ пользою. Относительно искуства военнаго, не льзя подать о нихъ лучшаго понятія, какъ приведя въ примѣръ Лакедемонянъ, кои одолжены были имъ нѣкогда побѣдами, устрашившими всѣ прочіе народы; да и въ нынѣшнія времена, чтобъ побѣдить

ихъ, надлежало съ ними сравнишься съ гимнастикѣ.

Но сколь велики выгоды, стольже непомѣрны и злоупотребленія, отъ сего искуства происходящія. Врачебная наука и философія совокупно охуждаютъ сіи упражненія, когда онѣ изнуряютъ тѣло, или вливаютъ въ душу больше звѣрства, нежели мужества.

Училище Ликея постепенно было распространяемо и украшаемо. Стѣны въ немъ убраны богатою живописью. Аполлонъ есть охранительное божество сего мѣста: при входѣ поставленъ его истуканъ. Сады съ прекрасными межъ деревъ ходами были возобновлены въ послѣдніе годы пребыванія моего въ Греціи. Бесѣдки, подъ древами устроенныя, кажется, призываютъ къ успокоенію.

Посмотрѣвъ упражненія юношей, и нѣсколько минутъ пробывъ въ большихъ хараминахъ, гдѣ поперемѣнно было судимо то о важныхъ, то о пустыхъ задачахъ, мы пошли по дорогѣ, ведущей изъ Ликея въ Академію подлѣ градскихъ стѣнъ. Прошедъ нѣсколько, увидѣли почшеннаго старца, съ коимъ сошедшись Аполлодоръ, какъ казалось, весьма обрадовался. Послѣ первыхъ привѣтствій спро-

силъ у него, куда онъ идетъ. Дрожащимъ голосомъ отвѣтствовалъ старецъ: я иду обѣдать къ Платону съ Эфоромъ и Ѳеопомпомъ, которые ждутъ меня у воротъ Дапильскихъ. -- Мы туда же точно идемъ, подхватилъ Аполлодоръ; и будемъ имѣть удовольствіе сопутствовать тебѣ. Но, скажи мнѣ, ты все еще любишь Платона? -- Столько же, сколько любимъ быть и отъ него ласкаюсь. Дружба, съ самыхъ юныхъ лѣтъ начавшаяся между нами, никогда не измѣнялась. Онъ упомянулъ о ней въ одномъ изъ своихъ разговоровъ, гдѣ Сократъ, введенный имъ какъ собесѣдникъ, говоритъ обо мнѣ весьма хорошо. -- Ты достоинъ того. У всѣхъ еще въ памяти, что при кончинѣ Сократа, когда устрашенные ученики его разбѣжались, ты осмѣлился въ печальной одеждѣ явиться на улицахъ Аѳинскихъ. За нѣсколько лѣтъ предъ тѣмъ ты показалъ другій примѣръ твердости. Когда Ѳераменъ, въ полномъ Сенатѣ осужденный тридцатью тираннами на изгнаніе, прибѣгнулъ подъ покровъ жертвенника, ты возсталъ защищать его; и не долженъ ли былъ онъ самъ просить тебя, чтобъ ты не усугублялъ скорьби его, отваживаясь

умереть съ нимъ вмѣстѣ? Мнѣ показалось, что старецъ восхищенъ былъ сею похвалою. Я нетерпѣливо желалъ знать имя его; но Аполлодоръ веселился, скрывая отъ меня оное.

Сынъ Ѳеодоровъ, сказалъ онъ ему, не однихъ ли ты лѣтъ съ Платономъ? -- Я шестью или семью годами старѣе его; ему неболѣе шестидесяти семи лѣтъ. -- Ты кажешся совершенно здоровъ. -- Да, я здоровъ тѣломъ и духомъ по возможности. -- Говорятъ, что ты очень богатъ? -- Я трудами своими прїобрѣлъ столько, сколько потребно къ удовлетворенїю желанїй человѣка мудраго. Мой отецъ дѣлалъ мусикїйскїя одудїя. Раззорившись во время Пелопониской войны, оставилъ мнѣ вмѣсто всякаго наслѣдства одно хорошее воспитанїе. Я принужденъ былъ кормиться своими дарованїями, и употреблять себѣ на пользу наставленїя, какїя получилъ отъ Георгїя, Продика и другихъ искусныхъ витїй Греческихъ. Я сочинялъ защитительныя рѣчи для тѣхъ, кои сами не были въ состоянїи производить въ судахъ дѣлъ своихъ. Рѣчь, написанная къ Никоклесу, царю Кипрскому, доставила отъ него въ подарокъ мнѣ двад-

цать талантовъ. Я началъ всенародно учить краснорѣчію. Какъ число учениковъ день ото дня умножалось, то я обогатился отъ труда, который занималъ всѣ минуты моей жизни. -- Признайся однакожъ, что при всей строгости твоихъ нравовъ ты удѣлялъ нѣсколько времени и на забавы. Ты любилъ нѣкогда прекрасную Метаниру; а будучи уже въ лѣтахъ, содержалъ любовницу не меньше пригожую. Тогда всѣ говорили, что ты умѣлъ соединять правила Философіи съ утонченнымъ вкусомъ сластолюбія; разсказывали о томъ пышномъ одрѣ твоемъ и подушкахъ, толь пріятный запахъ испускающихъ. Старецъ, смѣючись, во всемъ признался.

Аполлодоръ продолжалъ: ты имѣешь любезное семейство, хорошее здоровье, довольный достатокъ, великое множество учениковъ, знаменитое имя и такія добродѣтели, которыя поставляютъ тебя на ряду съ лучшими гражданами сего города. При такихъ преимуществахъ ты долженъ быть счастливѣйшій изъ Аѳинянъ. -- Ахъ! отвѣчалъ старецъ, я, можетъ быть, самый несчастный человѣкъ. Я поставлялъ мое счастіе въ томъ, чтобъ прославиться; но по-

елику съ одной стороны не льзя сего достигнуть при демократическомъ правленіи, какъ входя въ дѣла общенародныя, а съ другой, дала мнѣ природа голосъ слабый и безмѣрную робость; то и послѣдовало, что будучи въ состояніи усматривать истинныя выгоды отечества, а не въ силахъ защищать ихъ въ общемъ собраніи, я былъ всегда терзаемъ честолюбіемъ и невозможностію быть полезнымъ, или, справедливѣе сказать, получить довѣренность и власть. Аѳинянамъ преподаю наставленія краснорѣчія даромъ, а съ чужестранцевъ беру по тысячѣ драхмъ; но далъ бы я десять тысячъ тому, кто бы снабдилъ меня смѣлостію и громкимъ голосомъ. — Ты вознаградилъ недостатокъ природы; ты своими сочиненіями наставляешь общество, предъ коимъ говорить не можешь, и кое почитать тебя должно. — Да что мнѣ пользы въ почтеніи другихъ, когда не могу я самъ себя почитать? Я даже презираю иногда мои дарованія. Какой плодъ мнѣ принесли онѣ? Получилъ ли когда чины, должности и отличія, каковыя повсядневно достаются подлымъ ораторамъ, отечеству измѣняющимъ?

Хотя похвальное слово мое Аѳинамъ покрыло стыдомъ писавшихъ прежде меня о томъ же предметѣ, и отняло бодрость у желающихъ нынѣ покуситься на оное; однако о успѣхахъ моихъ всегда говорилъ я съ великою скромностію, или паче, съ уничиженіемъ. Намѣренія мои непорочны; ни сочиненіями, ни доносами не оскорблялъ никого, а враговъ имѣю!---Да и не долженъ ли ты заплатить за твое достоинство нѣкоторыми прискорбіями? Враги твои достойны сожалѣнія болѣе, нежели ты. Неумолкный голосъ вопіетъ имъ, что ты щитаешь между учениками своими царей, полководцевъ, государственныхъ особъ, дѣеписателей, сочинителей во всякомъ родѣ: что отъ времени до времени выходитъ изъ училища твоего множество людей просвѣщенныхъ, кои разносятъ ученіе твое во страны дальнія; что управляешь ты Греціею посредствомъ питомцевъ своихъ; и что ты, я скажу твоими же словами, оселокъ, острящій орудіе.--Такъ; да самъ онъ не рѣжетъ.

По крайней мѣрѣ, сказалъ Аполлодоръ, зависть не можетъ не признать, что ты ускорилъ успѣхи искуства риторскаго. --Сіе то самое достоинство и отнять у меня хо-

тятъ. Ежедневно дерзкїе софисты, неблагодарные наставники, почерпающїе въ моихъ писанїяхъ правила и примѣры, сообщаютъ ихъ ученикамъ своимъ, и за то болѣе поносить меня стараются: они принимаются писать о тѣхъ же предметахъ, коими и я занимался; собираютъ приверженцевъ своихъ вокругъ себя и сравниваютъ свои сочиненїя съ моими, которыя прежде перепортятъ, или читая нарочно обезображиваютъ. Такое подлое остервенѣнїе пронзаетъ меня печалїю. Но вотъ Эфоръ и Θеопомпъ; я поведу ихъ къ Платону. Прощайте.

Исократъ. Коль скоро онъ оставилъ насъ, я спросилъ Аполлодора: кто таковъ сей старецъ толь скромный при такомъ самолюбїи, и столь несчастный при такомъ благополучїи? Исократъ, отвѣчалъ онъ мнѣ, къ которому я хотѣлъ вести тебя по возвращенїи нашемъ изъ Академїи. Я нарочно довелъ его моими вопросами до того, чтобъ онъ самъ изобразилъ тебѣ главнѣйшїя произшествїя своей жизни и нравъ свой. Ты узналъ, что двоекратно показалъ онъ примѣръ твердости въ своей юности. Безъ сомнѣнїя усилїе сїе истощило мужество души его; ибо провелъ онъ остатокъ дней своихъ въ страхѣ и печали.

Одинъ видъ каѳедры, отъ которой изъ благоразумія отказался онъ, толь сильно оскорбляетъ его, что никогда уже не присутствуетъ въ общемъ собраніи. Почитаетъ себя окруженна врагами и завистниками, по тому что сочинители, имъ презираемые, судятъ о его писаніяхъ съ меньшею, нежели онъ самъ, благосклонностію. Участь его есть безпрестанно гоняться за славою, и никогда не находить покоя.

Къ его несчастію сочиненія его, исполненныя впрочемъ великихъ красотъ, подаютъ сильное оружіе критикѣ: слогъ его чистъ и плавенъ, весьма строенъ, пріятенъ, иногда пышенъ и великолѣпенъ; но также иногда протяженъ, плодовитъ, наполненъ излишними украшеніями, которыя безобразятъ оный.

Его краснорѣчіе несвойственно было къ разбирательствамъ ни въ судѣ, ни предъ народомъ; оно услаждало паче слухъ, нежели трогало сердце. Досадно иногда видѣть почтеннаго писателя унижающагося часто до того, чтобъ быть только писателемъ звучнымъ, все искуство свое ставящаго въ одной пріятности, мысли свои словамъ порабощающаго, съ дѣтскою принужденностію избѣга-

ющаго стеченія гласныхъ, пекущагося о періодахъ полныхъ и круглыхъ, а для уравненія членовъ ихъ наполняющаго оные пустыми выраженіями и неумѣстными фигурами. И какъ слогъ его почти единообразенъ, то наконецъ читателя всегда прохлаждаетъ и отвращаетъ. Онъ похожъ на живописца, который всѣмъ своимъ лицамъ даетъ одинакія черты, одинакую одежду и одинакое положеніе.

Въ рѣчахъ своихъ разсуждаетъ онъ по большей части о важнѣйшихъ статьяхъ нравственности и политики. Не увѣряетъ, ниже увлекаетъ, по тому что пишетъ безъ жару, и болѣе занимается искуствомъ, нежели возвѣщаемыми истиннами. По сему то, можетъ быть, государи, для коихъ онъ нѣкоторымъ образомъ сдѣлалъ себя законодателемъ, за наставленія его платили подарками. Онъ сочинилъ небольшую книжку о должности царей, и разослалъ ко всѣмъ дворамъ. Діонисій, тираннъ Сиракузскій, также получивъ оную, подивился сочинителю, и удобно простилъ ему за совѣты, которые не сильны были произвести угрызенія въ душѣ его.

Исократъ состарѣлся, сочиняя, вычищая

переправляя и передѣлывая весьма малое число творенiй. Похвальное слово Аѳинамъ, сказываютъ, стоило ему десятилѣтняго труда. Во все время, какъ продолжалась сiя тяжелая работа, не примѣтилъ онъ, что воздвигалъ зданiе свое на такомъ основанiи, которое долженствовало причинить паденiе онаго. Полагаетъ за начало, что сущность краснорѣчiя состоитъ въ томъ, чтобъ малыя вещи увеличивать, а великiя умалять, и старается наконецъ доказать, что Аѳиняне сдѣлали Грецiи больше услугъ, нежели Лакедемоняне.

Не смотря на сiи недостатки, къ коимъ непрiятели его прибавляютъ много и другихъ, сочиненiя его содержатъ столь много удачныхъ оборотовъ, мыслей и здравыхъ правилъ, что могутъ служить образцами для тѣхъ, кои имѣютъ даръ вникать въ оныя. Онъ есть искусный риторъ, могущiй образовать изящныхъ писателей; онъ есть просвѣщенный наставникъ, внимательный къ успѣхамъ учениковъ своихъ и къ качеству ихъ разума. Эфоръ Кумскiй и Ѳеопомпъ Хiоскiй, кои его съ нами теперь разлучили, счастливый того опытъ на себѣ показали. Возбудивъ холодность

перьваго, а другаго умѣривъ стремленіе, опредѣлилъ ихъ обоихъ къ писанію исторіи. Ихъ перьвые опыты дѣлаютъ честь прозорливости учителя и дарованіямъ учениковъ.

Между тѣмъ, какъ Аполлодоръ разсказывалъ мнѣ сіи подробности, прошли мы общенародную площадь. Потомъ Гермесскою улицею привелъ онъ меня въ палестру Таврейскую, стоящую противъ переходовъ, царскими называемыхъ.

Палестра. Какъ въ Аѳинахъ есть разныя гимназіи, такъ есть и многія палестры. Въ перьвыхъ изъ сихъ училищъ упражняются дѣти, а во вторыхъ борцы по званію. Мы видѣли между ими много такихъ, кои одержали уже побѣды на играхъ, учрежденныхъ по различнымъ городамъ Греціи, а прочіе еще готовились къ полученію равныхъ же почестей. Многіе Аѳиняне, и даже старики, весьма часто приходятъ туда для продолженія своихъ упражненій, или для того, чтобъ быть зрителями производимыхъ тамъ ратоборствъ.

Палестры почти такъ же выстроены, какъ и гимназіи. Мы обошли разныя отдѣленія сего зданія, для разныхъ употребленій назначенныя, какъ то, гдѣ борцы раздѣ-

ваются; гдѣ ихъ натираютъ масломъ для приданія членамъ гибкости; гдѣ катаются они по песку, дабы сопротивники не столь удобно могли ихъ схватывать.

Борьба, скачка, игра мячемъ, всѣ упражненія ликея представляются глазамъ въ видахъ разнообразнѣйшихъ, и съ большею силою и проворствомъ со стороны дѣйствующихъ лицъ.

Въ разныхъ купахъ ихъ можно видѣть людей величайшей красоты и достойныхъ служить образцомъ для художниковъ; одни являютъ мужественныя и гордѣливыя черты, съ каковыми представляютъ Иракла; другіе имѣютъ тонкій и красивый станъ, каковымъ изображаютъ Ахилла. Первые, опредѣляя себя къ борьбѣ и кулачному бою, стараются умножать только силы свои; послѣдніе же, готовясь къ упражненіямъ не столь насильственнымъ, каковы бѣганіе, скачки и проч. тщатся сдѣлать себя легкими.

Образъ жизни ихъ во всемъ соотвѣтственъ ихъ предназначенію. Многіе воздерживаются отъ женъ и вина. Нѣкоторые ведутъ жизнь весьма умѣренную; но тѣ, кои подвергаютъ себя труднымъ опытамъ, имѣ-

ютъ нужду, для своего подкрѣпленія, въ великомъ количествѣ питательныхъ яствъ, какъ то говяжьяго и свинаго жаренаго мяса. Естьли съѣдаютъ онаго въ день не больше, какъ на двѣ мины, съ соразмѣрнымъ употребленіемъ хлѣба; то подаютъ уже высокое понятіе о своемъ воздержаніи. Говорятъ однакожъ о многихъ, что съѣдаютъ они невѣроятное множество пищи. Сказываютъ, на примѣръ, что Ѳеагенъ, уроженецъ острова Ѳаза, съѣлъ цѣлаго быка въ одинъ день. Приписываютъ такой же подвигъ Милону Кротонскому, который ежедневно съѣдалъ на двадцать минъ мяса, на столько же хлѣба, и выпивалъ по три конга (мѣра напитковъ) вина. Прибавляютъ наконецъ, что Астидамъ Милетскій, приглашенный къ столу Сатрапа Аріобарзана, одинъ пожралъ цѣлый ужинъ, изготовленный для десяти человѣкъ. Такіе разсказы конечно увеличены, но по крайней мѣрѣ показываютъ, какое должно имѣть понятіе о прожорствѣ борцовъ сего рода. Когда могутъ они удовлетворять оному безъ опасности, тогда пріобрѣтаютъ непомѣрную силу: ихъ станъ дѣлается иногда исполинскимъ; и сопротивники ихъ пораженные ужасомъ, или удаляются отъ

поприща, или подавляются тяжестію сихъ чудовищныхъ громадъ.

Излишество пищи такъ обременяетъ ихъ, что они принуждены бываютъ проводить большую часть жизни своей въ глубокомъ снѣ. Безмѣрная тучность обезображиваетъ всѣ черты лица ихъ; они подвергаются болѣзнямъ, которыя дѣлаютъ ихъ столько же несчастными, сколько были они безполезны своему отечеству: ибо не льзя не признаться, что борьба, кулачный бой и всѣ сіи сраженія, сопровождаемыя неистовствомъ во дни народныхъ торжествъ, суть только тщеславныя позорища, съ тѣхъ поръ, какъ военное искуство приведено въ совершенство. Египетъ никогда ихъ не терпѣлъ, потому что онѣ доставляютъ маловременную силу. Лакедемонъ исправилъ недостатки въ нихъ мудростію своихъ учрежденій. Во всей Греціи признано, что подвергая дѣтей симъ упражненіямъ, портятъ стройность тѣла ихъ, и рости имъ препятствуютъ; и что борцы по званію, пришедъ въ возрастъ, бываютъ худые воины, потому что не могутъ сносить голода, жажды, бодрствованія, ниже малѣйшей нужды или разстройства.

Погребательные обряды.

Выходя изъ палестры, извѣстились мы, что Телаира, жена Пирра, родственника и друга Аполлодорова, поражена нечаянною и весьма опасною болѣзнїю. При дверяхъ ея видны были лавровыя и акантовыя вѣтви, которыя вывѣшиваютъ, по обыкновенїю, при домѣ больнаго. Мы тотчасъ пошли туда. Родственники, одръ окружавшїе, приносили мольбы Меркурїю, сопровождателю душъ; а несчастный Пирръ принималъ послѣднее цѣлованїе отъ нѣжной супруги своей. Наконецъ удалили его оттуда. Мы хотѣли привести ему на память тѣ наставленїя, какїя получилъ онъ въ Академїи; наставленїя толь прекрасныя, когда человѣкъ благополученъ, и толь безвременныя, когда находится въ несчастїи. „О любомудрїе! возопилъ онъ, вчера „ты мнѣ любить повелѣвало жену, а нынѣ запре„щаешь оплакивать ее. „ Но, говорили мы, слезы твои не оживятъ ея. “ Сїе то са„мое ихъ усугубляетъ, отвѣчалъ онъ.„

Когда испустила она послѣднее издыханїе, весь домъ наполнился воплемъ и рыданїями. Тѣло было обмыто, окурено благовонїями и облечено въ драгоцѣнную одежду. На голову, сверхъ покрова, надѣли

ей вѣнокъ изъ цвѣтовъ; въ руки дали хлѣбъ, изъ муки и меду испеченный, для усмиренія Цербера; въ уста вложили серебряный пенязь цѣною въ одинъ или два овола, чтобъ заплатить Харону: въ такомъ состояніи находилась она весь день въ преддверіи, бывъ окружена возженными свѣтильниками. При дверяхъ поставленъ сосудъ съ очистительною водою для омовенія прикасавшихся ко трупу. Выставляется тѣло для удостовѣренія, что та особа умерла подлинно, и притомъ естественною смертію. Сіе продолжается иногда до трехъ дней.

Назначенъ выносъ. Собираться надлежало прежде восхожденія солнца. Законы запрещаютъ избирать другое для сего время, дабы толь печальный обрядъ не былъ превращаемъ въ зрѣлище тщеславія. Сошлись приглашенные друзья и родственники. При тѣлѣ увидѣли мы женщинъ, испускающихъ тяжкія стенанія; нѣкоторыя отрѣзывали у себя волосы и клали ихъ подлѣ Талаиры, въ знакъ любви и скорби своей. Поставили ее на колесницу въ кипарисномъ гробѣ. Сперва шли мущины, потомъ женщины; иные съ обритыми головами, всѣ по-

ступивъ взоры, въ черной одеждѣ, предшествуемы ликомъ пѣвцовъ, кои возглашали жалостныя пѣсни. Мы достигли къ дому, который имѣлъ Пирръ близь Фалеры. Тамъ было кладбище его предковъ.

Зарывать тѣла въ землю было нѣкогда въ общемъ употребленіи у всѣхъ народовъ: потомъ вошло у Грековъ въ обычай сожигать ихъ. Нынѣ кажется все ровно, предавать ли землѣ или пламени остатки насъ самихъ. Когда тѣло Телаиры сгорѣло, самые ближніе родственники собрали пепелъ; и сосудъ съ симъ пепломъ зарытъ въ землю.

Во время обряда дѣлано было возліяніе вина; брошены въ огонь нѣкоторыя одежды Телаиры; она была велегласно воззываема, и сіе на вѣки прощаніе усугубляло слезы, кои не преставали у всѣхъ литься изъ глазъ.

Оттуда мы приглашены были къ похоронному пиру, на которомъ только и говорили о добродѣтеляхъ Телаиры. Въ девятый и тридесятый день родственники ея въ бѣлой одеждѣ и увѣнчанные цвѣтами собирались еще для отданія почестей усопшей; и было установлено, чтобъ повсягодно сходясь въ день ея рожденія, заниматься утратою ея такъ, какъ будто бы она теперь для нихъ

свершилась. Сїе толь похвальное обязательство ведется часто въ семействахъ, въ обществахъ друзей и между учениками какого либо философа. Болѣзнованїе, какое показываютъ они при сихъ обстоятельствахъ, возобновляется въ общїй праздникъ въ честь усопшихъ, отправляемый въ мѣсяцѣ Анфестерїонѣ, (въ Февралѣ и Мартѣ). Наконецъ я видалъ неоднократно, что частные люди, приходя къ какой нибудь гробницѣ, полагали на нее часть волосовъ своихъ и лили вокругъ ея воду, вино, молоко и медъ.

Не столько любопытствуя о происхожденїи сихъ духовныхъ уставовъ, сколько вникая въ чувствїе, сохраняющее ихъ, удивлялся я мудрости древнихъ законодателей, запечатлѣвшихъ знакомъ святыни какъ погребенїе, такъ и самые обряды, при нихъ бывающїе. Они согласовались съ тѣмъ древнимъ мнѣнїемъ, что душа разлучившись съ тѣломъ, которое служитъ ей только облаченїемъ, останавливается на берегахъ Стикса, мучится желанїемъ достигнуть назначеннаго ей мѣста, является во снѣ тѣмъ, кои должны пещись о ея участи, доколѣ охранятъ смертные остатки ея отъ лучей солнца и отъ воздушныхъ суровостей.

ОтЪ сего происходитЪ то ревностное попеченіе доставлять ей желаемый покой; убѣдительное увѣщаніе прохожему, чтобЪ покрывалЪ землею трупЪ, на пути имЪ найденный; то глубокое почтеніе ко гробницамЪ и строгіе законы противЪ разрушающихЪ оныя.

ОтЪ сего такЪже взятЪ обычай наблюдаемый вЪ разсужденіи поглощенныхЪ волнами, или вЪ странѣ чуждой умершихЪ, и коихЪ тѣла отысканы быть не могли. Товарищи, прежде отшествія своего, взываютЪ ихЪ велегласно три краты, и ласкаются, что чрезЪ приношенія и возліянія жертвенныя возвращаютЪ сЪ собою усопшія души ихЪ, вЪ честь коимЪ поставляютЪ иногда надгробія (кинотафія), родЪ погребательныхЪ памятниковЪ, почти столькоже почитаемыхЪ, какЪ и самые гробы.

ИзЪ гражданЪ зажиточныхЪ иные сообразно древнему обычаю, имѣютЪ надЪ прахомЪ своимЪ одинЪ небольшій только столпЪ, на коемЪ начертано имя усопшаго; другіе вопреки законамЪ, осуждающимЪ пышность и оказательство притворной скорби, бременятся великолѣпными зданіями, которыя украшаются истуканами. ВЪ бытность мою одинЪ про-

стый отпущенникЪ истратилЪ два таланта на сооруженiе гробницы женѣ своей.

ГдѢ человѢкЪ заблуждается по излишеству или недостатку чувствованiя, тамЪ законы показуютЪ стезю, отЪ коей удаляться не позволено. Они запрещаютЪ возводить на первыя достоинства гражданскiя неблагодарнаго сына, который при кончинѢ виновниковЪ жизни своей пренебрегЪ должности природы и набожности. Они повелѢваютЪ на погребенiи присутствующимЪ наблюдать благопристойность даже вЪ отчаянiи; не вселять ужаса вЪ души зрителей пронзительными воплями и страшными рыданiями, особливо женщинамЪ не терзать своихЪ лицЪ, какЪ дѢлывали прежде. Кто бы могЪ подумать, чтобЪ надлежало заставлять женщинЪ пещися о храненiи красоты?

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

ПутешествIе вЪ КоринѳЪ. КсенофонтЪ. ТимолеонЪ.

ПрибывЪ вЪ Грецiю, узнали мы, что по завладѢнiи Элеанами одного вЪ ПелопонисѢ

мѣстечка, именуемаго Скиллонтъ, гдѣ Ксенофонтъ имѣлъ пребыванїе, удалился онъ съ сыновьями своими въ Коринѳъ на жительство. Тимагенъ нетерпѣливо желалъ видѣться съ нимъ. Мы отправились изъ Аѳинъ, взявъ съ собою Филота, коего домъ сопряженъ былъ узами гостепрїимства съ домомъ Тимодемовымъ, самымъ древнѣйшимъ въ Коринѳѣ. Мы прошли Элевсисъ, Мегару, узкїй перешеекъ (испмъ): ибо такъ поспѣшали, что и не занимались предметами, на пути намъ встрѣчавшимися.

Тимодемъ повелъ насъ самъ къ Ксенофонту, его не было дома: мы нашли его въ сосѣдственномъ храмѣ, гдѣ приносилъ жертву. Всѣхъ взоры на него устремлены были, а онъ не обращалъ своихъ ни на кого; ибо предстоялъ предъ богами съ такимъ же почтенїемъ, какое самъ внушалъ людямъ. Я разсматривалъ его съ великимъ любопытствомъ. Онъ казался мнѣ около семидесяти пяти лѣтъ отъ роду; а лице его сохраняло еще остатки той красоты, коею отличался онъ въ своей молодости.

Едва кончилось жертвоприношенїе, какъ Тимагенъ бросился обнимать его, и не могши оставить его, прерывающимся голосомъ на-

зываетъ его своимъ полководцемъ, спасителемъ, другомъ. Ксенофонтъ смотрѣлъ на него съ удивленіемъ, и старался привесть на память черты, которыя были ему ненезнакомы. Наконецъ восклицаетъ: Это Тимагенъ? Да и кто иной можетъ сохранять толь живыя чувствованія по толь долгой разлукѣ. Ты заставляешь меня испытать теперь, коль сладостно увидѣть друзей, съ коими на вѣки почитаешь себя разлученнымъ. Узнавъ другъ друга, начали нѣжно обниматься; и во всю бытность нашу въ Коринѳѣ взаимныя объясненія были предметомъ частыхъ бесѣдъ нашихъ.

Ксенофонтъ родился въ нѣкоторомъ мѣстечкѣ Аттики, воспитанъ въ училищѣ Сократовомъ, началъ военную службу въ своемъ отечествѣ, потомъ вступилъ вольнослужащимъ въ воинство, которое собиралъ младшій Киръ для сверженія со престола брата своего Артаксеркса, царя Персидскаго. По смерти Кира поручено ему вмѣстѣ съ четырьмя другими чиновниками предводительство Греческихъ войскъ; тогда учинили они то славное отступленіе, въ своемъ родѣ толико же удивительное, какъ и образъ опи-

санія, которое онъ объ немъ оставилъ. По возвращеніи своемъ перешелъ онъ въ службу Агезилая, царя Лакедемонскаго, съ коимъ разделялъ славу, и коего удостоился дружества. Спустя нѣсколько времени, Аѳиняне подосадовавъ на преимущество, какое онъ отдавалъ Лакедемонянамъ, осудили его на изгнаніе. Но сіи послѣдніе, чтобъ его вознаградить, дали ему убѣжище въ Скиллонтѣ.

Тамъ провелъ онъ многіе годы въ спокойствіи, и чаялъ паки возвратиться въ отечество, коль скоро утишатся мятежи въ Пелопонисѣ.

Во время нашего пребыванія въ Коринѳѣ познакомился я съ обоими его сыновьями Гриллом и Діодоромъ; но тѣснѣйшую дружбу свелъ я съ Тимолеономъ, вторымъ сыномъ Тимодема, у коего мы остановились въ домѣ.

Тимолеонъ

Чтобъ изобразить Тимолеона, я не буду говорить о томъ блистательномъ мужествѣ, какое оказалъ онъ на сраженіяхъ; ибо между народомъ воинственнымъ храбрость тогда только почитается отличіемъ, когда, вышедъ изъ предѣловъ, перестаетъ быть добродѣтелію: но чтобъ представить всѣ качества души его, я упомяну токмо о главнѣйшихъ: о глубокомъ благоразуміи, лѣта его превоз-

ходящемъ; о чрезвычайной кротости его въ обстоятельствахъ, касающихся до собственныхъ его выгодъ; о крайней твердости, когда дѣло шло о пользѣ отечества; о неослабной ненависти къ тиранству самолюбія и худыхъ примѣровъ: я довершу похвалу объ немъ, прибавивъ, что никто не имѣлъ толико сходства, какъ онъ, съ Эпаминондомъ, котораго по тайному нѣкоему внушенію избралъ себѣ въ образецъ.

Тимолеонъ наслаждался народнымъ почтеніемъ и своимъ собственнымъ, какъ непомѣрность добродѣтели его удалила отъ него почти всѣхъ умы, и сдѣлала его несчастнѣйшимъ изъ человѣковъ. Братъ его Тимофанъ, не имѣвшій ни знаній, ни правилъ его, составилъ вокругъ себя скопище изъ людей развращенныхъ, кои безпрестанно склоняли его присвоить себѣ верховную власть. Наконецъ думалъ, что онъ имѣетъ на то право. Безразсудное и дерзновенное мужество пріобрѣло ему довѣренность отъ Коринѳянъ, коихъ войсками неоднократно предводительствовалъ, и кои подчинили ему четыреста ратниковъ, для общественной безопасности содержимыхъ. Тимофанъ составилъ изъ нихъ себѣ поборниковъ, чернь обольстилъ щедростію; и помо-

ществуемый сильною крамолою, поступаетъ самовластно, и повелѣваетъ влещи на казни гражданъ, ему подозрительныхъ.

Тимолеонъ внимательно смотрѣлъ на его поведенїе и замыслы. Въ надеждѣ исправить его, старался прикрывать его проступки и обнаруживать блескъ нѣкоторыхъ похвальныхъ дѣяній, безъ намѣренїя имъ производимыхъ. На одномъ сраженїи, даже съ видимою для себя опасностїю, бросился въ средину непрїятелей, и одинъ удержалъ стремленїе ихъ, чтобъ только спасти жизнь брата, коего любилъ, и коего тѣло, покрытое ранами почти уже въ ихъ рукахъ находилось.

Но вознегодовавъ, видя, что тираннїя утверждалась еще при жизни его въ нѣдрахъ собственнаго семейства, съ жаромъ представляетъ Тимофану мерзость злодѣяній, произведенныхъ уже имъ и вновь умышляемыхъ; заклинаетъ его отказаться, какъ можно, скорѣе отъ ненавистной власти, и удовлетворить тѣнямъ жертвъ, закланныхъ безразсудному его самолюбїю. Спустя нѣсколько дней, опять къ нему приходитъ съ двумя общими друзьями, изъ коихъ одинъ былъ шуринъ Тимофану. Они вмѣстѣ повторяютъ прежнїя прозьбы; убѣждаютъ име-

нѣмъ родства, дружбы, отечества. Тимофанъ сперьва отвѣтствуетъ имъ язвительными насмѣшками, потомъ угрозами и неистовствомъ. Было положено, что рѣшительный со стороны его отказъ долженъ быть знакомъ къ его погубленію. Помянутые друзья; огорчась его упорствомъ, вонзаютъ кинжалъ въ грудь ему, между тѣмъ какъ Тимолеонъ, закрывъ себѣ голову полою епанчи своей, обливается слезами въ углу покоя, въ который онъ тогда вышелъ.

Не могу безъ трепета помыслить о той бѣдственной минутѣ, когда раздались по всему дому сіи пронзительные вопли, сіи ужасныя слова: „Тимофанъ умеръ! шуринъ и братъ убили его." По случаю мы находились тогда при Демаристѣ, его матери; отецъ былъ въ отсутствіи. Взглянувъ на несчастную мать сію, увидѣлъ я, что волосы на головѣ у ней становились дыбомъ, и ужасъ написанъ былъ на лицѣ ея посредѣ мрака смерти. Когда пришла въ чувство, то не проливая слезъ, извергла страшныя проклятія на Тимолеона, который не имѣлъ даже и того слабаго утѣшенія, чтобъ слышать ихъ изъ устъ ея. Заключившись въ своемъ покоѣ, кля-

лась, что не узритъ никогда убійцы сына своего.

Между Коринѳянами одни почитали убивство сіе за дѣло иройское, другіе за злодѣяніе. Первые не могли надивиться необычайному мужеству, пожертвовавшему природою и дружествомъ для блага общественнаго. Большая часть, одобряя смерть тиранна, говорила, что всякій гражданинъ имѣлъ право отнять у него жизнь, исключая брата. Послѣдовалъ бунтъ, который вскорѣ былъ утишенъ. На Тимолеона учиненъ доносъ, который однакожъ не имѣлъ никакого послѣдствія.

Судилъ онъ самъ себя еще съ большею строгостію. Коль скоро примѣтилъ, что дѣяніе его порицаемо было большею частію народа, началъ сомнѣваться о своей невинности, и вознамѣрился прекратить свою жизнь. Его друзья по многимъ прозьбамъ и стараніямъ принудили его къ пищѣ, но не могли никакъ уговорить, чтобъ остался жить вмѣстѣ съ ними. Онъ вышелъ изъ Коринѳа, и многіе годы бродилъ по мѣстамъ пустыннымъ, снѣдаясь печалію и горько оплакивая заблужденіе своей добродѣтели, а иногда и неблагодарность Коринѳянъ.

Мы увидимъ, что онъ паки явится съ большимъ сіяніемъ, и содѣлаетъ счастіе великаго государства, которое будетъ ему обязано своею вольностію.

Смятенія, происшедшія по случаю смерти брата его, ускорили отъѣздъ нашъ. Мы оставили Ксенофонта съ великимъ сожалѣніемъ. Спустя нѣсколько лѣтъ, я опять увидѣлся съ нимъ въ Скаллонтѣ; и въ свое время опишу тогдашнія бесѣды наши. Оба сыновья его жили съ нами. Они должны были служить въ отрядѣ войскъ, отправленномъ отъ Аѳинянъ къ Лакедемонянамъ.

Въ дорогѣ было намъ много сопутниковъ, шедшихъ въ Аѳины на самый величайшій праздникъ сего города, въ честь Вакху установленный. Кромѣ велелѣпія прочихъ зрѣлищъ, мнѣ нетерпѣливо хотѣлось видѣть пренїе, съ давнихъ временъ учрежденное между стихотворцами, кои представляютъ новыя трагедіи. Мы прибыли 5 числа мѣсяца элафиволїона (1 числа Апрѣля 362 года до Р. Х.) Праздникъ долженствовалъ начаться чрезъ восемь дней.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Наборъ, Смотръ, Ученіе войскъ у Аѳинянъ.

Два дни спустя по возвращеніи нашемъ въ Аѳины, пошли мы на площадь, гдѣ происходилъ наборъ войска, въ Пелопонисъ назначеннаго. Оно должно было соединиться съ войсками Лакедемонянъ и нѣкоторыхъ другихъ народовъ, чтобъ совокупными силами противостать начинаніямъ Ѳивянъ и ихъ союзниковъ. Егелохъ, стратигъ или вождь, засѣдалъ на возвышенномъ мѣстѣ. Подлѣ его Таксіархъ, чиновникъ вышняго степени, держалъ книгу, въ которую вписывались имена тѣхъ гражданъ, кои, будучи въ состояніи носить оружіе, долженствуютъ являться предъ сіе судилище. Онъ перекликалъ ихъ громогласно, и отмѣчалъ тѣхъ, коиараждемъ были избраны.

Аѳиняне обязаны служить отъ осьмнадцати до шестидесяти лѣтъ возраста. Престарѣлыхъ гражданъ рѣдко употребляютъ къ дѣлу; а несовершенно зрѣлыхъ еще лѣтами удаляютъ отъ мѣстъ самыхъ опасныхъ. Иногда правительство назначаетъ годы; иногда берутъ ихъ по жеребью.

Тѣ, кои имѣютъ на откупу сборы народныхъ податей, или кои дѣйствуютъ въ хорахъ на Вакховыхъ празднествахъ, отъ службы освобождаются. При самой крайней только нуждѣ посылаютъ на войну рабовъ, чужестранцевъ, поселившихся въ Аттикѣ и гражданъ очень бѣдныхъ. Весьма рѣдко набираютъ ихъ по тому, что они не присягали защищать отечество, или для того, что не имѣютъ личной выгоды защищать его: законъ ввѣрилъ попеченіе о томъ гражданамъ, имѣющимъ какую либо собственность, и самые богатые служатъ простыми воинами. Отъ того случается, что потеряніе битвы, ослабляя перьвыя степени гражданъ, доставляетъ послѣднему превосходство, которое перемѣняетъ иногда образъ правленія.

Республика обязалась къ союзному воинству поставить шесть тысячъ человѣкъ какъ пѣхоты, такъ и конницы. На другой день набора разсыпались они по улицамъ и площадямъ народнымъ, одѣтые въ доспѣхи. Ихъ имена прибиты были къ истуканамъ десяти ироевъ, давшихъ названіе свое десяти Аѳинскимъ колѣнамъ такъ, что на каждомъ истуканѣ видимы были имена воиновъ каждаго колѣна.

Нѣсколько дней спустя, былъ смотръ войскамъ. Я пошелъ туда съ Тимагеномъ, Аполлодоромъ и Филотою. Мы увидѣли тамъ Ификрата, Тимоѳея, Фокіона, Хаврія, всѣхъ текущаго года полководцевъ. Сіи послѣдніе были по обычаю избраны въ народномъ собраніи. Ихъ было числомъ десять, по одному отъ каждаго колѣна. При семъ случаѣ вспомнилъ я, что сказалъ нѣкогда Филиппъ Македонскій: „Завидую счастію Аѳинянъ; они „находятъ ежегодно десять человѣкъ способныхъ предводительствовать ихъ войсками, „а я для предводительства моихъ войскъ „нашелъ только одного Парменіона.„

Прежде раздѣлялось началъство между десятью стратигами. Каждый день воинство перемѣняло вождя; а въ случаѣ несогласія въ совѣтѣ Полемархъ, одинъ изъ главныхъ судей республики, имѣлъ право рѣшить дѣло. Нынѣ вся власть находится обыкновенно въ рукахъ одного, который съ своей стороны обязанъ давать отчетъ въ своихъ дѣяніяхъ, ежели онъ не уполномоченъ безпредѣльно. Другіе вожди остаются въ Аѳинахъ, и не имѣютъ почти иныхъ должностей, какъ только, что бы находиться при общенародныхъ обрядахъ.

Пѣхоту составляли три розряда воиновъ:

оплиты, или тяжело вооруженные, легко вооруженные и пелтасты, коихъ оружїе не такъ тяжело, какъ у перьвыхъ, и не такъ легко, какъ у послѣднихъ.

Оплиты оборонительнымъ оружїемъ имѣли шлемъ, латы, щитъ; родъ сапожковъ покрываютъ переднюю часть ноги; а наступательное ихъ оружїе было копье и мечъ.

Легко вооруженные должны метать дротики или стрѣлы; иные же камни либо изъ пращъ, либо рукою.

Пелтасты носили дротикъ и малый щитъ, называемый *Пелта*.

Щиты почти всѣ изъ ивоваго дерева, были расписаны и украшены изображенїями. Я видѣлъ на одномъ щитѣ сїи въ золотыхъ буквахъ слова: *доброму счастїю*; на другихъ чиновники ставили знаки относительные къ ихъ свойству или вкусу. Я услышалъ мимоходомъ, какъ одинъ старикъ говорилъ своему товарищу: за пятьдесятъ три года я былъ въ несчастномъ Сицилїйскомъ походѣ. Служилъ я подъ начальствомъ Никїя, Алкивїада и Ламаха. Ты слыхалъ о богатствѣ перьваго, о храбрости и красотѣ втораго, третїй неустрашимостїю своею вселялъ ужасъ. Злато и багрецъ украшали щитъ Никїевъ; на

Ламаховомъ изображались голова Горгоны, а на Алкивіадовомъ Купидонъ, мещущій стрѣлы.

Я хотѣлъ вслушаться въ разговоръ сей; но былъ отвлеченъ приходомъ Ификрата, которому Аполлодоръ лишь только разсказалъ повѣсть о Тимагенѣ и о мнѣ. Послѣ первыхъ привѣтствій Тимагенъ поздравилъ его съ перемѣнами, которыя ввелъ онъ въ вооруженіи оплитовъ. Онѣ были нужны, отвѣтствовалъ Ификратъ; фаланга, обремененная тяжестію своего оружія, съ трудомъ дѣлала движенія, кои отъ нея требовались, и имѣла болѣе средствъ къ отраженію ударовъ непріятеля, нежели къ нанесенію ему оныхъ. Латами холстинными замѣнены металлическія; малымъ и легкимъ щитомъ тѣ безмѣрной величины щиты, кои, прикрывая насъ, отнимали у насъ свободу. Копье сдѣлано одной третью длиннѣе, а мечъ половиною. Воинъ надѣваетъ и скидаетъ свою обувь съ большею удобностію. Я хотѣлъ оплитовъ сдѣлать страшнѣе; они въ войскѣ тоже, что грудь въ тѣлѣ человѣческомъ. Какъ Ификратъ охотно показывалъ краснорѣчіе, то и продолжалъ свое сравненіе: полководца уподоблялъ онъ головѣ, конницу ногамъ, легкія

войска рукамъ. Тимагенъ спросилъ у него, для чего не ввелъ онъ въ употребленіе Віоційскаго шлема, который, простираясь даже до латъ, покрываетъ шею. Сей вопросъ родилъ многіе другіе о содержаніи войскъ и объ образѣ веденія войны Греками и Персами. А я съ своей стороны вопрошалъ Аполлодора о многихъ предметахъ, которые означатся его отвѣтами.

За десятью стратигами, говорилъ онъ, слѣдуетъ десять Таксіарховъ, кои такъ, какъ и первые, повсягодно избираются по жеребью изъ каждаго колѣна въ общемъ собраніи. Они состоя подъ повелѣніями вождей, должны снабдѣвать воинство съѣстными припасами, учреждать и сохранять порядокъ въ его шествіи, располагать оное станомъ, надзирать надъ благочиніемъ, наблюдать, чтобъ оружіе было въ добромъ состояніи. Иногда начальствуютъ они правымъ крыломъ; иногда же вождь посылаетъ ихъ съ извѣстіемъ о побѣдѣ и съ другими донесеніями о произшедшемъ во время сраженія.

Въ сію минуту увидѣли мы человѣка, одѣтаго въ полукафтанье, (туника) которое до колѣнъ его досягало, и сверьхъ коего надлежало бы

ему имѣть латы, но онъ держалъ ихъ такъ, какъ и прочее вооруженіе, въ рукахъ. Подошелъ къ Таксіарху, близъ коего мы стояли. Другъ мой, сказалъ ему сей чиновникъ, для чего не надѣваешь ты своихъ латъ? Тотъ же отвѣтствовалъ: время служенія моего миновало: вчера на перекличку явился я отъ сохи. Записанъ былъ въ военную службу еще при Архонтѣ Калліасѣ: справся съ записками, и ты увидишь, что съ того времени прошло уже болѣе сорока пяти лѣтъ. Однакожъ я принесъ съ собою мое оружіе, ежели отечество имѣетъ во мнѣ надобность. Чиновникъ удостовѣрясь о истиннѣ, и давъ знать о томъ вождю, вычернилъ имя сего честнаго гражданина, а на мѣсто его вписалъ другаго.

Мѣста десяти Таксіарховъ суть такія государственныя должности, которыя имѣть паче, а не исполнять они стараются. Большая часть изъ нихъ совсѣмъ не бываютъ при воинствѣ, и ихъ обязанности раздѣляются для исправленія между начальниками, коихъ опредѣляетъ вождь надъ разными отдѣленіями въ войскѣ. Ихъ довольно много. Одни имѣютъ у себя подъ начальствомъ сто двадцать восемь человѣкъ; другіе двѣ-

сти пятьдесятъ шесть, пять сотъ двѣнадцать, тысячу двадцать четыре; и сіе количество, восходя, не ограничивается, а низходя, оканчивается числомъ, которое можно почитать за существенную часть различныхъ отдѣленій фаланги. Сія часть есть рядъ, состоящій иногда изъ осьми, а чаще изъ шестнадцати человѣкъ.

Я здѣсь прервалъ рѣчь Аполлодора, и показалъ ему человѣка, на головѣ вѣнецъ, а въ рукѣ Меркуріевъ жезлъ имѣющаго. Я уже много таковыхъ видѣлъ, сказалъ ему. — Это провозвѣстники, отвѣчалъ онъ; особа ихъ священна: отправляютъ они важныя должности: провозглашаютъ войну, предлагаютъ миръ или перемиріе, объявляютъ приказы вождемъ данные, созываютъ воинство, возвѣщаютъ время похода и мѣсто, куда идти, на сколько дней брать съѣстныхъ припасовъ. Ежели при нападеніи или отступленіи шумомъ заглушается голосъ провозвѣстника, то поднимаются значки: ежели пыль препятствуетъ ихъ видѣть, трубятъ въ трубу; а когда то и другое безуспѣшно, помощникъ вождя разъѣзжаетъ по рядамъ и объявляетъ его повелѣнія.

Въ сію минуту нѣкоторые молодые лю-

ди, какъ молнія мимо насъ пробѣжавшіе, едва съ ногъ не сшибли людей степенныхъ, шедшихъ важными шагами. Первые, сказалъ мнѣ Аполлодоръ, суть скороходы; вторые, гадатели: сіи суть два рода людей, употребляемыхъ часто у насъ при воинствѣ; одни для относу въ дальнія мѣста приказаній полководца, другіе для разсматриванія жертвенныхъ внутренностей, согласны ли онѣ съ волею боговъ.

И такъ, сказалъ я, дѣйствія войны зависятъ у Грековъ отъ пристрастія и невѣжества сихъ мнимыхъ истолкователей небесъ? Очень часто, отвѣчалъ Аполлодоръ. Хотя установило ихъ между нами суевѣріе, однакожъ содержать ихъ нужно. Наши воины суть люди свободные, мужественные, но нетерпѣливые и неспособные сносить благоразумной медлѣнности полководца; который, когда не можетъ ихъ вразумить доказательствами, не имѣетъ инаго средства, какъ заставить говорить боговъ.

Ходя около фаланги, примѣтилъ я, что каждый вышній чиновникъ имѣлъ при себѣ подчиненнаго чиновника, который отъ него не отлучался. Это его щитоносецъ, сказалъ мнѣ Аполлодоръ. Онъ обязанъ нахо-

диться при немъ въ самомъ жару сраженія, а въ другихъ случаяхъ хранить щитъ его. Каждый оплитъ, или тяжело вооруженный, имѣетъ также слугу, который между прочимъ исправляетъ иногда и должность щитоносца; но предъ сраженіемъ всегда онъ отсылается въ обозъ. Мы почитаемъ себѣ безчестіемъ утрату щита, а не утрату меча и другаго наступательнаго оружія. Для чего такое различіе? спросилъ я. Чтобы преподать намъ великое наставленіе, отвѣчалъ онъ: чтобъ вразумить насъ, что мы должны менѣе помышлять о пролитіи крови непріятельской, нежели о возпрепятствованіи пролить нашу собственную; и такимъ образомъ война долженствуетъ быть состояніемъ защищенія, а не нападенія.

Потомъ пошли мы въ ликей, гдѣ происходилъ смотръ конницѣ. Надъ нею начальство по праву принадлежитъ двумъ вождямъ, именуемымъ Иппархами, и десяти частнымъ начальникамъ, названнымъ Фалархами; тѣ и другіе каждогодно избираются по жеребью въ народномъ собраніи.

Нѣкоторые Аѳиняне заблаговременно записываются въ конницу, а прочіе граждане всѣ почти въ пѣхоту. Конница состоитъ

только изъ тысячи двухъ сотъ человѣкъ. Каждое колѣно составляетъ сто двадцать человѣкъ съ однимъ чиновникомъ, который повелѣвать ими долженъ. Число же конныхъ на лицо бываетъ обыкновенно по числу воиновъ, тяжело вооруженныхъ; и сїя соразмѣрность, перемѣняющаяся по обстоятельствамъ, часто равняется какъ одинъ къ десяти, то есть, придается двѣсти конныхъ къ двумъ тысячамъ оплитовъ.

Не болѣе ста лѣтъ, какъ заведена у насъ конница, говорилъ мнѣ Аполлодоръ. Ѳессалїйская конница многочисленна по тому, что та страна обильна пажитями. Прочїе же округи Грецїи такъ сухи и безплодны, что весьма трудно разводить въ нихъ лошадей: почему и записываются въ конные полки только люди богатые: а оттуда происходитъ и уваженїе къ сему роду службы. Никто принятъ быть туда не можетъ безъ позволенїя вождей, частныхъ начальниковъ, а паче сената, который особенно печется о содержанїи и великолѣпїи столь отличной части воинства. Оный присутствуетъ при смотрѣ новонабранныхъ.

Они явились предъ нимъ въ шлемахъ, латахъ, со щитомъ, мечемъ, копьемъ или

дротикомъ, въ короткихъ епанчахъ, и проч. Между тѣмъ, какъ осматривали ихъ оружїе, Тимагенъ, будучи знатокъ во всѣхъ частяхъ военнаго искуства, говорилъ намъ: латы съ лишкомъ широкїе и съ лишкомъ узкїе бываютъ или бременемъ или узами несносными. Шлемъ долженъ быть таковъ, чтобъ всадникъ въ случаѣ нужды могъ прикрывать имъ до половины лица. На лѣвую руку надобно надѣвать то недавно выдуманное вооруженїе, которое удобно растягиваясь и стягиваясь, совсѣмъ покрываетъ сїю часть тѣла отъ плеча даже до кисти; на правую привязывать кожу, мѣдныя дщицы, и въ извѣстныхъ мѣстахъ одну телячью кожу, лишь толькобъ сїи пособїя не препятствовали тѣлодвиженїю: ноги обувать въ кожаные сапоги съ бодцами. Для всадниковъ справедливо предпочитается мечъ. Вмѣсто длинныхъ копїй, ломкихъ и тяжелыхъ, какїе видите вы у многихъ, желалъ бы я лучше дать имъ по два дротика изъ рябиноваго дерева, одинъ для метанїя, другой для защищенїя себя. Голову и грудь коня покрывать должно особенною бронею: бока и брюхо нѣкоторыми покрывалами, кои растилаются по спинѣ и на кои садится всадникъ.

Хотя Аѳинскими всадниками не принято всѣхъ предосторожностей, Тимагеномъ означенныхъ; однако былъ онъ весьма доволенъ вооруженïемъ ихъ. Сенаторы и вожди уволили изъ нихъ нѣкоторыхъ, показавшихся недовольно сильными; нѣкоторымъ выговаривали за нерадѣнïе о чистотѣ оружïя. Потомъ осматривали лошадей, способны ли онѣ къ верьховой ѣздѣ, не упрямы ли, привычны ли къ трудностямъ, не брыкливы ли, не слишкомъ ли горячи, и не слишкомъ ли вялы. Многïя были перемѣнены; и чтобъ старыхъ и дряхлыхъ исключить навсегда, то у нихъ на челюсти полагался знакъ раскаленнымъ желѣзомъ.

Во время сего смотра всадники нѣкотораго колѣна прискакали съ великимъ крикомъ и доносили сенату, что одинъ изъ ихъ товарищей за нѣсколько лѣтъ предъ тѣмъ среди сраженïя перешелъ изъ пѣхоты въ конницу безъ позволенïя начальниковъ. Проступокъ былъ гласенъ; законъ неоспоримъ. Онъ осужденъ на тотъ родъ безчестïя, коимъ лишается гражданинъ большей части правъ своихъ.

Таковымъ же поруганïемъ наказывается тотъ, кто служить отрекается, и коего

принуждаютъ къ тому уже судебнымъ порядкомъ. Оно употребляется также и противъ всякаго воина, бѣгущаго при видѣ непрiятеля, или для спасенiя своего скрывающагося въ ряды, не столько подверженные опасности. Во всѣхъ сихъ случаяхъ виновный не можетъ присутствовать ни въ общемъ собранiи, ни при народныхъ жертвоприношенiяхъ; а ежели тамъ явится, то каждый гражданинъ имѣетъ право представить его къ суду. Ему опредѣляются различныя наказанiя; естьли присужденъ къ денежной пенѣ; то содержится въ оковахъ, доколѣ не заплатитъ оной.

Измѣна наказывается смертiю; побѣгъ также; ибо бѣгать изъ службы есть тоже, что и измѣнять отечеству. Вождь имѣетъ власть понизить, и даже опредѣлить въ самыя подлыя должности такого чиновника, который не повинуется, или безчеститъ себя поведенiемъ.

Толь строгiе законы, сказалъ я тогда; должны поддерживать честь и подчиненность въ вашихъ воинствахъ. Аполлодоръ отвѣтствовалъ: государство, которое не покровительствуетъ законамъ своимъ, перестаетъ ими быть покровительствуемо. Самый

важнѣйшій изъ всѣхъ законовъ, то есть, обязующій каждаго гражданина защищать свое отечество, ежедневно нарушается. Богатѣйшіе записываются въ конницу, и отбиваютъ отъ службы или посредствомъ добровольныхъ податей, или ставя человѣка, коему даютъ свою лошадь. Скоро не будетъ Аѳинянъ въ нашихъ воинствахъ. Вчера ты самъ видѣлъ, что изъ нихъ малое число записалось: пріобщили ихъ къ наемникамъ, коимъ не стыдимся ввѣрять спасеніе республики. Съ нѣкоторыхъ временъ возникаютъ въ Греціи вожди отважные, кои, набравъ ратниковъ изъ всѣхъ народовъ, проходятъ изъ страны въ страну, оставляютъ по себѣ опустошеніе и смерть, продаютъ мужество свое инымъ державамъ, будучи готовы сражаться и противъ нихъ при малѣйшемъ неудовольствіи. Вотъ нынѣ пособіе и надежда Аѳинянъ! Коль скоро война объявлена, народъ, пріобыкшій къ сладостямъ мира, и страшась трудностей похода, вопіетъ единогласно:,, пусть призовутся десять, двадцать тысячъ чужестранцевъ.,, Наши предки содрогнулись бы отъ толь не пристойныхъ воплей; но злоупотребленіе сдѣлалось обычаемъ, а обычай закономъ.

Однакожъ, сказалъ я ему, естьлибъ между

войсками наемными нашлись способные хранить строгій порядокъ, то соединивъ ихъ съ вашими, вы заставили бъ ихъ взаимно наблюдать другъ за другомъ, и произвели бы, можетъ быть, между ими полезное соревнованіе. Ежели бы наши добродѣтели имѣли нужду въ зрителяхъ, отвѣчалъ онъ мнѣ; то для чего искать ихъ индѣ, какъ не въ нѣдрахъ республики? По силѣ похвальнаго установленія граждане одного колѣна, одного уѣзда записываются въ ту же часть конницы, въ ту же когорту; они идутъ въ походъ и сражаются подлѣ своихъ родственниковъ, друзей, сосѣдовъ, соперниковъ. Какой воинъ дерзнулъ бы учинить подлость при свидѣтеляхъ толь страшныхъ? Какъ могъ бы онъ по возвращеніи своемъ сносить взоры всегда готовые пристыдить его?

Потомъ разсказывалъ мнѣ Аполлодоръ о безмѣрной роскоши, какую чиновники, да и самые вожди начали вводить въ воинствѣ. Наконецъ хотѣлось мнѣ знать о жалованьѣ пѣшихъ и конныхъ. Оно перемѣнялось, смотря по временамъ и мѣстамъ, отвѣчалъ Аполлодоръ. Я слыхалъ отъ стариковъ, служившихъ шестьдесятъ восемь тому лѣтъ при осадѣ Потидеи, что тамъ давано было

оплитамъ, на господина и слугу, по двѣ драхмы въ день; но сїе непомѣрное жалованье истощило казну общественную. Около двадцати лѣтъ спустя, принуждены были отпустить одну часть легкихъ войскъ, призванныхъ изъ Ѳракїи, потому что они требовали себѣ жалованья противъ помянутаго въ половину.

Нынѣ обыкновенно выдается оплиту по четыре овола на день, а двадцать драхмъ на мѣсяцъ; начальнику когорты производится вдвое, вождю вчетверо. Иногда же обстоятельства заставляютъ уменшать жалованье вполы въ томъ предположенїи, что сего довольно пѣшему на доставленїе себѣ съѣстныхъ припасовъ, и что часть раздѣляемой добычи пополнитъ такую недодачу.

Конному во время войны выдается, смотря по случаямъ, вдвое, втрое и даже въ четверо противъ пѣшаго. Во время же мирное, когда никакого жалованья не производится, получаетъ онъ на содержанїе лошади, около шестнадцати драхмъ въ мѣсяцъ; что составляетъ изъ казны расхода близь сорока талантовъ.

Аполлодоръ на всѣ мои вопросы отвѣчалъ охотно. Предъ походомъ, говорилъ онъ

мнѣ, отдается приказъ воинамъ брать съѣстныхъ припасовъ на нѣсколько дней. Въ походѣ содержать потребное количество оныхъ есть долгъ вождей. Для подъему обоза есть нужныя повозки, лошади и невольники: а иногда сами воины имѣютъ объ ономъ попеченіе.

Ты хочешь знать, каковъ обычай у Грековъ въ разсужденіи добычи, взятой у непріятелей. Право располагать ею, или раздѣлять ее было всегда почитаемо за одно изъ преимуществъ вождя. Во время Троянской войны полагалась она къ ногамъ его; онъ часть оставлялъ для себя, а другую дѣлилъ или начальникамъ или воинамъ. Восемь сотъ лѣтъ спустя, вожди учреждали раздѣлъ добычъ, отнятыхъ у Персовъ на сраженіи при Платеѣ. Онѣ раздѣлены были между воинами, по отложеніи одной изъ нихъ части на украшеніе храмовъ Греческихъ и на выдачу награжденія отличившимся противъ непріятеля.

Съ того времени даже до нашихъ дней, Греческіе вожди всю добычу или вносятъ въ народную казну, или опредѣляютъ на дѣла общественныя и украшеніе храмовъ, либо обогащаютъ ею друзей своихъ и воиновъ, ли-

бо сами обогащаются, либо по крайней мѣрѣ получаютъ изъ нея третью часть; что въ нѣкоторыхъ земляхъ имъ безпрекословно уже присуждается.

Между нами преимущество вождя никакимъ закономъ не ограничено: онъ болѣе или менѣе пользуется имъ, смотря по степени его безкорыстія. Правительство требуетъ отъ него того только, чтобъ войска жили, естьли можно, на счетъ непріятеля, и въ раздѣлѣ добычи находили добавокъ къ жалованью, когда причины бережливости заставляютъ уменшать оное.

Послѣдующіе дни назначены были для ученья войскъ. Я не буду говорить о всѣхъ военныхъ движеніяхъ, кои я видѣлъ: то было бы описаніе несовершенное и безполезное для моихъ читателей: вотъ нѣкоторыя общія только замѣчанія.

Мы нашли близь горы Анхесма отрядъ, состоящій изъ тысячи шести сотъ пѣшихъ тяжело вооруженныхъ, поставленныхъ по шестнадцати человѣкъ въ толщину и по сту въ длину; каждый воинъ занималъ мѣста на четыре локтя. При семъ отрядѣ было извѣстное число легко вооруженныхъ.

Лучшіе воины были поставлены въ первыхъ и послѣднихъ рядахъ. Начальники рядовъ, такъ какъ и замыкавшіе ихъ, были всѣ люди отличные по своей храбрости и опытности. Одинъ изъ чиновниковъ начальствовалъ. Къ оружїю! кричалъ онъ; слуга, вонъ изъ Фаланги! копье вверьхъ! копье къ низу! смыкайтесь! равняйтесь! стройтесь! на право, на лѣво! копье подъ щитъ! ступай! стой! сдвой ряды! по Лакедемонски! и проч.

По словамъ сего чиновника фаланга то разширяла, то сжимала ряды свои такъ, что ратникъ, занимая мѣста не болѣе локтя, не могъ оборотиться ни на право ни на лѣво. Она представляла черту то полную, то раздѣленную, коея разстоянія иногда были замѣщаемы легко вооруженными. Наконецъ по предписаннымъ оборотамъ принимала всѣ возможные виды, и двигалась колонною совершеннымъ и продолговатымъ четвероугольникомъ, внутрь пустымъ или полнымъ.

Во время движеній сихъ даваны удары воинамъ непослушнымъ или нерадивымъ. Меня удивило сїе потому, что у Аѳинянъ запрещено бить даже невольника. Я заключилъ изъ того, что между народами просвѣщенными безчестіе зависитъ иногда болѣе

отъ извѣстныхъ нѣкоторыхъ обстоятельствъ, нежели отъ самаго существа вещей.

Лишь только сїе ученїе кончилось, какъ увидѣли мы вдали подымающуюся пыль. Передовые притины возвѣстили о приближенїи непрїятеля. То былъ другїй отрядъ пѣхоты, который обучали въ ликеѣ, и который хотѣли свести съ первымъ, чтобъ представить образъ сраженїя. Тотчасъ кричатъ, къ оружїю; воины поспѣшно становятся въ ряды, а позади ихъ легкїя войска. Оттуда бросаютъ онѣ на непрїятеля чрезъ фалангу стрѣлы и каменья.

Непрїятели между тѣмъ приближались скорыми шагами, имѣя копья на правомъ плечѣ. Легкїя войска ихъ устремляются съ великимъ крикомъ, но обращаются въ бѣгство, мѣста ихъ заступаютъ оплиты, и на выстрѣлъ изъ лука останавливаются. Тогда по всѣмъ рядамъ послѣдуетъ глубокое молчанїе. Тотчасъ дается знакъ трубою. Воины поютъ въ честь Марса бранную пѣснь: приклоняютъ копья, а иные ударяютъ ими о щиты свои; подаются впередъ всѣ въ добромъ порядкѣ. Вождь для вящшаго ихъ поощренїя испускаетъ крикъ, возбуждающїй къ сраженїю. Они

тысящекратно повторяютъ за нимъ: *Елелевъ! Елелевъ!* Бились съ великимъ жаромъ; непрїятели разсѣяны, и въ маломъ нашемъ воинствѣ раздалось повсюду слово: *Алале!* крикъ побѣду означающїй.

Наши легкїя войска погналися за непрїятелемъ, и привели много плѣнныхъ. Побѣдоносные воины воздвигли трофей; и ставъ въ боевый порядокъ, положили на землю свое оружїе, но такъ, что, взявъ опять оное, мгновенно построиться могли. Потомъ удалились въ станъ, гдѣ вкусивъ не много пищи, проводили ночь на одрахъ изъ древесныхъ листьевъ.

Взяты были всѣ предосторожности, какїя только наблюдаются во время войны. Въ станѣ не было огня; разкладывали его предъ онымъ, дабы удобнѣе можно было видѣть непрїятельскїя покушенїя. Поставлена вечерняя стража; смѣнялась она въ разные часы ночи. Одинъ чиновникъ ходилъ много разъ дозоромъ, держа въ рукѣ колокольчикъ, на звукъ коего часовой сказывалъ приказъ, или данный пароль. Слово сїе есть знакъ, часто перемѣняемый, который отличаетъ воиновъ одной и той же стороны. Чиновники и рядовые получаютъ его предъ сраженїемъ, чтобъ въ

схваткахЪ удобнѣе соединиться, а при наступленіи ночи вЪ темнотѣ узнать другЪ друга было можно. Пароль всегда отдаетЪ вождь, и самое величайшее отличіе оказываетЪ тому, кому уступитЪ онЪ свое право. Пароль чаще всего заключается вЪ слѣдующихЪ словахЪ: *ЮпитерЪ спаситель и Ираклій предводитель; ЮпитерЪ спаситель и побѣда; Минерва-Паллада; Солнце и луна; мечЪ и кинжалЪ.*

ИфикратЪ, который былЪ сЪ нами безотлучно, сказывалЪ, что онЪ отмѣнилЪ колокольчикЪ при дозорахЪ; и чтобЪ лучше скрыть порядокЪ отЪ непріятеля, давалЪ два различныя слова чиновнику и часовому, такЪ что одинЪ, на примѣрЪ, отвѣчалЪ ЮпитерЪ спаситель; а другій, НептунЪ.

ИфикратЪ хотѣлЪ, чтобЪ станЪ былЪ окружаемЪ тыномЪ, который бы препятствовалЪ подходить близко. Сія есть такая предосторожность, говорилЪ онЪ, коей никогда пренебрегать не должно, и я наблюдалЪ ее, находясь даже и вЪ пріятельской землѣ.

Вы видите, примолвилЪ онЪ, тѣ изЪ листьевЪ постели. Иногда приказывалЪ я дѣлать одну для двоихЪ воиновЪ, а иногда для одного по двѣ. ПотомЪ оставляю станЪ мой:

приходитъ непрїятель, считаетъ постели; и предполагая у меня больше или менѣе войска, нежели сколько имѣлось въ самомъ дѣлѣ, не смѣетъ напасть на меня, или нападаетъ съ неудачею.

Бодрственность войскъ моихъ содержу, возбуждая подъ рукою напрасные страхи то частыми тревогами, то ложнымъ слухомъ о измѣнѣ, засадѣ и пришедшей къ непрїятелю подмогѣ.

Чтобы время покоя не было для нихъ временемъ праздности, заставляю ихъ копать рвы, рубить деревья, переносить станъ и обозъ съ одного мѣста на другое.

Особливо стараюсь ихъ возбуждать честїю. Нѣкогда предъ сраженїемъ увидѣвъ воиновъ блѣднѣющихъ, сказалъ я громко: естьли кто изъ васъ забылъ что нибудь въ станѣ, то пусть идетъ и скорѣе возвратится. Трусливѣйшїе воспользовались симъ позволенїемъ. Я вскричалъ тогда: невольники скрылись; здѣсь только люди храбрые. Мы пошли, и непрїятель обратился въ бѣгство.

Ификратъ разсказывалъ о многихъ другихъ военныхъ хитростяхъ, которыя равно ему удавались. Около полуночи мы разошлися по домамъ. На другой день и чрезъ многїе

послѣдующіе дни смотрѣли мы ученіе конницы въ ликеѣ и близъ Академіи. Обучали всадниковъ прыгать на коня безъ помощи стремянъ, перескакивать рвы, взъѣзжать на высоты, спускаться съ крутизнъ, нападать другъ на друга, преслѣдовать, дѣлать всякаго рода обороты, то отдѣленно отъ пѣхоты, то совокупно съ нею.

Тимагенъ говорилъ мнѣ: сколь ни превосходна сія конница, но будетъ побита, когда сразится съ Ѳивскою конницею. Она имѣетъ малое число пращниковъ и стрѣлковъ между рядами своими, а у Ѳивянъ ихъ втрое, и при томъ всѣ Ѳессалійцы, лучшіе для сего рода оружія изъ всѣхъ народовъ Греціи. Послѣдствіемъ оправдано Тимагеново предсказаніе.

Воинство готовилось къ походу. Многія семейства были въ сокрушеніи. Чувствованія природы и любви возбуждались съ большею силою въ сердцахъ матерей и женъ. Между тѣмъ, какъ предавались онѣ страхамъ, послы, недавно прибывшіе изъ Лакедемона, разсказывали намъ о мужествѣ Спартанскихъ женъ при подобныхъ случаяхъ. Одинъ юный воинъ говорилъ своей матери, показывая мечъ свой:“ Онъ очень коротокъ“ — “Такъ чтожъ?

отвѣчала она, ты на шагъ впередъ подайся." Другая Лакедемонянка, подавая щитъ своему сыну, сказала:" Возвратись съ нимъ, или на немъ.,, (*)

Войска присутствовали на Вакховыхъ праздникахъ, послѣднїй день коихъ сопровождался торжествомъ, которое по обстоятельствамъ учинилось весьма трогательнымъ. При томъ былъ Сенатъ, воинство, безчисленное множество гражданъ всякаго состоянїя и чужестранцевъ изъ разныхъ земель. По окончанїи послѣдней трагедїи увидѣли мы на ѳеатрѣ провозвѣстника, сопровождаемаго великимъ числомъ юныхъ сиротъ, покрытыхъ блестящимъ оружїемъ. Онъ представилъ ихъ сему знаменитому собранїю, и голосомъ твердымъ и яснымъ произнесъ сїи слова:" Вотъ юноши, коихъ отцы померли „на войнѣ, мужественно сражаясь. Народъ „усыновивъ ихъ, воспиталъ до двадцатилѣ„тняго возраста. Онъ давъ имъ нынѣ полное „вооруженїе, посылаетъ къ вамъ; назначаетъ „имъ первыя мѣста на зрѣлищахъ нашихъ."

(*) Въ Спартѣ почиталось за безчестїе утратить свой щитъ; и умершїе на войнѣ приносились домой на щитахъ.

Сердца всѣхъ были тронуты. Войска пролили слезы умиленія, и на другой день выступили въ походъ.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Ѳеатръ.

Я видѣлъ трагедію; и въ безпорядкѣ мыслей изображу здѣсь кратко впечатлѣнія, во мнѣ ею произведенныя.

Ѳеатръ открылся при самомъ разсвѣтѣ дня. Я пришелъ туда съ Филотою. Нѣтъ ничего величественнѣе, какъ первый видъ: съ одной стороны позорищное мѣсто, украшенное живописью искуснѣйшихъ художниковъ: съ другой пространный амфитеатръ съ лавками, весьма высоко одна надъ другой устроенными, площадками и лѣстницами, которыя, туда и сюда простираясь, и по извѣстнымъ разстояніямъ одна другую пересѣкая, способствуютъ сообщенію, составляютъ изъ лавокъ многія отдѣленія, изъ коихъ иныя предоставляются нѣкоторымъ только сословіямъ и особамъ.

Народъ собирался во множествѣ: тол-

пился повсюду , восходилъ, низходилъ, кричалъ, смѣялся, тѣснился, толкался и презиралъ чиновниковъ, для содержанія порядка приставленныхъ. Посреди сего безпорядка прибыли одинъ за другимъ девять Архонтовъ или первые градоправители республики, судіи, пятисотный Сенатъ, вожди войскъ, жрецы. Сіи различныя сословія заняли нижнія скамьи. Надъ ними собраны были всѣ юноши , девятнадцатилѣтняго возраста достигшіе. Женщины садились въ такомъ мѣстѣ, которое отдѣляло ихъ отъ мущинъ и разпутныхъ прелестницъ. *Орхестръ* былъ пустъ: онъ назначенъ для преній въ поезіи, музыкѣ и пляскѣ, что обыкновенно бываетъ по окончаніи ѳеатральныхъ представленій: ибо здѣсь къ удовольствованію всѣхъ вкусовъ соединяются всѣ художества.

Нѣкоторые изъ Аѳинянъ приказывали постилать себѣ драгоцѣнные ковры подъ ноги, и сидѣли, разнѣжась, на подушкахъ, невольниками принесенныхъ ; другіе прежде и во время представленія требовали вина, плодовъ и закусокъ; иные, бросались между скамьями, выбирали для себя выгодное мѣсто, и сгоняли уже на немъ сидѣвшихъ.

Они на то имѣютъ право, сказалъ мнѣ Филота; такое отличїе дано имъ отъ республики въ награду заслугъ ихъ.

Я удивлялся великому числу зрителей: оно простирается иногда, говорилъ Филота, до тридцати тысячъ. Торжественность праздниковъ привлекаетъ ихъ изъ всѣхъ частей Грецїи, и разсѣваетъ духъ сумазбродства между жителями здѣшняго города. На многїе дни оставляютъ дѣла свои, лишаютъ себя сна, часть дня провождаютъ здѣсь, и не могутъ насытиться различными зрѣлищами. Сїе удовольствїе тѣмъ для нихъ живѣе, что рѣдко вкушаютъ его. Представляются на разсмотрѣнїе драматическїя сочиненїя только при двухъ другихъ праздникахъ; но писатели сберегаютъ всѣ свои усилїя для нынѣшняго. Намъ обѣщано семь или восемь новыхъ драмъ. Не удивляйся сему: всѣ тѣ, кои въ Грецїи трудятся для ѳеатра, намъ усердствуютъ приношенїемъ своихъ дарованїй. Въ прочемъ, иногда беремся мы опять за нашихъ древнихъ писателей; и позорище скоро откроется для Антигоны Софокловой. Ты будешь имѣть удовольствїе видѣть двухъ превосходныхъ лицедѣевъ, Ѳеодора и Аристодема.

Лишь только пересталъ говорить Филотъ, какъ провозвѣстникъ, давъ знакъ къ молчанію, вскричалъ: да предстанетъ хоръ Софокловъ! Такъ возвѣщаются комедіи и трагедіи. Θеатръ представлялъ преддверіе чертоговъ Креона, царя Θивскаго. Антигона и Исмена, дочери Эдиповы, открыли явленіе, имѣя на себѣ личины. Ихъ произглашеніе (daclamation) показалося мнѣ непринужденнымъ; но голосъ удивилъ меня. Какъ называются сіи лицедѣйки? спросилъ я. Θеодоръ и Аристодемъ, отвѣчалъ Филотъ: ибо здѣсь нѣтъ женщинъ на θеатрѣ. Минуту спустя, появился хоръ, изъ пятнадцати Θивскихъ старцевъ состоящій, идущихъ по трое въ рядъ, и согласно поющихъ побѣду, одержанную Θивянами надъ Полиникомъ, братомъ Антигоны.

Дѣйствіе нечувствительно оживотворяется. Все, что я ни видѣлъ, все, что ни слышалъ, было для меня столь ново, что мое вниманіе каждую минуту возрастало купно съ удивленіемъ. Будучи увлеченъ окружавшими меня призраками, очутился я посредѣ Θивъ. Я видѣлъ, какъ Антигона отдавала погребательныя почести Полинику, не

смотря на строгое запрещеніе Креона. Я видѣлъ, какъ тиранъ, не внемлющій прозьбамъ добродѣтельнаго Гемона, своего сына, съ коимъ готовилась она сочетаться бракомъ, повелѣваетъ влещи ее насильственно въ мрачную пещеру, которая зрѣлась внутри ѳеатра, и долженствовала служить ей гробомъ. Тотчасъ устрашенный прещеніями неба, идетъ къ пещерѣ, откуда исходятъ ужасныя стенанія. Стеналъ сынъ его. Онъ держалъ въ объятіяхъ своихъ несчастную Антигону, коея жизнь прекращена была пагубною вервію. Присутствіемъ Креона раздражается его бѣшенство; онъ извлекаетъ мечъ противъ отца своего; пронзаетъ имъ самъ себя, упадаетъ къ ногамъ своей любовницы, и прижимаетъ ее къ груди до послѣдняго издыханія.

Почти при глазахъ моихъ совершались сіи жестокія произшествія; или паче счастливое удаленіе уменшало ужасъ оныхъ. Какое искуство заставляетъ меня вкушать толико горести и удовольствія купно, толико прилѣпляетъ меня къ несчастіямъ, на которыя взирать не былъ бы въ состояніи? Какій чудный подборъ призраковъ и существенности! Я летѣлъ на помощь двумъ лю-

бовникамъ; я проклиналъ безжалостнаго творца золъ ихъ. Самыя сильнѣйшія страсти раздирали мою душу, не удручая ея; и я въ первый разъ нашелъ сладость въ ненависти.

Тридцать тысячъ зрителей обливались слезами, усугубляли мои восторги и упоенїе. Коль достойною сожалѣнїя представилась княжна, когда жестокосердые стражи влекли ее въ пещеру; ея гордый и неустрашимый духъ, уступивъ повелительному гласу природы, явилъ минутную слабость; и заставилъ произнесть горестныя слова.

,,Итакъ я вживѣ, и медленно низхожу въ ,,жилище мертвыхъ! Итакъ не узрю больше ,,свѣта небесъ! О гробъ, о одръ смертный, ,,обиталище вѣчное! Мнѣ одна остается на- ,,дежда: вы послужите для меня путемъ къ ,,соединенїю моему съ родомъ, злосчастнымъ ,,родомъ, изъ коего я погибаю послѣдняя и ,,злосчастнѣйшая. Я увижу виновниковъ дней ,,моихъ; они увидятъ меня съ удовольствїемъ. ,,А ты, Полиникъ, о братъ мой! ты узна- ,,ешь, что для отданїя тебѣ долга, пред- ,,писаннаго природою и закономъ, пожертво- ,,вала я моею юностїю, жизнїю, бракомъ и ,,всемъ, что ни было дражайшаго для меня ,,въ свѣтѣ. Увы! я оставлена въ сїю плаче-

„вную минуту. Ѳивяне ругаются моими не-
„счастіями. Нѣтъ у меня ниединаго друга,
„который бы пролилъ обо мнѣ хотя слезу.
„Я ожидаю смерти, меня призывающей, и
„боги молчатъ. Гдѣ мои злодѣянія? Естьли
„благочестіе мое было законопреступленіемъ,
„то я должна загладить оное моею смертію.
„Ежели враги мои виновны, не желаю имъ лю-
„тѣйшихъ мученій, нежели каково мое.„

Награда присуждается по представленіи уже всѣхъ сочиненій. За Софокловымъ слѣдовали еще нѣкоторыя другихъ творенія, коихъ выслушать былъ я не въ силахъ. У меня не доставало ни слезъ, ни вниманія.

Я внесъ въ сію главу точныя слова изъ дневныхъ моихъ записокъ. Въ другомъ мѣстѣ опишу все, что касается до искуства драмматическаго и прочихъ зрѣлищъ, которыя возвышаютъ торжественность Діонисійскихъ праздниковъ.

ГЛАВА ВТОРАЯНАДЕСЯТЬ.

Описанїе Аѳинъ.

Нѣтъ ниодного города въ Грецїи, который бы представлялъ толь великое множество памятниковъ, какъ Аѳины. Повсюду возвышаются зданїя, почтенныя своею древностїю, или лѣпотою своею. Изящныя произведенїя ваянїя разсыпаны щедрою рукою даже по площадямъ народнымъ: онѣ украшаютъ купно съ живописью портики и храмы. Здѣсь все оживотворяется, все вѣщаетъ глазамъ внимательнаго зрителя. Повѣствованїе о памятникахъ сего народа было бы повѣствованїемъ о его подвигахъ, благодарности и богочтенїя.

Я не намѣренъ описывать ихъ каждый въ особенности, да и не надѣюсь сообщить душѣ читателей моихъ того впечатлѣнїя, какое производили во мнѣ красоты искуства. Великое сокровище для путешественника состоитъ въ томъ, что прїобрѣтаетъ онъ прїятныя и живыя чувствованїя, воспоминанїе которыхъ чрезъ всю жизнь его возобновляется; но не можетъ раздѣлять ихъ съ тѣми, кои, не испытавъ оныхъ, берутъ всегда

болѣе участія въ повѣствованіи о его прискорбіяхъ, нежели удовольствіяхъ. Я буду подражать тѣмъ истолкователямъ, кои показываютъ рѣдкости Олимпіи и Дельфовъ: поведу читателя моего по разнымъ урочищамъ Аѳинъ: перенесемся къ послѣднимъ годамъ моего пребыванія въ Греціи, и вступимъ сперва въ Пирей.

Сія пристань, заключающая въ себѣ три другія меншія, находится къ западу отъ Мунихійской и Фалерской пристаней, нынѣ почти оставленныхъ. Въ ней иногда собирается до трехъ сотъ галеръ; она могла бы помѣстить и четыреста. Открылъ ее, такъ сказать Ѳемистоклъ, когда предпріялъ завести у Аѳинянъ морскую силу. Тотчасъ появились тамъ торжище, кладовыя и оружейница, могущая снабжать оружіемъ великое число судовъ.

Прежде, нежели выступишь на землю, обрати взоръ на ближайшій мысъ. Четвероугольный камень, безъ украшеній, положенный на простомъ основаніи, есть гробница Ѳемистоклова. Тѣло перенесено сюда изъ мѣста изгнанія его. Посмотри на корабли, то приходящіе, то отходящіе; на сихъ женъ и дѣтей, кои прибѣгаютъ на берегъ встрѣ-

чать супруговъ и отцовъ своихъ; на тamоженныхъ повѣренныхъ, кои спѣшатъ осматривать привезенныя кипы, и накладываютъ на нихъ печати свои, доколѣ не внесется пошлина; на приставовъ и надсмотрщиковъ, повсюду бѣгающихъ; одни для установленія цѣны на хлѣбъ и муку; другіе для отправленія двухъ изъ того третей въ Аѳины; иные же для отвращенія обману и для соблюденія порядка.

Пойдемъ подъ одинъ изъ крытыхъ переходовъ, пристань окружающихъ. Вотъ купцы, кои отправляются въ Эвксинскій понтъ или Сицилію, занимаютъ потребныя имъ деньги за великую лихву, и судебнымъ порядкомъ заключаютъ свои условія. Вотъ еще одинъ, который объявляетъ въ присутствіи свидѣтелей, что нагруженныя имъ вещи въ случаѣ кораблекрушенія должны быть поставлены на страхъ заимодателей. Далѣе разложены на столахъ различные товары Восфорскіе, и для показанія доброты хлѣбъ только лишь привезенный изъ Понта, Ѳракіи, Сиріи, Египта, Ливіи и Сициліи. Пойдемъ на площадь Ипподамову, названную такъ по имени зодчія Милетскаго, ее построившаго. Здѣсь собраны произведенія всѣхъ земель: и

это не Аѳинское торжище, а торжище цѣлой Грецїи.

Пирей украшается ѳеатромъ, множествомъ храмовъ и великимъ числомъ истукановъ. Какъ сїя пристань долженствовала снабдѣвать Аѳины всѣми жизненными потребностями, то Ѳемистоклъ привелъ ее въ безопасность отъ всякаго нечаяннаго нападенїя, приказавъ построить ту прекрасную стѣну, которая заключаетъ въ себѣ и селенїе Пирейское, и пристань Мунихїйскую. Она въ длину имѣетъ шестьдесятъ стадїй, въ вышину сорокъ локтей: Ѳемистоклъ хотѣлъ возвысить ее до осьмидесяти: ширина ея такова, что болѣе, нежели двѣ колесницы рядомъ ѣхать по ней удобно могутъ. Она сдѣлана изъ большихъ четвероугольныхъ камней, соединенныхъ извнѣ желѣзными и свинцовыми связями.

Пойдемъ къ Аѳинамъ подлѣ той длинной стѣны, которая отъ Пирея простирается до самыхъ градскихъ воротъ, на разстоянїи сорока стадїй. Ее воздвигнуть замыслилъ также Ѳемистоклъ; и его намѣренїе вскорѣ произведено въ дѣйство при правленїи Кимона и Перикла. Нѣсколько лѣтъ спустя, построили они такую же, хотя не

столь длинную стѣну, отъ градскихъ стѣнъ до пристани Фалерской. Она вправѣ у насъ. Основанія той и другой положены на землѣ болотистой, которую засыпать и утвердить старались огромными каменьями. Посредствомъ сихъ двухъ стѣнъ, называемыхъ нынѣ длинными стѣнами, Пирей включается въ окружность Аѳинъ, для коихъ сдѣлался оплотомъ. По взятіи города срыты были вовсе, или частію; сіи различныя укрѣпленія; но въ наше время опять возобновлены почти по прежнему.

Дорога, по которой мы идемъ, наполнена во всякое время и всякой часъ великимъ множествомъ людей, кои привлекаются сюда близостію Пирея, его праздниками и торговлею.

Предъ нами вотъ одна гробница. Аѳиняне воздвигли ее въ память Еврипиду, скончавшемуся въ Македоніи. Читай первыя слова надписи: „ *Слава Еврипидова имѣетъ памятникомъ цѣлую Грецію.* „ Видишь ли то стеченіе зрителей подлѣ городскихъ воротъ, носилки тамъ останавливающіяся, и на подмосткахъ человѣка, рабочими людьми окруженнаго? Это Праксители; онъ хочетъ на одномъ основаніи, кое служитъ вмѣсто гроб-

ницы, поставить великолѣпный конный истуканъ, недавно имъ оконченный.

Вотъ уже мы въ городѣ близь одного зданія, Помпеонъ называемаго. Отсюда начинаются тѣ знаменитые ходы юношей и дѣвъ, отправляющихся по временамъ на празднества, торжествуемыя другими народами. Въ сосѣдственномъ храмѣ, посвященномъ Церерѣ, находятся достойные удивленія истуканы сей богини, также Прозерпины и юнаго Якха; всѣ три работы Праксителевой.

Пройдемъ сими крытыми переходами, которые простираются вдоль улицы, и которыхъ съ лишкомъ много настроено въ городѣ. Иные стоятъ отдѣленно, другіе примкнуты къ домамъ, для коихъ служатъ преддверіемъ. Философы и празднолюбцы провождаютъ тамъ нѣкоторую часть дня. Почти во всѣхъ видны живопись и истуканы превосходной работы. Подъ переходами, гдѣ продается мука, ты увидишь изображеніе Елены, Зевксисомъ написанное.

Пойдемъ улицею, которая у насъ влѣвѣ: она доведетъ насъ до Пникса или того мѣста, гдѣ народъ имѣетъ нѣкоторыя изъ своихъ собраній: сіе многолюдное урочище

смѣжно съ Керамикомъ или черепичнымъ, такъ названнымъ по бывшимъ нѣкогда тамъ черепичнымъ заводамъ. Сїе обширное мѣсто раздѣлено на двѣ части, изъ коихъ одна внѣ стѣнъ, гдѣ находится Академїя, а другая внутри оныхъ, гдѣ большая площадь.

Остановимся на время у крытаго перехода царскаго, который по многимъ причинамъ заслуживаетъ наше вниманїе. Вторый изъ архонтовъ, называемый архонтъ-царь, имѣетъ тутъ свое судилище. Иногда собирается здѣсь и Ареопагъ. Истуканы, на кровлѣ поставленныя, представляютъ Ѳисея, низвергающаго въ море Скирона и Аврору, Кефала похищающую. Мѣдный образъ, который ты видишь при входѣ, есть изображенїе Пиндара; на головѣ у него вѣнецъ, на колѣнахъ книга, а въ рукѣ лира. Ѳивяне, его соотечественники, раздражась похвалами, какїя онъ приписывалъ Аѳинянамъ, подло осудили его на нѣкоторую пеню; а Аѳиняне поставили ему сей памятникъ, не столько можетъ быть изъ почтенїя къ великому стихотворцу, сколько изъ ненависти къ Ѳивянамъ. Не подалеку отъ Пиндара стоятъ истуканы Конона, сына его Тимоѳея, и Евагора царя Кипрскаго.

Подлѣ царскаго крытаго перехода ты видишь крытый ходъ Юпитера избавителя, гдѣ живописецъ Евфаноръ изобразилъ на разныхъ дскахъ двѣнадцать боговъ, Ѳисея, народъ Аѳинскій и то сраженіе конницы, когда Гриллъ, сынъ Ксенофонтовъ, напалъ на Ѳивянъ, Епаминондомъ предводительствованныхъ. Того и другаго признать легко можно; живописецъ выразилъ пламенными чертами жаръ, ихъ обоихъ возбуждавшій. Аполлонъ сосѣдственнаго храма есть работы того же художника.

Отъ перехода царскаго идутъ двѣ улицы, и оканчиваются народною площадью: пойдемъ по лежащей вправѣ. Она украшена, какъ ты видишь, множествомъ Гермесовъ. Такъ называются тѣ подножія или подставы, изъ коихъ выходитъ голова Меркуріева. Одни поставлены частными людьми, другіе же по повелѣнію правительства. Почти всѣ они напоминаютъ о славныхъ дѣяніяхъ; а нѣкоторые и о правилахъ мудрости. Послѣдними одолжены мы Иппарху, сыну Пизистратову. Онъ написалъ стихами превосходнѣйшія наставленія нравственности, и приказалъ начертать ихъ на разныхъ Гермесахъ, поставленныхъ имъ по площадямъ,

перекресткамъ, по многимъ улицамъ Аѳинскимъ, и по селенїямъ всей Аттики. На иномъ, на примѣръ, написано: *Имѣй всегда справедливость путеводительницею*; на другомъ: *Никогда не нарушай правъ дружества.* Такїя правила безъ сомнѣнїя способствовали много тому, что рѣчь сельскихъ жителей поучительна.

Сїя улица кончится двумя портиками при вступленїи на площадь. Одинъ изъ оныхъ Гермескїй: другїй, изъ всѣхъ прекраснѣйшїй, называется Пекиль. Въ первомъ видны три Гермеса, на коихъ, по прїобрѣтенїи нѣкоторыхъ успѣховъ надъ Мидянами, была нѣкогда написана отъ народа похвала неполководцамъ, а воинамъ, побѣждавшимъ подъ ихъ начальствомъ. При дверяхъ Пекиля стоитъ Солоновъ истуканъ. Внутреннїя стѣны увѣшаны щитами, отнятыми у Лакедемонянъ и другихъ народовъ; убраны творенїями Полигнота, Микона, Панена и многихъ иныхъ славныхъ живописцевъ. Въ сихъ изображенїяхъ, красоты коихъ удобнѣе чувствовать, нежели описать можно, увидишь ты взятїе Трои, помощныя войска, Ираклидамъ Аѳинянами данныя, сраженїе съ Лакедемонянами при Энoѣ, съ Персами при

Мараѳонѣ, съ Амазонками въ самыхъ Аѳинахъ.

Сїя весьма пространная площадь украшена зданїями, въ честь богамъ, или въ пользу общества опредѣленными; священными убѣжищами, иногда несчастныхъ, а чаще того виновныхъ спасающими; истуканами, воздвигнушыми царямъ и частнымъ людямъ, великїя заслуги отечеству оказавшимъ.

Послѣдуй за мною, и подъ тѣнїю яворовъ, мѣста сїи украшающихъ, пройдемъ нѣкоторую часть площади. Та великая окружность заключаетъ въ себѣ храмъ въ честь матери боговъ и зданїе, гдѣ сенатъ собирается. Тутъ хранятся столпы, на коихъ начертаны многїе изъ законовъ Солоновыхъ и народныхъ постановленїй. Въ круглообразную храмину, деревами обсаженную, Приштаны или судїи уголовныхъ дѣлъ ежедневно приходятъ обѣдать, когда бываютъ при своей должности, а иногда приносятъ тамъ жертву за благосостоянїе народа.

Посреди десяти истукановъ, отъ коихъ Аѳинскїя колѣна заимствуютъ имена свои, одинъ изъ архонтовъ имѣетъ свое судилище. Здѣсь произведенїя ума поминутно останавляютъ взоры. Въ храмѣ матери боговъ ты

видѣлъ истуканъ, сдѣланный Фидіемъ; въ храмѣ Марсовомъ, который у насъ предъ глазами, ты найдешь истуканъ бога войны, изваянный Алкаменомъ, достойнымъ ученикомъ Фидіевымъ. Со всѣхъ сторонъ представляетъ площадь подобные памятники.

На самой срединѣ ея, вотъ Скиѳскій станъ, который содержитъ республика для наблюденія порядка. Вотъ мѣсто, гдѣ народъ иногда собирается, а теперь покрыто шатрами, подъ коими разложены различные товары. Далѣе ты видишь толпу, сквозь которую едва продраться можно. Тутъ продаются съѣстные припасы потребные для толь многочисленнаго народа. Это общее торжище, раздѣленное на многія еще частныя, кои во весь день бываютъ наполнены людьми, а особливо съ девяти часовъ до полудня. Сборщики приходятъ туда для взиманія пошлинъ со всего, что ни продается; а приставы для надзиранія за всемъ, что тамъ ни происходитъ. Я скажу тебѣ о двухъ весьма мудрыхъ законахъ въ разсужденіи сей непокоривой и мятежной черни. Одинъ запрещаетъ упрекать и самаго послѣдняго гражданина прибыткомъ, какой получаетъ онъ отъ своего

торгу. Это для того, чтобЪ полезный промыселЪ не сдѣлался промысломЪ презрительнымЪ. Другій не позволяетЪ просить за товарЪ лишнее, ложь употребляя. Первый законЪ поддерживается тщеславіемЪ, а второй пренебреженЪ отЪ корыстолюбія. КакЪ площадь есть вЪ городѣ такое мѣсто, гдѣ наиболѣе людей собирается, то ремесленники стараются всячески жаться около онаго, а посему и домы нанимаются здѣсь гораздо дороже, нежели вЪ другихЪ урочищахЪ.

Теперь поведу тебя вЪ храмЪ ѲисеевЪ, который построенЪ КимономЪ, спустя нѣсколько лѣтЪ послѣ Саламинской битвы. ОнЪ поменше Минервина, о коемЪ я тотчасЪ говорить буду, и коему, кажется, служилЪ образцемЪ; онЪ, такЪ какЪ и послѣдній, чина Дорическаго и на видЪ прекрасенЪ. Искусные живописцы обогатили его безсмертными произведеніями кисти своей.

ПрошедЪ мимо храма Кастора и Поллукса, мимо божницы Агравлы, Кекропсовой дочери, мимо Пританеи, гдѣ республика на своемЪ иждивеніи содержала нѣсколько гражданЪ, знатныя услуги оказавшихЪ, вступили мы вЪ улицу треножниковЪ, которую надлежало бы называть лучше улицею тор-

жествѣ. Въ самомъ дѣлѣ здѣсь ежегодно полагается, такъ сказать, въ сохраненіе слава побѣдителей на состязаніяхъ, наши праздники украшающихъ одержанная. Таковыя состязанія бываютъ между музыкантами и плясунами различнаго возраста. Каждое колѣно избираетъ своихъ: одержавшее побѣду приноситъ мѣдный треножникъ или въ храмъ, или иногда въ домъ, построенный на той улицѣ. Ты видишь множество такихъ приношеній на верьхахъ и внутрь прекрасныхъ зданій по обѣимъ сторонамъ. На нихъ есть и надписи, которыя, смотря по обстоятельствамъ, означаютъ имя перваго архонта; названіе колѣна, побѣду одержавшаго; имя гражданина, который, подъ названіемъ Хорега, содержалъ въ пути своимъ иждивеніемъ на игры отправившихся; имя стихотворца, стихи сочинившаго; учителя, хоромъ управлявшаго, и музыканта учившаго пѣть на голосъ свирѣли своей. Подойдемъ ближе. Вотъ побѣдители Персовъ прославляются за то, что были предводителями хоровъ. Читай на семъ треножникѣ: *Колѣно Антіохидово одержало побѣду: Аристидъ былъ Хорегомъ; Архестратъ сочинилъ стихи.* А на другомъ: *Ѳемистоклъ былъ Хорегомъ; Фриникъ сочи-*

нялъ трагедїю; Адимантъ былъ архонтомъ.

Предметы зодчества и рѣзьбы, коими окружены мы, удивляютъ превосходствомъ работы столько же, сколько и побудительными причинами, которыя произвели ихъ; но всѣ красоты оныхъ изчезаютъ въ сравненїи съ сатиромъ, коего увидишь ты въ семъ зданїи. Пракситель полагаетъ его въ числѣ изящнѣйшихъ произведенїй своихъ, и все общество признаетъ за отмѣнное творенїе искуства.

Улица треножниковъ ведетъ къ Вакхову ѳеатру. Пристойность требовала, чтобъ трофеи были воздвигаемы на полѣ сраженїя; ибо на ѳеатрѣ только хоры разныхъ колѣнъ спорятъ о побѣдѣ. Здѣсь также собирается иногда народъ, либо для совѣщанїя о дѣлахъ общественныхъ, либо для зрѣнїя представляемыхъ трагедїй и комедїй. При Мараѳонѣ, Саламинѣ, Платеѣ торжествовали Аѳиняне только надъ Персами; здѣсь же торжествовали они надъ народами, какїе существуютъ нынѣ, и можетъ быть надъ тѣми, какїе впредь существовать будутъ; имена Эсхила, Софокла и Эврипида останутся на грядущїя времена не менше славны, какъ и имена Мильтїада, Аристида и Ѳемистокла.

Противъ ѳеатра ты видишь одинъ изъ древнѣйшихъ Аѳинскихъ храмовъ, храмъ Вакха, прозваннаго богомъ точилъ (жемовъ). Онъ стоитъ въ части города, болотною называемой, и въ году отворенъ бываетъ только одинъ разъ. Въ той пространной оградѣ, которая окружаетъ его, въ извѣстные праздники давались зрѣлища прежде, нежели ѳеатръ былъ построенъ.

Наконецъ достигли мы до самой лѣстницы замка или крѣпости. Восходя, замѣть, какъ видъ распространяется и украшается со всѣхъ сторонъ. Въ лѣво при семъ источникѣ взгляни на пещеру, изсѣченную въ дикомъ камнѣ, и посвященную Пану. Аполлонъ получилъ здѣсь послѣднюю за свою любовь благосклонность отъ Креузы, дочери царя Эрехѳея. Нынѣ принимаетъ онъ тутъ приношенія отъ Аѳинянъ, всегда внимательныхъ ко освященію слабостей боговъ своихъ.

Остановимся предъ симъ пышнымъ Дорическаго чина зданіемъ, которое у насъ предъ глазами. То суть такъ называемые Пропилеи или преддверія замка. Периклъ сорудилъ ихъ изъ мармора по чертежамъ и подъ смотрѣніемъ зодчія Мнесикла. Начаты при архонтѣ Эвѳиманѣ, а кончены уже пять

лѣтъ спустя: на строенїе ихъ, сказываютъ, употреблено двѣ тысячи двѣнадцать таланшовъ; издержка непомѣрная и превосходящая годовый доходъ республики.

Храмъ, который у насъ влѣвѣ, посвященъ Побѣдѣ. Войдемъ въ храмину по правую руку подивиться живописи, стѣны ея украшающей; большая часть оной есть произведенїе кисти Полигнотовой. Возвратимся къ главному зданїю. Посмотри на тѣ прекрасные шесть столповъ, коими щипецъ поддерживается. Пройди преддверїе, двумя рядами Іоническихъ столповъ на трое раздѣленное, и оканчивающееся въ противоположной сторонѣ пятью дверями, сквозь которыя видны столпы крытыхъ переходовъ обращенныхъ ко внутренней части замка. Взгляни мимоходомъ на сїи огромные марморные камни, кои составляютъ потолокъ и поддерживаютъ кровлю.

Вотъ мы уже въ замкѣ. Посмотри на сїе множество истукановъ, которые благочестїемъ и благодарностїю въ сихъ мѣстахъ воздвигнуты, и рѣзцомъ Мироновъ, Фидїевъ, Алкаменовъ и прочихъ славнѣйшихъ художниковъ оживотворенными кажутся. Здѣсь будутъ жить навсегда Периклъ, Формїонъ,

Ификратъ, Тимоѳей и многїе другїе полководцы Аѳинскїе. Величественыя ихъ изображенїя помѣщены на ряду съ изображенїями боговъ.

Таковый родъ вбоженїя меня живо поразилъ при моемъ прибытїи въ Грецїю. Я думалъ, что въ каждомъ городѣ вижу два рода людей; людей, коихъ смерть осуждала на всегдашнее забвенїе, и людей, коимъ художества давали некончаемое бытїе. Однихъ почиталъ я за порожденїе человѣковъ, другихъ чадами славы. Потомъ находя повсюду истуканы пересталъ въ умѣ моемъ дѣлать различїе между тѣми двумя родами.

Приближимся къ симъ двумъ жертвенникамъ. Не прикасайся къ первому; это жертвенникъ цѣломудрїя: вторый обьими нѣжно; это жертвенникъ дружбы. Читай на семъ мѣдномъ столпѣ приговоръ, осуждающїй на безчестное изгнанїе гражданина и его потомство за то, что принялъ онъ злато отъ Персовъ для подкупленїя Грековъ. Такимъ образомъ худыя дѣла преданы вѣчности, дабы произвесть добрыя; а добрыя, чтобъ произвесть еще лучшїя. Взгляни и удивляйся искуству Фидїя. Сей исполинскїй мѣдный

истуканъ послѣ Мараѳонской битвы Аѳиняне посвятили Минервѣ.

Вся Аттика находится подъ покровительствомъ богини сей; не можно сказать, что избрала она замокъ особеннымъ для себя пребывалищемъ. Сколько истукановъ, жертвенниковъ и храмомъ въ честь ея! Между сими истуканами есть три такіе, вещество которыхъ, такъ какъ и работа, свидѣтельствуютъ о распространеніи роскоши и художествъ. Одинъ изъ нихъ такъ древенъ, что думаютъ якобы низшелъ съ неба; онъ изъ масличнаго дерева и худо обдѣланъ. Вторый истуканъ, который я тебѣ показывалъ, вылитъ тогда, какъ Аѳиняне, для полученія на войнѣ успѣховъ, употребляли одно желѣзо, а для прославленія оныхъ, только мѣдь. Третій, который мы тотчасъ увидимъ, поставленъ по повелѣнію Перикла: онъ изъ золота и слоновой кости.

Вотъ храмъ, состоящій изъ двухъ божницъ, посвященныхъ одна Минервѣ Поліадѣ, другая Нептуну, прозванному Эрехѳеемъ. Замѣтимъ, какъ согласуются иногда преданія баснословныя съ историческими дѣяніями. Здѣсь съ одной стороны показываютъ масличное дерево, которое велѣніемъ боговъ мгновенно

вышло изЪ земли, и размножилось вЪ АттикѢ; сЪ другой же, колодезь, откуда, какЪ думаютЪ, источилЪ НептунЪ морскую воду. Таковыми благотворенiями старались оныя божества дать каждое сему раждающемуся городу имя свое. Боги рѢшили вЪ пользу Минервы; и долгое время Аѳиняне предпочитали земледѣлiе торговлѢ. Кольже скоро соединили сiи два источника богатствЪ; то вЪ одномЪ мѢстѢ дѢлятЪ свои приношенiя между благотворителями своими; и чтобЪ примирить ихЪ совершенно, поставили имЪ общiй жертвенникЪ, который и называютЪ жертвенникомЪ забвенiя.

ПредЪ истуканомЪ богини виситЪ золотый свѢтильникЪ; поверьхЪ онаго пальма изЪ того же металла возвышается до самаго потолка. СвѢтильникЪ горитЪ день и ночь, наполняется елеемЪ одинЪ разЪ вЪ году. СвѢтильня изЪ горнаго льна никогда не сгараетЪ; дымЪ выходитЪ трубкою, подЪ листьями пальмы сокрытою. Это есть дѢло рукЪ КаллимаховыхЪ. Работа во всѢхЪ частяхЪ толь совершенна, что желательнобЪ было видѢть вЪ ней прiятности нѢкотораго небреженiя; но то былЪ недостатокЪ сего излишне рачительнаго художника. ОнЪ удалялся

отъ совершенства, чтобы до него достигнуть, и чѣмъ болѣе бывалъ недоволенъ самъ собою, тѣмъ менѣе удовлетворялъ знатокамъ.

Въ сей божницѣ хранилися богатый мечъ Мардонія, предводительствовавшаго Персидскимъ воинствомъ во время сраженія при Платеѣ, и броня Масистія начальствовавшаго тогда надъ конницею. Въ преддверіи Парѳенона находился престолъ съ серебренымъ подножіемъ, на которомъ сидя Ксерксъ смотрѣлъ на битву при Саламинѣ; а въ священной сокровищницѣ были остатки корыстей, найденныхъ въ станѣ Персовъ. Сіи рѣдкости, изъ коихъ большая часть похищена въ наше время святотатскими руками, были такіе трофеи, которыми и нынѣ гордятся Аѳиняне, какъ будтобъ плодомъ настоящей своей храбрости; подобно тѣмъ семействамъ, которыя произвели нѣкогда великихъ мужей, и которыя стараются заставить позабыть то, каковы онѣ теперь воспоминаніемъ того, каковы прежде были.

А то другое зданіе, называемое Описѳодомъ, есть казнохранилище народное. Оно окружено двойною стѣною. Казначеи, всякій годъ по жеребью избираемые, кладутъ тамъ деньги, которыя Сенатъ ввѣряетъ имъ для

соблюденія; а начальникЪ ПритановЪ, смѣняющійся ежедневно, хранитЪ у себя ключи.

Взоры твои давно уже обращаются на тотЪ славный храмЪ МинервинЪ, который служитЪ величайшимЪ украшеніемЪ АѲинамЪ. ОнЪ извѣстенЪ подЪ именемЪ ПарѲенона. Прежде, нежели приближимся кЪ нему, позволь мнѣ прочитать письмо мое, посланное мною по возвращеніи моемЪ изЪ Персіи кЪ волхву ОѲанесу, сЪ коимЪ имѣлЪ я тѣсную связь во время пребыванія моего вЪ Сузѣ. ОнЪ зналЪ исторію Греческую, и старался познавать обычаи народовЪ. ОнЪ требовалЪ отЪ меня нѣкоторыхЪ объясненій о храмахЪ нашихЪ. ВотЪ мой отвѣтЪ.

„Ты думаешь, что не надлежитЪ представлять божества вЪ видѣ человѣческомЪ; „не надлежитЪ ограничивать присутствія „его стѣнами зданія. Но ты не присовѣтовалЪ бы Камвизу ругаться вЪ Египтѣ надЪ „предметами народнаго почитанія, ниже Ксерксу разрушать храмы и истуканы у ГрековЪ. „Государи сіи, до безумія суевѣрные, не вѣдали, что всякой народЪ легче прощаетЪ „насиліе, нежели презрѣніе, и что почитаетЪ себя уничиженнымЪ, когда уничижаютЪ „у него то, что онЪ уважаетЪ. Греція запре-

,,тила возобновлять священные памятники,
,,Персами некогда испроверженные. Развалины
,,сіи ожидают минуты мщенія; и естьли
,,Греки внесут когда либо победоносное оружіе
свое в области царя великаго, то вспомнят
о Ксерксе, и в пепел обратят грады
ваши.

,,Греки заимствовали от Египтян
,,и мысль и образ строенія храмов; но
,,дали сим зданіям соразмеренія пріятнейшія,
или по крайней мере сходственнейшія
со вкусом своим.

,,Я не буду описывать тебе различных
частей их; а посылаю к тебе чертеж
храма, воздвигнутаго в честь Ѳисею.
,,Четыре стены, разположенныя в виде
,,продолговатаго четвероугольника, составляют
внутренность или сущность храма.
,,То, что его украшает, и придает ему
,,главное достоинство, есть извне, и столько
же чуждо ему, как и одежда, означающая
различныя состоянія граждан. Крытые
переходы окружают все зданіе; столпы
оных, утвержденные на подножіи, составленном
из нескольких ступеней,
,,поддерживают выступ в передней и задней
частях щипца на нем стоящаго.

„Переходы сіи дѣлаютъ зданіе и красивымъ и „величественнымъ: они придаютъ большую „красоту торжественнымъ обрядамъ, помѣ„щая подъ собою и укрывая отъ дождя мно„жество зрителей.

„Въ преддверіи находятся сосуды съ „очистительною водою, и жертвенники, на „которыхъ обыкновенно приносятся жерт„вы. Оттуда входъ во храмъ, гдѣ увидишь „истуканъ божества и дары, отъ благоче„стія народовъ принесенные. Свѣтъ вхо„дитъ только дверями.

„Чертежъ, который у тебя предъ „глазами, можетъ быть многообразенъ, смот„ря по правиламъ искусства и по вкусу ху„дожника. Разность состоитъ въ простран„ствѣ храма. Храмъ Юпитера Олимпійскаго „имѣетъ двѣсти тридцать футовъ длины, „девяносто пять ширины, и шестьдесятъ „восемь вышины. А храмъ Юпитера Агри„гентскаго въ Сициліи триста сорокъ фу„товъ длины, ширины сто шестьдесятъ, и „стодвадцать вишины.

„Разность въ числѣ столповъ. Иногда „бываетъ ихъ два, четыре, шесть, восемь, и „даже до десяти съ обѣихъ лицевыхъ сто„ронъ; иногда ставятся они только съ пе-

„редней. А иногда два ряда столповъ со-„ставляютъ кругомъ двойные переходы.

„Разность въ украшенiяхъ и мѣрѣ стол-„повъ и выпуска. Здѣсь то блистаютъ „высокiя дарованiя Грековъ. По разныхъ „опытахъ, соединивъ мысли свои съ откры-„тiями своими, составили они два рода или „два чина зодчества, изъ коихъ каждый „имѣетъ отличительное свойство и особен-„ныя красоты: одинъ древнѣе, мужествен-„нѣе, прочнѣе, названъ Дорическимъ; другiй, „легче и красивѣе, Iоническимъ. Я не говорю „о Коринѳскомъ, который отъ двухъ пер-„выхъ не разнится въ сущности.

„Наконецъ разность во внутренности „храмовъ. Нѣкоторые заключаютъ въ себѣ „святилище, куда входъ запрещенъ непро-„свѣщеннымъ; другiе же раздѣлены на мно-„гiя части. Есть и такiе, въ которыхъ, „кромѣ дверей переднихъ, сдѣланы еще две-„ри съ противоположной стороны; у иныхъ „крышка поддерживается однимъ или двумя „рядами столповъ.

„Чтобъ лучше вразумить тебя, какъ „строятся храмы у сего народа, посылаю „при письмѣ моемъ три другiе рисунка, на „коихъ ты найдешь чертежъ, лице и видъ

„Пареенона, въ Аѳинскомъ за́мкѣ находя-
„щагося. При томъ же посылаю Иктиново
„описанїе сему прекрасному памятнику. Ик-
„тинъ былъ одинъ изъ двухъ зодчихъ, коимъ
„поручилъ Периклъ строенїе онаго; другїй
„назывался Калликратомъ.

„Съ которой стороны ни подъѣхать
„хотя моремъ, хотя землею, издалека уви-
„дишь его высящагося надъ городомъ и за́м-
„комъ. Онъ Дорическаго чина, изъ лучшаго
„бѣлаго мармора, который ломаютъ въ Пен-
„телике горѣ Аттической. Пареенонъ имѣ-
„етъ въ ширину сто футовъ; въ длину
„около двухъ сотъ двадцати семи; въ вы-
„шину шестьдесятъ девять. Переходы двой-
„ные по обѣимъ лицевымъ сторонамъ, а по
„бокамъ одинакїе. Во всю длину по наруж-
„ной стѣнѣ притвора идетъ поле, на коемъ
„представленъ торжественный ходъ въ честь
„Минервы. Выпуклыя изображенїя умножи-
„ли славу художниковъ, трудившихся надъ
„ними.

„Въ храмѣ стоитъ тотъ славный по
„величинѣ своей, по богатству вещества и
„по изящности работы истуканъ. По от-
„мѣнной величественности, которая бли-
„стаетъ въ чертахъ и во всемъ образѣ Ми-

„нервы, легко узнать можно руку Фидія.
„Мысли сего художника имѣли нѣчто толь
„великое, что онъ удачнѣе представлялъ
„боговъ, нежели человѣковъ. О немъ можно
„сказать, что онъ видѣлъ послѣднихъ съ
„лишкомъ свысока, а первыхъ весьма избли-
„зи.

„Истуканъ имѣетъ въ вышину двад-
„цать шесть локтей. Онъ представленъ
„стоящимъ, съ эгидомъ и въ длинной одеж-
„дѣ. Въ одной рукѣ держитъ копье, въ дру-
„гой побѣду; вышиною почти въ четыре
„локтя. Его шлемъ украшенъ съ верху
„Сфинксомъ, а по бокамъ двумя грифами.
„На внѣшней сторонѣ щита, положеннаго
„при ногахъ, Ѳидій изобразилъ сраженіе
„Амазонокъ; на внутренней брань боговъ и
„исполиновъ; на обуви, бой Лапиѳовъ и Кен-
„тавровъ; на подножіи, рожденіе Пандоры
„и множество другихъ предметовъ. Видимыя
„части тѣла всѣ изъ слоновой кости, кро-
„мѣ глазъ, въ коихъ радуга представлена
„особеннымъ нѣкіимъ камнемъ. Сей иску-
„сный художникъ употребилъ въ отдѣлкѣ
„крайнюю точность, и показалъ, что вели-
„кій духъ его сохранялъ превосходство свое
„даже въ малѣйшихъ подробностяхъ.

„Предъ начатіемъ работы онъ долженъ „былъ объясниться въ народномъ собраніи, „изъ какого вещества производить ее. Онъ „предпочиталъ марморъ, по тому что блескъ „его долѣе сохраняется. Его слушали со вни„маніемъ; но коль скоро прибавилъ, что и „стоить будетъ менѣе, тогда приказали ему „замолчать, и опредѣлили, чтобъ истуканъ „былъ сдѣланъ изъ золота и слоновой кости.

„Золото взято самое чистое: его по„требно было сорокъ талантовъ вѣсомъ. „Фидій, по совѣту Периклову, употребилъ „его такъ, что и отнять удобно было мо„жно. Дать такій совѣтъ побудили Перикла „двѣ причины. Онъ предвидѣлъ то время, „когда золото сіе могло послужить въ поль„зу республики при необходимой нуждѣ; и „въ самомъ дѣлѣ предложилъ онъ о томъ при „началѣ войны Пелопонисской. Предвидѣлъ „также, что могли обвинить его и Фидія „присвоеніемъ себѣ части онаго; и такое об„виненіе дѣйствительно воспослѣдовало: но „по взятой ими предосторожности обрати„лось къ единому стыду непріятелей ихъ.

„Фидія упрекали еще тѣмъ, что на щитѣ „Минервиномъ изобразилъ себя и покровителя „своего. Себя представилъ онъ въ видѣ стар-

„ца, готовящагося вергнуть огромной величины камень; и сказывают, что сїе изображенїе такъ искусно было придѣлано, что не льзя „его отнять, не раздробивъ и не разрушивъ „всего истукана. Периклъ сражается противъ „Амазонки. Простертая и копьемъ вооруженная рука его скрадываетъ отъ глазъ половину лица. Художникъ сокрылъ часть „онаго для того, чтобъ возбудить желанїе „узнать его.

„При семъ храмѣ есть кладовая, куда „частные люди отдаютъ подъ сохраненїе „деньги, коихъ держать у себя въ домахъ не „смѣютъ. Здѣсь хранятся также дары богинѣ приносимые, какъ то: вѣнцы, сосуды, „небольшїя изображенїя боговъ, изъ золота „или серебра сдѣланныя. Аѳиняне часто дѣлаютъ сюда вклады кольцами, зарукавьями, „ожерельями. Вещи сїи препоручаются подъ „смотрѣнїе казнохранителямъ богини, кои бываютъ одинъ только годъ въ должности, по „сложенїи которой сдаютъ преемникамъ „своимъ роспись, гдѣ означенъ вѣсъ каждой „вещи, и имя посвятившаго оную. Сїя роспись тотчасъ вырѣзанная на марморѣ свидѣтельствуетъ о вѣрности хранителей и „возбуждаетъ щедрость людей частныхъ.

„Оный храмъ, храмъ Ѳисея, и нѣкото-„рые другїе являютъ торжество зодчества „и ваянїя. Я ничего не прибавилъ бы къ по-„хвалѣ сей, естьли бы захотѣлъ пространнѣе „описывать всѣ красоты вообще и въ подро-„бности. Не удивляйся такому множеству „зданїй, въ честь богамъ воздвигнутыхъ. „По мѣрѣ развращенїя нравовъ умножались „законы для упрежденїя злодѣянїй и жер-„твенники для очищенїя оныхъ. Сверьхъ то-„го подобные памятники украшаютъ городъ, „ускоряютъ успѣхи художествъ и построе-„ны почти всѣ на счетъ непрїятеля. Ибо „часть добычи всегда назначается на вели-„колѣпїе народнаго богослуженїя.“

Таковъ былъ мой отвѣтъ волхву Оѳанесу. Теперь, не выходя изъ зaмка, станемъ избирать различныя положенїя, съ которыхъ бы можно было обозрѣть весь городъ постепенно.

Въ послѣднїя времена распространился онъ въ длину къ югозападу по той причинѣ, что торговля принуждаетъ вседневно жителей сближаться съ Пиреемъ. Съ сей и западной стороны около зaмка возвышаются въ разныхъ разстоянїяхъ каменныя горы и холмы, по большей части домами покрытые. Вправѣ у насъ холмъ Ареопага; влѣвѣ холмъ

Мусеа; по срединѣ Пниксъ, гдѣ, какъ я сказывалъ, бываетъ иногда общее собранїе народа. Примѣть, до какого степени присматриваютъ одна за другою обѣ стороны, на которыя Аѳинянъ раздѣляютъ. Какъ съ вершины холма сего весьма явственно видѣнъ Пирей; то было время, когда ораторы, обративъ взоры къ пристани, усильно старались побудить народъ, чтобы онъ всемъ пожертвовалъ мореходству. Защитники вельможеправленїя симъ крайне оскорблялись. Говорили они, что первые законодатели пеклись токмо о земледѣлїи, и что Ѳемистоклъ, соединивъ городъ съ Пиреемъ и море съ землею, увеличилъ число морскихъ служителей и власть черни. Итакъ, по взятїи Аѳинъ, тридцать тиранновъ, учрежденныхъ Лисандромъ, прежде всего поспѣшили обратить къ полю ораторское мѣсто, которое до того стояло лицемъ къ морю.

Я еще не упоминалъ о многихъ зданїяхъ, по бокамъ и вкругъ замка находящихся, какъ то, между прочимъ, объ Одеумѣ и храмѣ Юпитера Олимпїйскаго. Первый есть родъ ѳеатра, построеннаго Перикломъ для состязанїя въ музыкѣ; на немъ послѣднїе шесть архонтовъ имѣютъ иногда свои засѣданїя.

Верьхъ, поддерживаемый столпами, сдѣланъ изъ остатковъ Персидскаго флота, при Саламинѣ разбитаго. Вторый начатъ Писистратомъ, и былъ бы, сказываютъ, великолѣпнѣйшій изъ храмовъ, естьлибъ его окончили.

Ты часто останавливался и дивился, идучи по дорогѣ отъ пристани Пирейской до сего мѣста. Не много есть улицъ и урочищъ, которыя не представляли бы подобныхъ предметовъ любопытства. Но не смотри на наружность. Иное зданіе, коего внѣшность весьма небрежна, заключаетъ въ себѣ сокровище неоцѣненное. Къ сѣверу, въ части Мелитской, погляди хорошенько на нѣкоторыя дерева, стоящія вкругъ одного дома, который едва примѣтенъ: это жилище Фокіоново: по сію сторону, среди домовъ, на большій храмъ, посвященный Венерѣ: тамъ поставлена Зевксисовой работы картина, представляющая увѣнчаннаго цвѣтами Купидона: ниже, подлѣ холма, другое зданіе, гдѣ Зевксисовъ соперникъ сдѣлалъ одинъ изъ тѣхъ опытовъ, которые являютъ высокій умъ. Парразій, бывъ увѣренъ, что или израженіемъ лица, или положеніемъ и движеніемъ всего тѣла искуству его возможно учинить для взора ощуши-

тельными качества ума и сердца, предпріялъ, изображая народъ Аѳинскій, начертать свойство, или паче различныя свойства сего жестокаго, несправедливаго, кроткаго, сострадательнаго, величаваго, подлаго, гордаго и робкаго народа. Но какъ произвелъ онъ въ дѣйство оное замысловатое предпріятіе? Не хочу отнять у тебя удовольствія; ты самъ о томъ посудишь.

Я заставилъ тебя бѣгать безъ отдыха по городу; теперь окинешь однимъ взглядомъ всѣ его окрестности. На востокъ, вотъ гора Иметъ, которую пчелы обогащаютъ медомъ, съ благовоннаго тмина собираемымъ. Илиссъ, текущій у подошвы ея, извивается около стѣнъ нашихъ. Ниже видить ты училища Киносарга и Ликея; къ сѣверозападу, Академію; а не много подалѣе, холмъ, Колонъ называемый, гдѣ Софоклъ вывелъ на ѳеатръ Эдипа, которому придается также сіе имя. Кефивъ, обогативъ страну ту данію водъ своихъ, соединяетъ ихъ съ водами Илисса. Послѣдній, во время великихъ жаровъ, иногда пересыхаетъ. Видъ украшается веселыми загородными домами, которые повсюду представляются взору.

Наконецъ я приведу тебѣ слова сказанныя Лисиппомъ въ одной изъ его комедій: тотъ „глупъ, кто Аѳинъ видѣть не желаетъ; „тотъ еще глупѣе, кто видитъ Аѳины, да „жить въ нихъ не любитъ; а кто Аѳины ви„дитъ, любитъ въ нихъ жить, и бѣжитъ „изъ нихъ, тотъ всѣхъ глупѣе.„

ГЛАВА ТРЕТІЯНАДЕСЯТЬ.

Битва Мантинейская. Смертъ Эпаминонда.

Греціи настояла великая перемѣна: Эпаминондъ предводительствовалъ воинствомъ; его побѣда или пораженіе долженствовало наконецъ рѣшить, Ѳивяне или Лакедемоняне будутъ давать законы другимъ народамъ? Онъ предусмотрѣлъ минуту, чтобъ ускорить рѣшеніемъ сего.

Вечеромъ отправляется онъ изъ Тегеи Аркадійской, дабы напасть на Лакедемонъ нечаянно. Городъ открытъ со всѣхъ сторонъ, и тогда не имѣлъ защитниковъ, кромѣ дѣтей и стариковъ. Часть войскъ находилась въ Аркадіи; другая шла тудажъ подъ предводительствомъ Агесилая. Ѳивяне приближаются на разсвѣтѣ

дня; и видятъ Агесилая въ готовности принять ихъ. Онъ бывъ чрезъ перемѣтчика увѣдомленъ о походѣ Эпаминондовомъ, обратился назадъ съ крайнимъ поспѣшенiемъ; и уже воины его занимали мѣста важнѣйшiя. Ѳивскiй полководецъ удивился, но не потерялъ отъ того бодрости; повелѣваетъ дѣлать многiе приступы; проникъ даже до народной площади и овладѣлъ частiю города. Агесилай внемлетъ тогда единому отчаянiю: хотя было уже ему около осьмидесяти лѣтъ отъ роду, но бросается смѣло въ средину опасностей; вспомоществуемъ будучи храбрымъ Архидамомъ, сыномъ своимъ, отбиваетъ непрiятеля и отступить принуждаетъ

Исадъ подалъ при семъ случаѣ примѣръ, возбудившiй удивленiе и строгость градоначальниковъ. Сей Спартанецъ, едва вышедшiй изъ отроческихъ лѣтъ, прекрасный какъ Купидонъ, мужественный какъ Ахиллъ, вооруженный только копьемъ и мечемъ, продирается сквозь ряды Лакедемонянъ, устремляется на Ѳивянъ, и повергаетъ къ ногамъ своимъ все, что ни противится ярости его. Ефоры, чтобъ почтить такiй подвигъ, опредѣлили ему вѣнецъ; а что сражался онъ безъ брони и щита, за что осудили его на денежную пеню.

Эпаминондъ не былъ безпокоимъ при отступленіи. Ему потребна побѣда, чтобъ изгладить изъ памяти неудачу своего предпріятія. Идетъ въ Аркадію, гдѣ соединились главныя силы Греціи. Оба воинства тотчасъ стали одно предъ другимъ близь города Мантинеи. Лакедемонянъ съ ихъ союзниками было съ лишкомъ двадцать тысячъ пѣшихъ и почти двѣ тысячи конныхъ; а съ Өивской стороны тридцать тысячъ пѣхоты и около трехъ тысячъ конницы.

Никогда Эпаминондъ не являлъ толико искуства, какъ при семъ обстоятельствѣ. Въ порядкѣ сраженія послѣдовалъ тѣмъ же правиламъ, которыя доставили ему побѣду при Левктрахъ. Одно крыло изъ его войскъ, построенное колонною, ударило на фалангу Лакедемонскую, и можетъ быть, ее никакъ бы не преодолѣло, естьли бы онъ самъ не подоспѣлъ подкрѣпить своимъ собственнымъ примѣромъ и нѣкоторымъ числомъ отборныхъ воиновъ, коихъ привелъ съ собою. Непріятели, устрашенные прибытіемъ его, приходятъ въ безпорядокъ и обращаются въ бѣгство. Онъ преслѣдуетъ ихъ съ такимъ жаромъ, коего умѣрить и самъ былъ не въ состояніи; но отрядъ Спартанцевъ окружаетъ его, и

пускаетъ на него тучу стрѣлъ. Долго отражаетъ онъ смерть отъ себя, и толпами повергаетъ ратниковъ на землю, наконецъ падаетъ самъ, пронзенный копьемъ, остріе коего остается у него въ груди. Честь, что бы изхитить тѣло его, производитъ сраженіе толь же жаркое и толь же кровопролитное, какъ было первое. Сотоварищи его, удвоивъ свои усилія, получили то печальное утѣшеніе, что отнесли его въ шатеръ.

На другомъ крылѣ сраженіе происходило съ равнымъ почти то успѣхомъ, то неудачею попеременно. Мудрыя Эпаминондовы расположенія отняли у Аѳинянъ возможность помогать Лакедемонянамъ. Конница ихъ напала на Ѳивскую, была отражена съ потерею, построилась снова, и разбила отрядъ непріятельскій, стоявшій на сосѣдственныхъ высотахъ. Ихъ пѣхота наклонялась уже къ бѣгству, какъ Елеане подоспѣли къ ней на помощь.

Рана Эпаминондова остановила кровопролитіе и удержала остервененіе воиновъ. Враждующія войска, равно удивленіемъ пораженныя, остались въ недѣйствіи. Съ обѣихъ сторонъ данъ знакъ къ отступленію, и поставлены трофеи на полѣ битвы.

Эпаминондъ дышалъ еще. Его друзья и чиновники обливались слезами, стоя около одра его. По всему стану раздавались болѣзненные и отчаянные вопли. Врачи объявили, что испуститъ онъ послѣднее дыханіе, коль скоро вынется изъ раны желѣзо. Онъ боялся, чтобъ щитъ его не попался въ руки непріятелю; ему показали его, и онъ облобызалъ его, какъ орудіе славы своей. Показалъ безпокойство о участи сраженія; его увѣдомили, что Ѳивяне выиграли оное. „Вотъ, что хорошо, „отвѣчалъ онъ; я жилъ довольно." Потомъ спросилъ о Даифантѣ и Іоллидѣ, двухъ вождяхъ, коихъ почиталъ достойными заступить мѣсто свое; отвѣтствовано, что они убиты оба. „Увѣрьтежъ Ѳивянъ, произнесъ „онъ, что миръ заключить надлежитъ." Тогда велѣлъ вынуть изъ раны желѣзо; одинъ изъ его друзей въ безмѣрной горести возопилъ: „Ты умираешь, Эпаминондъ, не оставивъ по себѣ дѣтей! — Я оставляю, отвѣчалъ онъ, испуская послѣднее дыханіе, „двухъ безсмертныхъ дщерей: побѣду при „Левктрахъ и побѣду при Мантинеѣ.

Не задолго предъ его смертію умеръ и Тимагенъ, тотъ нѣжный другъ, который привелъ меня въ Грецію. За восемь дней до сра-

женія вдругъ онъ скрылся. Письмо, оставленное на столѣ Епихарисы, племянницы его, дало намъ знать, что онъ отправился въ станъ къ Эпаминонду, съ которымъ условился о томъ въ бытность свою въ Ѳивахъ. Долженствовалъ онъ скоро къ намъ возвратиться, чтобы насъ уже не покидать болѣе. Естьли же богамъ не угодно сіе будетъ, писалъ при концѣ, то не забудьте ничего, что сдѣлалъ для меня Анахарсисъ, и что обѣщали вы мнѣ для него сдѣлать.

Раздиралось сердце мое при чтеніи письма сего. Я хотѣлъ тотъ же часъ за нимъ въ путь отправиться; мнѣ надлежало бы то сдѣлать, но Тимагенъ принялъ весьма вѣрныя мѣры, чтобъ мнѣ въономъ воспрепятствовать. Аполлодоръ, который по его прозьбѣ изходатайствовалъ для меня право гражданина Аѳинскаго, представилъ мнѣ, что я не могу поднять оружія противъ новаго отечества, не подвергнувъ его и съ семействомъ нарѣканію. Таковое доказательство удержало меня; и я не послѣдовалъ за другомъ моимъ, не былъ свидѣтелемъ его подвиговъ, и съ нимъ вмѣстѣ не умеръ.

Его образъ всегда предъ глазами моими: уже тридцать лѣтъ прошло, а мнѣ кажется,

будто я теперь только его лишился. Два раза принимался я начертать похвалу ему; два раза слезы мои смывали строки. Даежели бы и имѣлъ столько силы, чтобъ окончить начатое, то имѣлъ бы стольможъ и духу, чтобъ въ свѣтъ не выдать. Добродѣтели человѣка неизвѣстнаго трогательны для однихъ друзей его, и не имѣютъ даже права служить примѣромъ другимъ людямъ.

Мантинейская битва въ послѣдствїи умножила неустройства Грецїи, но на первую минуту прекратила войну. Аѳиняне прежде отшествїя своего старались собрать тѣла умершихъ на сраженїи: ихъ предали огню, а кости принесли въ Аѳины, и назначили день, въ который долженъ быть отправленъ погребательный обрядъ въ присутствїи одного изъ первыхъ градоправителей.

Начало сдѣлано тѣмъ, что подъ великимъ шатромъ выставлены были кипарисные гробы, въ коихъ заключались кости. Долженствовавшїе оплакивать утрату свою мужи и жены приходили туда повременно, изливали въ жертву вино, и отправляли должности любовїю и закономъ учрежденныя. Три дня спустя, гробы, поставленные на колесницы по числу коленъ, тихо везены были чрезъ

городъ на внѣшнюю сторону Керамика, гдѣ представлены игры обыкновенныя при погребенїяхъ: послѣ, какъ родственники и друзья умершихъ оросили кости ихъ своими слезами, печальные останки сїи преданы землѣ. Одинъ ораторъ, избранный республикою, взошедъ на каѳедру, произнесъ надгробное слово въ честь храбрыхъ тѣхъ воиновъ Каждое колѣно отличило гробницы своихъ ратниковъ надгробными камнями, на коихъ тщательно высѣчены ихъ и отцовъ имена, мѣсто рожденїя и кончины.

По дорогѣ, ведущей изъ города къ Академїи, видны по обѣимъ сторонамъ подобныя надписи. Есть много таковыхъ же и по другимъ окрестнымъ мѣстамъ. Здѣсь почїютъ побїенные на войнѣ Егинской; тутъ умершїе въ Кипрѣ; далѣе, погибшїе въ походѣ Сицилїйскомъ. При каждомъ шагѣ попираешь прахъ ироя, или другой жертвы, за отечество принесенной. Воины, возвратившїеся изъ Пелопониса и сопровождавшїе кости мертвыхъ, бродили посреди сихъ погребательныхъ памятниковъ; другъ другу показывали имена предковъ, отцевъ своихъ, и напередъ, кажется, наслаждались почестьми, какїя будутъ нѣкогда возданы ихъ памяти.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯНАДЕСЯТЬ.

О нынѣшнемъ Аѳинскомъ правленіи.

Иногда я буду преходить отъ одного предмета къ другому, не предваривъ о томъ, и долженъ показать сему причину.

Аѳины были мѣстомъ обыкновеннаго моего пребыванія; я часто отправлялся отсюда съ Филотомъ, другомъ моимъ, и мы возвращались паки, прошедъ страны отдаленныя или сосѣдственныя. Послѣ чего опять начиналъ мои изслѣдованія, и преимущественно занимался какимъ либо особеннымъ предметомъ. И такъ порядокъ книги сей вообще не различествуетъ отъ порядка дневныхъ записокъ, о которыхъ я уже говорилъ, и въ которыхъ къ повѣствованію о моихъ путешествіяхъ и примѣчательныхъ приключеніяхъ прибавлялъ на нѣкоторыя статьи мои объясненія. Я началъ изслѣдованіемъ Аѳинскаго правленія; во введеніи моемъ открылъ я только первыя начала онаго; теперь же вхожу въ большія подробности, и разбираю его со всѣми перемѣнами и злоупотребленіями, каковыя родились отъ несчастныхъ обстоятельствъ.

Города и села всей Аттики раздѣлены

на сто семьдесять четыре округа или уѣзда, которые по различнымъ соотношенїямъ своимъ составляютъ десять колѣнъ. Всѣ граждане и даже въ Аѳинахъ живущїе принадлежатъ къ одному какому нибудь изъ сихъ уѣздовъ, обязаны вносить имена свои въ списки онаго, и такимъ образомъ помѣщаются въ одно изъ колѣнъ.

Сенатъ

Въ концѣ каждаго года колѣна собираются порознь для составленїя сената изъ пяти сотъ повѣренныхъ, кои должны быть по крайней мѣрѣ тридцати лѣтъ отъ роду. Каждое колѣно представляетъ ихъ отъ себя по пятидесяти, придая въ помощь толикоежъ число другихъ, обыкновенно занимающихъ тѣ мѣста, которыя, по случаю смерти или по причинѣ худаго поведенїя первыхъ, остаются праздны. Тѣ и другїе избираются по жеребью.

Новые сенаторы подвергаются строгому розысканїю: ибо людямъ, опредѣленнымъ управлять другими, надлежитъ быть нравовъ неукоризненныхъ. Потомъ даютъ они клятвенное обѣщанїе между прочимъ всегда подавать республикѣ добрые совѣты, судить по законамъ, не налагать оковъ на такаго гражданина, который представитъ по себѣ

порукѣ, кромѣ того случая, когда обличенѣ будетѣ вѣ заговорѣ противѣ отечества, или утаитѣ общественные доходы.

Сенатѣ, составленный изѣ повѣренныхѣ отѣ десяти колѣнѣ, раздѣляется на десять степеней, изѣ которыхѣ каждая поочередно имѣетѣ преимущество надѣ прочими. Сїе преимущество дается по жеребью; и продолжается для первыхѣ четырехѣ степеней только тридцать шесть, а для остальныхѣ тридцать пять дней.

Степень первенствующая надѣ другими называется степенїю Приптановѣ. Содержится оная на иждивенїи народномѣ вѣ мѣстѣ, именуемомѣ Пританїя. Но какѣ по многочисленности своей не можетѣ она совокупно отправлять возложенныхѣ на себя должностей, то еще раздѣляютѣ ее на пять декурїй или десятковѣ, изѣ коихѣ каждый состоитѣ изѣ десяти Проедровѣ или предсѣдателей. Семь первыхѣ изѣ нихѣ занимаютѣ чрезѣ семь дней первое мѣсто каждый по очереди: прочїеже сего права не имѣютѣ.

Занимающїй первое мѣсто почитается главою сената. Должности его толь важны, что не разсуждено ввѣрять ему оныхѣ долѣе, какѣ только на одинѣ день. Онѣ обы-

кновенно предлагаетъ дѣла къ сужденію, собираетъ голоса сенаторскіе, хранитъ печать республики, ключи отъ зáмка и сокровищницы Минервиной.

Сіи различныя распоряженія, всегда по жеребью учреждаемыя, имѣютъ предметомъ то, чтобъ сохранить совершенное равенство между гражданами, и всевозможную безопасность въ обществѣ. Нѣтъ Аѳинянина, который бы не могъ сдѣлаться членомъ и главою перваго сословія въ народѣ; нѣтъ также ни одного, который бы дарованіями или происками могъ употребить во зло власть, ему на нѣсколько минутъ повѣряемую.

Девять прочихъ степеней, или отдѣленій сената, имѣютъ также у себя предсѣдателя, который перемѣняется при каждомъ собраніи, и всякій разъ Пританами избирается по жеребью. Въ извѣстныхъ случаяхъ сіи девять предсѣдателей объявляютъ опредѣленія сенатскія народному собранію, и первый изъ нихъ отбираетъ голоса народа, иногда же исполняетъ сіе глава Притановъ или одинъ изъ его помощниковъ.

Сенатъ возобновляется каждогодно. Во время своего правленія долженъ онъ исключать тѣхъ изъ своихъ членовъ, кои опоро-

чатъ себя поведенiемъ, и отдать въ дѣлахъ отчетъ прежде, нежели кончитъ засѣданiя. Естьли довольны его заслугами, то получаетъ вѣнецъ, народомъ опредѣляемый: лишается же награжденiя сего, когда пренебрежетъ построенiе галеръ. Члены сената получаютъ на всякiй день, ежели присутствуютъ, по драхмѣ. Собираются всегда, кромѣ праздниковъ и дней, неблагополучными почитаемыхъ. Пританы имѣютъ право созывать сенатъ и приготовлять заранѣе статьи, сужденiю подлежащiя. Онъ представляетъ собою колѣна, а его представляютъ Пританы, кои, находясь всегда вмѣстѣ, удобнѣе могутъ предусматривать опасности, республикѣ угрожающiя, и увѣдомлять о томъ сенатъ.

Собранiя народныя.

Въ теченiи тридцати пяти или тридцати шести дней, когда степень Пritановъ бываетъ въ должности, народъ собирается четыре раза; такiя собранiя бываютъ въ 11й, 20й, 30й и 33й день властительства Пritановъ, и называются обыкновенными собранiями.

На первомъ утверждаются или смѣняются начальники, въ должность вступившiе; идетъ дѣло объ охранныхъ войскахъ и крѣпостяхъ, къ безопасности республики слу-

жащихъ, равно и о нѣкоторыхъ общенародныхъ доносахъ; и наконецъ объявляется объ имѣніяхъ описныхъ по приговору судебныхъ мѣстъ. На второмъ, всякій гражданинъ, положившій на жертвенникъ масличную вѣтвь, обвитую священными перевязками, можетъ свободно изъясняться о предметахъ, до образа правленія относящихся. Третіе опредѣлено на то, чтобъ принимать герольдовъ и пословъ, кои объявили уже о своемъ званіи, или представили вѣрющія грамоты сенату. Четвертое занимается дѣлами, до богопочитанія касающимися, какъ то: празднествами, жертвоприношеніями и проч.

Какъ предметъ сихъ собраній уже извѣстенъ, и часто не заключаетъ ничего любопытнаго, то недавно надлежало собирать народъ насильно, или принуждать къ тому денежными пенями. Но онъ сталъ въ разсужденіи сего послушнѣе съ тѣхъ поръ, какъ начали раздавать присутствовавшимъ по три обола; а какъ съ неприходящихъ ничего уже не взыскивается, то случается, что бѣдныхъ тамъ бываетъ гораздо болѣе, нежели богатыхъ; и оное паче сходствуетъ съ духомъ нынѣшней демократіи (народоправленія).

Кромѣ сихъ собраній, случаются и чрезвычайныя, когда отечество угрожается близкою опасностію. Назначаютъ ихъ иногда Приштаны, а чаще начальники войскъ, и всегда именемъ и съ позволенія сената. Когда допустятъ обстоятельства, то созываются на оныя всѣ жители Аттики.

Женщины не присутствуютъ въ собраніи. Мущины моложе двадцати лѣтъ не имѣютъ еще на то права. Отъемлется оно у тѣхъ, кто обезчестилъ себя какимъ либо проступкомъ; а чужестранецъ, похитившій оное, наказывается смертію; ибо похищаетъ чрезъ то верховную власть, или можетъ открыть государственную тайну.

Собраніе начинается по утру весьма рано: бываетъ на ѳеатрѣ Вакховомъ, или на общенародной площади, или за большой оградою близь замка, Никсъ называемой. Потребно шесть тысячъ голосовъ, чтобъ дать многимъ изъ его опредѣленій силу закона. Однакожъ не всегда можно набрать ихъ столько; во все продолженіе Пелопонисской войны болѣе пяти тысячъ гражданъ никогда не бывало въ общемъ собраніи.

На немъ предсѣдательствуютъ старшины сената, который въ случаяхъ важныхъ

тамъ весь присутствуетъ. Первые воинскіе чиновники имѣютъ отличное мѣсто. Градская стража, состоящая изъ Скиѳовъ, бываетъ при томъ для содержанія порядка.

Когда посядутъ всѣ на мѣстѣ, кровію жертвенною очищенномъ, тогда встаетъ герольдъ и произноситъ обыкновенную молитву, которая читается также въ сенатѣ всякій разъ, какъ приступаютъ къ разсужденію. При молитвѣ о благоденствіи народа къ небу возсылаемой провозглашаются ужасныя заклинанія противъ оратора, который получитъ дары на обольщеніе народа, или сената, или судилища Эліастовъ. Потомъ предлагается предметъ къ разсужденію, содержащійся обыкновенно въ предварительномъ сенета постановленіи, которое читается въ слухъ, и герольдъ восклицаетъ: „да взойдутъ на каѳедру граждане, „кои могутъ подать совѣтъ полезный отечеству, начиная съ тѣхъ, которымъ болѣе „пятидесяти лѣтъ отъ роду.„ Прежде надлежало въ самомъ дѣлѣ быть таковыхъ лѣтъ, чтобы подать первый голосъ; но отъ сего правила такъ, какъ и отъ многихъ другихъ, нынѣ отступлено.

Хотя съ сей минуты вольно каждому

изъ предстоящихъ восходить на каѳедру; однако видны на ней всегда одни государственные ораторы. То суть десять гражданъ, отличныхъ своими дарованїями, и коихъ особенный долгъ есть защищать пользы отечества въ собранїяхъ сената и народа.

По довольномъ разсмотрѣнїи дѣла Проедры или предсѣдатели сената требуютъ отъ народа рѣшительнаго на то утвержденїя. Иногда подаетъ онъ голоса письменными ерлычками, а чаще подъемля въ верьхъ руки; что и есть знакомъ одобренїя. Когда извѣстно будетъ о большинствѣ голосовъ, и прочтется въ послѣднїй разъ опредѣленїе безъ прекословїя, предсѣдатели распускаютъ собранїе. Оно расходится съ такимъ же шумомъ, съ какимъ начинаются его совѣщанїя.

Естьли же въ нѣкоторыхъ случаяхъ тѣ, кои дѣйствуютъ народомъ, боятся влїянїя людей сильныхъ; то прибѣгаютъ къ средству, и въ прочихъ городахъ Грецїи иногда употребляемому. Они предлагаютъ, чтобъ собирать голоса по колѣнамъ, и тогда мнѣнїе каждаго колѣна зависитъ уже отъ воли бѣдныхъ, коихъ гораздо болѣе, нежели богатыхъ.

Сими-то различными образами верховная власть изъявляетъ волю свою; ибо она дѣй-

ствительно состоитъ въ народѣ. Только онъ располагаетъ войною и миромъ, принимаетъ пословъ, отъемлетъ или даетъ силу законамъ, роспоряжаетъ всѣми почти должностями, налагаетъ подати, присуждаетъ право гражданства чужеземцамъ, опредѣляетъ награжденія оказавшимъ услуги отечеству, и проч.

Сенатъ есть непремѣнный совѣтъ народа. Тѣ, кои составляютъ его, обыкновенно суть люди просвѣщенные. Изслѣдованіе, которому были они подвержены предъ вступленіемъ въ должность, по крайней мѣрѣ доказываетъ, что поведеніе ихъ кажется неукоризненнымъ, и заставляетъ думать, что и намѣренія ихъ справедливы.

Народъ не долженъ постановлять ничего такого, что напередъ не было одобрено сенатомъ. Итакъ опредѣленія, касающіяся до распорядка въ правленіи, сперва вносятся въ сенатъ однимъ изъ предсѣдателей сословій, объясняются народными ораторами, образуются, пріемлются или отвергаются по большинству голосовъ собраніемъ, состоящимъ изъ пяти сотъ гражданъ, изъ коихъ большая часть проходили уже общественныя должности, и соединяютъ опытность съ просвѣщеніемъ.

Вышедшія изъ рукъ ихъ опредѣленія, и не бывъ еще утверждены согласіемъ народа, имѣютъ сами по себѣ довольно силы, и могутъ существовать, доколѣ сенатъ сей пребываетъ въ должности; но потребно полное отъ народа согласіе, чтобъ оставаться имъ въ дѣйствіи.

Такъ учреждено было Солономъ, который хотѣлъ, дабы народъ ничего не могъ дѣлать безъ сената, и взаимные поступки ихъ были такъ согласны между собою, чтобъ раждалось изъ того величайшее благо, при меньшемъ, сколько можно, разномысліи. Но чтобъ произвесть и соблюсти такое счастливое согласіе, надлежало бы сенату имѣть отъ народа уваженіе.

Однакожъ, какъ перемѣняется оный каждогодно, а главные чиновники его повсядневно; то не имѣетъ ни времени, ни личной выгоды удержать нѣкоторую часть власти; и какъ по годичномъ отправленіи должности, надобно ему просить почестей и награды у народа, то и принужденъ почитать его своимъ благодѣтелемъ, а слѣдовательно и повелителемъ. Правда, нѣтъ причины къ раздорамъ между сими двумя сословіями; но несогласіе, могущее родиться отъ ихъ сорев-

нованія, не столь было бы опасно, какъ сей союзъ, нынѣ ихъ связующій. Постановленія, сенатомъ одобренныя, не только отвергаются въ собраніи народа; но каждодневно случается, что простые граждане вмѣсто оныхъ предлагаютъ другія, о которыхъ собраніе и не вѣдало, однакожъ на нихъ тотчасъ соглашается.

Такому своевольству противополагаютъ начальствующіе право свое отвращать всякіе споры. Иногда повелѣваютъ народу подавать мнѣніе токмо на опредѣленіе сената; а иногда стараются уничтожить новыя предложенія, отказываясь собирать у него голоса, и отлагая дѣло до другаго собранія. Но чернь возстаетъ почти всегда противъ права, которое препятствуетъ ей разсуждать или предлагать по ея намѣреніямъ. Она мятежными воплями принуждаетъ начальниковъ, волѣ ея противящихся, уступать мѣста свои другимъ предсѣдателямъ, кои тотчасъ возвращаютъ ей свободу, къ которой она толико ревностна.

Ораторы народные.

Простые граждане имѣютъ на разсужденія народныя то вліяніе, каковое сенатъ имѣть бы долженствовалъ. Одни суть люди крамольные и самой низкой породы, кои

дерзостїю своею увлекаютЪ чернь; другїе суть граждане богатые, кои обольщаютЪ ее своею щедростїю; но вЪ большей довѣренности находятся тѣ краснорѣчивые мужи, кои, оставляя всякое другое упражненїе, посвящаютЪ время свое единственно на дѣла государственныя.

Обыкновенно испытываютЪ они силы свои сперва вЪ судахЪ частныхЪ, и когда отличатЪ себя тамЪ даромЪ слова; тогда яко бы для службы отечеству, но чаще всего для удовлетворенїя своему честолюбїю, вступаютЪ уже вЪ поприще благороднѣйшее, и принимаютЪ на себя многотрудное попеченїе наставлять сенатЪ и управлять народомЪ. ИхЪ званїе, коему посвящаютЪ себя почти сЪ юныхЪ лѣтЪ, требуетЪ отЪ нихЪ, кромѣ пожертвованїя свободою, еще глубокаго ученїя и высокихЪ дарованїй: ибо того мало, чтобЪ вЪ подробности знать исторїю, законы, нужды и силы республики, такЪ какЪ и державЪ сосѣдственныхЪ или отдаленныхЪ; мало, чтобЪ только слѣдовать окомЪ за тѣми стремительными или медленными усилїями, какїя безпрестанно напрягаютЪ государства одно противЪ другаго, и за тѣми почти непримѣтными движенїя-

ми, которыя внутренне рушатЪ ихЪ; чтобЪ предупреждать зависть народовЪ слабыхЪ и союзныхЪ, опровергать мѢры народовЪ сильныхЪ и враждующихЪ, усматривать наконецЪ истинныя выгоды отечества сквозь великое множество разныхЪ видовЪ и соображенiй: надлежитЪ еще торжественно дать силу тѢмЪ великимЪ истинамЪ, коими часто поражаемся; не трогаться ни угрозами, ни рукоплесканiями народа; презирать ненависть богатыхЪ, облагая ихЪ большими податьми, ненависть многихЪ гражданЪ, исторгая ихЪ изЪ нѢдрЪ веселостей или покоя, ненависть другихЪ ораторовЪ, обнаруживая ихЪ происки; отвѢтствовать за произшествiя, коихЪ отвратить, и даже предвидѢть не было возможности; платить собственнымЪ несчастiемЪ за начинанiя неудачныя, а иногда и за такiя, которыя успѢхомЪ оправданы; казать полное надѢянiе тогда, какЪ близкая опасность повсюду разпространяетЪ ужасЪ, и незапнымЪ благоразумiемЪ возстановлять упадшую надежду; обтекать страны сосѢдственныя; заключать сильные союзы; воспламенять любовiю вольности жарЪ кЪ сраженiямЪ; и исполнивЪ должности градоправителя, оратора и по-

сланника, идти на поле битвы, чтобъ запечатлѣть тамъ своею кровїю совѣты, народу съ каѳедры данные.

Таковъ удѣлъ правящихъ республикою! Законы, предвидя власть, какую люди, толь полезные и вмѣстѣ толь опасные, могутъ имѣть надъ умами, предписали, чтобъ дарованїя ихъ не прежде были употребляемы въ дѣйствїе, какъ по совершенномъ удостовѣренїи о ихъ поведенїи. Законы удаляютъ отъ каѳедры всякаго подъявшаго руку на виновниковъ дней своихъ, или отказавшаго имъ въ пропитанїи; да и въ самомъ дѣлѣ тотъ не знаетъ любви къ отечеству, кому неизвѣстны чувствованїя природы. Они удаляютъ отъ нея того, кто расточаетъ наслѣдїе отцовъ своихъ; ибо еще удобнѣе можетъ онъ расточить сокровища общественныя; того, кто не имѣетъ законныхъ дѣтей, или у кого нѣтъ собственности въ Аттикѣ, поелику безъ сихъ узъ будетъ онъ имѣть привязанность къ республикѣ только общую, которая всегда подозрительна, когда не подкрѣпляется частною привязанностїю; того, кто отречется на гласъ начальника принять оружїе, кто во время сраженїя броситъ щитъ свой, кто предается постыднымъ забавамъ; поелику трусость и

развратные нравы, всегда почти неразлучные между собою, откроютъ душу его на всѣ роды предательствъ: впрочемъ, каждый человѣкъ, не могущій защищать отечества своимъ мужествомъ и назидать его своими примѣрами, недостоинъ быть наставникомъ онаго по средствомъ своихъ познаній.

Итакъ надлежитъ, чтобъ возшелъ ораторъ на каѳедру съ благонадежностію и довѣріемъ неукоризненной жизни. Да прежде и было, что говорившіе всенародно сопровождали рѣчь свою однимъ тѣлодвиженіемъ благороднымъ, спокойнымъ и чуждымъ искуства, каковы были добродѣтели ихъ и истины ими произносимыя. Еще помнятъ многіе, какъ Ѳемистоклъ, Аристидъ и Периклъ, стоявъ почти неподвижно на каѳедрѣ и руки держа подъ епанчею, поражали столько же важностію осанки своей, сколько и силою своего краснорѣчія.

Нынѣ большая часть ораторовъ не только не послѣдуютъ образцамъ симъ, но еще во взорахъ своихъ, голосѣ, тѣлодвиженіи и одеждахъ своихъ показываютъ ужасную смѣсь неблагопристойности и бѣшенства.

Но сіе злоупотребленіе есть еще слабый только признакъ позорнаго ихъ поведенія.

Одни продаютъ дарованія и честь свою державамъ, съ Аѳинами враждующимъ; другіе имѣютъ въ повелѣніяхъ своихъ богатыхъ граждан, кои маловременнымъ униженіемъ надѣются возвыситься на первыя степени въ республикѣ; они всѣ, стараясь на прерывъ другъ предъ другомъ или снискать уваженіе или обогатить себя, ищутъ славы и преимущества управлять по волѣ своей народомъ просвѣщеннѣйшимъ въ Греціи и цѣломъ свѣтѣ.

Отсюда происходятъ происки и распри, въ нѣдрахъ республики безпрестанно гнѣздящіяся, и на шумныхъ ея собраніяхъ дерзостно открывающіяся. Ибо народъ, будучи толь низокъ, когда повинуется, и толь страшенъ, когда повелѣваетъ, приноситъ туда съ распутностію нравовъ своихъ и то своевольство, кое почитаетъ законно принадлежащимъ верховной своей власти. Тамъ всѣ страсти его бываютъ безмѣрны, всѣ излишества ненаказанны. Ораторы, какъ сущіе крамолоначальники, приходятъ туда въ провожаніи или воинскихъ чиновниковъ, у коихъ снискали покровительство, или нижностепенныхъ мятежниковъ, буйствомъ коихъ управляютъ. Лишь только сойдутся вмѣстѣ, то и встрѣчаютъ

другЪ друга ругательствами, возбуждающими чернь, или насмѣшками, которыми она восхищается. Тотчасъ крики, рукоплесканія, громкій хохотъ заглушаютъ голоса сенаторовъ, въ собраніи председательствующихъ, голоса надзирателей, повсюду для сохраненія порядка разставленныхъ, голосъ самаго оратора, который видитъ опредѣленіе свое уничтоженнымъ тѣмижъ малыми средствами, коими отнимается толь часто на Вакховомъ ѳеатрѣ успѣхъ у какого нибудь сочиненія.

Вотще, съ нѣкотораго времени одно изъ десяти колѣнъ, при каждомъ собраніи по жребію избираемое, становится около каѳедры, чтобъ предупреждать безпорядокъ, и защищать оскорбляемые законы: оно само увлекается потокомъ, который остановить бы желало, и безполезное его пособствованіе доказываетъ единственно великость зла, подкрѣпляемаго не только образомъ правленія, но еще и свойствомъ Аѳинянъ.

Въ самомъ дѣлѣ народъ сей, имѣя чувствованія весьма живыя и весьма скоропреходныя, соединяетъ въ себѣ больше всѣхъ другихъ народовъ качества самыя противополо-

жныя, и такія, которыя весьма легко обратить можно на его обольщеніе.

Исторія представляетъ намъ его, то старикомъ, коего обманывать можно безбоязненно; то ребенкомъ, коего забавлять безпрестанно надобно, иногда же являющимъ проницаніе и свойства душъ великихъ, безмѣрно любящимъ забавы и вольность, покой и славу, упояющимся получаемыми похвалами, одобряющимъ заслуженныя собою укоризны; весьма скоро понимающимъ сообщаемыя отъ другихъ начинанія, но неимѣющимъ нимало терпѣнія, чтобъ выслушать подробности и предвидѣть слѣдствіе онаго; заставляющимъ трепетать начальниковъ своихъ въ тожъ время, какъ прощаетъ жесточайшимъ врагамъ своимъ; преходящимъ, на подобіе молніи отъ ярости къ состраданію, отъ унынія къ наглости, отъ несправедливости къ раскаянію; а паче легкомысленнымъ и вѣтренымъ до того, что въ дѣлахъ самыхъ важныхъ, и даже иногда отчаянныхъ довольно одного слова, случайно произнесеннаго, одного остраго изрѣченія, малѣйшаго предмета, малѣйшаго приключенія, лишь толькобъ было оно неожидаемо, чтобъ разогнать его страхи и отвратить отъ собственной выгоды.

По сему-то возстало нѣкогда почти все собранїе, и побѣжало за птичкою, которую Алкивїадъ, еще будучи въ молодыхъ лѣтахъ и въ первый разъ говоря предъ народомъ, выпустилъ ненарочно изъ за пазухи.

По сему-то около того же времени ораторъ Клеонъ, ставъ идоломъ у Аѳинянъ, кои хотя уже и не почитали его, издѣвался ненаказанно надъ благосклонностїю, отъ нихъ приобрѣтенною. Они собрались и ожидали его съ нетерпѣливостїю; наконецъ Клеонъ пришедъ просилъ ихъ отложить засѣданїе до другаго дня, по тому что онъ, готовясь угостить нѣкоторыхъ иностранцевъ, друзей своихъ, не имѣлъ времени заниматься дѣлами государственными. Народъ возсталъ, захлопалъ руками, и ораторъ пришелъ еще въ большую довѣренность.

Я самъ единожды видѣлъ, въ какомъ былъ онъ безпокойствѣ при нѣкоторыхъ со стороны Филиппа непрїятельскихъ и скорый разрывъ мира, по видимому, возвѣщавшихъ покушенїяхъ. Въ самое то время, какъ умы наиболѣе волнуемы были, показался на каѳедрѣ человѣкъ весьма малаго росту и совсѣмъ изуродованный. Это былъ Леонъ, посолъ Византїйскїй, который съ непрїятно-

стію вида соединялъ веселость и присутствіе духа, которыя толико плѣняютъ Аѳинянъ. При семъ явленіи подняли они толь великій хохотъ, что Леонъ не могъ улучить ни единой минуты молчанія. "Ну „такъ чтожъ бы сдѣлали вы, сказалъ онъ „имъ, есшьли бъ увидѣли еще и жену мою? „Она едва мнѣ по колѣна: однакожъ, какъ мы „ни малорослы, когда поссоримся между со„бою, то городъ Византія помѣстить насъ „не можетъ." Сія шутка возъимѣла столько успѣха, что Аѳиняне тотъ же часъ опредѣлили дать ему помощь, коей просить онъ прибылъ.

Наконецъ въ присутствіи ихъ нѣкогда читаны были перехваченныя письма Филипповы; они вознегодовали; однакожъ не велѣли трогать тѣхъ, которыя государь сей писалъ къ супругѣ своей, и, не разпечатавъ ихъ, отослали обратно.

Какъ весьма легко познать и воспламенить страсти и вкусы такого народа, то весьма удобно снискать у него довѣренность, и также потерять оную; но когда ею кто пользуется, можетъ все говорить, все предпринимать, устремлять его на добро и на зло съ равнымъ жаромъ. Когда онъ бывалъ упра-

вляемъ людьми твердыми и добродѣтельными, то власть гражданскую, посольство, предводительство войскъ поручалъ только дарованіямъ, съ добродѣтелями соединеннымъ. Въ наши времена дѣлалъ онъ постыдные выборы; но виною тому льстецы, имъ управляющіе, льстецы стольже опасные, какъ и льстецы тиранновъ; и которые также ничего, кромѣ немилости, стыдиться не умѣютъ.

Поелику сенатъ состоитъ въ зависимости отъ народа, а народъ слѣпо повинуется начальникамъ, кои сбиваютъ его съ пути; то къ поддержанію народоправленія едиными способами остаются частныя вражды и удобности, съ какою можно судебнымъ порядкомъ преслѣдовать оратора, довѣренность во зло употребившаго. Его обвиняютъ въ нарушеніи законовъ; и какъ такое обвиненіе можетъ относиться къ его лицу, или къ существу предложенія его, то и происходятъ отсюда два доноса, коимъ онъ непрестанно бываетъ подверженъ.

Первый имѣетъ предметомъ, чтобъ обезславить его предъ очами согражданъ. Естьли получилъ онъ дары, чтобъ измѣнить своему отечеству, естьли жизнь его опорочена какимъ нибудь безчестнымъ дѣяніемъ, а па-

че тѣми преступленїями, о которыхъ сказано выше, и которымъ онъ долженъ быть непричастенъ, чтобъ достойно проходить свое званїе; тогда каждому гражданину позволяется доказывать на него въ судѣ. Такїй извѣтъ, прїемлющїй различныя именованїя, смотря по существу преступленїя, подается сперьва судьѣ, коего должность есть разбирать дѣло по первому доносу. Ежели вина невелика, то налагается легкая пеня; ежели важна, то дѣло отсылается въ высшее судилище; когда же обвиняемый совершенно обличится, тогда подвергается между прочими наказанїями и тому, чтобъ никогда не восходить на каѳедру.

Ораторы, коихъ безпорочное поведенїе защищаетъ отъ доноса перваго рода, не менѣе могутъ страшиться другаго, извѣстнаго подъ названїемъ доноса о *незаконности*.

Между множествомъ опредѣленїй отъ времени до времени съ согласїя сената и народа выдаемыхъ есть и такїя, которыя видимо противны благу общественному, и которыя отмѣнять необходимо надлежитъ. Но какъ произошли онѣ отъ власти законодательной, то кажется, никакая сила, никакое судилище не имѣетъ права уничтожать ихъ.

Самъ народъ не долженъ на сїе покушаться для того, что ораторы, уже довѣренность его уловившїе, уловили бы и еще оную. Къ чему же прибѣгнуть республикѣ? къ закону на первый взглядъ странному, но удивительному и столь нужному, что не можно отвергнуть или пренебречь его, не разрушивъ народоправленїя; къ закону, который уполномочиваетъ и самаго послѣдняго изъ гражданъ возстать противъ опредѣленїя цѣлаго народа, когда онъ въ состоянии доказать, что сей приговоръ противенъ законамъ уже установленнымъ.

Тогда самъ невидимый властитель, сами законы вопїютъ уже противъ народнаго приговора, ихъ оскорбляющаго; тогда уже именемъ законовъ дѣлается доносъ предъ судилищемъ, которое представляетъ въ себѣ перваго хранителя и мстителя законовъ; и судїи, отмѣняя опредѣленїе, объявляютъ только, что власть народа противъ воли его нашлась вопреки власти законовъ; или, лучше сказать, поддерживаютъ старинныя и всегдашнїя его хотѣнїя противъ настоящихъ и временныхъ хотѣнїй.

Такое со стороны законовъ возраженїе отъемлетъ силу и дѣйствительность, на-

роломъ приговору данныя: но поелику не льзя позвать всего народа предъ судъ, то и не можно учинить инаго доноса, какъ только противъ оратора, предложившаго приговоръ сей; и въ самомъ дѣлѣ, на него одного возводится обвиненїе въ незаконности. Принято за правило, что тотъ, кто вмѣшался въ управленїе дѣлъ, не бывъ къ сему принужденнымъ, долженъ быть или почтенъ, когда успѣетъ, или наказанъ, когда не успѣетъ.

Дѣло прежде разбирается первымъ изъ архонтовъ, или шестью послѣдними. Послѣ предварительныхъ изслѣдованїй представляется оно судилищу Элїастовъ, состоящему обыкновенно изъ пяти сотъ судей, а иногда изъ тысячи пяти сотъ и двухъ тысячъ: сїи же самые судїи, смотря по существу преступленїя, опредѣляютъ число, и въ нѣкоторыхъ случаяхъ простираютъ оное даже до шести тысячъ.

Опредѣленїе можно опорачивать, когда еще оно однимъ сенатомъ одобрено; можно также ждать, чтобъ и народомъ утверждено было. Но въ обоихъ случаяхъ надлежитъ учинить доносъ въ теченїе того же года, чтобъ ораторъ былъ наказанъ: а по прошест-

вїи сего срока онъ уже не отвѣтствуетъ за свое опредѣленіе.

Послѣ какъ доноситель объявитъ доказательства къ уничтоженію, а обвиняемый доказательства къ удержанію опредѣленія, тогда собираются голоса. Ежели первый не будетъ на своей сторонѣ имѣть пятой части, то повиненъ внести пять сотъ драхмъ въ народную казну, и дѣло тѣмъ кончится: а естьли другій не устоитъ, то можетъ просить, чтобъ наказаніе было умѣрено; но не избѣгаетъ уже либо изгнанія, либо отрѣшенія отъ должности, либо тяжкой пени. Здѣсь равно, какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ, время дѣлопроизводства раздѣлено на три части: одна для доносителя, другая для защищающагося, третья, естьли востребуется, для постановленія наказанія.

Нѣтъ оратора, который бы не вострепеталъ при такомъ доносѣ; да нѣтъ и средствъ, къ которымъ бы не прибѣгалъ онъ для отвращенія послѣдствій онаго. Прозьбы, слезы, уничиженная наружность, покровительство воинскихъ чиновниковъ, уловки краснорѣчія, все употребляется въ дѣйствіе обвиняемымъ, или его друзьями.

Сїи средства бываютъ рѣдко безуспѣшны; ораторъ Аристофонъ хвалился, что было на него семьдесять пять доносовъ, и онъ всегда торжествовалъ надъ ними. Однакожъ какъ всякїй ораторъ во время своего управленїя пропускаетъ многїе приговоры; какъ умножать еще число ихъ нужно ему для поддержанїя довѣренности своей; какъ онъ окруженъ непрїятелями, коихъ дѣлаетъ зависть весьма проницательными; какъ выводя отдаленныя заключенїя или дѣлая превратныя толкованїя, удобно бываетъ найти какое нибудь противорѣчїе между его мнѣнїями, поведенїемъ и многочисленными законами, кои въ своей силѣ: то почти не возможно, чтобъ рано или поздно не былъ жертвою доносовъ, коими непрестанно угрожается.

Я сказалъ, что въ Аѳинахъ законы многочисленны: кромѣ Драконовыхъ, которые существуютъ частїю, кромѣ Солоновыхъ, которые служатъ основанїемъ праву гражданскому, вкралось много и другихъ, кои взялись отъ обстоятельствъ, или введены были властїю ораторовъ.

Во всякомъ правленїи надлежало бы нескоро отмѣнять законъ старый, и вводить новый; сїе должно происходить еще съ боль-

шею затруднительностїю у такаго народа, который, властелинъ будучи и подданный вмѣстѣ, всегда покушался облегчать или свергать иго, имъ же самимъ на себя возложенное. Солонъ такъ связалъ руки власти законодательной, что она неиначе коснуться можетъ основанiй законоположенiя, какъ съ крайними предосторожностями.

Гражданинъ, предлагающїй уничтожить законъ старый, долженъ въ то же время замѣнить его другимъ. Онъ представляетъ ихъ оба сенату, который по тщательномъ разсмотрѣнiи или отвергаетъ намѣреваемую перемѣну, или повелѣваетъ чиновникамъ своимъ предложить о томъ народу въ общемъ собранiи, гдѣ между прочими дѣлами производится свидѣтельство и пересмотръ зоконовъ существующихъ. Сїе собранїе имѣетъ засѣданїе свое въ одиннадцатый день перваго мѣсяца въ году. Ежели законъ въ самомъ дѣлѣ покажется заслуживающимъ отмѣненiя, то Пританы отсылаютъ дѣло въ собранїе, которое обыкновенно бываетъ девятнадцать дней спустя; и предварительно избираются пять ораторовъ, кои должны въономъ защищать законъ, къ отрѣшенїю назначенный. А между тѣмъ ежедневно какъ сей законъ, такъ и ко введе-

нїю предлагаемый, прибиваются къ истуканамъ, которые всѣмъ видны. Каждый частный человѣкъ на досугѣ сравниваетъ выгоды и неудобства того и другаго; они дѣлаются предметомъ разсужденія въ бесѣдахъ; постепенно составляется общественное мнѣнїе, и оказываются торжественно въ назначенномъ собранїи.

Но оно ничего еще рѣшить не можетъ. Опредѣляются повѣренные иногда числомъ тысяча и одинъ, коимъ даютъ имя законодателей, и кои всѣ должны быть изъ засѣдавшихъ между Элїастами. Они составляютъ судилище, предъ которое предстаютъ и тотъ, кто опровергаетъ старый законъ, и тѣ кои защищаютъ его. Повѣренные имѣютъ власть уничтожить его, не относясь вторично къ народу; потомъ разсматриваютъ, сообразенъ ли новый законъ съ обстоятельствами? относится ли ко всѣмъ гражданамъ? не противорѣчитъ ли другимъ законамъ? послѣ чего утверждаютъ его сами, или представляютъ народу, который голосами своими запечатлѣваетъ силу его. Ораторъ, способствовавшїй сей перемѣнѣ, подлежитъ и здѣсь отвѣту не за то, что уничтожилъ законъ,

сдѣлавшійся безполезнымъ, но что ввелъ такій, который можетъ быть пагубнымъ.

Всѣ новые законы должны быть предлагаемы и разсматриваемы такимъ же образомъ. Однако, не смотря на сказанный порядокъ, не смотря на обязанность, какую имѣютъ извѣстные чиновники ежегодно и со всякою точностію разбирать законы, вкралось ихъ нечувствительно въ судебникъ толь великое множество противорѣчащихъ и темныхъ, что въ послѣднія времена необходимость потребовала учредить особыхъ чиновниковъ для разобранія оныхъ. Но отъ трудовъ ихъ доселѣ еще плода не видно.

Великое есть благо, что свойство народнаго правленія дѣлаетъ отлагательства и изслѣдованія нужными, когда идетъ дѣло о законоположеніи; но то есть зло великое, что оно часто требуетъ ихъ въ случаяхъ, ни малой медлѣнности не терпящихъ. Въ правленіи самодержавномъ нужна одна минута, чтобъ узнать и исполнить волю самодержца: здѣсь сперва надобно вопросить сенатъ; надобно созвать народъ въ собраніе; надобно, чтобъ ему все было объяснено, чтобъ онъ разсуждалъ, чтобъ рѣшилъ. Исполненіе бываетъ еще медлительнѣе. Всѣ сіи причины

толь сильно задерживаютъ теченіе дѣлъ, что народъ иногда находитъ себя принужденнымъ препоручать сенату рѣшеніе оныхъ; но пожертвованіе сіе дѣлаетъ противъ своей воли; ибо страшится возбудить ту крамолу, которая нѣкогда лишила его всей власти; крамола сія есть приверженцы вельможеначалія. Они теперь ослаблены, но тѣмъ ревностнѣе посягнули бы на истребленіе той силы, которая подавляетъ ихъ и уничижаетъ. Народъ ненавидитъ ихъ болѣе по сему, что не отличаетъ ихъ отъ тиранновъ.

Доселѣ взирали мы на сенатъ и народъ, какъ единственно занятые великимъ предметомъ правленія, но должно ихъ почесть еще за два рода присутственныхъ мѣстъ, куда входятъ доносы о извѣстныхъ преступленіяхъ; и покажется удивительнымъ, что, исключая нѣкоторыя легкія пени, сенатомъ опредѣляемыя, прочія дѣла по разсмотрѣніи или сенатомъ, или народомъ, или обоими попеременно отсылаются, и должны быть отсылаемы въ судилище, кое рѣшитъ уже окончательно. Я видѣлъ, что одного гражданина, обвиняемаго въ похищеніи народной казны, осудилъ сперва сенатъ, потомъ народъ, чрезъ цѣлый день

препираясь голосами, наконецЪ двумя судилищами, которыя составляли вмѣстѣ тысячу и одного судью.

Справедливо думаютЪ, что исполнительная власть, будучи отдѣленна отЪ законодательной, не должна служить подлымЪ орудіемЪ послѣдней; но я не могу скрыть, что во времена мятежей и разврата толь мудрый законЪ неоднократно былЪ нарушаемЪ, и что ораторы заставляли народЪ, коимЪ управляли, удерживать нѣкоторыя дѣла у себя, дабы отнять прибѣжище кЪ обыкновеннымЪ судамЪ у тѣхЪ обвиняемыхЪ, которыхЪ они погубить хотѣли.

ГЛАВА ПЯТАЯНАДЕСЯТЬ.

О градоначальникахЪ АѳинскихЪ.

При жестокомЪ страстей и должностей сраженіи, которое ощутительно повсюду, гдѣ есть люди, а паче когда люди сіи свободны, и почитаютЪ себя независимыми, надлежитЪ, чтобы власть, на отрѣяніе своевольства вооруженная, надзирала бдительно за ихЪ поступками; а какЪ она не можетЪ

всегда чрезъ себя самую дѣйствовать, то и нужно, что бы многія начальства дѣлали ее присущною и страшною въ одно время во всѣхъ мѣстахъ.

Народъ собирается въ послѣдніе четыре дни года для назначенія градоначальниковъ; и хотя по закону Аристидову можетъ избирать въ сіе званіе и самаго послѣдняго изъ Аѳинянъ, но почти всегда поручалъ отличнѣйшимъ гражданамъ тѣ должности, которыя имѣютъ наиболѣе вліянія на благосостояніе республики. Онъ изъявляетъ волю свою посредствомъ голосовъ или жребія.

Мѣста, на которыя онъ тогда разпредѣляетъ, суть въ великомъ множествѣ. Тѣ, кои получаютъ ихъ, должны выдержать строгое о поведеніи своемъ изслѣдованіе предъ судилищемъ Эліастовъ; и какъ будто бы недостаточно еще было таковаго испытанія, народъ при первомъ собраніи каждаго мѣсяца или Пританіи вопрошается, не имѣетъ ли какой жалобы на своихъ начальниковъ. При малѣйшемъ обвиненіи главные изъ собранія требуютъ мнѣнія отъ народа; и ежели голоса противны обвиняемому чиновнику, то онъ отрѣшается и влечется въ судъ, гдѣ произносится уже рѣшительный приговоръ.

Первая и важнѣйшая изъ всѣхъ должностей есть должность архонтовъ: числомъ ихъ девять; избираются они изъ знаменитѣйшихъ гражданъ; обязанность ихъ есть не только пещися о порядкѣ и тишинѣ общественой, но и принимать всенародно доносы и жалобы утѣсненныхъ гражданъ.

Прежде избранія въ должность, или вскорѣ послѣ онаго, бываютъ объ нихъ два изслѣдованія, одно въ сенатѣ, другое предъ Эліастами. Требуется между прочимъ, чтобъ они были дѣти и внучата гражданъ, чтобъ чтили всегда родителей своихъ, и чтобъ когда нибудь служили въ войскахъ. Потомъ клянутся защищать законы и не принимать подарковъ; клятву сію произносятъ надъ самыми законовъ подлинниками, которые хранятся со всякимъ благоговѣніемъ. Новая причина дѣлаетъ сію клятву ненарушимою: по сложеніи должности надѣяться могутъ, что послѣ другаго изслѣдованія вступятъ въ сословіе ареопага; а сіе есть высочайшая степень счастія для души добродѣтельной.

Особа ихъ, такъ какъ и всѣхъ градоначальниковъ, должна быть священна. Кто учинитъ имъ насиліе, или обругаетъ тогда, когда имѣютъ они на головѣ миртовый вѣ-

нокъ, достоинство ихъ означающїй, тотъ лишается большей части преимуществъ гражданства, или осуждается на денежную пеню; но также и имъ надлежитъ заслуживать почтенїе, званїю ихъ приличное.

Первые три архонта имѣютъ каждый особенное судилище, гдѣ присутствуютъ они съ двумя засѣдателями, коихъ избираютъ сами. Шесть послѣднихъ, именуемые Ѳесмоѳеты, составляютъ одну только расправу. Симъ судамъ поручены различныя дѣла.

Архонты имѣютъ права избирать по жеребью судей въ вышнїе суды. Должности и преимущества суть иныя имъ всѣмъ общїя, а другїя принадлежатъ частно одному архонту. На примѣръ, первый, называемый эпонимъ, по тому что имя его ставится въ началѣ судебныхъ дѣлъ и приговоровъ, производимыхъ въ году бытїя его въ должности, обязанъ особенно пещися о вдовахъ и сиротахъ; второй, или царь, удалять смертоубїйцъ отъ таинствъ и обрядовъ богослужебныхъ; третїй, или полемархъ, чинить расправу между иностранцами, въ Аѳинахъ поселившимися. Всѣ трое раздѣльно предсѣдательствуютъ на празднествахъ и тор-

жественныхъ играхъ. Шесть послѣднихъ назначаютъ дни собранія вышнимъ судамъ, ходятъ по ночамъ дозоромъ для наблюденія порядка и тишины въ городѣ, и первенствуютъ при выборѣ судей нижнихъ мѣстъ.

По избраніи архонтовъ избираются стратеги или начальники надъ пѣхотою, иппархи или начальники надъ конницею, чиновники для собиранія и храненія податей, иные для смотрѣнія за съѣстными припасами, другіе для содержанія въ исправности дорогъ, и еще весьма многіе, поступающіе не въ толь важныя званія.

Иногда колѣна, въ силу опредѣленія народнаго собранныя, назначаютъ надзирателей и казначеевъ для поправленія обветшавшихъ зданій общенародныхъ. Присутствующихъ во всѣхъ почти сихъ отдѣленіяхъ бываетъ по десяти; и какъ правленіе въ существѣ своемъ клонится къ равенству, то изъ каждаго колѣна выбирается ихъ по одному.

Одно изъ полезнѣйшихъ въ семъ родѣ учрежденій есть щетная палата, состоящая изъ десяти чиновниковъ, кои смѣняются каждогодно. Архонты, члены сената, на-

чальники галеръ, посланники, ареопагиты, даже служители алтарей, словомъ, всѣ тѣ, кои имѣли какое нибудь препорученїе относительно дѣлъ общественныхъ, должны явиться туда, одни слагая съ себя званїе, другїе во времена, назначенныя или для отданїя отчету въ полученныхъ ими суммахъ, и для оправданїя издержекъ своихъ; или только для показанїя, что они не страшатся никакого отчета.

Тѣ же, кои отрекутся предстать туда, не могутъ ни дѣлать завѣщанїя, ни удаляться изъ отечества, ни вступить вторично въ должность, ниже надѣяться вѣнца, каковый опредѣляется служащимъ съ ревностїю обществу; даже могутъ быть позваны къ отвѣту въ сенатъ или другїя судилища, которыя налагаютъ на нихъ еще ужаснѣйшїя знаки безчестїя.

Коль скоро оставятъ они свои мѣста, то всякому гражданину позволяется на нихъ доносить. Ежели доносъ касается до похищенїя государственной казны, то разсматриваетъ оный щетная палата; естьли же относится до другихъ преступленїй, то отсылается дѣло въ обыкновенные суды.

ГЛАВА ШЕСТАЯНАДЕСЯТЬ.

О судахъ и разправахъ.

Право защищать невинность здѣсь не прїобрѣтается породою или богатствомъ, но принадлежитъ каждому гражданину. Какъ могутъ они всѣ присутствовать на собранїи народномъ и располагать пользами государства, такъ равно могутъ подавать голоса свои въ судахъ и учреждать выгоды частныхъ людей. Качество судїи не есть чинъ или особенное званїе; а только временное препорученїе, по своему предмету хотя почтенное, но униженное тѣми причинами, которыя большую часть Аѳинянъ побуждаютъ принимать на себя оное. Корысть заставляетъ ихъ неопустительно находиться въ судахъ, такъ какъ и на общихъ собранїяхъ. Выдается каждому по три обола за присутствїе; а сїя по видимому легкая дача составляетъ изъ государственной казны ежегоднаго разходу около ста пятидесяти талантовъ: ибо число судей непомѣрно и простирается до шести тысячъ.

Аѳинянинъ, коему болѣе тридцати лѣтъ отъ роду, который всегда жилъ добропоря-

дочно, и ничего не долженъ въ казну, имѣетъ уже потребныя для судьи качества. Повсягодно рѣшитъ жеребей, въ какомъ судѣ ему присутствовать.

Такимъ образомъ наполняются судилища. Изъ нихъ считается десять главныхъ: четыре по смертоубивствамъ, а шесть по другимъ дѣламъ какъ уголовнымъ такъ и гражданскимъ. Изъ первыхъ четырехъ одно вѣдаетъ убійство непроизвольное; второе, убійство учиненное въ случаѣ законнаго защищенія; третіе, убійство, коего виновникъ, бывъ изгнанъ изъ отечества за сіе же преступленіе, не исполнилъ еще того приговора, который удалялъ его; наконецъ четвертое, убійство, случившееся отъ паденія камня, дерева, и отъ другихъ подобныхъ причинъ. Въ слѣдующей главѣ увидимъ, что сужденіе объ умышленномъ убійствѣ относится къ Ареопагу.

Толь многія расправы по одному преступленію не доказываютъ, что бы оное нынѣ случалось здѣсь чаще прежняго, но только то, что сіи расправы учреждены были въ тѣ вѣки, когда люди не знали другаго права, кромѣ права сильнѣйшаго; а въ самомъ дѣлѣ существуютъ они всѣ отъ

временѣ ироическихѣ. Начало прочихѣ судилищѣ не извѣстно; но должны были онѣ учреждаться по мѣрѣ той, какѣ при усовершенствованіи обществѣ, хитрость заступала мѣсто насилія.

Сіи десять вышнихѣ судилищѣ, кои большею частію состоятѣ изѣ пяти сотѣ судей, а нѣкоторые еще изѣ бо́льшаго числа, сами по себѣ не имѣютѣ никакой дѣятельности, а движутся девятью архонтами. Каждый изѣ сихѣ чиноначальниковѣ вноситѣ туда дѣла своего вѣдомства, и предсѣдательствуетѣ тамѣ во все время, какѣ бываютѣ онѣ разбираемы.

Ихѣ собранія не могутѣ быть вѣ одно и тоже время сѣ собраніями народа, по тому что какѣ однѣ, такѣ и другія состоятѣ изѣ тѣхѣ же самыхѣ особѣ; для сего-то время для первыхѣ собраній назначается архонтами; ими же избираются по жеребью судьи, долженствующіе наполнять сіи различныя судилища.

Знаменитѣйшее изѣ всѣхѣ есть судилище Эліастовѣ, куда поступаютѣ всѣ важныя дѣла, до благосостоянія республики или частныхѣ людей относящіяся. Мы сказали выше, что оно состоитѣ обыкновенно изѣ пя-

ти сотъ судей, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ повелѣваютъ градоначальники и другимъ судилищамъ присоединяться къ Эліастамъ, такъ что число судей простирается иногда до шести тысячъ.

Они подъ присягою обѣщаются судить по законамъ, и по опредѣленіямъ сената и народа; не принимать никакихъ подарковъ; равно выслушивать обѣ тяжущіяся стороны; противиться всѣми силами тѣмъ, кто бы сдѣлалъ хотя малѣйшее покушеніе противъ настоящаго образа правленія. Ужасными заклинаніями противъ себя самихъ и противъ своихъ семействъ заключаютъ сію присягу, которая содержитъ многія и другія статьи не столь важныя.

Естьли бы въ сей главѣ и послѣдующихъ захотѣлъ я входить въ подробности Аѳинскаго судопроизводства, то потерялся бы въ стезяхъ мрачныхъ и трудныхъ; но долженъ упомянуть объ одномъ учрежденіи, которое показалось мнѣ весьма благопріятнымъ для добросовѣстныхъ просителей. Повсягодно сорокъ нижнихъ чиновниковъ объѣзжаютъ селенія Аттики, имѣютъ тамъ свои засѣданія, удовлетворяютъ въ нѣкоторыхъ обидахъ, рѣшатъ тяжбы о самомъ маломъ

количествѣ денегъ, простирающемся не болѣе, какъ до десяти драхмъ, а дѣла важнѣйшія отсылаютъ къ посредникамъ.

Сіи посредники должны быть всѣ люди извѣстные по честному поведенію своему, и имѣть около шестидесяти лѣтъ отъ роду: при концѣ всякаго года избираются они по жеребью, изъ каждаго колѣна, числомъ сорокъ четыре человѣка.

Ежели тяжущіеся не хотятъ подвергнуться проволочкамъ обыкновенной расправы, или тому, чтобъ внесть количество денегъ прежде рѣшенія, или чтобъ заплатить пеню, положенную на доносителя не доказавшаго своего извѣта, могутъ поручить дѣло свое одному или многимъ посредникамъ, коихъ избираютъ они сами, или архонтъ въ ихъ присутствіи по жеребью. Когда выберутъ ихъ сами, то обязуются быть довольными рѣшеніемъ ихъ; естьли же получили ихъ по жеребью, то въ случаѣ неудовольствія могутъ жаловаться въ высшемъ судѣ; и тогда посредники, собравъ показанія свидѣтелей и всѣ тяжебныя бумаги, кладутъ въ ящикъ, и запечатавъ его, препровождаютъ къ архонту, который долженъ внести дѣло въ одно изъ вышнихъ судилищъ.

Ежели архонтъ, по прозьбѣ одной только изъ тяжущихся сторонъ, отослалъ дѣло къ посредникамъ, по жеребью избраннымъ; то другая сторона имѣетъ право или объявить судъ неправильнымъ, или отречься отъ него по другимъ причинамъ.

Посредники, бывъ обязаны осуждать равно и родственниковъ и друзей своихъ, могли бы покуситься произнести судъ неправый: но имъ предоставлены средства отсылать дѣло въ вышнія судилища. Могли бы они ослѣпиться подарками, или уступить частнымъ видамъ: но обиженная сторона имѣетъ право, по окончанiи года, просить на нихъ въ судѣ, и заставить отвѣчать за сдѣланный ими приговоръ. Боясь таковыхъ послѣдствiй, могли бы они не приступать къ должности: но законъ повелѣваетъ всякаго посредника почитать безчестнымъ, когда онъ, бывъ избранъ по жеребью, отречется отъ своего званiя.

Я, услышавъ въ первый разъ о присягѣ, почелъ ее нужною только для народовъ невѣжественныхъ, кои ставятъ ложь не такъ важною, какъ преступленiе клятвы. Однакожъ я видѣлъ, что и Аѳиняне требуютъ присяги отъ градоначальниковъ, сенаторовъ,

судей, ораторовъ, свидѣтелей, доносщика, который находитъ выгоду нарушать ее, и отъ обвиняемаго, который доводится до необходимости погрѣшать противъ своей вѣры, или противъ самаго себя. Но видѣлъ также, что сей священный обрядъ не иное что есть, какъ обыкновенїе, оскорбительное для боговъ, безполезное для общества, и обидное для тѣхъ, кои присуждены бываютъ подвергаться оному. Нѣкогда философъ Ксенократъ, бывъ призванъ во свидѣтели, произнесъ свое свидѣтельство, и приступилъ къ жертвеннику для утвержденїя своего показанїя клятвою. Судїи устыдились, и воспротивясь единодушно учиненїю присяги, воздали должную дань честности толь почтеннаго свидѣтеля. Какое же понятїе имѣли они о другихъ людяхъ?

Жители острововъ и городовъ, подвластныхъ республикѣ, обязаны вносить дѣла свои въ Аѳинскїя судилища, для окончательнаго рѣшенїя. Общественная казна пользуется податьми, какїя платятъ они, входя въ пристань, а городъ тѣми издержками, которыя дѣлаютъ они во время своего въ немъ пребыванїя. Другая причина лишаетъ ихъ преимущества рѣшить у себя распри свои. Естьли бы имѣли они верьховныя расправы,

что бы оставалось имъ прибѣгать только къ покровительству своихъ правителей, и могли бъ весьма во многихъ случаяхъ утѣснить приверженцовъ народоправленія; привлекая же ихъ сюда, заставляютъ ихъ унижаться предъ народомъ, который ожидаетъ ихъ въ судилищахъ, будучи крайне наклоненъ соразмѣрять оказуемую имъ справедливость степени усердія, какое имѣютъ они къ его власти.

ГЛАВА СЕДЬМАЯНАДЕСЯТЬ.

О Ареопагѣ.

Сенатъ ареопага есть самое древнее, и самое безпристрастное изъ судилищъ Аѳинскихъ. Оно собирается иногда въ царскомъ портикѣ; обыкновенно же на холмѣ, не подалеку отъ замка, въ одной нѣкотораго рода храминѣ, защищаемой онъ перемѣнъ воздушныхъ простымъ только навѣсомъ.

Сенаторы остаются по смерть при мѣстахъ своихъ; число ихъ не ограничено. Архонты, по годичномъ исправленіи должности, бываютъ на оныя помѣщаемы; но имъ надобно доказать торжественнымъ образомъ, что

званіе свое проходили ревностно и вѣрно. Хотя при семъ случаѣ и были иные столько искусны или столько сильны, что отклоняли отъ себя строгость людей за ними надзиравшихъ; однако, ставъ ареопагитами, не могли противиться дѣйствію примѣра, и принуждены являться добродѣтельными, подобно, какъ въ нѣкоторыхъ воинскихъ обществахъ, по необходимости оказывается храбрость.

Слава, коею наслаждается судилище сіе чрезъ толь многіе вѣки, основана на такихъ доказательствахъ, которыя предадутъ ее и послѣдующимъ вѣкамъ. Невинность, предстать оному принужденная, безъ боязни приближается къ нему; а обличенные и осужденные преступники отходятъ, не дерзая жаловаться.

Ареопагъ надзираетъ за поведеніемъ членовъ своихъ, и безпристрастно судитъ ихъ даже и за самые легкіе проступки. Одинъ сенаторъ былъ наказанъ за то, что задавилъ маленькую птичку, отъ страху залѣтевшую къ нему за пазуху: чрезъ сіе показывалося, что сердце, чуждое жалости, не должно располагать жизнію гражданъ. Такимъ образомъ рѣшенія сего судилища почитаются за правила не только мудрости, но и человѣколю-

бія. Я видѣлъ привлеченную предъ него женщину, которую обвиняли въ отравленія ядомъ; она хотѣла любимаго страстно ею человѣка преклонить къ себѣ въ любовь нѣкоторымъ, какъ по просту говорятъ, приворотнымъ напиткомъ, отъ коего онъ умеръ. Ее отпустили безъ наказанія, по тому что была больше несчастна, нежели виновна.

Всякое сообщество, въ воздаяніе заслугъ своихъ, получаетъ отъ народа или вѣнецъ или другіе знаки почестей. Сіе же сословіе, о которомъ я говорю, не требуетъ, и не должно требовать оныхъ. Ничто не отличаетъ его столько, какъ неимѣніе нужды въ отличіяхъ. Когда вводилась въ употребленіе комедія, тогда всѣмъ Аѳинянамъ позволялось упражняться въ семъ родѣ словесности: изъ сего одни члены ареопага были изъяты. Да и прилично ли мужамъ толь важнымъ въ своей наружности, толь строгимъ во нравахъ своихъ, заниматься нелѣпостями общества?

Первоначальное учрежденіе онаго относятъ ко временамъ Кекропа; но блистательностію своею одолженъ онъ Солону, который ввѣрилъ ему надзираніе за нравами. Тогда завѣдывалъ онъ почти всѣ преступленія, всѣ

пороки, всѣ злоупотребленія. Произвольное убійство, отравленіе ядомъ, воровство, зажигательства, распутство, новизны какъ въ богослуженіи, такъ и въ образѣ правленія, попеременно занимали его бдительность. Онъ могъ, проницая даже во внутренность домовъ, осуждать всякаго безполезнаго гражданина яко опаснаго, и всякую издержку, доходамъ несоразмѣрную, яко законопреступную. А поелику оказывалъ величайшую твердость въ наказаніяхъ, и величайшую осмотрительность въ исправленіи нравовъ; поелику не прежде прибѣгалъ къ казнямъ, какъ по увѣщаніяхъ и угрозахъ, то и заставилъ любить себя, употребляя власть самую безпредѣльную.

Воспитаніе юношества сдѣлалось первымъ предметомъ его попеченій. Онъ показывалъ дѣтямъ гражданъ поприще, кое протекать долженствовали, и давалъ имъ вѣрныхъ путеводителей. Часто своими щедротами усугублялъ соревнованіе въ воинствѣ, и опредѣлялъ награды людямъ частнымъ, кои въ неизвѣстности исправляли должности своего состоянія. Во время войны съ Персами, явилъ онъ толико усердія и постоянства въ поддержаніи законовъ, что утвердилъ правленіе больше прежняго.

Толь прекрасное учрежденіе не могло существовать долѣе одного столѣтія. Периклъ предпріялъ ослабить власть, которая собственной его власти была въ тягость. По несчастію онъ успѣлъ; и съ той минуты не стало уже надзирателей за нравами гражданъ, или паче всѣ граждане сдѣлались сами таковыми надзирателями. Умножились доносы, и нравы претерпѣли бѣдственную перемѣну.

Ареопагъ производитъ нынѣ только разправу касательно ранъ и убійствъ умышленныхъ, зажигательствъ, отравы, и нѣкоторыхъ другихъ преступленій не такъ важныхъ.

Когда случится смертоубійство, то вторый изъ архонтовъ производитъ слѣдствіе, представляетъ оное ареопагу, садится между судьями, и произноситъ вмѣстѣ съ ними казнь, какую предписываютъ законы, на столпѣ вырѣзанные.

Когда же дѣло идетъ о такомъ преступленіи, которое касается до всей республики или до богопочтенія, тогда власть его не простирается далѣе слѣдствія. Иногда производитъ оное самъ собою; иногда по препорученію всего народа. По окончаніи су-

дебнаго порядка доноситЪ народу, не дѣлая своего заключенія. Обвиняемый можетЪ тогда представить новыя доказательства невинности своей; а народЪ назначаетЪ ораторовЪ, кои преслѣдуютЪ обвиняемаго предЪ однимЪ изЪ вышнихЪ судилищЪ.

Прежде, нежели приступитЪ ареопагЪ кЪ сужденію, происходятЪ ужасные обряды. Обѣ противныя стороны, стоя посреди останковЪ жертвЪ, еще кровь точащихЪ, произносятЪ присягу, и подтверждаютЪ ее страшными заклинаніями противЪ себя самихЪ и противЪ своихЪ семействЪ. ПризываютЪ во свидѣтельство грозныхЪ ЭвменидЪ, которыя изЪ сосѣдственнаго храма, гдѣ воздается имЪ почитаніе, внемлютЪ, кажется, словамЪ ихЪ и готовятся карать клятвопреступниковЪ.

Послѣ сего, разсматривается дѣло. Здѣсь истина одна имѣетЪ право предстать предЪ судей. Они боятся столько же краснорѣчія сколько и лжи. Стряпчіе изЪ своихЪ рѣчей должны вовсе изгнать обыкновенныя вЪ риторствѣ фигуры и прикрасы, избѣгать даже чувствительныхЪ изреченій, которыя толь сильно воспламеняютЪ воображеніе, и толико дѣйствуютЪ надЪ душами сострадательными. Не пособятЪ ни взоры ни тѣлодвиженія ора-

тору. Ареопагъ имѣетъ свои засѣданія почти всегда ночью.

По довольномъ разбирательствѣ дѣла, судьи полагаютъ въ молчаніи письменно голоса свои въ два сосуда, изъ коихъ одинъ называется сосудъ смерти, а другій милосердія. Въ случаѣ равенства голосовъ, одинъ изъ нижнихъ чиновниковъ прибавляетъ, въ пользу обвиняемаго, голосъ Минервы. Оный такъ называется для того, что, по древнему преданію, якобы богиня сія, присутствовавъ въ томъ же самомъ судилищѣ при сужденіи Ореста, подала свой голосъ, чтобъ сдѣлать перевѣсъ между голосами судей.

Въ случаяхъ важныхъ, когда народъ, возбужденный своими ораторами, покушается предпринять что либо противное общественному благу, ареопагиты предстаютъ иногда собранію, и успокоеваютъ умы или доказательствами или прозьбами. Народъ, не страшась уже ничего отъ ихъ власти, но еще почитая благоразуміе ихъ, нерѣдко даетъ имъ на волю пересматривать собственныя свои рѣшенія. Примѣры сего были въ мое время.

Нѣкоторый гражданинъ, изъ Аѳинъ изгнанный, дерзнулъ паки явиться въ городѣ.

На него донесено народу, который, по убѣжденію одного довѣреннаго оратора, положилъ простить его. Ареопагъ, разсмотрѣвъ дѣло сіе, приказалъ взять виновнаго, представилъ опять народу, и принудилъ осудить его.

Надобно было послать депутатовъ или повѣренныхъ въ собраніе Амфиктіоновъ. Между избранными народомъ, находился ораторъ Есхинъ, коего поведеніе было нѣсколько подозрительно. Ареопагъ, который нимало не уважалъ дарованій безъ благонравія, навѣдался о жизни Есхиновой, и объявилъ, что ораторъ Иперидъ казался ему достойнѣе толь почтеннаго препорученія. Народъ назначилъ Иперида.

Коль славно, что ареопагъ, лишенной почти всѣхъ своихъ должностей, не потерялъ ни уваженія отъ народа, ни правоты своей, и что, при самомъ паденіи своемъ, принуждаетъ еще чтить себя. Я приведу другой примѣръ, коего былъ я самовидѣцъ.

Прибылъ онъ въ общее собраніе для объявленія своего мнѣнія касательно одного гражданина, именемъ Тимарха, который осужденъ на изгнаніе за развратность своихъ нравовъ. Автоликъ говорилъ отъ лица со-

словія своего. Сенаторъ сей, воспитанный въ простотѣ древнихъ временъ, не зналъ того подлаго злоупотребленія, какое дѣлается нынѣ изъ словъ самыхъ обыкновенныхъ въ разговорахъ. Вырвалось у него такое слово, которое бывъ отвращено отъ истиннаго смысла, могло принаровлено быть къ распутной жизни Тимарха. Предстоящіе восплескали съ восторгомъ и Автоликъ принялъ на себя строжайшую осанку. По нѣкоторомъ молчаніи хотѣлъ онъ продолжать рѣчь; но народъ, дая самымъ невиннымъ выраженіямъ толкъ злобный, не переставалъ прерывать его шумомъ и смѣхомъ непомѣрнымъ. Тогда одинъ отличнѣйшій изъ гражданъ, вставъ, воскликнулъ: не стыдно ли вамъ, Аѳиняне, предаваться такимъ буйствамъ въ присутствіи ареопагитовъ? Народъ отвѣтствовалъ, что онъ знаетъ уваженіе должное величію сего судилища, но что бываютъ обстоятельства, когда не можно удержаться въ предѣлахъ почтенія. Сколько добродѣтелей потребно было, чтобъ поселить и сохранить въ умахъ толь высокое мнѣніе? И какое благо произвело бы оно, естьли бъ умѣли соблюдать его!

ГЛАВА ОСЬМАЯНАДЕСЯТЬ.

О доносахъ и судопроизводствѣ у Аѳинянъ.

Дѣла, вносимыя въ судебныя мѣста, имѣютъ предметомъ преступленія, касающіяся правительства, или частныхъ людей. Въ первомъ случаѣ, каждый гражданинъ быть можетъ доносителемъ, а въ другомъ, только лице оскорбленное. Въ первыхъ случаяхъ, опредѣляется смерть въ наказаніе, а въ прочихъ токмо денежное удовлетвореніе.

Въ народномъ правленіи больше, нежели во всякомъ иномъ, оскорбленіе противъ общества становится личнымъ для каждаго гражданина; и насиліе, учиненное человѣку частному, есть преступленіе противъ всего общества. Здѣсь не довольно того, чтобъ доносить въ судѣ на измѣнниковъ отечества, на виновныхъ въ богохуліи, святотатствѣ и зажигательствахъ: можно такимъ же образомъ доносить на полководца, который не все сдѣлалъ, что долженствовалъ или могъ сдѣлать; на воина, избѣгающаго отъ службы, или оставляющаго воинство; на посланника, градоправителя, судію, оратора,

кои нарушили долгъ служенія своего; на частнаго человѣка, который происками втерся въ чинъ гражданъ, не имѣя къ тому потребныхъ качествъ, или въ правленіе общенародныхъ дѣлъ, не смотря на причины, его удаляющія отъ того; на подкупающаго судей своихъ, на развращающаго юношество, на пребывающаго въ безженствѣ, на покушающагося на жизнь или честь гражданина; словомъ, о всѣхъ дѣяніяхъ, которыя наиболѣе клонятся ко испровер женію образа правительства, или къ нарушенію безопасности гражданъ.

Распри, бывающія по случаю наслѣдства, худо сохраненнаго залога, неизвѣстнаго долгу, претерпѣннаго въ имѣніи ущербу, и другія дѣла, не относящіяся прямо до всего государства, составляютъ предметъ судопроизводства только между лицами тяжущимися.

Производство дѣлъ перемѣняется въ нѣкоторыхъ статьяхъ, смотря по различію судебныхъ мѣстъ и самыхъ преступленій. Я коснусь только существенныхъ обрядовъ.

Дѣла государственныя представляются иногда сенату или народу, который, по первомъ изслѣдованіи, отсылаетъ всегда

оныя въ вышній судъ; но доноситель предстаетъ обыкновенно предъ одного изъ первыхъ градоправителей, который дѣлаетъ ему допросъ, напоминая, довольно ли онъ обдумалъ предпріятіе свое; не лучше ли поискать ему новыхъ еще доказательствъ; имѣетъ ли онъ свидѣтелей, и не желаетъ ли, чтобъ ихъ доставили ему. Притомъ увѣдомляетъ его, что онъ долженъ обязаться клятвою продолжать доносъ, и что нарушеніе клятвы сей покроетъ его безчестіемъ. Послѣ того назначаетъ судилище, и вторично призываетъ предъ себя доносителя; дѣлаетъ ему тѣ же вопросы; и ежели онъ останется при своемъ предпріятіи, то доносъ остается прибитымъ къ стѣнѣ до тѣхъ поръ, какъ судьи начнутъ слушать дѣло.

Тогда обвиняемый представляетъ свои возраженія, которыя заимствуетъ или отъ какого либо прежняго сужденія, или отъ давности дѣла, или отъ неправильности производства. Онъ можетъ тогда получить отсрочку, подать прозьбу на своего соперника, и тѣмъ остановить на нѣкоторое время приговоръ, коего страшится.

Послѣ сихъ предварительныхъ спосо-

бовЪ, коими воспользоваться не всегда однакожЪ бываетЪ случай, обѣ стороны клянутся говорить истинну, и начинаютЪ сами обЪяснять дѣло. Для сего даютЪ имЪ извѣстное время, которое измѣряется каплями воды, падающими вЪ сосудЪ. По большой части повторяютЪ онѣ то, что уста краснорѣчивѣйшія внушили имЪ втайнѣ. По окончаніи рѣчи, могутЪ просить помощи отЪ ораторовЪ, заслужившихЪ довѣренность ихЪ, или отЪ тѣхЪ, кои вЪ судьбѣ ихЪ принимаютЪ участіе.

МеждутѣмЪ, призванные свидѣтели громогласно произносятЪ свои свидѣтельства; ибо вЪ дѣлахЪ какЪ уголовныхЪ, такЪ и гражданскихЪ производство долженствуетЪ происходить всенародно. Доноситель требовать можетЪ, чтобЪ рабы стороны противной были изтязаны пытками. КакЪ изЪяснить такое варварство противЪ людей, вѣрность коихЪ искушать не надлежитЪ, естьли они привержены кЪ господамЪ своимЪ; а ежели недовольны ими, то свидѣтельство ихЪ не должно ли быть подозрительно? Иногда же одна изЪ тяжущихся сторонЪ представляетЪ добровольно рабовЪ своихЪ на сіе жестокое изтязаніе, и вѣнятЪ

то себѣ въ право; ибо имѣетъ власть къ тому: а нерѣдко отрицается отъ сего, хотя бы и требовано было, или боясь, чтобъ мученія не исторгли ложнаго свидѣтельства, или единственно внемля гласу человѣчества; но такое отрицательство подаетъ поводъ къ весьма сильнымъ подозрѣніямъ, между тѣмъ какъ раждается въ умахъ предразсужденіе самое благопріятное и для враждующихъ и для свидѣтелей, когда они, къ доказательству своихъ показаній, вызовутся произнесть клятву надъ головами дѣтей своихъ или родителей.

Замѣтимъ мимоходомъ, что пытка не можетъ быть произведена надъ гражданиномъ, какъ развѣ въ случаяхъ чрезвычайныхъ.

Когда уже надобно произнести приговоръ, то предсѣдательствующій въ судилищѣ раздаетъ каждому изъ судей по бѣлому шару для означенія оправданія, и по черному для обвиненія. Одинъ чиновникъ даетъ имъ знать, что надлежитъ просто рѣшить, правъ или нѣтъ обвиняемый; тогда кладутъ они въ ящикъ шары свои. Ежели черныхъ больше, то первенствующій между судіями проводитъ длинную черту по до-

скѣ, воскомъ натертой, и выставленной предъ всѣми; ежели больше бѣлыхъ, то черту кратчайшую: ежели же число шаровъ равное, то обвиняемый бываетъ оправданъ.

Когда наказанiе именно назначено закономъ, то довольно сего перваго суда: когда оно ознаменовано только въ доношенiи обвинителя, виновный тогда воленъ присудить себя на легчайшее; и сiе вторoе прѣнiе рѣшится новымъ сужденiемъ, къ которому тотъ же часъ приступаютъ.

Кто, сдѣлавъ доносъ, не продолжаетъ его, или въ пользу свою не получаетъ пятой части голосовъ, тотъ обыкновенно осуждается на заплату тысячи драхмъ пени. Но какъ нѣтъ ничего удобнѣе и ничего опаснѣе, какъ во зло употребить вѣру, то смертная казнь, въ извѣстныхъ случаяхъ, опредѣляется такому человѣку, который другаго обвиняетъ въ нечестiи, не бывъ въ состоянiи доказать того.

Дѣла частныя производятся, во многихъ статьяхъ, такжe какъ и дѣла государственныя, и по большой части вносятся предъ судилища архонтовъ, кои или произносятъ такiй приговоръ, на который можно еще выше жаловаться, или только дѣлаютъ

слѣдствіе, и представляютъ оное вышнимъ судамъ.

Есть дѣла, которыя можно производить судомъ гражданскимъ, подавая прозьбы частныя, и судомъ уголовнымъ, дѣлая доносъ всенародно. Таково есть дѣло о личномъ оскорбленіи гражданина. Законы, пекущіеся о его безопасности, уполномочиваютъ всякаго доносить всенародно на обидчика; но оставляютъ на выборъ оскорбленному родъ мщенія, которое можетъ кончиться денежною платою, естьли дѣло пойдетъ гражданскимъ порядкомъ; и можетъ простираться до смертной казни, естьли будетъ производимо, какъ уголовное. Ораторы часто употребляютъ во зло сіи законы, перемѣняя, коварными уловками, дѣла гражданскія въ уголовныя.

Не сей одной опасности подвержены тяжущіеся. Я видѣлъ, какъ судіи, развлеченные во время чтенія дѣла, теряютъ изъ виду сущность онаго, и подаютъ голоса на угадъ: видѣлъ, какъ люди сильные по богатству своему ругаются всенародно надъ бѣдными, кои не смѣли за оскорбленіе требовать удовольствія: видѣлъ, какъ дѣлаютъ они тяжбы, такъ сказать, вѣчными, домо-

хаясь отсрочекЪ одной за другою, и не допускаютЪ судилищамЪ постановить что либо о своихЪ преступленїяхЪ прежде, какЪ совсѣмЪ прохладится всеобщее негодованїе: видѣлЪ, какЪ предстають они предЪ судей во многочисленномЪ препровожденїи закупленныхЪ свидѣтелей, и даже людей честныхЪ, кои по слабости влекутся за ними, и своимЪ присутствїемЪ придаютЪ имЪ великую довѣренность: видѣлЪ наконецЪ, какЪ вооружаютЪ они судилища вышнїя противЪ низшихЪ судей, кои не соглашаются потворствовать ихЪ неправдамЪ.

Не смотря на такїя помѣшательства, есть толь много способовЪ ко удаленїю сотребователя или кЪ отмщенїю врагу, и сЪ частными распрями сопрягается столько доносовЪ государственныхЪ, что смѣло сказать можно, что вЪ судилища Аѳинскїя входитЪ больше дѣлЪ, нежели вЪ судилища цѣлой Грецїи. Сїе злоупотребленїе неизбѣжно вЪ такомЪ владѣнїи, которое для дополненїя изтощенныхЪ доходовЪ своихЪ, часто не имѣетЪ инаго средства, какЪ только чтобЪ пособствовать явнымЪ доносамЪ, и пользоваться отобранїемЪ имѣнїй вЪ казну народную, что есть послѣдствїемЪ оныхЪ:

неизбѣжно, говорю, въ такомъ владѣнiи, гдѣ граждане, будучи принуждены другъ за другомъ присматривать, и непрестанно долженствующiе препираться о почестяхъ, спорить о мѣстахъ, и отдавать отчетъ въ своемъ поведенiи, по необходимости становятся соперниками, соглядатаями и цѣнителями одинъ другаго. Толпа доносщиковъ всегда ненавистныхъ, но всегда страшныхъ, возбуждаетъ междоусобную войну сiю: они разсѣваютъ подозрѣнiя и недовѣрчивость въ обществѣ, и дерзостно собираютъ для себя останки имуществъ, ими же низпроверженныхъ. Правда, вооружается противъ ихъ строгость законовъ и презрѣнiе людей добродѣтельныхъ, но имѣютъ они на своей сторонѣ притворную приверженность ко благу общему, подъ предлогомъ коея толь часто удовлетворяютъ честолюбiю и ненависти: они имѣютъ еще нѣчто сильнѣйшее, наглость, безстыдство.

Аѳиняне меньше, нежели иностранцы, ужасаются пороковъ самовластнаго народоправленiя. Безпредѣльная вольность имъ кажется толь великимъ благомъ, что они жертвуютъ ему даже спокойствiемъ своимъ. Впрочемъ, ежели всенародные доносы суть

для однихъ предметомъ ужаса, то для большей части представляютъ зрѣлище тѣмъ паче привлекательнѣйшее, что почти всѣ они имѣютъ непреодолимую страсть къ хитростямъ и уверткамъ судопроизводства: они предаются ей съ такимъ жаромъ, каковый проявляютъ во всѣхъ дѣлахъ своихъ. Ихъ дѣятельность питается непрестанными и тонкими разбирательствами взаимныхъ выгодъ; и сей-то можетъ быть паче причинѣ надлежитъ приписать то превосходное проницанїе и то докучливое краснорѣчїе, которыя отличаютъ народъ сей отъ прочихъ народовъ.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯНАДЕСЯТЬ.

О преступленїяхъ и наказанїяхъ.

Законы о наказанїяхъ были нѣкогда начертаваемы на столпахъ, поставляемыхъ близь судилищъ. Естьли бы подобные памятники до того умножилися, чтобъ могли представить собою точную и постепенную роспись всѣхъ преступленїй и наказанїй соотвѣтственныхъ онымъ, то бы въ судахъ было

больше справедливости, а въ обществѣ меньше злодѣяній. Но нигдѣ не сдѣлано точнаго опредѣленія каждому проступку въ особенности; и вездѣ жалуются, что наказаніе виновнымъ производится не по одинаковому правилу. Аѳинское судопроизводство дополняетъ, во многихъ случаяхъ, молчаніе законовъ. Мы уже сказали, что когда оными именно казнь не означена, то потребенъ первый судъ для объявленія обвиняемаго поиманнымъ и изобличеннымъ въ преступленіи, а второй для постановленія наказанія заслуживающему оное. Въ теченіи времени между первымъ и вторымъ судомъ судьи вопрошаютъ виновнаго, на какую казнь себя онъ осуждаетъ. Ему позволено избирать самую сносную и съ выгодами его сходную, хотя доноситель предлагаетъ обыкновенно самую тягчайшую и ненависти своей сообразную. Ораторы изслѣдываютъ ту и другую; а судіи, исполняя нѣкоторый родъ посредничества, стараются сблизить противныя стороны, и соразмѣрить, сколько можно болѣе съ проступкомъ наказаніе.

Всѣ Аѳиняне подлежатъ одинаковымъ наказаніямъ; всѣ могутъ быть лишаемы жизни, свободы, отечества, имѣній и преиму-

ществЪ своихЪ. ОбозримЪ вкратцѣ сїи различныя статьи.

Смертїю наказывается святотатство, осквернение таинствЪ, умыселЪ противЪ народа, а особливо противЪ народоправленїя; бѣглецы военные, предавшїе непрїятелю крѣпость, галеру, отрядЪ войска; словомЪ, всѣ покушенїя противЪ вѣры, правительства, или на жизнь всякаго частнаго человѣка.

Таковое же наказанїе положено за воровство, днемЪ учиненное, когда оно простирается свыше пятидесяти драхмЪ; за воровство ночное, сколь бы маловажно ни было; за воровство, сдѣланное вЪ баняхЪ и гимназїяхЪ, хотя бы кража состояла вЪ самомалѣйшемЪ числѣ денегЪ.

Отнимается жизнь у виновныхЪ обыкновенно веревкою, мечемЪ и ядомЪ; иногда же издыхаютЪ они подЪ палочными ударами; а иногда повергаются вЪ море, или вЪ глубокую яму, набитую острыми кольями, дабы ускорить смерть ихЪ: ибо морить голодомЪ, даже и преступниковЪ, почитается за нѣкоторое нечестїе.

ГражданинЪ, обвиняемый вЪ извѣстныхЪ преступленїяхЪ, содержится вЪ темницѣ до тѣхЪ порЪ, пока надЪ нимЪ судЪ не произ-

ведется; осужденный на смерть, пока не будетъ казненъ; должникъ, пока не заплатитъ. Иные проступки наказываются заключенїемъ въ темницу на многїе годы или на нѣсколько дней; другїе, на вѣчное заточенїе. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, приговоренные на сїе могутъ освобождаться, давая по себѣ порукъ; а иногда заключенные обременяются оковами, которыми отъемлется у нихъ всякое движенїе.

Изгнанїе, или ссылка, есть наказанїе тѣмъ жесточайшее для Аѳинянина, что онъ нигдѣ не найдетъ прїятностей своего отечества, и что пособїя дружбы не могутъ усладить несчастїя его. Гражданинъ, давшїй ему убѣжище, подвергается равному же наказанїю.

Такое изгнанїе бываетъ по двумъ достопримѣчательнымъ обстоятельствамъ. 1е. Человѣкъ, прощенный за непроизвольное убїйство, долженъ удалиться на цѣлый годъ, и не входить въ Аѳины, доколѣ не удовлетворитъ родственниковъ умершаго, и не очиститъ себя посредствомъ священныхъ обрядовъ. 2е. Кто, бывъ обвиненъ предъ ареопагомъ въ убїйствѣ умышленномъ, потеряетъ надежду оправдаться послѣ первой защитительной рѣчи, тотъ можетъ, прежде нежели

судьи приступятъ къ поданію голосовъ, осудить себя на изгнаніе и спокойно удалиться. У него описывается имѣніе, но лице его въ безопасности, лишь толькобъ не являлся онъ ни на земляхъ республики, ни на общихъ торжествахъ Греческихъ: ибо въ семъ случаѣ позволено каждому Аѳинянину представлять его въ судъ, или его умертвить. Сіе основано на томъ, что убійца не долженъ наслаждаться тѣмъ же воздухомъ и тѣми же преимуществами, коими наслаждался тотъ, у кого онъ жизнь отнялъ.

Описныя имѣнія поступаютъ большею частію въ общественную казну: туда же вносятся денежныя пени, съ отчисленіемъ десятой доли въ храмъ Минервинъ, и пятидесятой для нѣкоторыхъ другихъ боговъ.

Разжаловать есть лишить человѣка всѣхъ или нѣкоторыхъ правъ гражданина. Такое наказаніе весьма сообразно общему порядку вещей: ибо справедливость требуетъ, чтобъ принудить человѣка отрещися тѣхъ преимуществъ, которыя во зло употребляетъ. Сіе наказаніе весьма удобно уравнить съ преступленіемъ, ибо оно можетъ расположено быть на степени, смотря по существу и числу преимуществъ его. Иногда возбраняетъ оно вино-

вному восходить на каѳедру, присутствовать на общемъ собраніи, засѣдать между сенаторами или судіями; иногда возпрещаетъ входъ во храмы, и всякое участіе въ вещахъ священныхъ; часто не позволяетъ являться на площади народной, или путешествовать въ извѣстныя страны; не рѣдко, отъемля у него все, и умерщвляя его гражданскою смертію, оставляетъ ему бремя жизни безъ сладости, и свободу безъ употребленія. Сіе наказаніе весьма важно и весьма спасительно въ народоправленіи; поелику преимущества, разжалованіемъ отъемлемыя, здѣсь въ большемъ уваженіи и почтеніи, нежели въ другомъ правительствѣ; слѣдовательно нѣтъ ничего уничижительнѣе, какъ быть ниже равнымъ себѣ. Тогда частный человѣкъ есть какъ гражданинъ, съ престола сверженный, котораго оставляютъ въ обществѣ для того, чтобъ только служилъ примѣромъ.

Но такое возпрещеніе правъ не всегда влечетъ безславіе за собою. Аѳинянинъ, вкравшійся въ конницу безъ испытанія, наказывается по тому, что не повиновался законамъ; но онъ не обезчещенъ, поелику не оскорбилъ нравовъ. По необходимому слѣдствію такое временное уничиженіе изчезаетъ, когда

причина онаго не существуетъ болѣе. Кто не внесъ должнаго въ казну народную, тотъ теряетъ права гражданина, но входитъ опять въ оныя, коль скоро заплатитъ долгъ свой. По таковому же послѣдствію не стыдится правительство, при великихъ опасностяхъ, призывать на помощь отечеству всѣхъ граждан, подъ запрещенiемъ должностей ихъ состоящихъ; но прежде надлежитъ отмѣнить приговоръ, ихъ осудившiй; и сiя отмѣна не можетъ быть сдѣлана, какъ только судилищемъ, изъ шести тысячъ судей составленнымъ, и подъ условiями, отъ сената и народа наложенными.

Худое поведенiе и развратность нравовъ производятъ другiй родъ поруганiя, котораго изгладить не могутъ и самые законы. Соединяя важность свою съ силою общенароднаго мнѣнiя, отъемлютъ они у гражданина, потерявшаго почтенiе къ себѣ отъ другихъ, тѣ пособiя, какiя находилъ онъ въ своемъ состоянiи. Такимъ образомъ, удаляя отъ государственныхъ должностей того, кто непочтительно поступалъ съ родителями своими, кто изъ трусости оставилъ назначенное ему мѣсто, или бросилъ щитъ свой,

они покрываютъ ихъ всенародно безчестіемъ, которое принуждаетъ ихъ сильно чувствовать угрызенія совѣсти.

ГЛАВА ДВАДЕСЯТАЯ.

Нравы и гражданская жизнь Аѳинянъ.

По первомъ пѣтелогглашеніи, сельскіе жители входятъ въ городъ со своими запасами, поя старинныя пѣсни. Въ то же время открываются съ шумомъ торговыя лавки, и всѣ Аѳиняне бываютъ въ движеніи. Одни принимаются за работы своего ремесла; другіе, въ великомъ числѣ, расходятся по разнымъ судилищамъ отправлять должности судейскія.

Какъ между народомъ, такъ и въ воинствѣ, ѣдятъ два раза въ день, а иные единожды, и одни въ полдень, а большая часть предъ захожденіемъ солнца. Послѣ полудня, или не много спятъ, или играютъ въ кости, зернь, и другія игры.

Для первой изъ тѣхъ игоръ, употребляются четыре косточки, у которыхъ на каждомъ боку изображено по одному изъ

сихъ числъ: одинъ, три, четыре, шесть. Изъ различныхъ ихъ расчетовъ выходитъ тридцать пять случаевъ, которымъ даны имена боговъ, государей, ироевъ и проч. Одни означаютъ выигрышъ, другїе проигрышъ. Самый благопрїятнѣйшїй изъ всѣхъ есть случай, Венеринымъ называемый, то есть, когда четыре косточки представляютъ четыре числа неровныя.

Въ игрѣ зернью, считаются также случаи удачные и неудачные; однако, не смотря на такое различїе, вся важность состоитъ въ томъ, чтобъ имѣть больше очковъ противъ своего соперника. Самая счастливая вымѣтка есть, когда выпадетъ число шестеричное. Въ сей игрѣ употребляются только три зерна; ихъ трясутъ въ рожкѣ; и для избѣжанїя всякаго обмана, бросаютъ въ пустый цилиндръ, изъ коего выкатываются онѣ на шахматную доску. Иногда вмѣсто трехъ зерней служатъ и три кости.

Въ предъидущихъ играхъ все зависитъ отъ случая, а въ слѣдующей отъ умѣнья игрока. По столу, на коемъ проведены черты и подѣланы четвероугольники, ставятся съ каждой стороны шашки или пѣшки различныхъ цвѣтовъ. Искуство состоитъ

въ томъ, чтобъ знать поддерживать ихъ одну другою, брать у соперника тѣ, которыя неосторожно отдаляются, и запирать его такъ, что бы онъ не могъ въ передъ податься. Ему позволяется поворотиться и назадъ, когда не такъ выдетъ.

Съ сею послѣднею игрою соединяютъ иногда и игру въ зернь. Игрокъ располагаетъ ходъ пѣшекъ по очкамъ, которые получить желаетъ. Ему надобно предвидѣть выгодную или вредную для себя выступку; отъ него зависитъ воспользоваться благопріятствомъ счастія, или исправить упрямство онаго. Сія игра, такъ какъ и предъидущая, требуетъ много соображеній: надлежитъ учиться имъ съ малолѣтства; и нѣкоторые дѣлаются въ нихъ столь искусными, что никто схватиться не смѣетъ съ ними, и ставятъ ихъ за примѣръ.

Въ продолженіи дня, особливо по утру предъ полуднемъ и по вечеру передъ ужиномъ, выходятъ на берега Илисса и въ окрестности города, наслаждаться крайнею чистотою воздуха и прекрасными видами, которые со всѣхъ сторонъ представляются взорамъ; обыкновенно же стекаются на площадь, мѣсто многолюднѣйшее въ городѣ. Поелику

тамъ бываетъ часто общее народа собранїе, и находятся палата сенатская и судилище перваго изъ архонтовъ, то почти всѣ привлекаются туда дѣлами собственными или дѣлами республики. Многїе также ходятъ туда, чтобъ разсѣять мысли; а другїе, чтобъ заняться. Въ извѣстные часы, площадь, очищенная отъ толпы торгующихъ, представляетъ свободное поле для тѣхъ, кои хотятъ насладиться зрѣлищемъ многолюдства, или выставить самихъ себя на зрѣлище.

Вокругъ площади находятся лавки продающихъ благовонные духи, золотыхъ дѣлъ мастеровъ, брадобрѣевъ, и проч. для всѣхъ отверстыя, гдѣ съ шумомъ разсуждаютъ о пользахъ государственныхъ, о семейныхъ происшествїяхъ, о порокахъ и глупостяхъ людей частныхъ. Изъ нѣдра сихъ сборищъ, которыя, по смутному нѣкоему движенїю, и расходятся и опять сходятся безпрестанно, вырываются тысячи острыхъ или язвительныхъ насмѣшекъ противъ тѣхъ, кои показываются на гуляньѣ съ наружностїю небрежною, или кои не боятся выставлять тамъ самой ненавистной пышности: ибо сей народъ, до крайности насмѣшливый, употребляетъ родъ шутки тѣмъ опаснѣйшей, что

она покрываетъ тщательно злонамѣренность свою. Иногда можно найти общество избранное и бесѣды поучительныя, подъ разными портиками въ городѣ. Таковыя сборища долженствовали умножиться у Аѳинянъ. Ненасытимая алчность ихъ къ новостямъ, послѣдствіе дѣятельнаго ума ихъ и праздной жизни, понуждаетъ ихъ сближаться другъ съ другомъ.

Сія толь непреодолимая страсть къ новизнамъ, по которой названы они зѣваками или розинями, возбуждается сильно во время войны. Тогда-то всенародно и въ домахъ разговариваютъ только о военныхъ дѣйствіяхъ; не сходятся одинъ съ другимъ, не спросивъ взаимно, нѣтъ ли чего новаго; повсюду встрѣчаются толпы вѣстовщиковъ, чертятъ на землѣ или на стѣнѣ карту той страны, гдѣ находится воинство, возвѣщаютъ успѣхи вслгласно, о неудачахъ сказываютъ за тайну, собираютъ и увеличиваютъ слухи, которые погружаютъ городъ или въ безмѣрную радость или въ ужасное отчаяніе.

Предметы пріятнѣйшіе занимаютъ Аѳинянъ во время мира. Какъ большая часть изъ нихъ упражняется въ воздѣлываніи полей своихъ, то по утру ѣздятъ туда верьхомъ, и

разпорядивъ работы невольниковъ, по вечеру возвращаются въ городъ.

Иногда провождаютъ они время на охотѣ, и въ упражненіяхъ гимназическихъ. Кромѣ бань общественныхъ, куда народъ стекается въ великомъ множествѣ, и которыя бѣднымъ служатъ убѣжищемъ отъ зимняго холоду; частные люди имѣютъ ихъ у себя и въ домахъ. Употребленіе бань сдѣлалось для нихъ толь необходимымъ, что строятъ ихъ даже на корабляхъ. Ходятъ въ баню часто послѣ прогулки и почти всегда до обѣда. Выходятъ оттуда, окурившись духами; сверхъ того напрыскиваютъ благовоніемъ и свои одежды, которымъ даются различныя названія, смотря по разности покроя и цвѣта оныхъ.

По большей части надѣваютъ сверьхъ туники, которая простирается до половины берца, только епанчу, коя совсѣмъ почти ихъ покрываетъ. Кромѣ селянъ и людей простыхъ никому неприлично одѣваться такъ, чтобъ платье было выше колѣна.

Многіе ходятъ босы; другіе какъ въ городѣ, такъ и въ дорогѣ, а иногда и при торжественныхъ ходахъ, надѣваютъ на голову большую шляпу съ распущенными краями.

Въ образѣ одежды мущины должны наблюдать благопристойность, а женщины, сверьхъ того, щеголеватость и вкусъ. Онѣ носятъ: 1 бѣлую тунику, которая на плечахъ застегивается пуговицами, пониже груди перехватывается широкимъ поясомъ, и простирается въ волнистыхъ складкахъ до самыхъ пятъ; 2е платье, короче перваго, которое стягивается на чреслахъ широкою лентою; низъ онаго, также какъ у туники, обложенъ выкладками разныхъ цвѣтовъ; бываетъ иногда съ рукавами, кои прикрываютъ нѣкоторую только часть руки; 3е епанчу, которую либо подбираютъ на подобіе перевязи, либо накидываютъ на все тѣло, и тогда кажется, что она сдѣлана только для того, дабы показать красоту стана. Замѣняютъ ее весьма часто легкою епанчею. Когда выходятъ со двора, то на голову надѣваютъ покрывало.

Ленъ, хлопчатая бумага, и особливо шерсть суть тѣ вещества, которыя наиболѣе употребляются на одежду у Аѳинянъ. Туники носили льняныя, а нынѣ носятъ бумажныя. Простый народъ шьетъ себѣ одежду изъ сукна совсѣмъ некрашенаго, которое всегда подбѣливать можно. Люди богатые любятъ

сукна цвѣтныя, наипаче алыя, которые получают сію краску посредством мѣлких зернышек, с нѣкоего деревца собираемых; но еще болѣе уважают цвѣт пурпуровый, а особливо темнокрасный и похожій на фіолетовый.

Для лѣта платье дѣлают весьма легкое. Зимою нѣкоторые носят широкіе кафтаны, кои выписываются из Сардов; они шьются из сукна, дѣлаемаго в Экбашанѣ, городѣ Мидійском. Большія космы, на поверхности его находящіяся, довольно защищают от холоду.

Есть ткани с золотом; есть также с прекрасными цвѣтами естественнаго вида; но употребляются онѣ только на одежды, коими покрываются истуканы богов, или украшаются лицедѣи на ѳеатрѣ. Чтоб воспретить их женам честным, то законы повелѣвают непотребным женщинам носить оныя.

Аѳинянки чернят у себя брови, чрезмѣрно бѣлятся и румянятся. Онѣ сыплют себѣ в волосы, на коих носят вѣнок из цвѣтов, нѣкоторый желтый порошок; и, смотря по росту своему, имѣют под башмаками каблуки больше или меньше высокіе.

Будучи всегда заключены въ своихъ покояхъ, лишаются онѣ удовольствія дѣлить и умножать пріятности бесѣдъ, какія бываютъ у ихъ супруговъ. Законъ не позволяетъ имъ выходить днемъ изъ дому, кромѣ извѣстныхъ обстоятельствъ; а ночью, неиначе какъ въ коляскѣ и съ факеломъ. Но законъ сей не достаточенъ въ томъ, что не можетъ быть для всѣхъ общимъ; онъ предоставляетъ женщинамъ низкаго состоянія полную свободу, а для прочихъ сдѣлался только простымъ правиломъ благопристойности, правиломъ, которое по дѣламъ нужнымъ или подъ легкими предлогами вседневно нарушается. Въ прочемъ имѣютъ онѣ много и законныхъ причинъ выходить изъ своего уединенія особенныя празднества, куда мущины не допускаются, собираютъ ихъ часто между собою: во время торжествъ народныхъ, присутствуютъ онѣ на зрѣлищахъ и при храмовыхъ обрядахъ. Однако вообще не должны иначе показываться, какъ въ сопровожденіи евнуховъ или невольницъ, имъ принадлежащихъ, и даже нанимаемыхъ для составленія большей свиты. Ежели въ наружности своей не сохранятъ благопристойности, то чиновники, обязанные имѣть надъ ними надзира-

нїе, осуждаютъ ихъ на великую денежную пеню, и написываютъ приговоръ свой на дощечкѣ, которую привѣшиваютъ къ дереву на общественныхъ гульбищахъ.

За то принужденїе, въ которомъ живутъ онѣ, награждаются онѣ другимъ образомъ. Я встрѣтился однажды съ юною Левкиппою коей раждающїяся прелести, и дотолѣ неизвѣстныя, блистали изъ подъ покрывала, которое по временамъ приподнималось отъ вѣтру. Она шла изъ храма Цереоина съ своею матерью и нѣсколькими невольницами. Аѳинскїе юноши, за нею слѣдовавшїе, ее видѣли не болѣе, какъ минуту; и на другой день я читалъ на воротахъ ея дому, на перекресткахъ улицъ, на корѣ деревъ, на мѣстахъ самыхъ видныхъ, сїи слова, различными руками начертанныя:" Левкиппа прекрасна, нѣтъ ничего прекраснѣе Левкиппы."

Аѳиняне прежде были такъ ревнивы, что не позволяли женамъ своимъ казаться и въ окошко. Потомъ дознано, что безмѣрная строгость сїя служила только къ ускоренїю зла, коего избѣжать старались. Однакожъ онѣ не должны принимать къ себѣ мущинъ, въ отсутствїе супруговъ своихъ; и естьли мужъ застанетъ своего соперника наносящаго ему

безчестіе, имѣетъ право лишить его жизни, или разными мученіями принудить откупиться; но не можетъ требовать иной пени, какъ судьями положенной, когда жена уступила только силѣ. Справедливо думали, что въ сихъ случаяхъ не такъ опасно насиліе, какъ обольщеніе.

Не одна молва и разгласки о такой невѣрности есть наказаніемъ женѣ виновной и уличенной. Тотчасъ послѣдуетъ разводъ съ нею: законы удаляютъ ее навсегда отъ богослужебныхъ обрядовъ; и ежели появится она въ отличномъ нарядѣ, то всякъ имѣетъ право рвать съ нее уборы, драть платье и ругаться надъ нею.

Мужъ принужденный развестись съ женою долженъ прежде просить о томъ въ судѣ, въ которомъ предсѣдательствуетъ одинъ изъ первыхъ градоначальниковъ. Тотъ же судъ принимаетъ жалобы отъ женъ, которыя не хотятъ жить съ своими мужьями. Тамъ то, по многихъ спорахъ между ревностію и любовію, явилась нѣкогда супруга Алкивіадова, добродѣтельная и крайне чувствительная Иппарета. Между тѣмъ, какъ дрожащею рукою подавала она прозьбу свою, подоспѣлъ Алкивіадъ. Взялъ ее подъ руку, такъ что

она нималѣйшаго не сдѣлала сопротивленія; и прошедъ съ нею площадь, при рукоплесканіяхъ всего народа, привелъ ее спокойно опять въ домъ свой. Распутство сего Аѳинянина было такъ явно, что Иппарета ни мало не вредила славѣ супруга, ни своей собственной. Но вообще женщины извѣстнаго состоянія не дерзаютъ просить разводной; и, по слабости или по гордости, большею частію сносятъ втайнѣ худые поступки охотнѣе, нежели ищутъ избавиться отъ нихъ такимъ средствомъ, которое открыло бы стыдъ ихъ супруговъ, или ихъ собственный. Ненужно сказывать, что разводъ даетъ свободу вступать въ новый бракъ.

Строгость законовъ несильна погасить въ сердцахъ желаніе нравиться, а предосторожности, ревнивостію употребляемыя, служатъ только къ воспламененію онаго. Аѳинянки, удаленныя отъ государственныхъ дѣлъ по свойству правленія, и склонныя къ сладострастію по вліянію климата, часто не ищутъ иной славы, какъ быть любимыми, не имѣютъ инаго попеченія, какъ о нарядахъ своихъ, иной добродѣтели, кромѣ страха явнаго безчестія. По большей части прикры-

ваясь мракомъ тайны, не многія изъ нихъ прославились любовными похожденіями.

Сія слава предоставлена только прелестницамъ. Ихъ покровительствуютъ законы, для исправленія пороковъ, можетъ быть, ненавистнѣйшихъ; и нравственность не много тѣмъ оскорбляется: злоупотребленіе до того доходитъ, что явно нарушаетъ благопристойность и здравый разсудокъ. Супруга единственно определена къ смотрѣнію за внутреннимъ хозяйствомъ дома, и продолженію имени семейства, даруя республикѣ дѣтей. Молодые люди, кои вступаютъ въ свѣтъ, люди пожилыхъ лѣтъ, градоначальники, философы, почти всѣ тѣ, у коихъ есть достатокъ, обращаютъ всю горячность и вниманіе къ любовницамъ, которыхъ содержатъ, у которыхъ проводятъ большую часть дня, и съ которыми приживаютъ дѣтей, коихъ усыновляя, почитаютъ ихъ наравнѣ съ законными своими дѣтьми.

Нѣкоторыя изъ нихъ въ искуствѣ прельщать бывъ воспитаны женщинами, соединяющими примѣръ съ наставленіями, стараются превзойти самые образцы свои. Красоту лица и нѣжность юности, всѣ трогательныя пріятности особы своей, изящность наря-

довъ, музыку, танцованіе, разумъ, науками украшенный, остроту мыслей, льстивыя рѣчи и притворство чувствованій, словомъ, все употребляютъ въ дѣйство для удержанія своихъ обожателей. Сіи средства бываютъ иногда столь удачны, что они губятъ для нихъ имущество и честь свою, доколѣ не будутъ оставлены ими и чрезъ то принуждены влачить остатокъ жизни въ стыдѣ и раскаяніи.

Сколь ни велико владычество сихъ прелестницъ, не могутъ онѣ появиться на улицѣ, имѣя на себѣ вещи драгоцѣнныя, и люди чиновные не смѣютъ показаться съ ними всенародно.

Кромѣ того, молодые люди должны сожалѣть о времени, которое проводятъ въ пагубныхъ домахъ сихъ, гдѣ бываютъ всякія игры, и представляется драка пѣтуховъ, при чемъ бьются объ закладъ о знатномъ количествѣ денегъ. Они должны бояться послѣдствій даже своего воспитанія, не умѣя вникать въ намѣреніи онаго. Лишь только выйдутъ изъ гимназіи, какъ воспылавъ желаніемъ отличиться бѣганіемъ на коняхъ и колесницахъ, что въ Аѳинахъ и прочихъ городахъ Греческихъ весьма обыкновенно, пре-

даются упражненіямъ симъ безъ всякой мѣры. Имѣютъ богатые для выѣзда своего снаряды; содержатъ множество собакъ и лошадей; а издержки сіи, при великолѣпіи одеждъ, истощаютъ скоро въ рукахъ ихъ родительское наслѣдіе.

Обыкновенно ходятъ пѣшкомъ и въ городѣ, и внѣ онаго. Люди богатые имѣютъ колесницы и носилки, употребленіе коихъ прочіе граждане охуждаютъ изъ зависти; либо слѣдуетъ за ними слуга со складнымъ стуломъ, дабы могли они сѣсть, когда устанутъ отъ гулянья. Мущины ходятъ почти всегда съ тростью, а женщины весьма часто съ отсолнечникомъ (парасолемъ). Ночью провожаетъ ихъ невольникъ съ свѣтильникомъ изъ различныхъ огней.

Въ первые дни моего прибытія, прочитывалъ я надписи надъ воротами домовъ прибитыя. На однихъ надписано: домъ продается; домъ отдается въ наемъ; на другихъ домъ такого то, да не внидетъ въ него никакое зло. Не даромъ однакожъ удалось мнѣ удовольствовать сіе малое любопытство. На главныхъ улицахъ непрестанно толкаютъ, тѣснятъ, давятъ ѣдущіе верхомъ, перевозящіе разныя вещи на тѣлежкахъ, водо-

носцы, возвѣщатели судебныхъ опредѣленій, нищіе, работники и прочіе подлаго состоянія люди. Однажды, какъ смотрѣли мы съ Діогеномъ на собачекъ, коихъ учили разнымъ оборотамъ, одинъ изъ сихъ работниковъ, несшій на плечѣ большое бревно, толкнулъ его весьма больно, и закричалъ; берегись! Діогенъ ему тотчасъ отвѣтствовалъ: развѣ ты меня въ другой разъ ударить хочешь?

Ежели ночью идти одному, то легко могутъ ограбить мошенники, не смотря на бдительность чиновниковъ, кои всякую ночь ходятъ дозоромъ. Городъ содержитъ стражу изъ Скиѳовъ составленную, для вспоможенія симъ чиновникамъ, для исполненія приговоровъ судебныхъ мѣстъ, для содержанія додобраго порядка при общихъ собраніяхъ и торжественныхъ обрядахъ. Они говорятъ погречески такъ грубо и странно, что представляютъ ихъ иногда на ѳеатрѣ, и любятъ столько вино, что вмѣсто того, чтобъ сказать, пьетъ до излишества, говорятъ, пьетъ какъ Скифъ.

Народъ отъ природы умѣренъ въ пищѣ; соленыя мясо и рыба съ огородными овощами составляютъ главное его пропитаніе. Всѣ неимущіе раненые ли на войнѣ, или по болѣз-

ни работать неспособные, получаютЪ ежедневно изЪ казны по одному или по два обола, отЪ народнаго собранія определяемые. ОтЪ времени до времени разсматривается вЪ сенатѣ списокЪ тѣхЪ, кои пользуются симЪ благодѣяніемЪ, и тѣ исключаются, кои перестаютЪ имѣть кЪ тому право. Бѣдные получаютЪ еще другое вспоможеніе вЪ нищетѣ своей: при каждомЪ новолуніи, богатые люди выставляютЪ на перекресткахЪ, вЪ честь богини Екаты, разныя яства, которыя уносить черьни позволяется.

Я сдѣлалЪ было подробную записку о цѣнѣ съѣстныхЪ припасовЪ; но потерялЪ ее: могу однако припомнить, что медимнЪ ржи обыкновенно продается по пяти драхмЪ. Лучшій быкЪ стоитЪ около осьмидесяти драхмЪ; баранЪ пятидесятую долю быка, т. е. около шестьнадцати драхмЪ; барашекЪ, десять драхмЪ.

Легко понять можно, что сіи цѣны, при случаѣ малыхЪ подвозовЪ, возвышаются. Иногда медимнЪ пшеницы отЪ пяти драхмЪ, обыкновенной цѣны ея, восходитЪ до шестьнадцати, а ячмень до осьмнадцати. Кромѣ сей временной причины, замѣчено, вЪ бытность мою вЪ АѳинахЪ, что лѣтЪ сЪ сем-

десять съѣстные припасы вздорожали постепенно, а особливо пшеница была въ пятеро дороже, нежели во время войны Пелопонисской.

Здѣсь нѣтъ столь великихъ богачей, какъ въ Персіи; и когда я говорю о избыткѣ и пышности Аѳинянъ, сіе должно разумѣть только въ отношеніи къ прочимъ народамъ Греціи. Однакожъ нѣкоторыя семейства, коихъ хотя мало, обогатились торговлею; другія, отъ серебряныхъ рудокопій, которыя имѣютъ онѣ въ Лауріи, горѣ Аттической. Прочіе граждане почитаютъ за довольный достатокъ, ежели есть у нихъ недвижимаго имѣнія на пятнадцать или на двадцать талантовъ, и ежели могутъ дать на сто минъ приданаго за дочерями своими.

Хотя Аѳиняне имѣютъ тотъ несносный порокъ, что вѣрятъ клеветѣ, не изслѣдовавъ дѣла; но сіе не отъ злости, а паче отъ легкомыслія происходитъ; говорится вообще, что, когда они добродушны, то уже добродушнѣе прочихъ Грековъ; ибо добродушіе ихъ не есть плодъ воспитанія.

Здѣсь народъ шумливѣе, нежели въ иныхъ странахъ. Между гражданами первой степени царствуетъ такая благопристойность,

которая заставляетъ думать, что человѣкъ почитаетъ самъ себя, и такое учтивство, по которому видно, что онъ другихъ почитаетъ. Порядочная бесѣда требуетъ скромности въ словахъ и дѣлахъ: она умѣетъ соразмѣрять времени и лицамъ то уваженїе, которое взаимно оказывать надлежитъ, и почитаетъ всякїй поступокъ притворный или необдуманный за знакъ тщеславїя или вѣтренности; рѣчь отрывистую, замысловатую и съ лишкомъ возвышенную, за доказательство худаго воспитанїя или невѣжества. Она также не терпитъ своенравїя, принужденной услужливости, гордыхъ прїемовъ и никакихъ странностей.

Она требуетъ нѣкоторой гибкости нравовъ, равно удаленной отъ той угодливости, которая все одобряетъ, и отъ той угрюмой суровости, которая ничего не одобряетъ. Но больше всего отличается оная острою и легкою шуткою, которая соединяетъ благопристойность съ вольностїю, которую надобно умѣть прощать другимъ, и заставить прощать себѣ самому, которую употреблять и даже понимать не многїе умѣютъ. Она состоитъ . . . нѣтъ, не скажу. Кто знаетъ ее, меня понимаетъ довольно, а прочїе не поймутъ.

Нынѣ называютъ ее искуствомъ и ловкостїю, по тому что разумъ долженъ въ ней блистать только въ пользу другихъ, и острота его должна нравиться, а не оскорблять. Часто смѣшиваютъ ее съ сатирою, издѣвками или шутовствомъ; ибо всякое сообщество имѣетъ свой образъ обхожденїя. Добропорядочныя же сообщества почти въ наши времена составились. Чтобъ увѣриться въ томъ, сравнимъ только древнїй ѳеатръ съ новымъ. Нѣтъ еще и полувѣка, какъ комедїи наполнены были грубыми ругательствами и отвратительнымъ срамословїемъ, каковыхъ нынѣ не потерпѣли бы ни на какомъ позорищѣ.

Въ семъ городѣ есть многїя сообщества, члены коего обязываются спомоществовать другъ другу взаимно. Естьли кто изъ нихъ позванъ на судъ, или притѣсняется отъ заимодавцевъ, то проситъ помощи у сочленовъ своихъ. Въ первомъ случаѣ, предстаютъ сїи вмѣстѣ съ нимъ предъ судъ, и служатъ ему, когда надобно, стряпчими или свидѣтелями; а въ другомъ, ссужаютъ его потребнымъ количествомъ денегъ, безъ всякой лихвы, и не поставляя никакого къ платежу срока, до исправы или до возтановленїя довѣренности его. Естьли онъ нарушитъ свое обязатель-

ство, бывъ въ состоянїи исполнить его, то хотя и нельзя просить на него; но остается онъ безчестнымъ. Они, собираясь иногда, укрѣпляютъ союзъ свой пиршествами, гдѣ царствуетъ совершенная вольность. Такїя сообщества составились нѣкогда по благороднымъ и великодушнымъ побужденїямъ; нынѣ же поддерживаются только неправдою и корыстолюбїемъ. Богатый вступаетъ въ оное вмѣстѣ съ бѣднымъ для того, чтобъ его принудить клятвопреступничать въ свою пользу; а бѣдный съ богатыми, что бъ имѣть право на ихъ покровительство.

Между сими сообществами, составилось одно такое, предметъ коего есть выискивать все, что ни бываетъ смѣшнаго между гражданами, и забавляться острыми и замысловатыми шутками. Оно состоитъ изъ шестидесяти членовъ, кои вообще суть люди весьма веселые и умные; отъ времени до времени собираются они въ храмѣ Ираклїевомъ, и произносятъ тамъ приговоры въ присутствїи великаго множества свидѣтелей, привлеченныхъ странностїю зрѣлища. Народныя бѣдствїя никогда не прерывали собранїй ихъ.

Приговоры сего судилища устремляются, между прочимъ, наипаче на два рода дурачествъ достойныхъ посмѣянія. Здѣсь есть люди, кои за предѣлы простираютъ или щегольство Аттическое, или простоту Спартанскую. Одни часто брѣются, часто перемѣняютъ бѣлье, искуствомъ придаютъ лоскъ зубамъ, опрыскиваются духами, носятъ цвѣты въ ушахъ, въ рукахъ витыя трости, а на ногахъ башмаки Алкивіадовскіе, родъ обуви, которую выдумалъ Алкивіадъ, и употребленіе которой существуетъ еще между молодыми людьми, наряды любящими. Другіе показываютъ обычай Лакедемонянъ, и по сему слывутъ Лакономанами. У нихъ волосы лежатъ по плечамъ въ безпорядкѣ; ихъ можно примѣтить по епанчѣ изъ сукна грубаго, по простой обуви, по длинной бородѣ, по большой толстой палкѣ, по медлѣнной выступкѣ, и естьли смѣю сказать, по всему прибору смиренномудрія. Усилія первыхъ, клонящіяся только къ тому, чтобъ обратить на себя вниманіе, такъ же ненавистны, какъ и намѣреніе вторыхъ, кои видимымъ образомъ требуютъ отъ насъ почтенія. Разумные люди почитаютъ наглостію притворную простоту сію; да и справедливо; вся-

кое притязаніе есть хищеніе; ибо предметомъ нашихъ притязаній всегда бываютъ права другихъ.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

О вѣрѣ, о священнослужителяхъ, о главныхъ преступленіяхъ противъ вѣры.

Здѣсь предлежитъ слово только о господствующей вѣрѣ: о мнѣніяхъ же, какія имѣли философы въ разсужденіи божества, будемъ говорить на другомъ мѣстѣ.

Всенародное богочтеніе основано на слѣдующемъ законѣ: „чти всенародно и особен„но боговъ и ироевъ отечественныхъ. Да „всягодно приноситъ имъ каждый, по возмо„жности и по обрядамъ установленнымъ, пер„вые плоды жатвъ своихъ."

Съ самыхъ древнихъ временъ, предметы богочтенія умножились между Аѳинянами. Главныя двѣнадцать божествъ сообщены имъ Египтянами; а другія, Ливіянами и различными народами. Потомъ запрещено было, подъ смертною казнію, принимать богочтеніе чужеземное безъ приговора, испрошеннаго

отъ Ареопага народными ораторами. Около вѣка, какъ судилище сїе учинилось удобопреклоннѣе, боги Ѳракїйскїе, Фригїйскїе и нѣкоторыхъ иныхъ варварскихъ народовъ ворвались въ Аттику, и со славою тамъ утвердились, не смотря на язвительныя издѣвки, какїя раздавались на ѳеатрѣ противъ странныхъ божествъ сихъ и противъ ночныхъ обрядовъ, въ честь имъ отправляемыхъ.

Издревле существовало то похвальное установленїе, чтобъ памятниками и празднествами освящать воспоминанїе о царяхъ и людяхъ частныхъ, великїя услуги человѣчеству оказавшихъ. Таковъ есть источникъ глубокаго почитанїя, къ ироямъ соблюдаемаго. Въ числѣ сихъ полагаютъ Аѳиняне Ѳисея, перваго виновника своей вольности; Ерехѳея, одного изъ древнихъ царей своихъ; тѣхъ, кои удостоились дать имена свои десяти коленамъ; и многихъ иныхъ, между коими отличнѣе всѣхъ Иракль, въ чинѣ боговъ и въ чинѣ ироевъ безъ разбору поставляемый.

Почитанїе сихъ послѣднихъ различествуетъ, въ существѣ своемъ, отъ почитанїя боговъ какъ по предмету, такъ и по обрядамъ. Греки покланяются божеству въ засви-

дѣтельствованїе своей зависимости, для испрошенїя у него покровительства, или въ возблагодаренїе за полученныя благодѣянїя. Они посвящаютъ храмы, жертвенники, рощи и отправляютъ празднества и игры въ честь ироевъ, дабы предать вѣчности славу ихъ и имѣть всегда предъ глазами примѣры ихъ. Курится ѳимїамъ на ихъ жертвенникахъ, въ то же время изливается вино или молоко на ихъ гробахъ, чтобъ доставить покой душамъ ихъ. Итакъ жертвы, которыми ихъ чествуютъ, относятся, въ самомъ дѣлѣ, до боговъ ада.

Нѣкоторые сокровенные догматы преподаются въ таинствахъ Цереры, Вакха и иныхъ божествъ. Но господствующая вѣра состоитъ вся въ одной наружности. Она не представляетъ особеннаго ученїя, ниже общественнаго устава; нѣтъ строгой обязанности, чтобъ, въ назначенные дни, участвовать въ учрежденномъ богослуженїи. Въ разсужденїи вѣры, довольно того, что бы казаться несомнящимся о бытїи боговъ, которые награждаютъ добродѣтель въ сей и будущей жизни; а въ разсужденїи обрядовъ, являть отъ времени до времени нѣкоторыя дѣла благочестїя, какъ то, въ тор-

жественные дни приходить въ храмы и на общенародные жертвенники возлагать свои приношенія.

Народъ поставляетъ все благочестіе свое въ молитвѣ, жертвоприношеніяхъ и очищеніяхъ.

Частные люди возсылаютъ къ богамъ молитвы при начатіи какого либо предпріятія. То же дѣлаютъ по утру, по вечеру, при восхожденіи и захожденіи солнца и луны. Иногда приходятъ во храмъ съ потупленными глазами, съ видомъ благоговѣйнымъ и уничиженнымъ. Всѣ знаки почтенія, страха и лести, оказуемые владыкамъ царедворцами, когда приближаются къ престолу, всѣ таковые знаки истощаютъ люди предъ богами, приступая къ жертвенникамъ. Цѣлуютъ землю; молятся, стоя, преклонивъ колѣна, падъ ницъ, держа въ рукахъ вѣтви, которыя поднимаютъ къ небу, или простираютъ къ кумиру, прежде облобызавъ оныя. Ежели моленіе обращается къ богамъ ада, то, для привлеченія ихъ вниманія, ударяютъ въ землю ногами или руками. Молитвы.

Иные произносятъ молитвы свои голосомъ тихимъ. Пиѳагоръ хотѣлъ, чтобъ онѣ произносимы были въ слухъ, дабы никто не

осмѣливался просить о чемъ нибудь постыдномъ. И дѣйствительно, самое лучшее правило есть говорить къ богамъ такъ, какъ бы мы были въ присутствіи человѣковъ, а съ человѣками, какъ бы въ присутствіи боговъ.

При общенародныхъ празднествахъ, Аѳиняне приносятъ едиными устами мольбы о благосостояніи республики и своихъ союзниковъ; иногда о сохраненіи плодовъ земныхъ, о низпосланіи дождя или ведра; иногда же о избавленіи отъ язвы или голода.

Я часто поражаемъ бывалъ лѣпотою обрядовъ: зрѣлище величественное. Площадь предъ храмомъ, переходы, окружающіе оный, наполнены народомъ. Жрецы изъ преддверія приближаются къ жертвеннику. Послѣ какъ священнодѣйствующій провозгласитъ громко: „возліемъ вино и помолимся, "одинъ изъ нижнихъ служителей храма, для удостовѣренія со стороны предстоящихъ о набожности ихъ, вопрошаетъ: "Кто тѣ, кои со„ставляютъ собраніе сіе? — Люди честные," „отвѣчаютъ они единогласно. Итакъ внем„лите, "прибавляетъ служитель. Тогда читаются приличныя обстоятельству молит-

вы. Тотчасъ лики юношей поютъ священныя пѣсни. Голоса ихъ столь трогательны, и стихотворецъ, который старается избирать предметы самые чувствительные, придаетъ имъ столько силы, что большая часть изъ предстоящихъ обливается слезами. Но обыкновенно пѣнїе духовное бываетъ громогласно, и внушаетъ больше радости, нежели унынїя. Сїе происходитъ отъ впечатлѣнїя, получаемаго при празднествахъ Вакховыхъ, когда, по возглашенїи однимъ изъ жрецовъ: „Призывайте бога,“ весь народъ начинаетъ сими словами: „О сынъ Семелы! „о податель всяческихъ благъ.“

Въ особенности многїе возсылаютъ къ небесамъ мольбы безразсудныя: просятъ о низпосланїи всего того, что можетъ служить ихъ честолюбїю и забавамъ. Такїя прошенїя почитаются богохулїемъ отъ нѣкоторыхъ философовъ, кои будучи увѣрены, что люди мало понимаютъ истинныя выгоды свои, желаютъ, что бы полагались они въ томъ единственно на благость боговъ, или не употребляли бы иной молитвы, кромѣ изображенной въ писанїяхъ одного древняго стихотворца: „О ты, царю небесъ! „низпосли намъ полезное, хотя бъ мы того

„просили или нѣтъ; не даждь намъ ничего „вреднаго, хотя бы мы о томъ и молили „тебя.“

Жертвоприношенія.

Прежде въ жертву богамъ приносимы были токмо плоды земные; и еще нынѣ видны въ Греціи жертвенники, на коихъ не позволяется закалать жертвъ. Кровавыя приношенія вошли съ трудностію въ употребленіе. Человѣкъ сперва ужасался вонзать желѣзо въ утробу животнаго, на воздѣлованіе земли опредѣленнаго, и ставшаго ему сотрудникомъ: законъ имянно то запрещалъ ему подъ смертною казнію; и всеобщій обычай принуждалъ его воздерживаться отъ мяса животныхъ.

Уваженіе къ древнимъ преданіямъ свидѣтельствуется нѣкоторымъ обрядомъ, повсягодно возобновляемымъ. При одномъ празднествѣ въ честь Юпитеру, ставятся приношенія на жертвенникѣ, мимо котораго прогоняютъ быковъ. Коснувшійся приношеніямъ симъ долженъ быть закланъ. Юныя дѣвицы приносятъ въ сосудахъ воду, а служители того бога, жертвенныя орудія. Едва свершенъ ударъ, какъ закалатель, объятый ужасомъ, бросаетъ сѣкиру, и обращается въ бѣгство. Однако его сообщники вкушаютъ отъ жертвы, сшиваютъ кожу ея, набиваютъ сѣномъ, за-

прятаютъ въ орало, и отходятъ оправдываться предъ судіями, кои призываютъ ихъ къ себѣ на судъ. Юныя дѣвы, доставлявшія воду къ изострѣнію орудій, слагаютъ вину на тѣхъ, кои дѣйствительно изощряли оныя; сіи на тѣхъ, кои заклали жертву; а послѣдніе на орудія, которыя осуждаются, какъ виновники убійства, и бросаются въ море.

Сей таинственный обрядъ ведется отъ самой глубокой древности, и приводитъ на память дѣяніе, случившееся во время Ерехѳесво. Одинъ земледѣлецъ, положилъ на жертвенникъ свое приношеніе; волъ пожралъ часть того; онъ, убивъ вола, скрылся, и сѣкира была представлена на судъ.

Когда люди питались только земными плодами, то часть оныхъ всегда откладывали для боговъ. Тоже самое наблюдали, когда мяса животныхъ начали употреблять въ пищу; а отъ сего, можетъ быть, и вошли въ обычай кровныя жертвы, которыя въ самой вещи не иное что суть, какъ яства, богамъ опредѣленныя, и въ которыхъ участвуютъ также предстоящіе.

Знаніе многихъ обрядовъ и подробностей составляетъ всю науку жрецовъ. То возливаютъ воду на жертвенникъ, или на голову

закалаемаго животнаго, то медъ или масло. По большей части орошаютъ ихъ виномъ, и тогда жгутъ на жертвенникѣ фиговое, миртовое дерево или виноградныя лозы. Выборъ жертвы требуетъ не меньшаго вниманія. Она быть должна безъ пятенъ на тѣлѣ, безъ всякаго недостатка, неболѣзненна; но не всѣхъ животныхъ безъ разбору можно приносить на жертву. Сперва были закалаемы только животныя, въ пищу употребляемыя, какъ то быкъ, овца, коза, свинья и пр. Потомъ начали приносить въ жертву коней солнцу, оленей Діанѣ, псовъ Гекатѣ. Каждая страна, каждый храмъ имѣютъ свои обыкновенія. Гнѣвъ и милость боговъ равно гибельны для животныхъ, которыя имъ посвящены.

Для чего кладутъ закалаемому животному на голову пресный хлѣбъ, изъ ячной муки съ солью испеченный; выщипываютъ у него со лба шерсть и бросаютъ ее въ огонь? Для чего сожигаютъ бедра его не иначе какъ дровами колотыми?

Когда я у служителей храмовъ требовалъ объясненія симъ обрядамъ, они мнѣ отвѣтствовали тоже, что и одинъ Ѳивскій жрецъ, у котораго я спрашивалъ, для чего Віотяна приносятъ угрей въ жертву богамъ.?

„Мы последуемъ, сказалъ онъ, обычаямъ отцевъ нашихъ, не почитая себя обязанными „оправдывать ихъ предъ чужестранцами.“

Жертва дѣлится между богами, жрецами и принесшими оную. Часть, богамъ опредѣленная, пожирается пламенемъ; другая составляетъ доходъ жрецовъ; третiя служитъ получающимъ ее однимъ предлогомъ къ тому, чтобъ дать хорошiй обѣдъ друзьямъ своимъ. Нѣкоторые, желая показать свое богатство, стараются отличить себя пышными жертвоприношенiями. Я видѣлъ, что иные, по закланiи вола, украшали цвѣтами и лентами переднюю часть головы его, и вывѣшивали у себя на воротахъ. Какъ принесенiе вола на жертву болѣе всего уважается, то бѣдные приносятъ нѣкоторыя малыя печенья, въ видѣ сего животнаго сдѣланныя; жрецы принимаютъ за благо и такiя приношенiя.

Суевѣрiе владычествуетъ у насъ надъ умами съ такою силою, что народъ кротчайшiй въ свѣтѣ содѣлало оно жестокимъ. Между Греками довольно часто приносились нѣкогда жертвы человѣческiя; онѣ были у всѣхъ почти народовъ; и существуютъ еще нынѣ между нѣкоторыми изъ нихъ. Наконецъ отмѣнятся онѣ, потому что лютость глупая

и безполезная рано или поздно должна уступить природѣ и разсудку. Но слѣпое надѣянїе на внѣшнїя дѣла благочестїя останется надолго. Люди неправедные, злодѣи самые, дерзаютъ ласкаться, что дарами подкупятъ боговъ, и ихъ обманутъ наружною набожностїю. Вотще философы возстаютъ противъ толь опаснаго заблужденїя: оно пребудетъ навсегда любезно для большей части людей, по тому что всегда будетъ удобнѣе имѣть жертвы, нежели добродѣтели.

Нѣкогда Аѳиняне жаловались прорицалищу Аммонову на то, что боги приняли сторону Лакедемонянъ, кои приносили имъ жертвы въ маломъ количествѣ, и то худыя и искаженныя. Получили въ отвѣтъ, что всѣ приношенїя Грековъ не стоятъ той смиренной и скромной молитвы, коею Лакедемоняне у боговъ просятъ себѣ истинныхъ благъ. Прорицалище Юпитерово приводитъ мнѣ на память также прорицалище Аполлоново, не меньше достохвальное. Одинъ богатый Ѳессалянинъ, будучи въ Дельфахъ, принесъ въ жертву, съ величайшею пышностїю, сто воловъ, у которыхъ рога были вызолочены. Въ тоже время бѣдный гражданинъ города Ермїоны, вынувъ изъ сумы своей горсть муки, бросилъ въ

огонь, пылавшій на жертвенникѣ. Пиѳія объявила, что приношеніе сего человѣка богамъ было пріятнѣе, нежели приношеніе Ѳессалянина.

Какъ вода очищаетъ тѣло, то возмнили люди, что она можетъ очищать и душу; и что производитъ сіе дѣйствіе двоякимъ образомъ, то есть, или очищая ее отъ сквернъ, или разполагая ее такъ, чтобъ никакая скверна не могла къ ней прикоснуться. Отсюда произходятъ два рода очищеній, одно удовлетворительное, другое приуготовительное. Первымъ испрашивается у боговъ милосердіе, а вторымъ, ихъ помощь. Очищенія водою.

Очищаются водою младенцы тотчасъ послѣ рожденія; также входящіе во храмы; Учинившіе убійство, даже и непроизвольное; одержимые извѣстными болѣзнями, которыя почитаются знаменіемъ гнѣва небесъ, какъ то: язва, бѣшенство, и проч: наконецъ всѣ хотящіе угодить богамъ.

Сей обрядъ нечувствительно введенъ въ храмахъ, при жертвенникахъ, на всѣхъ мѣстахъ, которыя божество удостоиваетъ своимъ присутствіемъ; въ городахъ, на улицахъ, въ домахъ, на поляхъ, и на всѣхъ мѣстахъ, которыя осквернены преступленіемъ.

или на которыя желается преклонить благость небесъ.

Повсягодно очищаютъ городъ Аѳины, 6 числа мѣсяца ѳаргеліона. Каждый разъ, какъ гнѣвъ боговъ изъявляется гладомъ, прилипчивыми болѣзнями, или другими наказаніями, стараются обратить оный на одного мущину и одну женщину изъ простаго народа, кои содержатся на иждивеніи общественномъ на тотъ конецъ, что быть имъ, въ случаѣ нужды, очистительными жертвами, каждому для своего пола. Водятъ ихъ по городу при гласѣ мусикійскихъ орудій, и бивъ розгами, изгоняютъ ихъ изъ города. Прежде осуждались они на сожженіе, и прахъ ихъ былъ метаемъ на вѣтръ.

Хотя вода морская и прилипивѣе для таковыхъ очищеній, но всегда почти употребляется на то святая, или очистительная. Она есть обыкновенная вода, въ которую погружается горящая головня, взятая съ жертвенника, когда сгарала на немъ жертва. Ею наполняются сосуды, содержимые въ притворахъ храмовъ, на мѣстахъ, гдѣ бываетъ общее собраніе, округъ гробовъ, въ коихъ тѣла умершихъ выставляются для зрѣнія мимоходящихъ.

Какъ огонь очищаетъ металлы; соль и селитра выводятъ пятна и сохраняютъ тѣла; дымъ и благовонія могутъ прогонять тлетворность воздуха: то постепенно и начали думать люди, что средства сіи и многія другія должны быть употребляемы при различныхъ очищеніяхъ. Такимъ образомъ приписываютъ нѣкую таинственную силу ладану, которымъ курятъ во храмахъ, и цвѣтамъ, изъ коихъ вѣнки кладутъ себѣ на головы; такъ оскверненный домъ становится опять чистъ отъ куренія сѣрою, и отъ окропленія водою, въ которую бросаютъ нѣсколько соли. Въ иныхъ случаяхъ, довольно и того, чтобъ обойти около огня, или чтобъ около тебя обошла собачка, или другое какое нибудь животное. При очищеніяхъ городовъ, водятъ около стѣнъ жертвы, на закланіе опредѣленныя.

Обряды перемѣняются, смотря по важности предмета и по степени суевѣрія. Иные почитаютъ за необходимое, чтобъ всемъ тѣломъ погружаться въ рѣку; другіе, чтобъ только омочить семь разъ голову, большая часть погружаютъ однѣ руки въ очистительную воду, или жрецъ, стоящій

нарочно для сего при дверяхъ храма; кропитъ ихъ оною.

Каждый гражданинъ можетъ дѣлать приношенія на жертвенникѣ, при вратахъ дома своего поставленномъ, или въ домашней божницѣ. Я часто видалъ, какъ добродѣтельный отецъ, окруженный дѣтьми своими, соединяетъ ихъ благоговѣніе со своимъ собственнымъ, и возсылаетъ мольбы, любовію внушаемыя и услышанія достойныя. Поелику же сей родъ священства можетъ быть отправляемъ въ одномъ только семействѣ, то и надлежало учредить особыхъ служителей для общенароднаго богопочитанія.

Жрецы. Нѣтъ города, гдѣ бы находилось болѣе жрецовъ и жрицъ, какъ въ Аѳинахъ; ибо нигдѣ нѣтъ такого множества храмовъ, и не бываетъ столько празднествъ.

Въ разныхъ селеніяхъ Аттики и въ прочихъ частяхъ Греціи, одинъ только жрецъ отправляетъ служеніе въ храмѣ; въ городахъ же знатнѣйшихъ, сіе служеніе раздѣлено между многими особами, которыя составляютъ нѣкое общество. Главою у нихъ есть служитель бога, великимъ жрецомъ иногда именуемый; подъ нимъ во перь-

выхъ Неокоръ, коего должность есть смотрѣть за украшенїемъ и чистотою святыхъ мѣстъ, и входящихъ во храмъ кропить очистительною водою; во вторыхъ, жрецы, закалатели жертвъ; потомъ предсказатели, кои разсматриваютъ внутренности оныхъ; наконецъ обрядоначальники, кои наблюдаютъ за обрядами, и распускаютъ собранїе. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ дается имя отца перьвому изъ служителей священныхъ, а первой изъ жрицъ, имя матери.

Должности не столь священныя, относительно служенїя храмовъ, поручаются мїрянамъ. Одни обязаны имѣть смотрѣнїе за дѣланїемъ и храненїемъ денегъ; другїе присутствуютъ, какъ свидѣтели и надзиратели, при торжественныхъ жертвоприношенїяхъ.

Жрецы отправляютъ службу въ богатыхъ одеждахъ, на которыхъ золотыми буквами вышиты имена тѣхъ людей, коими посвящены оныя храму. Сїе великолѣпїе еще усугубляется благообразїемъ, величественною осанкою, доброгласїемъ, а паче принадлежностьми того божества, коего суть они служители. Такъ, на примѣръ, жрица Цереры является увѣнчанна маковыми цвѣтами

и класами; а Минервина, со щитомъ, въ латахъ, и въ шлемѣ съ перьями.

Званіе жреческое нѣкоторыхъ храмовъ принадлежитъ древнимъ и сильнымъ домамъ, въ коихъ переходитъ оно отъ отца къ сыну; то же званіе при другихъ храмахъ дается отъ народа.

Но не льзя вступить ни въ какое изъ оныхъ, безъ изслѣдованія самой особы и нравовъ ея. Новый служитель не долженъ имѣть нималѣйшаго недостатка въ наружномъ видѣ, и чтобъ поведеніе его было всегда неукоризненно. Касательно жъ просвѣщенія, то довольно съ него, чтобъ зналъ обряды того храма, къ коему опредѣленъ, чтобъ отправлялъ службу съ благопристойностію, и чтобъ умѣлъ разбирать различные роды приношеній и молитвъ, какими должно чествовать боговъ.

Въ нѣкоторыхъ храмахъ служеніе отправляется жрицами, какъ то въ храмѣ Вакха, что на болотѣ. Числомъ ихъ четырнадцать; избираются онѣ отъ Архонта-царя. — Онѣ обязаны хранить строгое воздержаніе. Супруга архонтова, царицею именуемая, наставляетъ ихъ въ познаніи ввѣряемыхъ имъ таинствъ, и прежде опредѣленія, требуетъ

отъ нихъ клятвы, коею свидѣтельствуютъ онѣ, что всегда жили въ совершенной чистотѣ, и безъ всякаго сообщенія съ мужчинами.

На содержаніе жрецовъ и храмовъ назначены различныя отрасли доходовъ. Во первыхъ взимается съ описныхъ имѣній и изъ денежныхъ взысканій, десятая часть для Минервы, а пятидесятая для другихъ боговъ и богинь. Посвящается также божествамъ десятая часть добычъ, отъ непріятеля получаемыхъ. При каждомъ храмѣ, двое чиновниковъ, извѣстныхъ подъ именемъ паразитовъ, имѣютъ право требовать по одной мѣрѣ ячменю съ разныхъ содержателей земель въ той округѣ, которая для нихъ назначена; словомъ, мало такихъ храмовъ, кои не имѣли бы собственныхъ домовъ и участковъ земли.

Сіи доходы, къ которымъ присовокупить должно и приношенія людей частныхъ, ввѣряются смотрѣнію казначеевъ храма. Употребляются на поправленіе и украшеніе святыхъ мѣстъ, на издержки, бывающія при жертвоприношеніяхъ, на содержаніе жрецовъ, кои всѣ почти получаютъ жалованье, долю изъ жертвенныхъ приношеній, и коимъ да-

ются жилища. Нѣкоторые изъ нихъ пользуются еще бо́льшими доходами, такъ какъ жрица Минервина, которой приносится мѣра пшеницы, другая ячменю, и одинъ оболъ каждый разъ, какъ родится или умретъ кто въ семействѣ.

Кромѣ сихъ выгодъ, жрецы стараются удержать при себѣ право убѣжища, даемаго не только въ храмахъ, но и въ священныхъ рощахъ, которыми окружены, также въ домахъ и божницахъ принадлежащихъ къ онымъ. Оттуда нельзя исторгнуть виновнаго, ниже воспрепятствовать ему получать пропитанıе. Сıе преимущество, столько же оскорбительное для боговъ, сколько полезное для ихъ служителей, простирается даже и на отдѣленные жертвенники.

Въ Египтѣ составляютъ жрецы первое сословıе государства, и не обязаны способствовать нуждамъ онаго, хотя третья доля земель назначена для ихъ содержанıя. Непорочность нравовъ и строгость жизни ихъ преклоняютъ къ нимъ довѣренность отъ народовъ; а просвѣщенıе ихъ, довѣренность отъ государя, котораго составляютъ они совѣтъ и который долженъ быть избираемъ изъ ихъ сословıя, или приобщиться къ оному,

коль скоро вступитъ на престолъ. Будучи истолкователями воли боговъ, властителями надъ волею человѣковъ, хранителями всѣхъ познаній, а паче таинствъ врачевства, пользуются они безпредѣльнымъ могуществомъ, по тому что управляютъ самопроизвольно предразсуками и слабостями людскими.

Жрецы Греческіе отличаются нѣкоторыми почестьми, какъ то возсѣданіемъ на отличныхъ мѣстахъ на зрѣлищахъ. Всѣ они могутъ заниматься тольк« должностями своего званія, и проводить дни свои въ спокойной праздности. Однакожъ многіе изъ нихъ, въ намѣреніи заслужить ревностію должное сану своему уваженіе, исполняли тягостныя препорученія отъ республики, и служили ей либо въ воинствахъ, либо въ посольствахъ.

Они не составляютъ особеннаго и отдѣленнаго сословія. Нѣтъ никакой взаимной связи между служителями разныхъ храмовъ; даже дѣла, лично до нихъ относящіяся, взносятся въ обыкновенныя судилища.

Девять архонтовъ или верховныхъ градоправителей, пекутся о утвержденіи народнаго богопочитанія и всегда первенствуютъ

при отправленіи священныхъ обрядовъ. Второй архонтъ, извѣстный подъ именемъ царя, имѣетъ обязанность доносить о преступленіяхъ противъ вѣры, начальствовать при общенародныхъ жертвоприношеніяхъ, судить распри, бывающія между жрецами, по случаю какого либо празднаго жреческаго мѣста. Правда, могутъ жрецы распоряжать жертвоприношеніями частныхъ людей, но ежели въ семъ дѣлѣ благочестія, преступятъ установленные законы, то никакъ не укроются отъ бдительности начальниковъ. Въ наше время верховный жрецъ Церерин наказанъ, по повелѣнію правительства, за то, что нарушилъ законы въ такихъ статьяхъ, которыя казались совсѣмъ неважными.

Гадатели.

За жрецами слѣдуютъ гадатели, правительствомъ уважаемые и содержимые въ Пританеи. Они мнятъ, будто бы видятъ будущее въ полетѣ птицъ и внутренностяхъ закалаемыхъ жертвъ. Всегда бываютъ при воинствахъ, и отъ ихъ рѣшеній, безмѣрною цѣною покупаемыхъ, зависятъ часто перемѣны въ правленіяхъ и предпріятія военныя. Ихъ много по всей Греціи; но славнѣйшіе суть въ Елидѣ. Тамъ, уже чрезъ многіе вѣки

въ двухъ или трехъ семействахъ переходитъ отъ отца къ сыну искуство предвѣщать происшествїя и отвращать бѣды смертныхъ.

Гадатели простираютъ ремесло свое еще далѣе. Служатъ они вмѣсто отцевъ духовныхъ; рѣшатъ, какїя дѣла сходственны, или нѣтъ съ божескимъ правосудїемъ. Я видѣлъ таковыхъ, коихъ пустосвятство доходило даже до лютости, и кои, чтя себя повѣренными отъ небесъ, въ состоянїи судебнымъ порядкомъ требовать смертной казни собственному отцу, въ убїйствѣ виновному. За два или за три вѣка появились люди, не носившїе никакого званїя со стороны правительства, и выдававшїе себя за истолкователей воли боговъ, питали въ народѣ легковѣрїе, какое имѣли сами, или притворно показывали только, скитаясь изъ страны въ страну, повсюду гнѣвомъ небесъ угрожая, для утоленїя онаго новые обряды учреждая, и творя людей слабѣйшими и несчастнѣйшими отъ страха и угрызенїй совѣсти, какїя въ нихъ они производили. Одни великою славою своею обязаны обаянїю, а другїе превосходнымъ дарованїямъ. Изъ числа таковыхъ были Аварисъ Скиѳскїй, Емпедоклъ Агригентскїй, Епименидъ Критскїй.

Впечатлѣніе, какое оставили они въ умахъ, продлило даже до сего дня владычество суевѣрія. Народъ, во всякое время, на всякомъ мѣстѣ, видитъ поразительныя знаменія воли боговъ въ затменіяхъ, въ громовыхъ удареніяхъ, въ важныхъ явленіяхъ природы, въ самыхъ случайныхъ произшествіяхъ. Сны, внезапное воззрѣніе на нѣкоторыхъ животныхъ, судорожное движеніе рѣсницъ, звонъ въ ушахъ, чиханіе, нѣкоторыя слова, безъ намѣренія произнесенныя, и множество другихъ обыкновенныхъ дѣйствій, учинились предвѣстниками счастія или напастей. Найдешь ли змія въ домѣ твоемъ? Поставь на томъ же мѣстѣ жертвенникъ. Увидишь ли коршуна, парящаго по воздуху? тотчасъ пади на колѣна. Возмущено ли воображеніе твое печалію или болѣзнію? это конечно Емпуза является тебѣ, призракъ посланный Гекатою, и пріемлющій различные виды, чтобъ мучить несчастныхъ.

Во всѣхъ таковыхъ случаяхъ прибѣгаютъ суевѣры къ гадателямъ, толкователямъ. Пособія, ими показуемыя, суть столько же мечтательны, какъ и бѣдствія, коими, думаютъ, яко бы они угрожаются.

Нѣкоторые изъ сихъ обманщиковъ вкрадываются въ богатые домы, и льстятъ пред-

разсудкамъ душъ слабыхъ. Имъ извѣстенъ, говорятъ они, вѣрный способъ разрушать власть духовъ нечистыхъ. Предвѣщаютъ выгоды, для богачей крайне пріятныя, и которыя относятся до успокоенія совѣсти ихъ, до отмщенія врагамъ и до продолженія блаженства богачей даже и по смерти. Молитвы и очищенія, употребляемыя ими, содержатся въ старинныхъ книгахъ, которыя извѣстны подъ именемъ Орфея и Мусея.

Женщины самаго низкаго состоянія тѣмъ же торгуютъ. Входятъ въ домы людей бѣдныхъ, и дѣлаютъ надъ ними нѣкоторый родъ посвященія; возливаютъ на посвященнаго воду, трутъ его грязью и отрубями, покрываютъ кожею съ какого нибудь животнаго, и сопровождаютъ обряды сіи молитвами, которыя читаютъ по книгѣ; и пронзительными воплями, къ которымъ чернь имѣетъ уваженіе.

Люди просвѣщенные хотя и не подвержены многимъ изъ сихъ слабостей, но отъ того не меньше придерживаются обрядамъ вѣры. По счастливомъ успѣхѣ, въ болѣзни, при малѣйшей опасности, послѣ страшнаго сновидѣнія, приносятъ жертвы; часто строятъ,

во внутренности домовъ своихъ божницы, которыя такъ умножились, что благочестивые философы желали бы ихъ всѣ уничтожить, и чтобъ мольбы частныхъ людей приносимы были только въ однихъ храмахъ.

Но какъ согласить такую къ обрядамъ священнымъ довѣренность съ тѣми понятіями, какія имѣютъ они о верховномъ изъ боговъ? Позволено Юпитера почитать за похитителя, который согналъ отца своего съ престола вселенныя, и нѣкогда самъ будетъ съ него согнанъ своимъ сыномъ. Сіе ученіе поддерживается толкомъ мнимыхъ учениковъ Орфеевыхъ; Есхилъ не убоялся обнаружить оное въ одной изъ трагедій, которую представлять и одобрять правительство никогда не возпрещало.

Преступленія противъ вѣры.

Я сказалъ выше, что лѣтъ за сто новые боги введены между Аѳинянами. Долженъ я прибавить, что въ то же время невѣріе сдѣлало новые успѣхи. Коль скоро Греки озарились свѣтомъ мудрости, то нѣкоторые изъ нихъ, удивясь неправильностямъ и соблазнамъ въ дѣйствіи природы, не менѣе изумились, не нашедъ рѣшенія онымъ въ нелѣпомъ составѣ вѣры, которой они дотолѣ держались. Сомнѣнія заступили мѣсто

невѣжества, и произвели дерзновенныя мнѣнія, которыя молодыми людьми съ жадностію были приняты; но виновники оныхъ учинились предметомъ всеобщей ненависти. Народъ говорилъ, что разторгли они узы вѣры единственно для того, чтобъ свободнѣе предаваться страстямъ своимъ; и правительство почло за долгъ вооружиться противъ нихъ строгостію. Вотъ чѣмъ оправдывается такая нетерпимость.

Общенародное богослуженіе предписано однимъ изъ коренныхъ законовъ, а тѣмъ самымъ твердо соединено съ образомъ правленія; слѣдовательно не льзя возстать противъ богослуженія, не поколебавъ правленія. Итакъ народоправителямъ надлежитъ его поддерживать и противиться введенію новизнъ, которыя видимо клонятся къ его испровերженію. Они не подвергаютъ никакому разсмотрѣнію ни баснословныхъ повѣстей о началѣ боговъ, ни философскихъ мнѣній о естествѣ ихъ, ниже самыхъ непристойныхъ издѣвокъ надъ приписуемыми имъ дѣяніями; но предаютъ суду и смертію наказываютъ тѣхъ, кои говорятъ или пишутъ противъ бытія ихъ, кои изъ презрѣнія сокрушаютъ кумиры, и кои откры-

ваютъ священныя таинства, правительствомъ признанныя.

По сему вѣряется жрецамъ попеченіе учреждать внѣшнія дѣла благочестія; градоначальникамъ же власть потребная для поддержанія вѣры, между тѣмъ какъ дозволяется стихотворцамъ составлять или принимать новыя родословія боговъ, а философамъ разбирать самыя опасныя статьи о вѣчности вещества и о сотвореніи міра, лишь только бы остерегались они двухъ великихъ преткнованій, и именно: не сближались бы съ ученіемъ, преподаваемымъ въ таинствахъ, и не полагали бы, безъ всякой оговорки такихъ началъ, изъ которыхъ явно слѣдуетъ испроверженіе богопочитанія, съ давнихъ времен установленнаго. Въ томъ и другомъ случаѣ, подлежатъ они суду, какъ виновные въ нечестіи.

Такое обвиненіе тѣмъ страшнѣе для невинности, что неоднократно служило оно орудіемъ ненависти, и легко воспламеняетъ ярость простаго народа, коего ревность къ вѣрѣ гораздо жесточѣе ревности градоправителей и жрецовъ.

Каждый гражданинъ можетъ быть обвинителемъ и доносить на виноватаго второму изъ архонтовъ, который представляетъ дѣло собранію Эліастовъ, одному изъ верховныхъ

судилищъ Аѳинскихъ. Иногда доносъ дѣлается въ народномъ собранiи. Ежели касается онъ до таинствъ Цереры, то разсматриваетъ его сенатъ, когда обвиняемый не отнесется къ эвмолпидамъ: ибо сiе жреческое поколѣнiе, коему служенiе храма Церерина принадлежитъ исключительно, производитъ судъ и разправу только надъ нарушителями таинствъ и при томъ съ крайнею строгостiю. Эвмолпиды судятъ по законамъ неписаннымъ, коихъ истолкователями они одни, и кои предаютъ виновнаго мщенiю не только человѣковъ, но и самыхъ боговъ. Рѣдко отважится кто подвергнуться строгости сего судилища.

Случалось, что виновный, объявивъ сообщниковъ, спасалъ жизнь свою; но не могъ уже участвовать въ жертвоприношенiяхъ, празднествахъ, позорищахъ и правахъ прочихъ гражданъ. Сiе поруганiе сопровождается иногда ужасными обрядами; различныхъ храмовъ жрецы, по повелѣнiю правительства, произносятъ торжественно проклятiе. Обратясь лицемъ къ западу, и отрясая багряныя одежды свои, предаютъ виновнаго и его потомство богамъ ада, въ такомъ увѣренiи, что Фурiи тогда же овладѣваютъ его сердцемъ, и

что ярость ихъ не прежде утоляется, какъ по истребленіи всего племени его.

Эвмолпиды показываютъ больше ревности къ поддержанію Церериныхъ таинствъ, нежели прочіе жрецы къ защищенію господствующей вѣры. Они неоднократно представляли виновныхъ предъ судилища. Однако надлежитъ сказать въ похвалу ихъ, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ не только не способствовали неистовству простаго народа, который готовъ тотъ же часъ карать всякаго обличившагося въ нарушеніи таинствъ, но еще и требовали что бы приговоръ дѣланъ былъ по силѣ законовъ. Между сими законами есть одинъ, которому иногда слѣдуютъ, и который былъ бы въ состояніи удержать самыя сильныя вражды, естьли только могутъ онѣ быть удержаны. Оный повелѣваетъ казнить и доносителя, когда не докажетъ своего доноса, и отвѣтчика, когда обличится въ преступленіи.

Мнѣ остается только упомянуть о главныхъ рѣшеніяхъ и приговорахъ, какіе въ теченіи послѣдняго вѣка произнесены Аѳинскими судилищами противъ преступленій сего рода.

Было донесено на стихотворца Есхила, что онъ въ одной изъ своихъ трагедій открылъ ученіе о таинствахъ. Аминій, братъ

его, старался преклонить судей на милость, показывая раны, полученныя имЪ на Саламинскомъ сраженіи. Можетъ быть, средство сіе осталось бы безъ успѣха ежели бы Есхилъ не доказалъ ясно, что онъ не былъ приобщенъ къ таинствамъ. Народъ ожидалъ его при дверяхъ судилища, чтобъ побить каменіемъ.

Философъ Діагоръ Мелоскій, обличенный въ открытіи таинствъ и въ отрицаніи бытія боговъ, бѣжалъ и скрылся. Обѣщано было награжденіе, кто представитъ его живаго или мертваго; а приговоръ, который лишалъ его чести, былъ вырѣзанъ на мѣдномъ столбѣ.

Протагоръ, знаменитѣйшій изъ софистовъ своего времени, началъ одно сочиненіе сими словами: „не знаю, есть ли боги, или „нѣтъ„ былъ осужденъ судомъ уголовнымъ и бѣжалъ. Его сочиненія сыскиваемы были по домамъ частныхъ людей, и сожжены на площади.

Продикъ Кеоскій приговоренъ къ принятію яда за то его мнѣніе, что люди помѣстили въ число боговъ такія существа, отъ которыхъ получаютъ пользу; такъ какъ солнце, луну, источники и проч.

Крамола противная Периклу, не дерзая напасть на него явно, вознамѣрилась погу-

бить его способомъ постороннимъ. Онъ былъ другъ Анаксагору, который признавалъ высшее духовное существо. По силѣ опредѣленія, учиненнаго противъ отрицающихъ бытіе боговъ, Анаксагоръ былъ взятъ и посаженъ въ тюрьму. Онъ получилъ въ пользу свою нѣсколько голосовъ болѣе, нежели доноситель его, но и тѣмъ одолженъ былъ только прозьбамъ и слезамъ Перикла, который такимъ образомъ и выпроводилъ его изъ Аѳинъ. Безъ довѣренности покровителя, самый благочестивый философъ былъ бы побіенъ каменіемъ, какъ безбожникъ.

Во время Сицилійской войны, тогда какъ Алкивіадъ сажалъ на суда войска, коими долженствовалъ начальствовать, истуканы Меркуріевы, въ различныхъ мѣстахъ города стоявшіе, были въ одну ночь изкажены. Тотчасъ разливается ужасъ въ Аѳинахъ. Виновникамъ сего нечестія, яко возмутителямъ, приписаваются намѣренія дальновиднѣйшія; собирается народъ; свидѣтели показываютъ, что Алкивіадъ обезобразилъ истуканы, и что еще отправлялъ съ участниками распутствъ своихъ таинства Цереры въ домахъ частныхъ. Однакожъ, какъ воины приняли явно сторону своего начальника, то судъ былъ отложенъ;

но лишь только прибылъ онъ въ Сицилїю, какъ его непрїятели опять принялись за обвиненїе; доносщики умножились, и темницы наполнились гражданами, несправедливостїю гонимыми. Многїе были преданы смерти, а многїе разбѣжались.

Во время производства дѣла, послѣдовалъ случай, который показываетъ, до какого излишества простираетъ народъ свое ослѣпленїе. Одинъ изъ свидѣтелей на вопросъ, какъ могъ онъ распознать ночью тѣхъ особъ, на которыхъ доноситъ? отвѣтствовалъ: „при свѣтѣ луны.„ Доказано, что луна тогда не свѣтила. Честные люди ужаснулись; а неистовство народа воспалилось отъ того болѣе.

Алкивїадъ, бывъ потребованъ предъ сїе недостойное судилище тогда, какъ доставалась ему въ руки Мессина, и можетъ быть, вся Сицилїя, отрекся явиться предъ оное и былъ приговоренъ къ смертной казни. Продано имѣнїе его; на столпѣ начертанъ приговоръ, его осуждавшїй и лишившїй чести. Жрецамъ всѣхъ храмовъ повелѣно возглашать противъ него ужасныя клятвы. Одна жрица Ѳеана отказалась повиноваться велѣнїю сему, сказавъ: „ Я опредѣлена на то, что бы на

„человѣковъ испрашивать отъ небесъ благо-
„словенїе, а не клятву.„ Сей отвѣтъ болѣе заслуживалъ быть начертанъ на столпѣ нежели приговоръ народа.

Алкивїадъ, вступивъ въ службу враговъ своего отечества, довелъ оное на край погибели. Когда необходимость заставила призвать его опять въ Аѳины, жрецы Цererины воспротивились его возвращенїю; однако принуждены были снять съ него наложенную ими клятву. Примѣтна была увертка, съ какою верьховный жрецъ при семъ случаѣ изъяснился:„ Я не проклиналъ Алкивїада, естьли онъ „былъ невиненъ.„

Спустя нѣсколько времени произведенъ судъ надъ Сократомъ; вѣра была къ сему однимъ только предлогомъ, такъ какъ покажу я въ послѣдствїи.

Аѳиняне не менше строги и въ разсужденїи святотатства. Законами положена смертная казнь за сїе преступленїе, и виновный лишается почестей погребенїя. Сїю казнь, которая отъ иныхъ философовъ, впрочемъ просвѣщенныхъ, не признается за излишне строгую, Аѳиняне, по безразсудной ревности, простираютъ даже на самые легкїе проступки. Можно ли повѣрить, что были осуждены

на смерть изъ гражданъ одни за то, что вырвали деревцо въ какой либо священной рощѣ, а другїе за то, что убили какую то птицу, Ескулапу посвященную? Я разскажу случай еще ужаснѣйшїй. Золотой листочекъ упалъ съ вѣнца Дїанина. Подняль его младенецъ, который былъ еще такъ малолѣтенъ, что надлежало сдѣлать опытъ въ томъ, способенъ ли онъ къ различенїю вещей. Ему представили опять тотъ золотый листочекъ вмѣстѣ съ нѣкоторыми дѣтскими игрушками, и большую серебряную монету. Когда младенецъ схватилъ монету сїю, судьи объявили, что онъ имѣетъ довольно разсудка быть виноватымъ, и предали его смертной казни.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ.

Путешествїе въ Фокиду. Игры Пиѳїйскїя. Храмъ и прорицалище Дельфїйское.

Я буду часто говорить о празднествахъ Греческихъ; часто упоминать о тѣхъ священныхъ торжествахъ, на которыя собираются различные народы сей блаженной

страны. ТакЪ какЪ оныя во многомЪ между собою сходствуютЪ, то, можетЪ быть, подвергну себя порицанію, будто бы однѣ и тѣ же начертываю картины. Но повѣствователи народныхЪ браней не представляютЪ ли глазамЪ нашимЪ единообразнаго послѣдованія убійственныхЪ явленій? И какая польза произойти можетЪ отЪ изображеній, которыя представляютЪ людей только вЪ изступленіяхЪ бѣшенства или отчаянія? Не полезнѣе ли и не пріятнѣе ли слѣдовать за ними вЪ нѣдрахЪ мира и свободы; вЪ сихЪ преніяхЪ, гдѣ разверзаются дарованія ума и стройность тѣла; вЪ сихЪ торжествахЪ, гдѣ вкусЪ выставляетЪ всѣ свои пособія, а веселость всѣ прелести свои?

Сіи минуты счастія, искусно расположенныя ко пресѣченію, хотя на время, распрей между народами, и ко отвлеченію людей отЪ чувствованія частныхЪ заботЪ ихЪ: сіи минуты, услаждающія надеждою, что паки возвратятся, услаждающія и по прошествіи воспоминаніемЪ, которое продолжаетЪ ихЪ; сими минутами наслаждался я самЪ неоднократно; и признаюсь, проливалЪ слезы умиленія, когда видѣлЪ тысячи смертныхЪ, одинаковымЪ побужденіемЪ соединенныхЪ,

какъ они единодушно предаются живѣйшей радости, и стремительно изъявляютъ тѣ трогательныя сердецъ движенія, которыя составляютъ прекраснѣйшее изъ зрѣлищъ для души чувствительной. Таково есть зрѣлище, представляемое торжественностію игръ Пиѳiйскихъ, которыя отправляются чрезъ каждые четыре года въ Дельфахъ, городѣ Фокидскомъ.

Мы оставили Аѳины въ концѣ мѣсяца Елафеболiона, въ третьемъ году сто четвертой Олимпiады (*). Достигнувъ перешейка Кориѳскаго, сѣли мы на корабль въ Пагахъ, и приплыли въ заливъ Крисскiй въ самый тотъ день, какъ началось празднество. Передъ собою и за собою имѣя великое множество легкихъ судовъ, вышли мы на берегъ въ Киррѣ, небольшемъ городкѣ, лежащемъ при подошвѣ горы Кирфиса. Между сею горою и Парнассомъ простирается долина, гдѣ происходитъ бѣганiе на коняхъ и колесницахъ. Рѣка Плиcтъ течетъ тамъ по веселымъ лугамъ, которыя весна украшаетъ своими

(*) Въ началѣ Апрѣля 361 года до Рождества Христова.

цвѣтами. Осмотрѣвъ Ипподромъ, пошли мы къ Дельфамъ.

Городъ представлялся въ видѣ амфитеатра на пологости горы. Изъ за зданій, городъ украшающихъ, увидѣли мы храмъ Аполлоновъ, и безчисленное множество истукановъ, по разнымъ мѣстамъ разставленныхъ. Злато, большую часть оныхъ покрывающее, поражаемое лучами восходящаго солнца, блистало издалека сіяніемъ, очи ослѣпляющимъ. Въ то же время были видимы въ долинѣ и на холмахъ медлѣнно приближающіяся толпы юношей и дѣвъ, которые спорили, кажется, между собою о преимуществѣ великолѣпія и красоты. Съ высоты горъ, съ морскихъ береговъ, безчисленный народъ поспѣшалъ въ Дельфы; и ясность дня при благорастворенiи воздуха въ странѣ сей, придавала новыя очарованія тѣмъ впечатлѣніямъ, какія со всѣхъ сторонъ получали чувства наши.

Парнассъ есть цѣпь горъ, продолжающаяся къ сѣверу, и въ полуденной части своей оканчивающаяся двумя высокими холмами, при коихъ находится городъ Дельфы, въ окружности не болѣе шестнадцати стадій имѣющій. Онъ защищается не стѣнами, а стремнинами, окружающими его съ

трехъ сторонъ. Покровителемъ онаго избранъ Аполлонъ; и со служенїемъ сему богу соединяется служенїе нѣкоторымъ другимъ божествамъ, присущими его престолу называемымъ. Таковы суть Латона, Дїана и Минерва предусмотрительница. Храмы ихъ находятся при входѣ въ городъ.

Мы остановились на нѣсколько минутъ въ храмѣ Минервиномъ: видѣли тамъ золотый щитъ, присланный отъ Креза, царя Лидїйскаго; а внѣ онаго, огромный мѣдный истуканъ, посвященный Гальскими Марсельцами въ память побѣдъ, одержанныхъ ими надъ Карѳагенянами. Прошедъ мимо Гимназїи, очутились мы на брегахъ Кастальскаго источника, коего священныя воды служатъ ко очищенїю и служителей при жертвенникахъ, и людей, приходящихъ вопрошать прорицалище. Оттуда вступили въ храмъ Аполлоновъ, который стоитъ въ верьхней части города. Онъ обнесенъ пространною оградою, и наполненъ драгоцѣнными дарами, божеству принесенными.

Народы и цари, получающїе отвѣты благопрїятные, тѣ, кои одерживаютъ побѣды, и тѣ, кои избавились отъ угрожавшихъ имъ бѣдъ, почитаютъ обязанностїю поставлять

памятники благодарности. Люди частные, увѣнчанные на общенародныхъ играхъ Грецїи, тѣ, кои оказали услуги своему отечеству, или кои прославили оное своими дарованїями, удостоиваются памятниковъ славы въ сей же самой оградѣ. Тамъ находится посредѣ цѣлаго народа ироевъ; тамъ все приводитъ тебѣ на память происшествїя достопримѣчательнѣйшїя въ бытописанїи, и искуство рѣзьбы сїяетъ съ бо́льшимъ блескомъ, нежели во всѣхъ другихъ округахъ Грецїи.

Лишь только мы хотѣли разсматривать сїе великое собранїе рѣдкостей, какъ одинъ Дельфїйскїй житель, именемъ Клеонъ, вызвался служить намъ вожатаемъ. Онъ былъ одинъ изъ таковыхъ служителей храма, кои не имѣютъ иной должности, какъ только чтобъ удовлетворять жадному любопытству чужестранцевъ. Клеонъ, занимаясь малѣйшими подробностями неоднократно истощевалъ и свое знанїе и наше терпѣнїе. Я сокращу его сказанїе и не буду говорить о тѣхъ чудесахъ, коими старался онъ украсить повѣствованїе свое.

Великолѣпный мѣдный телецъ былъ первый предметъ, встрѣтившїйся намъ при входѣ въ ограду. Телецъ сей, говорилъ Кле-

онъ, присланъ Корцирянами; онъ есть произведенїе искуства Өеопропа Егинскаго. Тѣ девять истукановъ, которые вы далѣе видите, принесены въ даръ Тегеатами, по одержанїи побѣды надъ Лакедемонянами. Вы тутъ узнаете Аполлона, Побѣду и древнихъ Тегейскихъ ироевъ. А стоящїе напротивъ ихъ подарены отъ Лакедемонянъ, по разбитїи Лисандромъ Аөинскаго флота близь Ефеса. Первые семь представляютъ Кастора и Поллукса, Юпитера, Аполлона, Дїану, и Лисандра, прїемлющаго вѣнецъ отъ руки Нептуна. Осмый представляетъ Абаса, который въ Лисандровомъ воинствѣ отправлялъ должность гадателя; а девятый Ермона, кормчаго той галеры, на которой находился сей военачальникъ. Спустя нѣсколько времени, когда Лисандръ вторично одержалъ на морѣ побѣду надъ Аөинянами при Эгосъ-Потамосѣ, Лакедемоняне тотчасъ прислали въ Дельфы ваятельныя изображенїя главныхъ чиновниковъ своего воинства, и такъ же начальниковъ союзныхъ войскъ. Ихъ числомъ двадцать осьмь, и они поставлены позади тѣхъ, о которыхъ я вамъ говорилъ.

Сей мѣдный конь есть даръ Аргїанъ. Вы узнаете изъ надписи, вырѣзанной на

подножїи, что на истуканы, которыми онъ окруженъ, употреблена десятая часть добычи, отнятой Аѳинянами у Персовъ на Мараѳонскомъ полѣ. Ихъ тринадцать, и всѣ Фидїевой работы. Посмотрите, въ какомъ видѣ представилъ онъ глазамъ нашимъ Аполлона, Минерву, Ѳисея, Кодра, и многихъ изъ тѣхъ древнихъ Аѳинянъ, кои заслужили, чтобъ дать имена свои колѣнамъ Аѳинскимъ. Мильтїадъ, одержавшїй побѣду, отличается посредѣ сихъ боговъ и ироевъ.

Народы къ подобнымъ приношенїямъ часто присоединяли изображенїя своихъ полководцевъ, царей и людей частныхъ, которые съ самыхъ древнихъ вѣковъ донынѣ сохранили славу свою. Вотъ вамъ новый того примѣръ въ сей купѣ, состоящей изъ двадцати пяти или тридцати истукановъ, которые посвящены Аргїанами въ разныя времена и за разныя побѣды. Сїя представляетъ Даная, самаго сильнѣйшаго изъ царей Аргосскихъ; другая, Ипермнестру, дочь его; а ета, Линкея, зятя его. Здѣсь вы видите знатнѣйшихъ начальниковъ, послѣдовавшихъ за Адрастомъ, царемъ Аргосскимъ, на первую Ѳивскую войну; а здѣсь, кои отличили себя на второй; вотъ Дїомедъ, Сѳенелъ,

Амфiарай на колесницѣ своей съ Ватономъ, своимъ родственникомъ, который управляетъ конями.

На каждомъ шагѣ останавливаетъ васъ какое либо превосходное произведенiе искуства. Сiи мѣдные кони, сiи стѣнящiя плѣнницы, суть дѣло рукъ Агелада Аргосскаго: принесены въ даръ Италiйскими Тарентинцами. Сей образъ представляетъ Трiона, основателя города Книда въ Карiи. Сiи истуканы Латоны, Аполлона и Дiаны, мечущихъ стрѣлы въ Титiа, суть приношенiя того же народа.

Сей портикъ, въ которомъ навѣшено такое множество корабельныхъ носовъ и мѣдныхъ щитовъ, построенъ Аѳинянами. Вотъ камень, на коемъ одна древняя Сивилла, именемъ Ирофила, произносила, говорятъ, отвѣты свои. Сiе изображенiе, покрытое латами и хламидою, прислано отъ жителей острова Андроса, и представляетъ Андреа, ихъ родоначальника. Фокiане посвятили сего Аполлона, такъ же Минерву и Дiану; Фарсальцы Ѳессалiйскiе тотъ конный истуканъ Ахилла; Македоняне Аполлона, лань держащаго; Киринейцы колесницу, на которой зрится Юпитеръ въ величествѣ, повелителю боговъ приличномъ; наконецъ побѣдители Саламин-

скïе, сей двѣнадцати локтей истуканъ, который держитъ украшенïе корабельное, и который видите вы близь позлащеннаго истукана Александра, царя Македонскаго.

Между толикимъ числомъ памятниковъ, находятся многïя небольшïя зданïя, куда народы и люди частные приносятъ знатное число денегъ, либо на посвященïе оныхъ богу, либо на сбереженïе, какъ въ мѣсто безопасное. Когда отдаются деньги только на сбереженïе, то рачительно записываютъ имена тѣхъ, кому онѣ принадлежатъ, дабы въ случаѣ надобности могли они получить ихъ обратно.

Осмотрѣвъ сокровищницы Аѳинянъ, Ѳивянъ, Книдïанъ, Сиракузянъ, и проч. мы увѣрились, что справедливо намъ сказывали, что найдемъ золота и серебра болѣе въ Дельфахъ, нежели есть того и другаго во всей Грецïи.

Въ сокровищницѣ Сикïонянъ, между прочими рѣдкостями, видѣли мы книгу, изъ золота сдѣланную, которую посвятила одна женщина, именемъ Аристомаха, одержавшая верьхъ въ стихотворенïи на играхъ Истмическихъ. Въ сокровищницѣ Сифнïанъ нашли великое множество золота, вынутаго изъ

рудокопій, которыя они производили нѣкогда на своемъ островѣ; а въ сокровищницѣ жителей Аканѳа были намъ показаны желѣзные обелиски, посвященные блудницею Родопою. Возможно ли, вскричалъ я, чтобы Аполлону пріятенъ былъ такій даръ? Чужестранецъ, сказалъ мнѣ одинъ Грекъ совсемъ незнакомый, развѣ чище были руки, воздвигнувшія трофеи сіи? Ты читалъ на вратахъ священнаго убѣжища, гдѣ теперь находимся: *Жители Аканѳа побѣдители Аѳинянъ*; или, *Аѳиняне побѣдители Коринѳянъ*; *Ѳокеане, Ѳессалійцевъ*; *Орнеатцы, Сикіонянъ*,, и пр. Сіи надписи начертаны кровію болѣе нежели ста тысячъ Грековъ; богъ окруженъ одними памятниками нашей лютости; и ты удивляешся, что его служители приняли отъ блудницы приношеніе!

Сокровищница Коринѳянъ есть изъ всѣхъ самая богатѣйшая. Здѣсь хранится главная часть даровъ, разными государями Аполлонову храму посвященныхъ. Мы тамъ нашли великолѣпные дары отъ Гигеса, царя Лидійскаго, между коими особливаго примѣчанія достойны шесть большихъ золотыхъ сосудовъ, вѣсомъ въ тридцать талантовъ.

Щедрость сего государя, сказалъ намъ Клеонъ, скоро затмилась щедростію Креза,

одного изъ преемниковъ его, который вопросивъ прорицалище, былъ столько доволенъ его отвѣтомъ, что отправилъ въ Дельфы, 1е, сто семнадцать золотыхъ подножныхъ плитъ или досокъ, толщиною въ пальму, почти всѣ длиною въ шесть, а шириною въ три пальмы, вѣсомъ каждая въ два таланта, кромѣ четырехъ, изъ которыхъ въ каждой было по одному съ половиною таланта. Вы ихъ увидите въ храмѣ. Онѣ были такъ расположены, что служили основанiемъ сдѣланному изъ того же металла льву, который упалъ во время пожара, спустя нѣсколько лѣтъ въ храмѣ случившагося. Вотъ онъ предъ вами. Тогда было въ немъ вѣсу десять талантовъ; но какъ въ огнѣ попортился, то нынѣ вѣситъ не болѣе шести съ половиною.

2е Два большiе сосуда, одинъ золотый, вѣсомъ въ восемь талантовъ и сорокъ двѣ мины, второй серебряный, содержащiй въ себѣ шесть сотъ амфоръ. Первый видѣли вы въ сокровищницѣ Класоменянъ; второй увидите въ преддверiи храма.

3е Четыре серебряные сосуда, на подобiе бочекъ, и знатной величины. Вы ихъ видите всѣ четыре здѣсь.

4е. Два большiе кувшина, одинъ золотый, другiй серебряный.

5е. Золотый истуканъ представляющій, какъ думаютъ, женщину, которая пекла хлѣбы для сего государя. Онъ въ три локтя вышиною и содержитъ восемь талантовъ вѣсу.

6е Къ симъ богатымъ приношеніямъ Крезъ прибавилъ множество слитковъ серебра, ожерелья и поясы супруги своей и другіе дары не меньше драгоцѣнные.

Потомъ Клеонъ показалъ намъ золотый сосудъ, отъ Италійскаго города Рима въ Дельфы присланный. Мы видѣли тамъ же ожерелье Еленино. Какъ въ храмѣ, такъ и въ различныхъ сокровищницахъ начли мы три ста шестьдесятъ золотыхъ фіоль, изъ коихъ каждая вѣсомъ въ двѣ мины.

Всѣ сіи сокровища вмѣстѣ и съ тѣми, о которыхъ я не упоминалъ, простираются до несмѣтнаго количества денегъ. Можно судить о томъ по слѣдующему происшествію. Спустя нѣсколько времени послѣ нашего въ Дельфы путешествія, Фокеане овладѣли храмомъ; и вещи золотыя и серебряныя, которыя они расплавили, цѣнимы были болѣе, нежели въ десять тысячъ талантовъ.

Вышедъ изъ сокровищницы Коринѳянъ, продолжали мы осматривать памятники, въ

священной оградѣ находящїеся. Вотъ, сказалъ намъ Клеонъ, одна купа, долженствующая обратить на себя ваше вниманїе. Посмотрите, съ какою яростїю Аполлонъ иИраклъ спорятъ между собою о треножникѣ; съ какимъ старанїемъ Латона и Дїана силятся воздержать перьваго, а Минерва другаго! Сїи пять истукановъ, работы трехъ Коринѳскихъ художниковъ, посвящены здѣсь Фокїанами. Сей треножникъ, украшенный золотомъ, и поддерживаемый мѣднымъ дракономъ, поставленъ Греками, послѣ Платейскаго сраженїя. Италїйскїе Тарентинцы, по одержанїи нѣкоторыхъ успѣховъ надъ своими неприятелями, прислали сїи конные и пѣшїе истуканы; они представляютъ знатнѣйшихъ начальниковъ какъ со стороны побѣдителей, такъ и побѣжденныхъ. Жители Дельфїйскїе принесли въ даръ сего мѣднаго волка, коего видите вы близь великаго жертвенника: Аѳиняне, пальмовое дерево и Минерву изъ того же металла. Минерва была прежде позлащена, такъ какъ и плоды на пальмѣ; но около того времени, какъ вознамѣрились Аѳиняне напасть на Сицилїю, вороны предзнаменовали пораженїе ихъ, сорвавъ съ дерева плоды, и насквозь пробивъ щитъ богининъ.

Клеонъ увидѣвъ, что мы о семъ происшествіи сомнѣваемся, прибавилъ къ подтвержденію онаго: столпъ, поставленный подлѣ истукана Іерона, царя Сиракузскаго, не повалился ли въ самый день кончины сего государя? Глаза у истукана сего Спартанца не выпали ли сами за нѣсколько дней, какъ онъ былъ убитъ на сраженіи при Левктрахъ? Двѣ золотыя звѣзды, посвященныя здѣсь Лисандромъ въ честь Кастора и Поллукса, не изчезли ли около того же времени?

Сіи примѣры насъ такъ устрашили, что мы, боясь слышать еще новые, вознамѣрились оставить Клеона въ покоѣ при его басняхъ. Посмотрите внимательнѣе, прибавилъ онъ, на сіи марморныя доски, покрывающія мѣсто, на коемъ вы стоите. Здѣсь средоточіе земли, равно удаленное отъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ солнце восходитъ, и гдѣ заходитъ. Что бы въ томъ удостовѣриться, Юпитеръ, какъ думаютъ, пустилъ съ обоихъ сихъ противоположныхъ концевъ свѣта двухъ орловъ, которые слетѣлись на этомъ точно мѣстѣ.

Клеонъ не пропускалъ ни одной надписи, не растолковавши намъ: особенно вязался за отвѣты, которые произносила жрица, и о

которыхъ всегда дается знать народу; обращалъ наше вниманіе особливо на тѣ, кои событіемъ оправданы были.

Между приношеніями царей Лидійскихъ, я позабылъ упомянуть объ одномъ большомъ серебреномъ сосудѣ, который присланъ отъ Аліатта, и котораго основаніе или подстава возбуждаетъ еще и нынѣ удивленіе Грековъ, можетъ быть по тому, что оно доказываетъ новость художествъ въ Греціи. Оно желѣзное, въ видѣ башни, съ низу шире, нежели въ верьху: оно сдѣлано такъ, что сквозь листья, коими украшено, видны многія малыя животныя, тамъ какъ бы играющія. Различныя части онаго соединены не гвоздями; при сей работѣ въ перьвый разъ употреблена спайка. Приписываютъ ее Главку Хіоскому, который жилъ за два столѣтія, и который перьвый изобрѣлъ способъ паять желѣзо.

Безчисленное множество памятниковъ обратили на себя вниманіе наше. Мы видѣли истуканъ ритора Горгія, и многіе другіе истуканы побѣдителей на различныхъ играхъ Греческихъ. Ежели око ослѣпляется великолѣпіемъ приношеній, находящихся въ Дельфахъ, то не меньше поражается оно превосходствомъ работы; ибо всѣ почти да-

ры сіи посвящены въ послѣднемъ или нынѣшнемъ вѣкѣ; и большая часть есть произведеніе самыхъ искусныхъ ваятелей, какіе только были въ сихъ двухъ вѣкахъ.

Изъ священной ограды вошли мы въ храмъ, который построенъ за сто пятьдесятъ лѣтъ. Когда прежній истребленъ былъ пламенемъ, то Амфиктіоны (*) повелѣли воздвигнуть новый. Зодчій Спинѳаръ Коринѳскій обязался выстроить оный тремя стами талантовъ. Три части сего иждивенія собраны съ разныхъ городовъ Греціи, а четвертая съ жителей Дельфійскихъ, которые, чтобъ внести долю свою, просили подаянія даже въ отдаленнѣйшихъ странахъ. Одно Аѳинское семейство присовокупило, на собственный щетъ, такія украшенія, которыхъ въ первомъ начертаніи не было назначено.

Зданіе сооружено изъ прекраснаго камня, а лицевая сторона изъ Паросскаго мармора. Двое ваятелей Аѳинскихъ представили на щипцѣ Діану, Латону, Аполлона, Музъ,

(*) Повѣренные отъ разныхъ городовъ, собиравшіеся въ Дельфахъ, и имѣвшіе смотрѣніе надъ храмомъ.

Вакха, и проч. Оглавіе столповъ увѣшано разнаго рода позлащеннымъ оружїемъ, и особливо щитами, которые посвящены Аѳинянами въ память Мараѳонской битвы.

Преддверіе храма украшено живописью, представляющею сраженіе Иракла съ Идрою, войну Гигантовъ противъ боговъ, ратоборство Веллерофона съ Химерою. Тамъ видѣли мы различные жертвенники, грудное изображеніе Омира, сосуды съ очистительною водою, и огромные сосуды, въ коихъ дѣлалось смѣшеніе вина и воды, для жертвенныхъ возлїяній. На стѣнахъ читали мы многїя достопримѣчательныя изрѣченїя, изъ которыхъ иныя начертаны, какъ думаютъ, седьмью Греческими мудрецами. Онѣ заключаютъ въ себѣ правила жизни, и суть какъ бы предварительныя увѣщанїя, подаваемыя богами тѣмъ, кои приходятъ имъ покланяться. Они, кажется, вѣщаютъ имъ: *Познавай самаго себя; убѣгай излишества; несчастїе всегда за плечами.*

Слово, изъ двухъ буквъ состоящее, надъ дверьми написанное, подаетъ поводъ къ различнымъ изъясненїямъ; но искуснѣйшїе толкователи находятъ въ немъ глубокїй смыслъ. Оно и дѣйствительно значитъ: *Сый*, т. е.

всегда существующій. Сіе есть признаніе нашей ничтожности, и изъявленіе достойнаго благоговѣнія къ божеству, которому единственно принадлежитъ безпредѣльное существованіе.

Въ другомъ мѣстѣ читали мы на дскѣ, привѣшенной къ стѣнѣ, сіи слова, крупными буквами начертанныя: "*Да не приближается никто къ мѣстамъ симъ, имѣющій нечистыя руки.*"

Я не буду описывать богатствъ, во внутренности храма находящихся; можно судить объ нихъ по внѣшнимъ. Скажу только, что стоитъ тамъ мѣдный необычайной вышины истуканъ Аполлоновъ, посвященный Амфиктіонами; и что между множествомъ другихъ кумировъ хранится, и выставляется для всеобщаго чествованія то сѣдалище, на коемъ Пиндаръ пѣлъ священныя пѣсни Аполлону. Я упоминаю о подобныхъ обстоятельствахъ для того, что бы показать, до какого степени умѣютъ Греки чтить дарованія.

Въ самомъ святилищѣ находятся золотый Аполлоновъ истуканъ, и то древнее прорицалище, отъ отвѣтовъ коего толь часто зависѣла судьба цѣлыхъ государствъ.

Обрѣтенїе онаго приписывается случаю. Козы, бродившїя между скалами горы Парнасса, приближась къ нѣкоей въ землѣ отдушинѣ, откуда исходили зловредныя испаренїя, вдругъ, сказываютъ, пришли въ необычайное судорожное движенїе. Пастухъ и жители окрестныхъ мѣстъ, сбѣжавшїеся на сїе чудо, объемлются тѣмъ же паромъ, ощущаютъ тоже дѣйствїе, и произносятъ, въ помѣшательствѣ ума своего, слова не связныя и отрывистыя. Тотчасъ прїемлются слова сїи за предсказанїя, а паръ, изъ отверстїя земнаго исходящїй, за божеское дуновенїе, которое открываетъ будущее.

Многїе служители учреждены при храмѣ. Первый, который встрѣчается глазамъ чужестранца, есть человѣкъ юныхъ лѣтъ, часто подъ тѣнїю жертвенниковъ воспитываемый, всегда обязанный жить въ самомъ строгомъ воздержанїи, и долженствующїй пещись какъ о чистотѣ, такъ и украшенїи святыхъ мѣстъ. Коль скоро появится день, ходитъ онъ съ подчиненными своими въ небольшой священный лѣсъ за лавровыми вѣтвями, для плетенїя изъ нихъ вѣнковъ, которые развѣшиваетъ надъ дверьми, на стѣнахъ, около жертвенниковъ и треножника,

на коемъ Пиѳія произноситъ отвѣты свои: изъ Касталскаго источника черпаетъ воду, для наполненія сосудовъ, въ предлверіи стоящихъ, и для кропленія во внутренности храма; потомъ беретъ свой лукъ и калчанъ, для отгнанія птицъ, садящихся на кровлѣ сего зданія, или на истуканахъ, въ священной оградѣ стоящихъ.

Пророки отправляютъ благороднѣйшее служеніе: они занимаютъ мѣсто подлѣ Пиѳіи, записываютъ ея отвѣты, приводятъ ихъ въ порядокъ, толкуютъ ихъ, а иногда повѣряютъ другимъ жрецамъ перекладывать ихъ въ стихи.

Тѣ, коихъ именуютъ Святыми, раздѣляютъ должности съ пророками. Числомъ ихъ пять. Сей санъ есть не отъемлемъ отъ ихъ рода, который выводитъ свое происхожденіе отъ Девкаліона. Женщинамъ извѣстныхъ лѣтъ поручено храненіе священнаго огня, который содержать обязаны онѣ посредствомъ еловыхъ дровъ. Множество закалателей, провѣщателей, и другихъ низшихъ чиновниковъ, усугубляетъ величіе богослуженія, и едва успѣваютъ они удовлетворять ревности иностранцевъ, стекающихся въ Дельфы изъ всѣхъ частей свѣта.

Кромѣ жертвъ, приносимыхъ въ возблагодаренїе, или въ очищенїе грѣховъ, или для испрошенїя покровительства отъ сего бога, есть еще и другїя, которыя приносятся прежде полученїя отвѣта отъ прорицалища, и предъ которыми бываютъ различные обряды.

Между тѣмъ, какъ занимались мы сими подробностями, увидѣли при подошвѣ горы, и на пути, священнымъ называемомъ, великое множество колесницъ, наполненныхъ мужами, женами и дѣтьми, которые, сошедъ на землю, построились въ ряды, и шли во храмы, поя духовныя пѣсни. Они прибыли изъ Пелопониса для принесенїя даровъ богу отъ народовъ, въономъ обитающихъ. Ѳеорїя, или торжественное шествїе Аѳинянъ, слѣдовала за ними, а за сими, посольства отъ многихъ другихъ городовъ, между которыми особенно отличалось посольство острова Хїоса, состоявшее изо ста отроковъ.

Въ описанїи моего путешествїя въ Делосъ я буду говорить пространнѣе о сихъ посольствахъ, о великолѣпїи, ими оказуемомъ, о удивленїи, ими возбуждаемомъ, и о блескѣ, придаемомъ ими празднествамъ, на которыя онѣ собираются. Посольства, прибывшїя въ Дельфы, расположились вокругъ хра-

ия, представили свои приношенія, и пѣли въ честь Аполлону стихи, пляскою сопровождаемые. Хоръ Аѳинянъ отличался пріятностію голосовъ и искуствомъ въ пѣніи. Каждая минута раждала трогательныя и скоропреходныя явленія. Какъ описать ихъ? Какъ представить тѣ движенія, то согласіе голосовъ, тѣ восклицанія, тѣ священные обряды, ту шумную радость, то множество картинъ, которыя сближаясь вмѣстѣ сообщали взаимно одна другой новыя прелести?

Мы съ прочими завлечены были на ѳеатръ, гдѣ происходило преніе въ стихотворствѣ и музыкѣ. Предсѣдательствовали тамъ Амфиктіоны. Они-то въ разныя времена учредили игры, въ Дельфахъ торжествуемыя. Они имѣютъ смотрѣніе надъ ними; содержатъ тамъ добрый порядокъ, и опредѣляютъ вѣнецъ побѣдителю. Многіе стихотворцы вступили въ состязаніе. Предметомъ награжденія назначена была пѣснь Аполлону, которую сочинитель долженъ самъ воспѣть, наигрывая ни цитрѣ. Красота голоса, и искуство поддерживать оный согласіемъ струнъ имѣютъ такое вліяніе на мнѣнія судей и предстоящихъ, что нѣкогда Эсіодъ, по недостатку сихъ двухъ преимуществъ, былъ исключенъ изъ числа состязат-

ся желающихъ; и что другіе творцы, имѣя оныя въ превосходной степени, получили награду, хотя представили не свои собственныя сочиненія. Слышанныя нами пѣсни заключали въ себѣ великія красоты. Увѣнчанная же пѣснь сопровождалась толь сильными рукоплесканіями, что провозвѣстники принуждены были налагать молчаніе. Тотчасъ предстали свирѣльщики.

Предметъ, обыкновенно для нихъ назначаемый, есть сраженіе Аполлона со зміемъ Пиѳономъ. Требуется отъ нихъ, чтобъ въ ихъ игрѣ можно было различить пять главныхъ обстоятельствъ сего сраженія. Первая часть не иное что есть, какъ предуготовленіе; дѣйствіе начинается во второй; оно оживотворяется и кончится въ третьей; въ четвертой слышны крики побѣды; а въ пятой шипѣніе чудовища, прежде нежели оно издохнетъ. Амфиктіоны, опредѣливъ награду побѣдителю, пошли на ристалище, гдѣ должно было начаться бѣганіе. Предложенъ вѣнокъ тѣмъ, кои всѣхъ скорѣе пробѣгутъ поприще; другій тѣмъ, кои пробѣгутъ оное двоекратно; третій тѣмъ, кои сдѣлаютъ то до двѣнадцати разъ, не останавли-

ваясь: сїе то называется бѣганїемъ простымъ, двойнымъ, и бѣганїемъ долгимъ. Послѣ сего видѣли мы бѣганїе дѣтей, бѣганїе людей вооруженныхъ, борьбу, кулачный бой и многїя изъ тѣхъ ратоборствъ, которыя опишу подробнѣе, говоря объ играхъ Олимпїйскихъ.

Побѣдителямъ предлагалось прежде извѣстное количество денегъ. Но въ намѣренїи оказать имъ болѣе чести, начали давать только лавровый вѣнокъ.

Мы ужинали съ Ѳеорами или посланцами Аѳинскими. Нѣкоторые намѣрялись вопрошать прорицалище. На утрїе долженствовало оно отвѣтствовать на ихъ вопросы: ибо въ извѣстные только дни года можно приближаться къ оному; и Пиѳїя восходитъ на треножникъ единажды въ мѣсяцъ. Мы вознамѣрились также вопросить его, по одному любопытству и безъ малѣйшаго довѣренїя къ его изреченїямъ.

Во всю ночь юноши и дѣвы Дельфїйскїе, разставленные по улицамъ, пѣли стихи въ честь увѣнчаннымъ; весь народъ наполнялъ воздухъ безпрерывными и шумными рукоплесканїями; вся природа, казалось, участвовала въ торжествѣ побѣдителей. Тѣ безчисленные отголо-

ски, пребывавшїе въ безмолвїи окрестъ Парнасса, незапно возбудясь отъ звука трубъ, и воплями своими наполняя пещеры и долины, передавали и разносили другъ другу далеко громкїя израженїя общенароднаго веселїя.

На другїй день пошли мы въ храмъ; вопросы свои подали на письмѣ, и ожидали очереди приближиться къ Пиѳїи. Вдругъ увидѣли ее проходящу храмомъ въ сопровожденїи нѣкоторыхъ изъ пророковъ, стихотворцевъ и святыхъ, кои вошли вмѣстѣ съ нею во святилище. Будучи печальна, уныла, казалась она быть влекома, какъ жертва на закаленїе. Она жевала листъ лавроваго дерева: проходя, бросила на священный огонь нѣсколько листковъ, посыпанныхъ ячменною мукою; на головѣ у ней былъ вѣнокъ изъ вѣтвїй того же дерева, а на челѣ повязка.

Прежде была только одна Пиѳїя въ Дельфахъ: потомъ опредѣлено ихъ три, когда прорицалище стало больше посѣщаемо; и послѣ того, какъ нѣкоторый Ѳессалянинъ похитилъ одну изъ сихъ жрицъ, положено, чтобъ онѣ были старѣе пятидесяти лѣтъ. Онѣ отправляютъ служенїе по очереди. Ихъ избираютъ изъ самаго низкаго состоянїя между Дельфїйскими жителями. Обыкновенно быва-

ютъ онѣ дѣвицы бѣдныя, безъ воспитанія, безъ опытности, непорочныхъ нравовъ и слабаго ума. Онѣ должны одѣваться просто, никогда не употреблять благовоній, и провождать жизнь въ исполненіи обрядовъ вѣры.

Множество чужестранцевъ располагались вопрошать прорицалище. Храмъ окруженъ былъ жертвами, которыя падали подъ ножемъ священнымъ, и крикъ которыхъ мѣшался съ пѣніемъ имновъ. Нетерпѣливое желаніе познать будущее изображалось у всѣхъ въ глазахъ съ надеждою и страхомъ, которые съ таковымъ желаніемъ неразлучны.

Одинъ изъ жрецовъ взялся насъ къ тому приуготовить. Очистившись святою водою, представили мы на жертву быка и козу. Дабы сіе приношеніе благопріятно было богамъ, то надлежало, чтобъ быкъ началъ вдругъ ѣсть поставленную предъ нимъ муку; а коза, бывъ окроплена холодною водою, дрожала бы, въ продолженіи нѣсколькихъ минутъ, всѣми своими членами. Намъ не сказано никакой причины такимъ обрядамъ; но чѣмъ меньше они изъяснимы, тѣмъ болѣе внушаютъ почтенія. Когда успѣхъ показалъ чистоту намѣреній нашихъ, вступили мы во храмъ, имѣя на головахъ лавровые вѣнки, и держа

въ рукахъ по вѣтви, обвитой тесмою изъ бѣлой шерсти. Съ таковымъ обыкновенно знаменїемъ молящїе приближаются къ жертвенникамъ.

Ввели насъ въ нѣкоторый придѣлъ, гдѣ въ такое время, коего ни предвидѣть ни учредить будто бы жрецы не могутъ, ощущаемо бываетъ вдругъ весьма прїятное благоуханїе. Съ великимъ тщанїемъ дается чужестранцамъ замѣчать сїе чудо.

Спустя нѣсколько минутъ, пришелъ къ намъ жрецъ, и отвелъ насъ во святилище, родъ глубокой пещеры, коея стѣны украшены различными приношенїями. Съ нихъ снятъ былъ занавѣсъ, на которомъ вышиты вѣнцы и побѣды. Сперьва намъ трудно было различить предметы. Ѳимїамъ и другїя благовонїя, безпрестанно тамъ курившїяся, наполняли густымъ дымомъ пещеру. Посреди оной находится та отдушина, изъ коей выходитъ пророчественное испаренїе. Сходъ къ ней нечувствительно отлогїй; но видѣть ее не можно по тому, что покрыта треножникомъ, около котораго накладено множество вѣнковъ и вѣтвїй лавровыхъ такъ, что паръ удерживается весь подъ онымъ.

Пиѳія, будучи крайне утомлена, не хотѣла отвѣчать на вопросы наши. Служители храма, коими окружена была, употребляли то угрозы, то силу. Наконецъ принуждена была возсѣсть на треножникъ, испивъ воды, текущей во святилищѣ, которая служитъ, какъ сказываютъ, къ открытію будущаго.

Нѣтъ словъ къ выраженію восторговъ, какими она объята стала чрезъ минуту. Грудь у нея вздымалась, а лице то краснѣло, то блѣднѣло: всѣ члены ея были въ насильственномъ движеніи; но она испускала одни жалобные вопли и стѣнанія. Тотчасъ глаза у нее засверькали, изо рту пошла пѣна, волосы поднялись дыбомъ, и она, не могши болѣе сносить задушающаго ее пару, нижѐ соскочить съ треножника, на коемъ держали ее жрецы, разорвала свою повязку, и посреди ужаснѣйшихъ завываній, произнесла нѣкія слова, которыя жрецами были тотъ же часъ записаны. Они тутъ же составили изъ нихъ смыслъ и намъ сообщили. Я вопрошалъ, не буду ли столько несчастливъ, что переживу моего друга? Филотъ хотя и не сговорился со мною, но сдѣлалъ такій же вопросъ. Отвѣтъ

былъ теменъ и двусмысленъ: мы его изодрали, вышелъ изъ храма.

Мы почувствовали тогда негодованіе и жалость; съ горестію порицали самихъ себя за то, что жрицу сію привели въ бѣдственное состояніе. Она исправляетъ ненавистную должность, которая уже многимъ изъ подобныхъ ей стоила жизни. Жрецы то вѣдаютъ сами; однако мы видѣли, какъ умножаютъ они мученія ея, и взираютъ хладнокровно на оныя. А всего отвратительнѣе то, что подлая корысть ожесточаетъ души ихъ. Естьли бы не неистовствовала Пиѳія, штобъ была меньше вопрошаема, и подаянія отъ народовъ были бы не столь обильны: ибо отвѣтъ получается отъ Аполлона не даромъ. Тѣ, кои приходятъ на простое только поклоненіе, должны по крайней мѣрѣ возлагать на жертвенники хлѣбъ и другія приношенія; тѣже, кои желаютъ узнать будущее, обязаны закалать животныхъ. Есть даже и такіе люди, которые въ сихъ случаяхъ не стыдятся показывать величайшую пышность. Какъ служителямъ храма принадлежитъ доля изъ жертвъ, хотябъ оныя отвержены, или приняты ими были, то и малѣйшаго предлога для нихъ довольно, чтобъ признать недо-

стоинство оныхъ; да и случалось, что подкупленные гадатели, вскрывъ внутренности животнаго, вынимали цѣльныя части изъ онаго, и заставляли закалать новую жертву.

Однако дань сія, въ продолженіе всего года людскимъ легковѣріемъ платимая, и строго взыскуемая жрецами, коихъ главный доходъ она составляетъ, дань сія, говорю, есть не такъ вредна, какъ вліяніе отвѣтовъ ихъ на общенародныя дѣла Греціи и прочихъ частей свѣта. Надлежитъ оплакивать несчастія рода человѣческаго, когда помыслишь, что, кромѣ чудесъ, коими жители Дельфійскіе торгуютъ безпрестанно, можно за деньги получать отвѣты отъ Пиѳіи; и что такимъ образомъ одно слово, внушенное подкупленными жрецами, и произнесенное глупою дѣвкою, сильно возбудитъ кровопролитныя брани, и опустошитъ цѣлое государство.

Прорицалище требуетъ, чтобъ воздаваемо было богамъ должное почтеніе; но въ разсужденіи сего не предписываетъ никакого правила; и на вопросъ, какое есть лучшее богослуженіе, всегда отвѣтствуетъ: сообразуйся съ тѣмъ, которое принято въ отечествѣ твоемъ. Требуетъ также, чтобъ храмы были чтимы, и изрѣкаетъ строгія казни про-

тивъ тѣхъ, кои забываютъ къ нимъ почтенїе, или похищаютъ имѣнїе, имъ принадлежащее. Я приведу сему примѣръ.

Долина, простирающаяся отъ горы Парнасса до самаго моря, принадлежала, почти за два вѣка, жителямъ Кирры; и способъ, коимъ они лишились ея, довольно показываетъ, какїй родъ мщенїя употребляется здѣсь противъ святотатцевъ. Во первыхъ порицали ихъ взиманїемъ податей съ Грековъ, путешествовавшихъ въ Дельфы, и въ ихъ городѣ приставъвшихъ; во вторыхъ, дѣланїемъ набѣговъ на земли, храму принадлежащїя. Прорицалище, Амфиктїонами вопрошенное о родѣ наказанїя, заслуженнаго виновными, повелѣло преслѣдовать ихъ денно и нощно, опустошать страну ихъ, и приводить ихъ въ рабство. Тотчасъ многїе народы приняли оружїе. Городъ былъ срытъ, и пристань завалена; жители умерщвлены, или обременены оковами; и какъ плодоносныя поля ихъ посвящены стали храму Дельфїйскому, то положена клятва не воздѣлывать ихъ, и не строить на нихъ домовъ, и произнесено сїе ужасное заклинанїе: "частные люди или народы, „кои дерзнутъ нарушить клятву сїю, да „будутъ непотребны предъ очами Аполлона

„и другихъ божествъ Дельфійскихъ! земли „ихъ да не произнесутъ плода! жены и ста„да ихъ да производятъ единыя чудовища! „да погибнутъ они на сраженіяхъ! да не пре„успѣютъ во всѣхъ своихъ начинаніяхъ! да „племя ихъ погаснетъ съ ними! и во время „жизни ихъ, Аполлонъ и прочія божества „Дельфійскія да отвергаютъ съ омерзеніемъ „обѣты и жертвоприношенія ихъ!“

На другій день пошли мы на долину смотрѣть ристанія на коняхъ и колесницахъ. Ипподромъ, такъ называется пространство, которое пробѣжать надлежитъ, есть толь обширенъ, что иногда на немъ до сорока колесницъ вдругъ спорятъ о побѣдѣ. При насъ пустилось ихъ десять рядомъ отъ рѣшетки: возвратилось ихъ весьма мало; прочія разбились о порубежную преграду, или посреди поприща.

По окончаніи ристанія, возвратились мы въ Дельфы, чтобъ увидѣть погребательныя почести, какія долженствовала ѳеорія Еліанъ отдавать тѣни Неоптолемовой, и обрядъ, передъ тѣмъ отправляемый. Сей народъ, полагающій Ахилла въ числѣ древнихъ царей своихъ, и особенно почитающій память онаго ироя и Неоптолема, сына его, обитаетъ подлѣ

горы Эты въ Өессаліи. Чрезъ каждые четыре года отправляетъ въ Дельфы посольство, не только для принесенія жертвъ тамошнимъ божествамъ, но и для учиненія обыкновенныхъ обрядовъ надъ гробомъ Неоптолема, который палъ здѣсь при стопахъ жертвенниковъ отъ руки Ореста, сына Агамемнонова. Оная өеорія, исполнивъ первую изъ сихъ обязанностей на канунѣ, готовилась исполнить и вторую.

Полифронъ, юный и богатый Өессалянинъ, былъ главою өеоріи. Какъ почиталъ онъ себя потомкомъ Ахилла, то и хотѣлъ показаться въ такомъ великолѣпіи, которое могло бъ, предъ очами народа, оправдать толь высокое его о себѣ мнѣніе. Шествіе началось экатомвою, жертвою, дѣйствительно изо ста воловъ состоявшею, изъ коихъ у однихъ рога были вызолочены, а другіе украшены вѣнками и перевязками, изъ цвѣтовъ сплетенными. Ведены они толикимъ же числомъ Өессалійцевъ въ бѣломъ одѣяніи, и съ сѣкирами на плечахъ. Потомъ слѣдовали другія жертвы, и по мѣстамъ разставлены были люди, на разныхъ мусикійскихъ орудіяхъ игравшіе. Напослѣдокъ появились Өессалянки, которыхъ прелести взоры всѣхъ на себя привлекали.

Онѣ шествовали стройно, поя имны въ честь Ѳетидѣ, матери Ахилловой, и неся въ рукахъ или на головахъ кошницы, наполненныя цвѣтами, плодами и драгоцѣнными благовоніями. За ними слѣдовали пятьдесятъ Ѳессалійцевъ на прекрасныхъ коняхъ, кои убѣляли бразды свои пѣною. Полифронъ отличался какъ благородствомъ вида, такъ и богатствомъ одеждъ своихъ. Когда достигли они храма Діаны, вышла изъ онаго жрица со всѣми принадлежностями богини, имѣя за плечами тулъ, а въ рукахъ лукъ и возженный свѣтильникъ. Возсѣла на колесницу, и заключила шествіе, которое въ томъ же порядкѣ продолжилось до гробницы Неоптолемовой, находящейся въ оградѣ по лѣвую сторону храма.

Ѳессалійскіе всадники троекратно объѣхали оную. Юныя Ѳессалянки испустили тяжкія стенанія, а прочіе Ѳессалійцы, болѣзненные вопли. Минуту спустя, по поданному знаку, всѣ жертвы пали окрестъ жертвенника. Отрѣзанныя краеконечности оныхъ возложены на великій костеръ. Жрецы по прочтеніи молитвъ, учинили на костеръ возліянія, и Полифронъ зажегъ оный пламенникомъ, который принялъ изъ рукъ Діаны.

ной жрицы. Потомъ отдѣлена служителямъ храма часть отъ жертвъ, имъ принадлежащая; а прочее предоставлено для пиршества, на которое были приглашены жрецы, знатнѣйшіе жители Дельфійскіе, и ѳеоры или посланцы отъ другихъ городовъ Греціи. Пригласили и насъ, но мы между тѣмъ, въ ожиданіи обѣда пошли въ Лесхе, который былъ у насъ предъ глазами.

Такъ называется нѣкоторое зданіе или портикъ, по тому что собираются туда для бесѣды, или для учрежденія дѣлъ. Мы нашли тамъ множество картинъ, выставленныхъ для соперничества, за сто лѣтъ почти установленнаго. Но сіи творенія не столько тронули насъ, какъ живопись, стѣны украшающая. Она есть произведеніе кисти Полигнота изъ Ѳасоса, и подарена въ сіе мѣсто Книдянами.

На стѣнѣ по правую сторону, Полигнотъ представилъ взятіе Трои, или паче послѣдствія того: ибо изобразилъ ту минуту, какъ всѣ почти Греки, пресыщенные кровопролитіемъ, располагались возвратиться въ свое отечество. Мѣсто явленія заключаетъ въ себѣ не только городъ, коего внутренность видна сквозь стѣны, совершенно уже

разрушаемыя, но и морской берегъ, гдѣ виденъ Менелаевъ шатеръ, который снимать начинаютъ, и корабль, распустить парусы готовящійся. Многія купы лицъ размѣщены по народной площади, по улицамъ и по берегу морскому. Здѣсь, Елена въ сопровожденіи двухъ своихъ служительницъ, окруженная многими раненными Троянцами, несчастія коихъ была она виновницею, и многими Греками, кои еще взирали, казалось, съ удивленіемъ на красоту ея; далѣе, Кассандра, на землѣ сидящая посреди Улисса, Аякса, Агамемнона и Менелая, кои неподвижно стояли подлѣ жертвенника: вообще, царствуетъ въ изображеніи семъ то угрюмое молчаніе, та ужасающая тишина, въ которой должны быть побѣдители и побѣжденные, когда одни утомились отъ своей лютости, а другіе отъ собственнаго существованія. Одна только ярость Неоптолемова была ненасытима; онъ преслѣдовалъ еще нѣкоторыхъ слабыхъ Троянцевъ. Сей образъ особенно привлекаетъ на себя взоры зрителя; и конечно въ томъ состояло намѣреніе художника, который трудился для мѣста близкаго къ гробницѣ князя сего.

Не льзя не почувствовать сильныхъ впечатлѣній ужаса и жалости, воззрѣвъ на

тѣла Пріама и его военачальниковъ, разпростертыя на землѣ, покрытыя ранами, и оставленныя посреди развалинъ города, толь цвѣтущимъ нѣкогда бывшаго: не льзя не почувствовать оныхъ, при воззрѣніи на сего младенца, который, несенъ будучи престарѣлымъ невольникомъ, закрываетъ рукою глаза себѣ, чтобъ не видѣть ужасовъ его окружающихъ; и на другаго младенца, который, бывъ объятъ страхомъ, бѣжитъ обнять жертвенникъ; при видѣ тѣхъ Троянскихъ женъ, которыя сидя на землѣ, въ кучѣ почти одна на другой, издыхаютъ, кажется, подъ бременемъ судьбы своей. Изъ числа сихъ плѣнницъ суть двѣ дщери Пріамовы, и злосчастная Андромаха, держащая сына своего на колѣняхъ. Живописецъ далъ намъ видѣть скорбь самой младшей изъ царевенъ. О печали двухъ другихъ судить не можно: главы ихъ подъ покрываломъ.

Мы при семъ вспомнили, что былъ похваляемъ Тиманѳъ за то, что онъ, изображая принесеніе на жертву Ифигеніи, на главу Агамемнона наложилъ покровъ. Сіе изображеніе было уже употреблено у Еврипида, который безъ сомнѣнія заимствовалъ оное отъ Полигнота. Какъ бы то ни было, на одномъ

углу картины, описанной мною, была надпись Симонидова: Полигнотъ изъ Ѳасоса, сынъ Аглаофоновъ, изобразилъ раззореніе Трои. Сія надпись, въ стихахъ, такъ какъ бываютъ почти всѣ тѣ, которыя долженствуютъ предать потомству имена или дѣянія знаменитыя.

На стѣнѣ по лѣвую сторону, написалъ Полигнотъ сошествіе Улиссово во адъ, сообразно повѣствованію Омира и другихъ стихотворцевъ. Лодія Харонова, призываніе Тирезіевой тѣни, Елисейскія поля, населенныя ироями, тартаръ наполненный злодѣями; вотъ главные предметы, зрителя поражающіе. Тутъ можно видѣть родъ ужаснаго и новаго наказанія, какое Полигнотъ опредѣляетъ дѣтямъ непочтительнымъ къ своимъ родителямъ; одного изъ таковыхъ выводитъ на позорище и изображаетъ умерщвленна рукою собственнаго отца. Я примѣтилъ также, что къ мученіямъ Тантала прибавилъ онъ еще такое, которое содержало несчастнаго сего государя въ непрерывномъ трепетѣ: безмѣрной величины камень, поминутно грозящій упасть ему на главу; но сію мысль заимствовалъ отъ стихотворца Архилоха.

Сіи двѣ картины, изъ коихъ первая содержала болѣе ста лицъ; а вторая болѣе осьмидесяти, производятъ великое дѣйствіе, и подаютъ высокое понятіе объ умѣ и дарованіяхъ Полигнота. Стоявшіе около насъ зрители разсуждали о недостаткахъ и красотахъ ихъ; но соглашались единодушно, что художникъ предметы толь великіе и обширные изобразилъ съ такимъ искусствомъ, что въ обѣихъ картинахъ видится вообще богатое и величественное. Главныя лица узнать можно по ихъ именамъ, подъ ними начертаннымъ: обыкновеніе, каковое не существуетъ болѣе съ того времени, какъ художества пришли въ большее совершенство.

Между тѣмъ, какъ мы удивлялись симъ произведеніямъ, пришли намъ сказать, что Полифронъ ожидаетъ насъ къ столу. Мы нашли его въ большомъ четвероугольномъ шатрѣ, закрытомъ съ трехъ сторонъ и съ верху живописными коврами, которые хранятся въ сокровищницѣ храма, и которые на то время Полифронъ занялъ. На верху съ одной стороны изображено заходящее солнце; съ другой появляющаяся заря; въ срединѣ, ночь на колесницѣ своей, облеченная въ черную одежду и сопровождаемая луною и звѣздами.

На прочихъ коврахъ видны кентавры, всадники, преслѣдующїе оленей и львовъ, и корабли сражающїеся между собою.

Пиръ былъ весьма пышный и продолжался не малое время. Призваны свирельщицы. Хоръ Ѳессалянокъ возглашалъ очаровительныя пѣсни, а Ѳессаляне представили образъ сраженїя въ искусныхъ своихъ плясkахъ.

Спустя нѣсколько дней, пошли мы къ исходищу Кастальскаго источника, коего чистыя и весьма прохладительныя воды составляютъ прекрасныя пади на скатѣ горы. Онъ выходитъ шумящими ключами между двухъ вершинъ каменныхъ холмовъ, которые видны надъ городомъ Дельфами.

Оттуда продолжая путь нашъ къ сѣверу, прошедъ болѣе шестидесяти стадїй, достигли мы до пещеры Корикїи, иначе пещерою Нимфъ названной, по тому что она посвящена имъ съ богами Вакхомъ и Паномъ. Вода, со всѣхъ сторонъ истекающая, составляетъ въ ней небольшїе не изсякаемые источники. Хотя она глубока, но дневный свѣтъ почти всю ее освѣщаетъ. Она такъ пространна, что во время нашествїя Ксерксова, большая часть Дельфїйскихъ жи-

телей укрылась въ оной. Въ окрестностяхъ показывали намъ множество малыхъ пещеръ, которыя возбуждаютъ въ народахъ благоговѣніе; ибо въ сихъ пустынныхъ мѣстахъ все священно, и все населено духами.

Дорога, по которой мы шли, представляла нашимъ глазамъ попеременно предметы самые разнообразные; пріятныя долины, сосновыя рощицы, земли, къ воздѣлыванію способныя, каменные утесы, висящіе надъ головами нашими, пропасти, подъ нашими ногами какъ будто разверзающіяся; а иногда такія мѣстоположенія, откуда взоры наши, весьма въ далекомъ разстояніи, терялись въ поляхъ сосѣдственныхъ. Близь Панопеи, города лежащаго на рубежахъ Фокиды и Віотіи, увидѣли мы колесницы со множествомъ женъ, которыя сходили потомъ на землю и плясали вкруговеньку. Проводники наши признали ихъ за Ѳіадъ Аѳинскихъ. Онѣ суть жены, пріобщенныя къ таинствамъ Вакха: онѣ повсягодно пріѣзжаютъ въ Дельфы, и вмѣстѣ съ тамошними Ѳіядами восходятъ на высоты Парнасса, и съ равнымъ неистовствомъ отправляютъ тамъ праздникъ въ честь сему богу.

Буйства, какимъ онѣ предаются, не

удивительны для тѣхъ, кои знаютъ, сколь легко привесть въ изступленїе живое и пылкое воображенїе Греческихъ женъ. Онѣ въ великомъ множествѣ неоднократно разсыпались по городамъ и цѣлымъ округамъ, полунагїя, съ растрепанными волосами, произнося ужасныя завыванїя. Довлѣло одной искры къ произведенїю таковыхъ воспламененїй. Нѣкоторыя изъ нихъ, вдругъ помѣшавшись въ умѣ, почитали себя возторженными божескимъ вдохновенїемъ: и сообщали подругамъ своимъ таковое бѣсносвятство. Когда начнетъ проходить сїе обуянїе, то лѣкарствомъ и очищенїями водворяется наконецъ спокойствїе въ душахъ ихъ. Сїи прилипчивыя болѣзни не такъ уже часто случаются съ тѣхъ поръ, какъ распространилось просвѣщенїе; но слѣды оныхъ остаются еще при празднествахъ Вакховыхъ.

Продолжая путь между горами, одна другую тягчившими, достигли мы до подошвы горы Ликорея, самой высочайшей изъ горъ Парнасса, а можетъ быть и всей Грецїи. Тамъ то, сказываютъ, спаслись жители странъ сихъ отъ потопа, случившагося во времена Девкалїоновы. Мы покусились взойти на оную; но, по частыхъ паденїяхъ познали, что

естьли легко подняться до нѣкоторыхъ высотъ Парнасса, то весьма трудно достигнуть самой вершины онаго; и мы спустились въ Елатею, главный городъ Фокиды.

Высокія горы окружаютъ не большую сію область; неиначе можно проникнуть туда, какъ только узкими проходами, при которыхъ Фокеанами построены крѣпости. Елатея защищаетъ ихъ отъ набѣговъ Ѳессалійцевъ; Парапотаміи отъ Ѳивянъ. Двадцать другихъ городовъ, по большей части построенныхъ на каменныхъ скалахъ, обведены стѣнами и башнями.

Къ сѣверу и востоку отъ Парнасса, находятся прекрасныя долины, орошаемыя Кефисомъ, коея вершина находится у подошвы горы Эты, ниже города Лилея. Окрестные жители сказываютъ, что въ извѣстные дни, и особливо послѣ полудня, сія рѣка выходитъ изъ подъ земли съ великимъ стремленіемъ и шумомъ, рыканію вола подобнымъ. Я не былъ тому свидѣтелемъ; видѣлъ только, что течетъ она тихо и часто какъ будто вспять возвращается, извиваясь посреди полей, покрытыхъ различными древами, жатвою и пажитьми. Кажется, что, любуясь она собственными благотвореніями,

не можетъ оставить мѣстъ, собою украшаемыхъ.

Другїе округи Фокиды отличаются особенными произведенїями. Тиѳорея славится масломъ, Антикира, городъ лежащїй при Коринфскомъ морѣ, чемерицею. Не далеко оттуда рыбаки Вулискїе собираютъ тѣ раковины, изъ которыхъ достается багряная краска. Повыше сего мѣста, видѣли мы въ долинахъ Амврисса богатыя винницы, и множество тѣхъ растѣнїй, съ коихъ собираются малыя зерна, придающїя шерсти превосходный красный цвѣтъ.

Каждый городъ въ Фокидѣ независимъ, и имѣетъ право посылать отъ себя повѣренныхъ на общее собранїе, гдѣ разсматриваются пользы народа.

Жители имѣютъ великое множество праздниковъ, храмовъ и истукановъ; но оставляютъ другимъ народамъ честь упражняться въ наукахъ и художествахъ. Полевые труды и заботы домашнїя составляютъ главное ихъ занятїе. Они во всѣ времена оказывали поразительные опыты мужества, а въ одномъ особенномъ случаѣ, ужасный примѣръ любви своей къ вольности.

Уже не въ состоянїи будучи противить-

ся оружїю Өессалїйцевъ, кои съ превосходными силами вторглись въ землю ихъ, они поставили великїй костеръ, подлѣ коего помѣстили женъ, дѣтей, золото, серебро и драгоцѣннѣйшїя вещи; все сїе поручили хранению тридцати изъ своихъ воиновъ, съ такимъ повелѣнїемъ, чтобъ, въ случаѣ разбитїя, умертвить женъ и дѣтей, вещи бросить въ огонь, а имъ переколоться взаимно, или поспѣшить на мѣсто сраженїя и погибнуть тамъ съ остаткомъ народа. Битва была продолжительная, кровопролитїе страшное: Өессалїйцы обратились въ бѣгство, и Фокеане остались свободными.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТїЯ.

Достопамятныя происшествїя, случившїяся въ Грецїи (съ 361 по 357 годъ до Р. Х.) смерть Агезилая, царя Лакедемонскаго. Вступленїе Филиппа на престолъ Македонскїй. Война съ союзниками.

Будучи на Пиөїйскихъ играхъ, неоднократно слышали мы о послѣднемъ походѣ

Агезилая: по возвращенїи нашемъ, узнали о его смерти.

Тахосъ, царь Египетскїй, предпрїявъ сдѣлать нападенїе на Персїю, собралъ воинство изъ осьмидесяти тысячъ ратоборцевъ, и хотѣлъ оное подкрѣпить отрядомъ, составленнымъ изъ десяти тысячъ Грековъ, между коими было тысяча человѣкъ Лакедемонянъ подъ предводительствомъ Агезилая. Всѣ удивились, видя, что государь сей, имѣя болѣе осмидесяти лѣтъ отъ роду, отправляется въ далекую страну, и вступаетъ въ службу чужеземной державы. Но Лакедемонъ хотѣлъ отмстить Персидскому царю за покровительство его Мессенцамъ; онъ почиталъ себя обязаннымъ Тахосу, и при томъ надѣялся, что война сїя возвратитъ свободу Греческимъ городамъ въ Асїи.

Къ симъ побужденїямъ, которыя, можетъ быть, для Агезилая были только однимъ предлогомъ, присоединялись причины, лично къ нему относящїяся. Какъ дѣятельная душа его не могла сносить даже мысли о тихой жизни и неславной смерти, то узрѣлъ онъ вдругъ новое поприще для дарованїй своихъ, и тѣмъ съ большимъ удовольствїемъ ухватился за случай возобно-

вить блескъ славы своей, дѣяніями Эпаминонда помраченный, что Тахосъ обязался поручить ему предводительство надъ всемъ воинствомъ.

Отправился въ путь. Египтяне ожидали его съ нетерпѣливостію. Услышавъ о прибытіи его, вельможи, вмѣшавшись въ толпу народа, спѣшатъ на срѣтеніе ирою, который чрезъ толь многіе годы наполнялъ землю своимъ именемъ. Находятъ на берегу малорослаго и невзрачнаго старика, сидящаго посреди нѣкотораго числа Спартанцевъ, коихъ наружный видъ, столько же небрежный какъ и его, не отличалъ подданныхъ отъ государя. Тахосовы чиновники раскладываютъ предъ нимъ гостепріимственные дары, состоявшіе въ различныхъ припасахъ. Агезилай избираетъ для себя нѣкоторыя грубыя снѣди, а самыя вкуснѣйшія яства, такъ какъ и благовонія повелѣваетъ роздать невольникамъ. Непомѣрный хохотъ подымается тогда между зрителями. Изъ нихъ благоразумнѣйшіе изъявляютъ только презрѣніе свое, и вспоминаютъ баснь о горѣ, родами мучившейся.

Досады еще чувствительнѣйшія подвергли его терпѣніе опыту тягчайшему. Царь Египетскій отрекся ввѣрить ему начальство

надъ своими войсками. Не слушалъ совѣтовъ его, и заставлялъ его сносить все, что наглая гордыня и глупое тщеславіе имѣютъ только самаго оскорбительнаго. Агезилай ожидалъ случая, чтобъ выдти изъ таковаго уничиженія. Случай предсталъ вскорѣ. Войска Тахоса, взбунтовавшись, составили двѣ стороны, изъ которыхъ каждая присвояла себѣ право дать ему наслѣдника. Агезилай вступился за Нектанеба, одного изъ соискателей престола. Помогъ ему; и утвердивъ его власть, отбылъ изъ Египта съ великими почестьми и съ двумя стами тридцатью талантами, которые Нектанебъ назначилъ въ даръ Лакедемонянамъ. Сильная буря принудила его пристать къ одному необитаемому берегу въ Ливіи, гдѣ онъ и умеръ, будучи осьмидесяти четырехъ лѣтъ отъ роду.

Два года спустя, открылось такое происшествіе, которое тогда хотя не обратило на себя вниманія Аѳинянъ, но долженствовало премѣнить лице всей Греціи и извѣстнаго міра.

Македоняне до сихъ поръ имѣли слабую связь съ Греціею, которая не отличала ихъ отъ варварскихъ народовъ, коими они окру-

жены, и съ коими были въ непрестанной войнѣ. Государи ихъ не иначе допускаемы нѣкогда были къ состязанію на играхъ Олимпійскихъ, какъ представивъ доказательства, что они родъ свой ведутъ отъ самаго Иракла.

Архелай восхотѣлъ потомъ ввести въ области свои любовь къ наукамъ и художествамъ. Еврипидъ призванъ былъ ко двору его, и Сократъ могъ бы найти тамъ себѣ убѣжище.

Послѣдній изъ государей сихъ, Пердиккъ, сынъ Аминтовъ, погибъ съ большею частію войскъ своихъ на сраженіи противъ Иллирянъ. Извѣстясь о семъ, Филиппъ, братъ его, котораго видѣлъ я, какъ былъ онъ у Ѳивянъ заложникомъ, исплошилъ бдительность стражей своихъ, ушелъ въ Македонію, и объявленъ попечителемъ сына Пердиккова.

Государство тогда было угрожаемо близкимъ паденіемъ. Внутренніе раздоры, частыя пораженія отъ непріятелей, привели оное въ презрѣніе у народовъ сосѣдственныхъ, которые какъ будто согласились ускорить гибель его. Пеоняне раззоряли границы; Иллиряне, собравъ силы свои, замышляли учинить на-

паденіе. Два соперника, равно страшные, оба изъ дому царскаго происшедшіе, домогались вѣнца; Ѳракіяне поддерживали права Павзаніевы; Аѳиняне послали войско защищать права Аргеевы. Народъ объятый ужасомъ, видѣлъ, что доходы государственные изтощены, что малое число ратниковъ въ уныніи и безъ опытности, что скипетръ находится въ рукахъ младенца, а близь престола, такій правитель, коему не болѣе двадцати двухъ лѣтъ было отъ роду.

Филиппъ, полагаясь больше на собственныя силы, нежели на силы государства, предпріемлетъ сдѣлать изъ своего народа то, что Эпаминондъ, коего поставилъ себѣ за образецъ, сдѣлалъ изъ своего. Небольшія удачи вразумляютъ воинство, что оно можетъ защищать себя, а Македонянъ, что не надлежитъ отчаеваться о спасеніи государства. Тотчасъ вводитъ порядокъ въ различныя части правленія; фалангѣ Македонской даетъ новый образъ; дарами и обѣщаніями склоняетъ Пеонянъ удалиться, а Ѳракійскаго царя, пожертвовать себѣ Павзаніемъ. Идетъ потомъ противъ Аргея, разбиваетъ его, и Аѳинскимъ плѣнникамъ даетъ свободу безъ выкупу.

Хотя Аѳины уже поддерживались толь-

ко прежнею своею славою, но не надлежало раздражать ихъ: они имѣли справедливыя требованія на городъ Амфиполь въ Македоніи, и великую нужду возвратить его подъ свое владычество. Онъ былъ одно изъ поселеній Аѳинянъ, мѣсто важное для торговли ихъ; чрезъ него получали они изъ верхней Ѳракіи строевый лѣсъ, волну и другіе товары. Послѣ многихъ перемѣнъ, Амфиполь достался въ руки Пердикку, брату Филиппову. Не льзя было его возвратить прежнимъ владѣльцамъ, не окоренивъ ихъ въ Македоніи; нижѐ удержать за собою, не обратилъ на нее оружія ихъ. Филиппъ объявляетъ его независимымъ, и заключаетъ съ Аѳинянами мирный договоръ, въ коемъ о семъ городѣ ничего не упомянуто. Сіе молчаніе ненарушимо сохраняло права договаривавшихся сторонъ.

Посреди сихъ успѣховъ прорицанія, по народу разсѣянныя, предсказывали, что Македонія возпріиметъ свой блескъ при царствованіи одного изъ сыновъ Аминтовыхъ. Небо обѣщевало великаго мужа Македоніи: духъ Филипповъ уже показывалъ онаго. Народъ, увѣрясь, что по признанію самихъ боговъ, одинъ тотъ долженъ управлять имъ, кто можетъ защищать его, вручилъ ему

верьховную власть, лишивъ оной сына Пердиккова.

Ободрясь симъ избранїемъ, присовокупилъ онъ часть Пеонїи къ Македонїи, разбилъ Иллирїанъ, и заключилъ въ древнихъ ихъ предѣлахъ.

Спустя нѣсколько времени, овладѣлъ Амфиполемъ, который отнять у него Аѳиняне тщетно покушались, и иными сосѣдственными городами, въ коихъ имѣли они охранныя войска. Аѳины, будучи заняты другою войною, не могли не предвидѣть, ни отмстить за непрїятельскїя дѣйствїя, которыя Филиппъ умѣлъ прикрывать благовидными предлогами.

Но ничто столько не умножило силы его, какъ открытїе нѣкоторыхъ золотыхъ рудниковъ, кои велѣлъ онъ разработывать, и получилъ отъ нихъ каждогодно болѣе тысячи талантовъ. Деньги въ послѣдствїи употребилъ на подкупленїе тѣхъ, кои имѣли главное правленїе въ республикахъ.

Я сказалъ, что Аѳиняне принуждены были смотрѣть сквозь пальцовъ на первыя непрїятельскїя дѣйствїя со стороны Филиппа. Городъ Византїя, и острова Хїо, Косъ и Родосъ, соединивъ силы свои, намѣревались

выдти у нихъ изъ подъ зависимости. Война началась осадою острова Хіо. Хабрій начальствовалъ во флотѣ, а Харесъ надъ сухопутными войсками. Первый наслаждался славою, пріобрѣтенною многочисленными воинскими подвигами: его порицали только тѣмъ, что съ непомѣрнымъ жаромъ производилъ въ дѣйство намѣренія, съ излишнею осторожностію предпринимаемыя. Онъ почти всю свою жизнь проводилъ, начальствуя надъ воинствами, и далеко отъ Аѳинъ, гдѣ богатство и достоинство его возбуждали зависть. Слѣдующій поступокъ подастъ нѣкоторое понятіе о его ратныхъ дарованіяхъ. Онъ уже былъ почти побѣжденъ Агезилаемъ. Наемныя войска обратились въ бѣгство, и Аѳинскіе полки къ тому же готовились. Въ сію минуту повелѣваетъ онъ имъ стать однимъ колѣномъ на землю, и покрыться щитами, выставивъ изъ подъ нихъ свои копья. Лакедемонскій царь, удивясь пріему, до того невѣдомому, и судя, что было бы опасно напасть на фалангу, покрытую остріемъ какъ щетиною, далъ знакъ къ отступленію. Аѳиняне присудили воздвигнуть истуканъ полководцу своему, и дозволили ему изобразить себя въ томъ положеніи, которое избавило ихъ отъ стыда быть разбитыми.

Харесъ, гордясь небольшими удачами и легкими ранами, случайно полученными, въ прочемъ безъ дарованій, безъ стыда, при несносномъ тщеславіи оказывалъ непомѣрную пышность во время мира и войны; въ каждомъ походѣ обращалъ на себя отъ непріятелей презрѣніе, а отъ союзниковъ ненависть; питалъ раздоры въ народахъ дружественныхъ, и похищалъ у нихъ сокровища, на которыя былъ алченъ и расточителенъ безъ мѣры; простиралъ дерзость даже до того, что удерживалъ у войскъ жалованье, и употреблялъ оное на подкупленіе ораторовъ и на даваніе праздниковъ народу, предпочитавшему его прочимъ военачальникамъ.

При видѣ острова Хіо, Хабрій, не зная умѣрять своего жару, велѣлъ грести всѣми силами: вошелъ въ пристань одинъ, и былъ схваченъ флотомъ непріятельскимъ. По долгомъ сопротивленіи, воины его бросились вплавь къ галерамъ, шедшимъ къ нимъ на помощь. Онъ могъ бы тоже сдѣлать; но захотѣлъ лучше погибнуть, нежели оставить свою галеру.

Осада острова была начата и снята въ то же время. Война продолжалась чрезъ че-

тыре года. Увидимъ въ послѣдствіи, чѣмъ она кончилась.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Празднества Аѳинянъ. Панаѳенеи. Діонисіаки.

Первыя празднества у Грековъ бывали ознаменованы веселіемъ и благодарностію. По снятіи плодовъ земныхъ, народы собиралисъ для принесенія жертвъ, и предавались восторгамъ, какіе внушало изобиліе. Многія празднества у Аѳинянъ показываютъ сіе происхожденіе: они торжествуютъ возвратъ зелени, жатвъ, собиранія винограда и четырехъ временъ года; и какъ оныя почести относятся къ Церерѣ или Вакху, то празднества сихъ божествъ суть въ большемъ числѣ, нежели празднества другихъ боговъ.

Потомъ воспоминаніе полезныхъ или знаменитыхъ происшествій установлено въ назначенные дни, дабы навсегда сохранить память объ оныхъ. Разсмотрите мѣсяцы въ году у Аѳинянъ, вы найдете сокращеніе лѣтописей ихъ и главные случаи, доставившіе

имъ славу; или соединенїе народовъ Аттики чрезъ Өисея, возвращенїе государя сего въ свои области, уничтоженїе всѣхъ долговъ, имъ доставленное; или битвы Марафонскую, Саламинскую, Платейскую, Наксскую, и проч.

Для частныхъ людей бываетъ праздникъ, когда родятся у нихъ дѣти; праздникъ для народа, когда дѣти сїи вчиняются въ число гражданъ, или когда, достигнувъ извѣстнаго возраста, оказываютъ предъ народомъ успѣхи, какїе сдѣлали въ гимнастическихъ упражненїяхъ. Кромѣ общенародныхъ праздниковъ, есть особенные въ каждомъ селенїи.

Празднества общенародныя отправляются повсягодно, или по истеченїи нѣкотораго числа лѣтъ. Оныя или учреждены съ самыхъ древнихъ временъ въ отечествѣ, или не давно заимствованы отъ другихъ народовъ. Иныя отправляются съ чрезвычайнымъ великолѣпїемъ. Я видѣлъ иногда до трехъ сотъ воловъ, съ пышностїю ведомыхъ къ жертвенникамъ. Болѣе осмидесяти дней отъемлется у ремесленниковъ и земледѣльцовъ зрѣлищами, которыя прилѣпляютъ народъ равно и къ вѣрѣ и къ правительству. Занимаютъ

ихъ то жертвоприношенія, величественными обрядами благоговѣніе внушающія; то ходы торжественные, въ коихъ тотъ и другій полъ являетъ юныя свои прелести; то ѳеатральныя творенія, плодъ изящнѣйшихъ умовъ Греціи; пляски, пѣніе, состязанія, гдѣ попеременно блистаютъ искуство и дарованія.

Сіи состязанія суть двухъ родовъ: гимническія, которыя происходятъ на поприщѣ; и ѳеатральныя, которыя бываютъ на ѳеатрѣ. Въ первыхъ спорятъ о преимуществѣ въ бѣганіи, борьбѣ и другихъ упражненіяхъ гимназическихъ; въ послѣднихъ, о превосходствѣ въ пѣніи и пляскѣ. Тѣ и другія составляютъ украшеніе главныхъ праздниковъ. Я дамъ нѣкоторое понятіе о ѳеатральныхъ.

Каждое изъ десяти колѣнъ представляетъ отъ себя хоръ и начальника, который имъ управляетъ. Сей начальникъ, называемый хорегомъ, долженъ быть по крайней мѣрѣ сорока лѣтъ отъ роду. Онъ самъ избираетъ своихъ лицедѣевъ, кои обыкновенно бываютъ изъ отроческаго и юношескаго возраста. Ему потребно имѣть хорошаго свирельщика для управленія голосами

ихъ; искуснаго учителя, для образованія ихъ выступки и тѣлодвиженій. Какъ нужно установить величайшее равенство между состязующимися, и сіи два наставника часто рѣшатъ побѣду, то одинъ изъ первыхъ чиноначальниковъ республики выбираетъ ихъ по жеребью въ присутствіи разныхъ хоровъ и разныхъ хореговъ.

За нѣсколько мѣсяцовъ передъ праздниками, начинаютъ упражнять лицедѣевъ. Часто хорегъ, чтобъ имѣть ихъ всегда въ глазахъ, беретъ къ себѣ въ домъ и содержитъ ихъ; потомъ появляется на праздникъ, какъ онъ, такъ и тѣ, кои за нимъ слѣдуютъ, въ позлащенномъ вѣнцѣ и великолѣпной одеждѣ.

Сіи должности, освященныя вѣрою, еще болѣе возвышены примѣромъ Аристида, Эпаминонда и самыхъ великихъ мужей, кои ставили за честь отправлять оныя; но онѣ столь убыточны, что многіе граждане отрицаются отъ опасной чести пожертвовать частію имѣнія своего, обманчивой надеждѣ возвыситься чрезъ сіе на первые степени достоинства.

Когда какое либо колѣно не находитъ хорега, тогда правительство принимаетъ

всѣ издержки на себя, или повелѣваетъ двоимъ изъ гражданъ сложиться между собою, для облегченія тягости, или повелѣваетъ хорегу одного колѣна управлять хоромъ другаго. Скажу еще, что каждое колѣно старается имѣть лучшаго стихотворца для сочиненія священныхъ пѣсней.

Хоры появляются въ торжественномъ шествіи: они становятся округъ жертвенниковъ, и поютъ имны во время жертвоприношенія; отходятъ на ѳеатръ, гдѣ, будучи обязаны поддерживать честь своего колѣна, возбуждаются живѣйшимъ соревнованіемъ. Ихъ начальники употребляютъ происки и подкупы для одержанія побѣды. Учреждены судіи для опредѣленія награды. Въ извѣстныхъ случаяхъ побѣдоносное колѣно посвящаетъ треножникъ во храмъ, или въ иное зданіе, имъ воздвигнутое.

Народъ, будучи столько же ревнителенъ къ забавамъ своимъ, сколько и къ вольности, ожидаетъ рѣшенія состязанію съ равнымъ безпокойствомъ и волненіемъ, какъ будто бы дѣло шло о величайшихъ его выгодахъ. Славу, отъ того получаемую, раздѣляетъ хоръ, который возторжествовалъ;

колѣно, отъ котораго онъ представленъ; хорегъ, который надъ нимъ начальствовалъ, и наставники, кои обучали его.

Все то, что до зрѣлищъ относится, предусмотрѣно и учреждено законами. Они обьявляютъ неприкосновенными, во время праздниковъ, особу хорега и дѣйствующихъ лицъ; они опредѣляютъ число торжествъ, на которыхъ надлежитъ представлять для народа различныя игры, до которыхъ онъ толико жаденъ. Таковы суть, между прочими, Панаѳенеи и великіе Діонисіаки, или Діонисіаки градскіе.

Первыя бываютъ въ первомъ мѣсяцѣ, который начинается при лѣтнемъ повороте солнца. Учреждены въ самыя древнія времена, въ честь Минервѣ; возобновлены Ѳисеемъ въ память соединенія всѣхъ народовъ Аттики; празднуются повсягодно, но въ пятое лѣто съ обрядами гораздо великолѣпнѣйшими. Вотъ порядокъ, при томъ наблюдаемый, такъ какъ я замѣтилъ, въ первый разъ бывъ свидѣтелемъ оныхъ. Панаѳенеи.

Народы, обитающіе по городамъ и селамъ Аттики, толпами пришли въ столицу: привели съ собою великое множество

жертвѣ на закланіе въ честь богинѣ. По утру вышедъ на берегъ Илисса, видѣлъ я конское ристаніе, гдѣ сыны знаменитѣйшихъ гражданъ республики состязались о славѣ побѣды. Я замѣтилъ, какимъ образомъ большая часть садились на коней: они лѣвою ногою становились на крюкъ, прикрѣпленный къ нижней части копья, и вскакивали съ легкостію на своихъ коней. Не далеко оттуда видѣлъ я также юношей, препирающихся въ борьбѣ и различныхъ тѣлесныхъ упражненіяхъ. Пошелъ въ Одеумъ, и увидѣлъ тамъ многихъ музыкантовъ, спорящихся образомъ кротчайшимъ и не столь опаснымъ. Одни играли на свирѣли или киѳарѣ; другіе пѣли, наигрывая на одномъ изъ сихъ орудій. Имъ задано было возхвалить Армодія, Аристогитона и Ѳразивула, освободившихъ республику отъ тирановъ, кои угнетали ее: ибо у Аѳинянъ всенародныя учрежденія суть памятники въ честь тѣмъ, кои оказали услуги отечеству, и наставленія для тѣхъ, кои должны служить ему. Вѣнецъ изъ масличныхъ вѣтвей, сосудъ, масломъ наполненный, были опредѣляемы въ награду побѣдителямъ. Послѣ возлагаемы были вѣнки на людей частныхъ, коимъ на-

родЪ, за ревность ко благу общему, давалЪ сей знакЪ отличія.

Я пошелЪ на черепичные заводы, чтобы увидѣть торжественное шествіе, которое, распорядилось внѣ стѣнЪ, и уже двинулось сЪ мѣста. Оно было составлено изЪ различныхЪ состояній гражданЪ, увѣнчанныхЪ цвѣтами, и отмѣнитыхЪ своею лѣпотою. ТутЪ были почтеннаго вида старцы, кои несли вЪ рукахЪ масличныя вѣтви; мужи, кои бывЪ вооружены копьями и щитами, стремились, казалось, ко сраженіямЪ; юноши, отЪ осьмнадцати до двадцати лѣтЪ имѣющіе отЪ роду, кои пѣли имны вЪ честь богинѣ; миловидныя дѣти, вЪ простыхЪ туникахЪ, украшенныя природными своими пріятностями; были наконецЪ изЪ знаменитѣйшихЪ домовЪ дѣвы, коихЪ лица, станЪ, и выступка на себя взоры всѣхЪ обращали. Руками поддерживали на головахЪ своихЪ кошницы, вЪ которыхЪ, подЪ блестящимЪ покрываломЪ, находились священныя орудія, хлѣбы пресные, и все принадлежащее кЪ жертвоприношенію. Прислужницы, шедшія по стопамЪ ихЪ, одною рукою держали надЪ ними щитЪ отЪ солнца, а другою несли складный стулЪ. Рабская прислуга сія воз-

ложена на дщерей чужестранцевъ, поселившихся въ Аѳинахъ: прислуга, которую раздѣляютъ съ ними отцы и матери ихъ. Въ самомъ дѣлѣ, тѣ и другія несли на плечахъ своихъ сосуды, наполненные водою и медомъ для жертвенныхъ возліяній.

За ними слѣдовало восемь музыкантовъ, изъ коихъ четверо играли на свирѣляхъ, и четверо на лирахъ. За ними шли рапсоды или пѣвцы, кои пѣли отрывки изъ поемы Омировой, и плясавицы, въ полномъ вооруженіи, которыя по временамъ нападая другъ на друга, представляли при играніи на свирѣляхъ, сраженіе Минервы съ Титанами.

Появился потомъ корабль, который казался шедшимъ по землѣ при помощи вѣтровъ и множества гребцовъ, но который двигался посредствомъ орудій, внутрь его сокрытыхъ. На кораблѣ развѣвалось вѣтрило изъ тонкой ткани, на которомъ юныя дѣвы изобразили шитьемъ побѣду Минервы надъ тѣми же Титанами. Онѣ вышили на немъ, по повелѣнію правительства, также лица нѣкоторыхъ ироевъ, коихъ подвиги достойны быть помѣщены съ подвигами боговъ.

Сей торжественный хорЪ шествовалЪ тихими стопами, подЪ распоряженіемЪ многихЪ градоначальниковЪ. ОнЪ прошелЪ по главнымЪ улицамЪ города, посреди безчисленнаго множества зрителей , изЪ коихЪ большая часть помѣщалась на подмосткахЪ, нарочно для сего устроенныхЪ. Когда достигЪ онЪ до храма Аполлона Пиѳійскаго, тогда снято было сЪ корабля вѣтрило, и по прибытіи вЪ замокЪ, положено вЪ храмѣ МинервиномЪ.

ВечеромЪ, я пошелЪ сЪ прочими вЪ Академію смотрѣть бѣганья со свѣточами. Поприще имѣетЪ не болѣе шести или семи стадій вЪ длину: оно простирается отЪ жертвенника Промеѳеева, находящагося при вратахЪ сего сада, до градскихЪ стѣнЪ. Многіе молодые люди, помѣщены вдоль онаго вЪ равномЪ другЪ отЪ друга разстояніи. По данному знаку отЪ народа, первый возжигаетЪ свѣточь на жертвенникѣ, и бѣжитЪ сЪ нею кЪ другому, который передаетЪ ее такимЪ же образомЪ третьему, и такЪ далѣе. Тѣ, кои дадутЪ ей погаснуть, изключаются уже изЪ состязанія; тѣ, кои укосняютЪ шествіе свое , подвергаются насмѣшкамЪ, и даже побоямЪ отЪ черни. ЧтобЪ

одержать награду, надлежитЪ пробѣжать многія урочища. Сей родЪ пренія многажды возобновлялся. ОнЪ перемѣняется по свойству праздниковЪ.

Увѣнчанные за различныя упражненія, приглашали друзей своихЪ кЪ себѣ на пирЪ. ВЪ Пританеѣ и другихЪ общенародныхЪ мѣстахЪ даваны были великія пиршества, которыя даже до слѣдующаго дня продолжались. НародЪ, которому раздѣлены закланныя жертвы, ставилЪ повсюду столы, и показывалЪ великое и шумное веселіе.

Діонисіаки, или Вакховы праздники.

Многіе дни вЪ году посвящены на чествованіе Вакха. Имя его поперемѣнно раздается то вЪ городѣ, то вЪ пристани Пирейской, то вЪ поляхЪ и вѣсяхЪ. Неоднократно видѣлЪ я, какЪ цѣлый городЪ предавался безмѣрному пьянству; видѣлЪ толпы ВакхантовЪ и ВикхантокЪ, увѣнчанныхЪ блющемЪ, укропомЪ, тополовыми вѣтвями, бѣгающихЪ, пляшущихЪ, воющихЪ по улицамЪ, призывающихЪ Вакха дикими восклицаніями, терзающихЪ ногтями и зубами внутренности закланныхЪ жертвЪ, хватающихЪ руками змїевЪ, вплетающихЪ ихЪ вЪ свои волосы, опоясывающихся ими, и посредствомЪ

сего рода очарованій, ужасающихъ и преклоняющихъ къ себѣ чернь.

Сіи картины частію возобновляются при одномъ праздникѣ, который отправляемъ бываетъ при наступленіи весны. Тогда городъ наполняется чужестранцами: приходятъ они туда во множествѣ для принесенія дани отъ острововъ, подвластныхъ Аѳинянамъ, и для того, чтобъ увидѣть новыя творенія, на ѳеатрѣ представляемыя, чтобъ быть свидѣтелями игръ и позорищъ, а паче торжественнаго хода, коимъ изображаются побѣды Вакха. Тутъ зрится богъ сей сопровождаемъ Сатирами и Панами, какъ онъ былъ сопровождаемъ, когда завоевалъ Индію; люди влекутъ козловъ на заколеніе, одни ѣдутъ на ослахъ, въ подражаніе Силену; другіе въ женскомъ платьѣ; иныя несутъ на длинныхъ шестахъ срамныя изображенія, и поютъ имны крайне безчинные; наконецъ, мущины и женщины всякаго состоянія, большею частію въ оленьихъ кожахъ, подъ личинами, въ блющевыхъ вѣнкахъ, будучи пьяны, или таковыми притворяясь, непрерывно соединяютъ вопли свои со звукомъ мусикійскихъ орудій; одни коверкаются, какъ сумасшедшіе, и предаются всѣмъ порѣваніямъ неистовства; другіе производятъ пра-

вильныя воинскія пляски, но держатъ въ рукахъ, вмѣсто щитовъ, сосуды, и бросаютъ другъ въ друга, на подобіе стрѣлъ, Вакховы жезлы, блющемъ обвитые, которыми поражаютъ иногда и зрителей.

Посредѣ толпы бѣснующихся лицедѣевъ шествуютъ во всякомъ устройствѣ различные хоры, отряженные отъ колѣнъ Аѳинскихъ: многія юныя знатнѣйшія дѣвы идутъ съ потупленными очами, во всѣхъ своихъ украшеніяхъ, неся на головахъ священныя кошницы, въ которыхъ, вмѣстѣ съ начатками плодовъ земныхъ, заключаются печенія различныхъ видовъ, соль, блющевые листья, и другія таинственныя знаменія.

Кровли домовъ, на подобіе площадокъ сдѣланныя, покрыты зрителями, и особливо женщинами, по большей части со свѣтильниками и свѣточами, по тому что торжественный ходъ сей почти всегда бываетъ ночью, и останавливается на перекресткахъ и площадяхъ, для совершенія возліяній и принесенія жертвъ въ честь Вакху.

День посвящается на различныя увеселенія. Съ самаго утра собираются въ ѳеатръ, какъ для присутствованія при состязаніяхъ въ музыкѣ и пляскѣ между хорами,

такъ и для смотру новыхъ творений, сочинителями для общества приготовляемыхъ.

Первый изъ девяти архонтовъ имѣетъ смотрѣніе надъ сими праздниками; а второй надъ прочими: у нихъ подъ начальствомъ есть чиновники, кои облегчаютъ ихъ въ исправленіи должностей, и стражи для удаленія отъ зрѣлища тѣхъ, кои возмущаютъ спокойствіе онаго.

Во все время отправленія праздниковъ малѣйшее насиліе противъ гражданина, почитается преступленіемъ, и всякій искъ на должника запрещенъ. Злодѣянія и безпорядки, тогда учиненные, въ послѣдующіе дни строго наказываются.

Одинъ женскій полъ участвуетъ въ праздникахъ Адонида, и въ тѣхъ, кои подъ именемъ Ѳесмофорій, отправляются въ честь Цереры и Прозерпины: тѣ и другіе сопровождаемы бываютъ обрядами, которые неоднократно уже я описывалъ. Скажу нѣчто о послѣднихъ, которые случаются повсягодно въ мѣсяцѣ пуанепсіонѣ, (*) и продолжаются чрезъ многіе дни.

(*) Сей мѣсяцъ начинается то въ послѣднихъ числахъ Октября, то въ первыхъ Ноября.

Между предметами, заслуживающими внимание, видѣлъ я Аѳинянокъ, женъ и дѣвицъ, которыя пришедъ въ Елевсисъ, провождали тамъ цѣлый день во храмѣ, сидя на землѣ, и наблюдая строгій постъ. Для чего такое воздержаніе? спросилъ я у одной изъ тѣхъ, которыя разпоряжали праздникомъ. Она отвѣтствовала: для того, что Церера не принимала никакой пищи, когда искала дочь свою Прозерпину. Я еще спросилъ у ней: для чего, идучи въ Елевсисъ, несли вы книги на головахъ своихъ? — Онѣ содержатъ законы, которые, какъ мы вѣримъ, получены отъ Цереры. — Для чего, при семъ блистательномъ шествіи, когда воздухъ наполнялся вашимъ пѣніемъ, везли вы большую кошницу на колесницѣ, четырьмя бѣлыми конями запряженной? Она заключала въ себѣ, между прочими вещами, сѣмена, разведеніемъ коихъ одолжены мы Церерѣ: такъ какъ и въ праздники Минервины носимъ кошницы съ волною для того, что сія богиня научила насъ прясть ее. Лучшее средство быть благодарнымъ есть никогда не забывать благодѣянія, и временемъ напоминать объ немъ виновнику онаго.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ.

Домы и пиршества Аѳинянъ.

Большая часть домовъ состоятъ изъ двухъ отдѣленій, одного вверьху для женщинъ, другаго въ низу для мущинъ, и покрытыхъ площадками; у которыхъ края выдались; въ Аѳинахъ считаютъ болѣе десяти тысячъ домовъ.

Весьма многіе изъ нихъ имѣютъ позади сады, впереди небольшой дворъ, а чаще родъ портика, подъ коимъ дѣлаются домовыя двери, повѣряемыя иногда стражѣ Евнуха. При оныхъ находятся или образъ Меркурія, для отгнанія воровъ; или собака, которой боятся они еще болѣе; или почти всегда жертвенникъ въ честь Аполлону, гдѣ хозяинъ дома, въ извѣстные дни, приноситъ жертву.

Чужестранцамъ показываютъ домы Мильтіада, Аристида, Ѳемистокла, и иныхъ великихъ мужей прошедшаго вѣка. Прежде ничто ихъ не отличало: нынѣ блещутъ они своею простотою противъ тѣхъ зданій, какія люди, ни имени ни добродѣтели не имѣющіе, не устыдились воздвигнуть близъ сихъ смиренныхъ обиталищъ. Съ того времени, какъ

появился вкусъ въ строенiи, художества всеcдневно истощаютъ силы свои къ питанiю и разпространенiю онаго. Начали проводить прямыя улицы, новые домы раздѣлять на двѣ половины, помѣщать въ нижнемъ жильѣ покои для мужа и для жены, дѣлать удобнѣйшими посредствомъ искусныхъ разположенiй, и блистательнѣйшими отъ безчисленныхъ уборовъ.

Таковъ былъ домъ Динiя, одного изъ богатѣйшихъ и сластолюбивѣйшихъ гражданъ Аѳинскихъ. Онъ жилъ такъ пышно, что вскорѣ разточилъ все имѣнiе свое. Три или четыре невольника всегда за нимъ слѣдовали. Жена его, Лисистрата, не иначе выѣзжала, какъ на колесницѣ, запряженной четырьмя бѣлыми Сикiонскими конями. По примѣру прочихъ Аѳинянъ, имѣлъ у себя въ домѣ для прислугъ женщину, которая раздѣляла права супруги его, и содержалъ въ городѣ любовницу, коей имѣлъ великодушiе даровать свободу, или сдѣлать ей состоянiе прежде, нежели оставилъ ее. Желая непрестанно веселиться и веселить друзей своихъ, часто давалъ имъ пиры и праздники.

Однажды я просилъ его показать мнѣ домъ свой. Послѣ снялъ я съ него чертежъ, по коему можно видѣть, что длинная и узкая

стезя вела прямо къ женскимъ покоямъ: вступать туда запрещено мущинамъ, кромѣ родственниковъ и тѣхъ, кои приходятъ вмѣстѣ съ мужемъ. По дерновой площадкѣ, окруженной тремя портиками, вошли мы довольно въ большой покой, гдѣ сидѣла Лисистрата, которой Диній меня представилъ.

Мы нашли ее за шитьемъ, однако больше занимающуюся двумя Сицилійскими голубками и Малтійскою собачкою, около ея игравшею. Лисистрата слыла прекраснѣйшею женщиною въ Аѳинахъ, и старалась поддерживать сію славу изящностію уборовъ своихъ. Черные ея власы, благовоніями умащенные, лежали по плечамъ густыми кудрями: золотыя серьги были у нее въ ушахъ, жемчугъ на шеѣ и на рукахъ, драгоцѣнныя каменья на перстахъ. Еще будучи недовольна природнымъ цвѣтомъ лица, прибѣгала она къ искуству, чтобъ казаться въ сіяніи розъ и лилей. На ней была одежда бѣлая, какую обыкновенно носятъ знатныя женщины.

Въ сію минуту услышали мы голосъ, вопрошающій, дома ли Лисистрата? Дома, отвѣчала невольница, и тотчасъ вошла ска-

зать о приходѣ Евхарисы, одной изъ пріятельницъ Лисистраты, которая бросилась къ ней на встрѣчу, нѣжно обняла ее, подлѣ нея сѣла, и не переставала хвалить и лице и уборы ея. Какъ ты мила! какъ ты хорошо одѣта! эта ткань прекрасна; она къ тебѣ чрезвычайно пристала; какъ она дорога?

Догадываясь, что сей разговоръ не скоро кончится, испросилъ я у Лисистраты позволеніе осмотрѣть и прочіе покои. Уборный столъ прежде всего обратилъ на себя мои взоры. Я увидѣлъ на немъ серебреныя чаши и кувшины, зеркала изъ разныхъ веществъ, булавки для разобранія волосовъ, щипцы для завиванія, ленты больше или меньше широкія для подвязыванія, вязеныя сѣтки для обвертыванія, желтый порошекъ для покрытія ихъ; различнаго рода зарукавья и серьги; коробочки, содержащія въ себѣ румяна, бѣлило, черную краску, для сурменія бровей, и все, что служитъ къ чистотѣ зубовъ, и проч.

Я разсматривалъ сіи предметы со вниманіемъ, и Диній не понималъ, по чему они для Скиөа были новы. Онъ мнѣ показывалъ потомъ свое и супруги своей лицеизображенія.

Меня поразила изящность домашнихъ уборовъ; онъ примѣтя сїе, сказалъ, что любя превосходное искуство иностранныхъ ремеслениковъ, заказывалъ дѣлать стулья въ Ѳессалїи, постельные тюфяки въ Коринѳѣ, подушки въ Карѳагенѣ; и какъ удивленїе мое увеличивалось, то онъ, смѣясь простотѣ моей, прибавилъ въ свое оправданїе, что Ксенофонтъ являлся на войнѣ со щитомъ Аргосскимъ, въ латахъ Аѳинскихъ, шлемѣ Вїотїйскомъ, и на конѣ Эпидаврскомъ.

Мы перешли въ покои, для мущинъ опредѣленные, посреди коихъ была дерновая площадка, окруженная четырьмя портиками, въ которыхъ стѣны покрыты гипсомъ, и выложены деревомъ. Сїи портики служили входомъ во многїе большїе и малые покои, по большей части великолѣпно убранные. Золото и слоновая кость возвышали блескъ уборовъ: потолоки и стѣны украшены живописью: щиты и ковры, вытканные въ Вавилонѣ, представляли Персовъ въ длинныхъ одеждахъ ихъ, ястребовъ и иныхъ птицъ, и многихъ вымышленныхъ животныхъ.

Роскошь, повсюду видимая въ домѣ Динїя, царствовали также при столѣ его. Я извлеку изъ дневныхъ моихъ записокъ

описанїе перваго ужина, на который мы были приглашены съ Филотомъ, другомъ моимъ.

Надлежало собираться подъ вечеръ въ то время, какъ тѣнь указателя на солнечныхъ часахъ будетъ въ двѣнадцать футовъ длины. Мы старались придти ни съ лишкомъ поздо, ни съ лишкомъ рано: того требовало учтивство. Нашли Динїя въ суетахъ, и раздающаго приказы. Онъ представилъ намъ Филонида, одного изъ тѣхъ паразитовъ или объѣдалъ, кои втираются въ домы людей богатыхъ, чтобъ принимать и забавлять гостей. Мы примѣтили, что отъ времени до времени отрясалъ онъ пыль съ платья Динїева. Минуту спустя, прибылъ врачъ Никоклесъ, внѣ себя отъ усталости: у него было много больныхъ; однакожъ не чѣмъ инымъ, говорилъ онъ, какъ насморкомъ и легкимъ кашлемъ, которые происходили отъ дождей, продолжавшихся съ начала самой осени. Тотчасъ за нимъ пришли Леонъ, Зопиръ и Ѳеотимъ, три знатные Аѳинянина, кои по склонности къ забавамъ были дружны съ Динїемъ. Наконецъ, вдругъ появился Демохаресъ, хотя званъ и не былъ. Какъ онъ былъ уменъ,

и имѣлъ пріятныя дарованія; то принятъ съ восторгомъ отъ всего сообщества.

Пошли мы въ столовую: курился тамъ ѳиміамъ и другія благовонія. На поставцѣ расположены были серебреные и позолоченые сосуды, нѣкоторые изъ нихъ украшены дорогими каменьями.

Невольники полили чистой воды намъ на руки, и возложили на головы вѣнки. Мы начали по жеребью избирать царя пиршества. Онъ долженствовалъ удалять всякое своевольство, не нарушая свободы; опредѣлять время, когда пить съ разстановкою, назначать, за чье здоровье пить, и смотрѣть за наблюденіемъ законовъ, при питьѣ установленныхъ. Жребій палъ на Демохареса.

Около стола, чисто на чисто губкою вытертаго, возлегли мы на одрахъ, на коихъ покрывала были багрянаго цвѣта. Когда принесли къ Динію роспись яствамъ, то первыя изъ оныхъ отложили мы для Діанина жертвенника. Каждый изъ насъ привелъ съ собою служителя. За Диніемъ стоялъ Арапъ, одинъ изъ тѣхъ Еѳіопскихъ невольниковъ, которыхъ покупаютъ богатые люди за великія деньги, чтобъ отличить себя отъ прочихъ гражданъ.

Я не буду подробно описывать стола, который ежеминутно подавалъ намъ доказательства богатства и расточительности Диніевой: дамъ только общее объ немъ понятіе.

Сперьва поставлено было множество разнаго рода черепокожныхъ; однѣ такъ, какъ вынуты изъ моря; другія, печеныя на угольяхъ, или въ пѣчи зажареныя; по большей части приправленныя перцомъ и тминомъ. Въ то же время поданы свѣжія яйца, куриныя и павлиныя; послѣднія почитаются лучшими; колбасы, свиныя ножки, кабанья печень, ягнячья голова, телячьи рубцы; свиная брюшина, приправленная тминомъ, уксусомъ и сильфіемъ; птички, съ горячею подливкою, составленною изъ натертаго сыру, масла, уксусу и сильфія. При второй перемѣнѣ, подано все, что можно найти вкуснѣйшаго въ дичинѣ, дворовыхъ птицахъ, и особливо въ рыбахъ. Третью перемѣну составляли плоды.

Между такого множества предметовъ, представлявшихся глазамъ нашимъ, всякому вольно было избирать то, что могло наиболѣе нравиться вкусу друзей его, и къ нимъ

посылать: это есть долгъ, коего никогда не нарушаютъ на пирахъ нарядныхъ.

При началѣ ужина Демохаресъ взялъ чашу съ виномъ, и не много испивъ , пустилъ ее изъ рукъ въ руки. Каждый изъ насъ въ свою очередь прихлебнулъ вина. Сія первая чаша почитается знакомъ и залогомъ дружбы, которая должна соединять пиршествующихъ. За нею послѣдовали другія, и питы были Демохаресомъ за здоровье то того, то другаго, и мы тотчасъ благодарили ему тѣмъ же.

Въ бесѣдѣ живой и веселой, безъ помѣшательства и безъ предмета , нечувствительно дошло до шутокъ надъ ужинами людей ученыхъ и философовъ, изъ коихъ одни тратятъ время толь драгоцѣнное въ уловленіи другъ друга загадками и логогрифами, а другіе въ рѣшеніи нравственныхъ и метафизическихъ задачъ. Чтобъ картину сію сдѣлать еще смѣшнѣе, Демохаресъ предложилъ, чтобъ всякъ изъ насъ показалъ знаніе, какое имѣетъ кто о яствахъ пріятнѣйшихъ на вкусъ, объ искуствѣ приготовлять ихъ, и о удобности доставать оныя въ Аѳинахъ. Какъ надобно было представить пиршество мудрецовъ, то положено,

чтобы каждый говорилъ въ свою очередь, и объяснялъ предметъ свой съ великою важностїю, не входя излишно въ подробности, и не совсѣмъ пренебрегая оныя.

Мнѣ начинать надлежало; но будучи худый знатокъ въ дѣлѣ, о коемъ разсуждать хотѣли, я готовъ былъ отказаться, какъ Демохаресъ попросилъ меня описать обѣды Скиѳскїе. Я отвѣтствовалъ кратко, что Скиѳы питаются только медомъ, молокомъ коровьимъ или кобыльимъ; что они съ самаго рожденїя привыкаютъ къ сему такъ, что и въ кормилицахъ надобности не имѣютъ; молоко доятъ въ большїе сосуды; бьютъ его долго, для отдѣленїя нѣжнѣйшей части, и къ такому труду опредѣляютъ тѣхъ изъ своихъ непрїятелей, коихъ доставитъ имъ въ руки жребїй оружїя: но я не скажу, чтобъ, для отнятїя у сихъ несчастныхъ способа къ побѣгу, лишали ихъ зрѣнїя.

Послѣ нѣкоторыхъ околичностей, о коихъ умалчиваю, Леонъ началъ говорить слѣдующимъ образомъ: Аѳинянъ непрестанно порицаютъ излишнею умѣренностїю въ пищѣ: правда, что у насъ обѣды, вообще, не столь продолжительны и обильны, какъ у Ѳивянъ

и нѣкоторыхъ другихъ народовъ въ Грецiи; но мы начали послѣдовать ихъ примѣрамъ, а они скоро нашимъ слѣдовать станутъ. Мы каждый день прибавляемъ что нибудь къ роскоши стола, и видимъ, что нечувствительно изчезаетъ старинная наша простота со всѣми народными добродѣтелями, которыя порождены нуждою, и не во всѣ времена быть могутъ. Пусть ораторы наши воспоминаютъ намъ, сколько хотятъ, о Мараѳонскомъ и Саламинскомъ сраженiяхъ; пусть чужестранцы удивляются памятникамъ, городъ сей украшающимъ: Аѳины представляютъ глазамъ моимъ существеннѣйшую выгоду, то есть, обилiе, каковымъ здѣсь чрезъ цѣлый годъ наслаждаемся; и сiе торжище, куда ежедневно свозятся лучшiя произведенiя острововъ и матерой земли. Я смѣю сказать, что нѣтъ страны, гдѣ бы удобнѣе было роскошествовать въ столѣ, не исключая и самой Сицилiи.

Намъ ничего желать не осталось въ разсужденiи торговыхъ мясъ и птицъ домашнихъ. Наши дворы, какъ въ городѣ, такъ и внѣ онаго, изобилуютъ каплунами, голубями, утками, цыплятами, и гусями, которыхъ умѣемъ мы откармливать. Времена

года попеременно возвращают къ намъ дроздовъ, перепелокъ, скворцовъ, жаворонковъ, снѣгирей, дикихъ голубей, горлицъ, куликовъ, и рябчиковъ. Фазъ познакомилъ насъ съ такими птицами, которыя составляютъ украшенїе береговъ его, а еще справедливѣе, украшенїе столовъ нашихъ: онѣ начинают размножаться и у насъ въ птичникахъ , богатыми людьми содержимыхъ. Наши долины покрыты зайцами и куропатками ; холмы, тминомъ, розмариномъ и растѣнїями, производящими въ мясѣ кролика хорошей вкусъ и запахъ. Въ сосѣдственныхъ лѣсахъ ловимъ молодыхъ и старыхъ вепрей; съ острова Мелоса получаемъ дикихъ козъ, самыхъ лучшихъ во всей Грецїи.

Море, сказалъ тогда Зопиръ, неопустительно платитъ также дань своимъ повелителямъ, и обогащаетъ столы наши вкусною рыбою. У насъ много мурены, медуницы, золотыхъ спаровъ, морскихъ змїевъ, рыбы мечъ, красныхъ спаровъ, желѣзницы и тунцовъ.

Нѣтъ ничего вкуснѣе, какъ морскїе угри, которые привозятся изъ Сикїоны; какъ голубая макрель, коя ловится при Мегарѣ; какъ вьюшки, макарелы, скоба, и краснорыбица,

которыя водятся при берегахъ нашихъ. Салакуша въ другихъ мѣстахъ составляетъ пищу простаго народа; но та, которую ловимъ близь Фалеры, заслуживаетъ быть снѣдїю боговъ, а особливо когда опустишь ее на минуту въ кипящее масло.

Простонародїе, ослѣпляясь славою, думаетъ, что въ предметѣ почтенномъ будто бы все достойно почтенїя. А мы раздробляемъ достоинство на малѣйшїя части, и беремъ переднюю часть отъ макарели, голову отъ севрюги и морскаго угря, грудь отъ тунца, спину отъ камбалы, а прочее оставляемъ вкусу не столь разборчивому.

Къ пособїямъ отъ моря прибавимъ и тѣ, какїя получаемъ отъ озеръ Вїотїйскихъ. Не повсядневно ли приносятъ намъ съ озера Копаискаго угрей, отмѣнныхъ по вкусу и величинѣ своей? Наконецъ, мы можемъ поставить въ число истинныхъ богатствъ нашихъ и то удивительное количество соленой рыбы, привозимой изъ Эллеспонта, Византїи и Понта Эвксинскаго.

Леонъ и Зопиръ, сказалъ Филотъ, говорили о явствахъ, которыя служатъ основанїемъ всему обѣду. Снѣди, подаваемыя

при первой и третьей перемѣнѣ, требуютъ глубочайшихъ познаній, нежели мои, и не меньше доказываютъ преимущество нашего климата. У насъ столько же много раковъ, какъ и устрицъ и ежей морскихъ. Послѣднихъ иногда готовятъ въ меду съ уксусомъ, петрушкою и мятою. Они превосходны вкусомъ, когда ловятъ ихъ въ полнолуніи, да и ни въ какое время не заслуживаютъ той хулы, какую дѣлалъ имъ нѣкій Лакедемонецъ, который, никогда не видавъ сихъ раковинъ, вздумалъ одну изъ нихъ поднести ко рту, и съѣсть ее съ колючими шипками.

Я не буду говорить о грибахъ, о спаржѣ, о различныхъ родахъ огурцовъ, и о безчисленномъ множествѣ огородныхъ овощей, кои повсядневно приносятся на рынокъ свѣжіе, однако не долженъ забыть, что плоды нашихъ садовъ весьма пріятны. Превосходство нашихъ смоквъ всѣми признано: онѣ лишь только съ дерева снятыя, служатъ лакомствомъ для жителей Аттики; а сушеныя развозятся по странамъ отдаленнымъ, и даже бываютъ на столѣ царя Персидскаго. Наши оливки, изготовленныя въ уксусѣ, возбуждаютъ позывъ на пищу: тѣ, кои на-

зываемъ мы колимбадами, по величинѣ и по вкусу превосходнѣе всѣхъ, родящихся въ другихъ земляхъ. Виноградныя ягоды, извѣстныя подъ именемъ Никострата, не меньше славятся. Искуство прививать деревья доставляетъ грушамъ и большей части нашихъ плодовъ такія качества, которыхъ не дала имъ природа. Еввея снабдѣваетъ насъ весьма хорошими яблоками; Финикія, финиками; Коринѳъ, дулями, сладость коихъ равняется съ ихъ красотою; а Наксосъ, миндалемъ, толь высоко почитаемымъ въ Греціи.

Дошла очередь до парасита; мы удвоили вниманіе. Онъ началъ такъ:

Хлѣбъ, который подаютъ у насъ на столъ, и даже тотъ, который продаютъ на рынкѣ, чрезвычайно бѣлъ и вкусенъ. Искуство приготовлять его было, въ прошедшемъ вѣкѣ, усовершенствовано въ Сициліи Ѳеаріономъ: оно сохранилось между нами во всей своей силѣ, и не мало способствовало успѣхамъ въ дѣланіи разнаго хлѣбеннаго. Нынѣ имѣемъ мы тысячу средствъ превращать всякую муку въ пищу здоровую и пріятную. Замѣсите пшеничную муку на молокѣ, маслѣ, и положите туда соли; вы

будете имѣть тотъ вкусный хлѣбъ, о которомъ понятіе дали намъ Каппадокіане. Замѣсите ее на меду, разсучите тѣсто въ тоненькіе листы, такъ чтобъ они передъ жаромъ свертывались въ трубку; у васъ будетъ такое печенье, которое вамъ теперь подали, и которое вы обмакивали въ вино, но надобно ѣсть его горячее. Сіи такъ мягкіе и легкіе катышки, которые послѣ нихъ кушали, пекутся въ пѣчи изъ кунчутной муки на меду и маслѣ. Возмите яшной крупы; истолките ее въ иготи; положите муку въ сосудъ; налейте туда масла; мѣшайте ето, когда варится исподоволь на огнѣ; прибавляйте къ тому по не многу цыплячьяго, или козлячьяго,. или бараньяго соку; наипаче берегитесь, чтобъ не пошло оно черезъ; и когда уварится, сколько надобно, подавайте на столъ. У насъ есть печенья просто на молокѣ и меду; и въ иныя, кромѣ меду, кладется кунчутная мука и сыръ или масло; а въ нѣкоторыя запекаютъ плоды различныхъ родовъ. Пироги съ зайчиною дѣлаются также, какъ пироги съ дроздами и съ тѣми птичками, кои водятся у насъ въ садахъ виноградныхъ.

Произнося слова сіи, Филонидъ схва-

тилъ пирогъ съ изюмомъ и миндалемъ, который только лишь на столъ поставили, и не хотѣлъ продолжать своей рѣчи.

Наше вниманіе остановилось не надолго. Тотчасъ говорить началъ Ѳеотимъ.

Многіе писатели, сказалъ онъ, разсуждали объ искуствѣ поваренномъ, изъ искуствъ перьвомъ, по тому что оно доставляетъ удовольствія и чаще и продолжительнѣе. Таковы суть Миѳекъ, который намъ издалъ Сицилійскаго повара; Нуменій Ираклейскій, Егемонъ изъ Ѳазоса, Филоксенъ изъ Левкады, Актидъ Хіоскій, Тиндарикъ Сикіонскій. Я могъ бы привесть еще многихъ другихъ, ибо у меня есть всѣ ихъ сочиненія; но всѣхъ лучше для меня Гастрономія Архострата. Сей писатель былъ другъ одного изъ сыновей Перикловыхъ; онъ прошелъ земли и моря, чтобъ только узнать чрезъ самаго себя, что производятъ онѣ изящнѣйшаго. Въ путешествіяхъ своихъ навѣдывался не о нравахъ народныхъ, о коихъ знать безполезно, по тому что перемѣнить ихъ не можно; но посѣщалъ приспѣшни, гдѣ готовятся сладчайшія яства, и ни съ кѣмъ не имѣлъ сообщенія, кромѣ людей полезныхъ для его удовольствій. Его поэма

есть сокровище просвѣщенія; нѣтъ въ ней стиха, который бы не содержалъ наставленія.

Въ сей-то книгѣ многіе повара почерпали начала того искуства, которое учинило ихъ безсмертными, которое съ давнихъ временъ приводимо было въ совершенство въ Сициліи и Елидѣ, и которое у насъ Ѳимвронъ вознесъ на высочайшую степень славы. Я знаю, что упражняющіеся въ ономъ, часто, по высокомѣрію своему, заслуживали осмѣяніе на ѳеатрѣ нашемъ; но, естьли бъ они не восхищались ремесломъ своимъ, не имѣли бы къ тому дара.

Мой поваръ, коего не давно выписалъ я изъ Сиракузъ, устрашилъ меня однажды изчисленіемъ качествъ и познаній, потребныхъ къ его должности. Сказавъ мнѣ мимоходомъ, что Кадмъ, предокъ Вакховъ, основатель Ѳивъ, сперьва былъ поваромъ у царя Сидонскаго: знаете ли, говорилъ онъ, что для достойнаго прохожденія моего служенія, не довольно имѣть изящныя чувства и крѣпкое здоровье, но надлежитъ еще соединять величайшія дарованія съ обширнѣйшими свѣденіями. Я не занимаюсь низкими должностями въ вашей поварнѣ; являюсь

туда только для управленія дѣйствіемъ огня, и для наблюденія за производствомъ моихъ предписаній. Обыкновенно сидя въ ближнемъ покоѣ, отдаю приказы, кои исполняются моими подчиненными; я размышляю о произведеніяхъ природы. Иногда оставляю оныя въ простотѣ ихъ; а иногда скрываю ее и приправляю ихъ по новымъ расположеніямъ, могущимъ угодить вкусу вашему. На примѣръ, когда надобно подать вамъ поросенка, или большую часть говядины, то довольно только сварить ихъ. Хотите ли хорошаго зайца? Естьли онъ молодъ, то не нужно ничего, кромѣ собственнаго его достоинства, чтобъ быть отмѣнно вкуснымъ; я кладу его на вертелъ, и подаю вамъ со всѣмъ еще съ кровью: но мое знаніе въ тонкости соображеній особенно блистать должно.

Соль, перецъ, масло, уксусъ и медъ суть главныя вещи, которыя долженъ я употреблять въ дѣло; и лучше ихъ сыскать не можно въ другихъ странахъ. Деревянное масло, такъ какъ и Декелійскій уксусъ вашъ, превосходны: медъ горы Иметты заслуживаетъ преимущество даже предъ медомъ Сицилійскимъ. Кромѣ сихъ припа-

совЪ, мы кладемЪ вЪ рагу яица, сырЪ, сушеный виноградЪ, сильфіи, петрушку, кунчутное сѣмя, тминЪ, каперсы, рѣжуху, укропЪ, мяту, кишнецЪ, морковь, чеснокЪ, лукЪ, и тѣ ароматическія растенія, которыя у насЪ вЪ толь великомЪ употребленіи, какЪ то, душица и превосходный чеберЪ сЪ горы Иметты. ВотЪ, такЪ сказать, силы, коими художникЪ располагать можетЪ, но расточать ихЪ никогда не долженЪ. Естьли мнѣ попадется вЪ руки такая рыба, у коей тѣло крѣпко, то присыпаю ее тертымЪ сыромЪ и поливаю уксусомЪ; а когда оно мягко, то бросаю только щепоть соли и нѣсколько капелЪ масла: иногда же, обложивЪ ее душицею, обвертываю вЪ смоковный листЪ, и пеку вЪ горячей золѣ.

Умножать приправы позволяется только вЪ подливкахЪ или рагу. НамЪ извѣстны разныя роды ихЪ; однѣ крѣпкія, а другія сладкія. Та подливка, которую можно употреблять со всякою вареною или жареною рыбою, дѣлается изЪ уксусу, тертаго сыру, чесноку, кЪ коему еще прибавить можно пырею и луку, мѣлко изрубленнаго. Естьли хочешь, чтобЪ она не такЪ крѣпка

была, то составь ее изъ масла, яичныхъ желтковъ, пырея, чесноку и сыру: а ежели хочешь, чтобъ была она еще слаще, то положи въ нее меду, финиковъ, тмину, и другихъ подобныхъ снадобей. Но такїе составы не должны зависѣть отъ произволу неискуснаго художника.

Я тоже самое скажу о начинкахъ. Всѣмъ извѣстно, что рыбу, выпотрошивъ и вынувъ изъ нее кости, можно начинять сильфїемъ, сыромъ, солью и душицею: всѣмъ также извѣстно, что поросенокъ начиняется дроздами, куликами, яичными желтками, устрицами и другими черепокожными; такїя смѣси могутъ простираться до безчисленности: но будьте увѣрены, что требуется долговременныхъ и глубокихъ изысканїй, дабы сдѣлать ихъ равно прїятными вкусу и здоровью полезными: ибо искуство мое соединено со всѣми науками, а паче со врачебною. Не долженъ ли я знать травы, которыя въ каждое время года имѣютъ наиболѣе соку и силы? Не уже ли поставлю вамъ на столъ такую рыбу, которую только зимою подавать надобно. Нѣкоторыя снѣди неудобнѣе ли къ варенїю въ извѣстныя времена? И не отъ того ли, что однимъ кушаньямъ передъ другими непрерывно дается

преимущество, происходитъ большая часть болѣзней, насъ изнуряющихъ.

При сихъ словахъ, врачъ Никоклесъ, который въ молчанїи и безъ разбору пожиралъ все, что ему ни попадалось, вскричалъ съ жаромъ: твой поваръ основательно разсуждаетъ. Нѣтъ ничего нужнѣе, какъ выборъ снѣдей; ничто не требуетъ толикаго вниманїя. Во первыхъ надлежитъ сообразоваться со свойствомъ климата, съ перемѣнами воздуха и годовыхъ временъ, со сложенїемъ тѣла и съ лѣтами; потомъ съ качествами больше или меньше питательными, признаемыми въ различныхъ родахъ мясъ, рыбъ, овощей и плодовъ. На примѣръ, мясо говяжье крѣпче; и варится нескоро; телячье, напротивъ: такъ какъ мясо ягнячье легче, нежели овечье, и мясо козленка легче, нежели мясо козы. Мясо свиное и кабанье сушитъ, но укрѣпляетъ и варится скоро. Поросенокъ тяжелъ для желудка. Мясо заячье сухо и вяжуще. Вообще у дикихъ животныхъ, у тѣхъ, кои питаются плодами, у самцовъ, у черныхъ шерстью и мохнатыхъ, мясо не такъ сочно, какъ у домашнихъ, какъ у питающихся травами, какъ у самокъ и у безшерстныхъ. Ето ученїе Иппократово.

Каждый напитокъ имѣетъ также соб-

ственныя свойства. Вино горячитъ и сушитъ: въ немъ есть нѣчто очистительное. Сладкія вина меньше входятъ въ голову; красныя питательны; бѣлыя разводятъ соки, свѣтлыя сухи и помогаютъ варенію желудка. По мнѣнію Иппократа, вина новыя слабятъ больше, нежели старыя, по тому что онѣ мало разнствуютъ отъ сусла; ароматическія, питательнѣе прочихъ; вина красныя и сладимыя...

Никоклесъ хотѣлъ продолжать; но Диній, прервавъ рѣчь его, сказалъ: я не смотрю на подобные разборы; однако не терплю на столѣ моемъ винъ Сакинѳскихъ и Левкадскихъ, по тому что онѣ вредны; въ нихъ кладутъ гипсъ. Не люблю вина Коринѳскаго, по тому что оно грубо; ни Икарскаго для того, что кромѣ сего порока, оно еще пьяно: для меня хорошо старое вино Корцирское, которое весьма приятно, и бѣлое Мендейское, которое весьма нѣжно. Архилохъ сравнивалъ Накское вино съ некmаромъ; а я, вино Ѳазоское равняю съ симъ божескимъ напиткомъ. Я предпочитаю его всѣмъ винамъ, кромъ Хіоскаго, естьли оно перваго качества; ибо ихъ есть три разбора.

Мы въ Греціи любимъ вина сладкія и благовонныя. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ подслащаютъ ихъ, опуская въ бочку медовую

лепешку; почти вездѣ кладутъ въ него мяту, ароматы, плоды и цвѣты. Я люблю, когда отошкну одну изъ моихъ бочекъ, чтобъ тотчасъ запахъ фїалокъ и розъ поднялся на воздухъ и наполнилъ мой погребъ; но не хочу, чтобъ одно чувство довольствовано было на щетъ другаго. Вино изъ Вивлоса, что въ Финикїи, сперьва поражаетъ множествомъ благовонїй, коими оно сдобрено. У меня запасено его довольно; однако почитаю его гораздо ниже Лесвоскаго, которое не столь пахуче, а для вкусу приятнѣе. Хотите ли имѣть напитокъ приятный и здоровый? мѣшайте вина благовонныя и сладкїя съ винами противнаго качества. Таково есть смѣшенїе вина Ересейскаго съ Ираклейскимъ.

Морская вода, съ виномъ смѣшанная, помогаетъ, сказываютъ, варенїю желудка, и препятствуетъ виннымъ парамъ подниматься въ голову; но не надобно, чтобъ ее было болѣе, нежели вина. Въ томъ состоитъ недостатокъ винъ Родосскихъ: а въ Косскихъ, избѣгать онаго умѣютъ. Я думаю, что одной мѣры воды морской довольно на пятдесятъ мѣръ вина, а особливо когда избирается, для дѣланїя вина сего, виноградъ, вновь насаженный, а не старый.

Ученыя изыскания вразумили насЪ, какЪ дѣлать смѣшенїе напитковЪ. Самая обыкновенная соразмѣрность вина кЪ водѣ есть какЪ два кЪ пяти, или какЪ одинЪ кЪ тремЪ; но, между друзьями, предпочитаемЪ мы соразмѣрность противоположную; а при концѣ стола и совсѣмЪ забываемЪ сїи строгїя правила. СолонЪ зепретилЪ намЪ пить цѣльное вино. ЗаконЪ сей, можетЪ быть, изЪ всѣхЪ его законовЪ вѣрнѣе наблюдается, благодаря плутовству нашихЪ винопродавцевЪ, питїе сїе ослабляющихЪ. Что касается до меня, я получаю его изЪ первыхЪ рукЪ, и вы можете быть увѣрены, что мы не престанемЪ нарушать закона Солонова, вЪ продолженїе всего пиршества сего.

СказавЪ сїе, Динїй велѣлЪ принести множество бутылокЪ вина, которое стояло у него уже лѣтЪ десять, а за тѣмЪ подано еще старѣе.

Мы пили тогда почти безЪ прерыву. ДемохаресЪ, заставивЪ пить различныя здоровья, взялЪ лиру, и между тѣмЪ, какЪ ее настроивалЪ, разсказывалЪ намЪ о обыкновенїи, какое всегда наблюдалось, чтобЪ сЪ увеселенїями стола мѣшать и пѣнїе. Прежде, говорилЪ онЪ, пѣвали всѣ гости вмѣстѣ

и въ одинъ голосъ. Потомъ установлено, чтобъ пѣлъ каждый въ свою очередь, держа въ рукѣ миртовую или лавровую вѣтвь. Правда, веселїе было не столь шумно, но и не столь живо. Послѣ еще ограничили оное, присоединивъ къ голосу лиру: тогда многїе изъ гостей принуждены были хранить молчанїе. Ѳемистоклъ нѣкогда былъ порицаемъ за то, что пренебрегалъ сїе искуство; въ наши времена, Эпаминондъ заслужилъ похвалу за упражненїе въ ономъ. Но, коль скоро придается излишняя цѣна подобнымъ приятностямъ, становятся онѣ наукою; искуство усовершается на щетъ веселїя, и успѣхи платятся одною улыбкою.

Застольныя пѣсни содержали сперьва только изъявленїя благодарности, или правила мудрости. Мы прославляли въ нихъ, и нынѣ еще славимъ боговъ, ироевъ и гражданъ полезныхъ своему отечеству. Къ толь важнымъ предметамъ прибавили потомъ похвалу вину; и стихотворство, принявъ на себя начертавать оную въ самыхъ живѣйшихъ краскахъ, изобразило въ то же время сїе смѣшенїе мыслей, сїи мятежныя движенїя, какїя ощущаемъ съ друзьями нашими при видѣ напитка, въ чашахъ пѣнящагося. Отсюда родилось такое множество пиршественныхъ пѣсенъ, содержа-

щихъ правила касательно или благополучїя и добродѣтели, или любви и дружбы. И дѣйствительно къ симъ двумъ чувствїямъ обращается душа съ удовольствїемъ, когда не можетъ вмѣщать радости, ея исполняющей.

Многїе сочинители упражнялись въ семъ родѣ стихотворенїя; нѣкоторые довольно въ томъ отличились; Алкей и Анакреонъ прославили оное. Оно не требуетъ дальныхъ усилїй, по тому что чуждо высокомѣрїя. Къ похвалѣ боговъ и ироевъ можно употреблять великолѣпныя мысли и выраженїя; но восторгу и приятностямъ только свойственно изображать чувствїе и радость.

Предадимся восторгу, какїй внушаетъ намъ щастливая минута сїя, примолвилъ Демохаресъ; станемъ пѣть всѣ вмѣстѣ, или по очереди, и возмемъ въ руки наши лавровыя или миртовыя вѣтви.

Мы тотчасъ исполнили его повелѣнїе; и послѣ многихъ пѣсенъ приличныхъ обстоятельству, всемъ хоромъ запѣли Армодїеву и Аристогитонову пѣсню. Демохаресъ, отъ времени до времени, наигрывалъ то же; но, вдругъ ставъ объятъ новымъ восторгомъ, возкликнулъ: упрямая лира моя не внемлетъ толь благороднымъ предметамъ; она предо-

ставляетЪ голосЪ свой пѣвцу вина и любви. Посмотрите, какЪ при воспоминанiи обЪ Анакреонѣ, трогаются струны ея, и издаютЪ согласнѣйшiе звуки. О друзья мои! да льется вино рѣкою; соедините голоса ваши сЪ моимЪ, и припѣвайте.

Станемъ пить, и превозносить Вакха; ему приятны наши пляски, приятно наше пѣнiе; онЪ потушаетЪ зависть, вражду и печали: имЪ порождены плѣняющiя грацiи и прелестные амуры. СтанемЪ любить, пить, превозносить Вакха.

Будущаго нѣтЪ еще; настоящаго не будетЪ скоро; единая минута жизни есть та минута, коею наслаждаться можемЪ. СтанемЪ любить, пить, превозносить Вакха.

Будучи благоразумны даже вЪ забавахЪ нашихЪ, богаты нашими увеселенiями, попремЪ ногами землю и тщетное величiе ея; и вЪ сладостномЪ упоенiи, какое блаженныя минуты сiи лiютЪ вЪ души наши, станемЪ пить, станемЪ превозносить Вакха.

Между тѣмЪ услышали мы великiй стукЪ у дверей, и увидѣли Калликлеса, Никострата и другихЪ молодыхЪ людей, кои привели кЪ намЪ плясавицЪ и свирѣль-

щицъ, съ которыми они вмѣстѣ ужинали. Тотчасъ большая часть изъ гостей встали изъ за стола, и пошли плясать; ибо Аѳиняне любятъ сїе упражненїе такъ страстно, что почитаютъ за неучтивство отказываться отъ онаго, когда потребуетъ случай. Въ то жъ время поставили на столъ множество закусокъ, позывъ на пищу возбуждающихъ, какъ то: акриды, рѣпу, нарѣзанную кусками и вареную въ уксусѣ съ горчицею; сѣрый горохъ поджареный; оливки, изъ росолу только лишь вынутыя.

Сїя новая перемѣна, сопровождаемая новымъ запасомъ вина и кубками гораздо большими прежнихъ, возвѣщала уже излишества, которыя, по щастью, были удержаны не ожиданнымъ зрѣлищемъ. Лишь только вошелъ Калликлесъ, какъ Ѳеотимъ скрылся. Онъ вдругъ явился, ведя за собою фигляровъ и тѣхъ шутовъ, кои на площадяхъ забавляютъ чернь своими обаянїями.

Минуту спустя, встали изъ за стола. Мы учинили возлїянїя въ честь Благаго Духа и Юпитера Спасителя, и, какъ умыли руки благовонною водою, то наши смѣхотворы начали дѣлать свои фигли. Одинъ клалъ подъ рожокъ извѣстное число ракови-

нокъ или шариковъ; и не примѣтнымъ образомъ выводилъ ихъ или пряталъ по своему произволу. Другїй писалъ или читалъ, вертясь стремительно кругомъ. Иные изрыгали изо рту пламя, или ходили внизъ головою, оперщись на руки, и представляя ногами своими тѣлодвиженїя плясуновъ. Вышла женщина, держа въ рукѣ двѣнадцать мѣдныхъ обручей, въ окружности коихъ вертѣлись многїе колечки изъ того же металла: она плясала, бросая въ верьхъ, и подхватывая попеременно тѣ двѣнадцать обручей. Другая метлалась въ средину многихъ обнаженныхъ мечей. Сїи игры, изъ коихъ нѣкоторыя занимали меня, однакожъ мнѣ не нравясь, производились почти всѣ на голосъ свирѣли. Чтобъ показать въ томъ успѣхъ, надлежало соединять приятность съ точностїю движенїй.

ПРИМѢЧАНІЯ.

ПРИМѢЧАНІЕ I. ГЛАВА I.

О взаимныхъ правахъ, между Левкономъ и Аѳинянами постановленныхъ. стран. 7.

Чтобы торговые люди вѣдали о правахъ сихъ, то вырѣзаны оныя на трехъ столпахъ, изъ коихъ первый поставленъ въ Пиреѣ, вторый при Восфорѣ Ѳракійскомъ, третій при Восфорѣ Киммерійскомъ, т. е. при началѣ, срединѣ и концѣ пути, по коему ходятъ купеческіе корабли обоихъ народовъ.

ПРИМѢЧАНІЕ II. ГЛАВА III.

О Сафѣ. стран. 65.

Слова на томъ мѣстѣ, гдѣ Паросская лѣтопись говоритъ о Сафѣ, почти совсѣмъ изгладились на марморѣ; но можно читать ясно, что она бѣжала въ Сицилію. Слѣдовательно не за Фаономъ уѣхала она на сей островъ, какъ многіе повѣствуютъ. А надобно думать, что Алкей вовлекъ ее въ заговоръ противъ Питтака, и она была изгнана изъ Митилены въ одно время съ Алкеемъ и его сообщниками.

ПРИМѢЧАНІЕ III. ГЛАВА III.

Объ одѣ Сафы. стран. 68.

Во всѣхъ почти ея стихотвореніяхъ, каждая строфа состоитъ изъ трехъ стиховъ одиннадцатисложныхъ, и кончится однимъ пятисложнымъ стихомъ.

ПРИМѢЧАНІЕ IV. ГЛАВА V.

Объ Эпаминондѣ. стран. 82.

Клеархъ Солоскій, приводимый во свидѣтельство Аѳенеемъ, упоминаетъ объ одномъ случаѣ, который могъ бы сдѣлать подозрительною непорочность нравовъ Эпаминондовыхъ; но сей случай, слегка указанный, противорѣчитъ свидѣтельствамъ всей древности, и никакъ не можетъ быть соглашенъ съ тѣми строгими правилами, отъ которыхъ великій мужъ сей не отступалъ и въ самыхъ затруднительныхъ обстоятельствахъ.

ПРИМѢЧАНІЕ V. ГЛАВА IX.

О времени, въ которое отправляемы были большіе праздники Вакховы. стран. 163.

Вообще мнятъ, что большіе праздники Вакховы, или градскіе Діонисіаки, начинались 12 числа мѣсяца Елафеболіона. Во второмъ году сто четвертой олимпіады, т. е. въ томъ году, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь, 12е число мѣсяца Елафеболіона, соотвѣтствовало 8му Апрѣля Іуліанскаго года, за 362 года до Р. Х.

ПРИМѢЧАНІЕ VI. ГЛАВА XII.

О расположеніи города Аѳинъ. стран. 198.

Сравнивъ сказанное древними писателями о расположеніи сего города съ тѣмъ, что новѣйшіе путешественники яко бы открыли, по мнѣнію ихъ въ его развалинахъ, я покажу только, сколько могу лучше, мѣста нѣкоторыхъ примѣчательнѣйшихъ памятниковъ. Для сего надлежитъ сперва опредѣлить, въ которой части города находилась народная площадь, которую Греки называли Агора, то есть, рынокъ

Во всякомъ Греческомъ городѣ была главная площадь, украшенная истуканами, жертвенниками, храмами и другими общенародными зданіями, окруженная купеческими лавками, и наполненная, въ извѣстные часы дня, припасами, къ пропитанію народа потребными. Жители ходили туда ежедневно. Двадцать тысячъ гражданъ Аѳинскихъ, говоритъ Димосѳенъ, непрестанно бываетъ на площади и занимается собственными, или государственными дѣлами.

Изъ древнихъ писателей, я лучше вѣрю свидѣтельству Платона, Ксенофонта, Димосѳена, Есхина, кои жили въ избранную мною эпоху. Естьли Павсаній кажется не во всемъ согласенъ съ ними; то я предувѣдомляю, что здѣсь рѣчь идетъ о той площади, которая была во время первыхъ, а не о той, о которой говоритъ послѣдній. Я то же отвѣтствовать буду, кто возразитъ мнѣ свидѣтельствами, относящимися же временамъ отдаленнымъ отъ моей эпохи.

Площадь народная, или Агора. Ея мѣстоположенїе означено у писателей слѣдующими выраженїями: Есхинъ говоритъ: " Перенеситесь мыслїю въ Пекиль (то былъ славный портикъ); " ибо на площади народной находятся памятники " великихъ подвиговъ вашихъ." Лукїанъ вводитъ многихъ философовъ въ одинъ изъ своихъ разговоровъ, и придаетъ Платону слѣдующїя слова : " Нѣтъ нужды идти въ домъ сей женщины " (философїи). Возвращаясь изъ Академїи, она зайдетъ, по своему обычаю, въ Керамикъ, чтобъ " прогуляться въ Пекилѣ. . ." При взятїи Аѳинъ " Силлою, говоритъ Плутархъ, кровь, пролитая " на площади народной, обагрила весь Керамикъ, " который находится внутри за воротами Дипильскими; и многїе увѣряютъ, что вытекши " она изъ воротъ, разлилась по предмѣстїю.

Изъ сего слѣдуетъ 1е, что площадь сїя была въ части Керамикской; 2е, что она была близь воротъ Дипильскихъ, которыми ходили въ Академїю; 3е, что Пекиль была на площади.

Эсхинъ, въ помянутомъ мною мѣстѣ, показываетъ ясно, что Митроонъ находился на площади. А Митроонъ былъ огражденный храмъ въ честь матери боговъ. Ограда онаго заключала въ себѣ также домъ для собранїя Сената; и сїе подтверждается многими свидѣтельствами.

Послѣ Митроона, надлежитъ помѣстить памятники, тотчасъ показанные Павсанїемъ, какъ то, Ѳолусъ, истуканы Епонимовъ, и проч. Тутъ же находился, по мнѣнїю Иродота, храмъ Еака,

и, по свидѣтельству Димосѳена, Леокоріонъ, храмъ, сооруженный въ честь Леонскимъ дѣвамъ, которыя нѣкогда принесли себя на жертву для отвращенія моровой язвы.

Портикъ царскій. Ему надобно быть на углу, гдѣ сходились двѣ улицы, ведущія на площадь народную. Первая, по показанію Павсанія, идетъ отъ сего портика къ Митроону, вторая означена однимъ древнимъ писателемъ, который положительно говоритъ, что отъ Пекили и портика царскаго, т. е. отъ одного изъ сихъ портиковъ до другаго поставлены многіе Гермесы, или грудные истуканы Меркурія.

Пекиль и портикъ Гермескій. Слѣдуя тому же писателю, должно помѣстить Пекиль на концѣ одной улицы, которая идетъ отъ царскаго портика даже до площади народной. Онъ занимаетъ на площади одинъ уголъ улицы. На противуположномъ углу должно быть зданію, называемому иногда портикомъ Гермесовъ, а иногда просто Гермесами. Для доказательства, что онъ находился на площади, довольно двухъ свидѣтельствъ. Мнисимахъ говоритъ въ одной изъ своихъ комедій: " Подите на Агору, къ Гермесамъ" . . ."Въ нѣкоторые праздники, говоритъ „ Ксенофонтъ, всадники должны отдавать честь „ храмамъ и истуканамъ, находящимся на Агорѣ. „ Имъ надобно начать съ Гермесовъ, объѣхать „ кругомъ Агору, и возвратиться къ Гермесамъ. „ Посему я думаю, что сей портикъ долженъ быть на концѣ той улицы, гдѣ стоялъ рядъ Гермесовъ.

Пекиль былЪ на площади, во время Эсхина, а уже не было его тамЪ во время Павсанїя, который говоритЪ о семЪ портикѣ прежде, нежели о площади: итакЪ вЪ сей части города сдѣланы перемѣны. Я предполагаю, что вЪ томЪ вѣкѣ, когда жилЪ Павсанїй, часть древней площади была застроена домами; что вЪ южной ея сторонѣ оставалась одна только улица, вЪ которой находились СенатЪ, ѲолусЪ, и проч. что противоположная сторона ея простиралась кЪ сѣверу, и что Пекиль отдѣлялся отЪ нея строенїями: ибо во время упоминаемыхЪ мною перемѣнЪ площадь не была перенесена вЪ другую часть горада. Павсанїй полагаетЪ ее близЪ Пекиля; и мы видѣли, что во времена Силлы онЪ еще былЪ вЪ Керамикѣ близЪ воротЪ ДипильскихЪ.

Теперь удобно начертать путь Павсанїя. ОтЪ портика царскаго идетЪ онЪ по улицѣ, которая продолжается по южной части древней площади; возвращается тою же дорогою; осматриваетЪ нѣкоторые памятники, находящїеся кЪ Юго - Западу отЪ замка, какЪ то зданїе, принятое имЪ за древнїй ОдеумЪ, ЕлевсинїумЪ, и проч. возвращается кЪ царскому портику; и идучи чрезЪ улицу ГермесовЪ, сперьва приходитЪ кЪ Пекилю, а потомЪ на площадь, которая была вЪ его время, и которая, по видимому, составляла часть старой, или по крайней мѣрѣ, была отЪ нее не очень далеко. Мнѣ кажется, можно приписать Императору Адрїану большую часть перемѣнЪ, на ней сдѣланныхЪ.

Сошедъ сЪ Агоры, идетЪ Павсанїй вЪ гимназїю Птоломееву, коей не было вЪ то время,

о которомъ говорится въ моемъ сочиненіи; а оттуда къ Ѳисееву храму, который еще нынѣ существуетъ. Г. Фушеро, искусный инженеръ, бывшій два раза въ Греціи, сообщилъ мнѣ свѣдѣнія, какія могъ приобрѣсть на мѣстѣ.

Можно слѣдовать за Павсаніемъ до Пританеи. Оттуда, кажется мнѣ, пошелъ онъ къ сѣверо-востоку. Онъ находитъ тамъ многіе храмы, какъ то Сераписа, Луцины, Юпитера Олимпійскаго. Потомъ поворачиваетъ къ востоку, и проходитъ по такому урочищу, которое полагаю я внѣ города, а въ его время принадлежало оно къ городу, по тому что стѣны были разломаны. Тамъ осматриваетъ онъ сады Венерины, Киносаргъ, Ликей: переходитъ чрезъ Илиссъ, и идетъ къ Стадіи.

Я не слѣдую за Павсаніемъ по сей дорогѣ, по тому что многіе памятники, которые тамъ встрѣтиться могутъ, воздвигнуты послѣ избранной мною эпохи, а другіе не принадлежатъ ко внутренности города: но я опять беру его себѣ путеводителемъ, когда онъ, возвратившись въ Пританею, идетъ въ замокъ улицею Треножниковъ.

Улица Треножниковъ. Она такъ названа, по мнѣнію Павсанія, для того, что въ ней были многіе храмы, въ которыхъ поставлялись мѣдные треножники въ честь боговъ. Какая была побудительная причина къ посвященію сихъ даровъ? Побѣды, одержанныя Аѳинскими колѣнами на состязаніяхъ музыки и плясанія. При подошвѣ замка, съ восточной стороны, найдены многія надписи, упоминающія о таковыхъ побѣдахъ. Пре-

красное зданіе, извѣстное нынѣ подъ именемъ Фонаря Димосѳенова, составляло одно изъ украшеній сей улицы. Оно построено изъ мармора, при случаѣ награжденія, опредѣленнаго колѣну Акамантову, при Архонтѣ Эвенетѣ, въ 335 лѣто до Р. Х. годъ спустя, какъ Анахарсисъ оставилъ Аѳины. Подлѣ сего памятника, найдена въ сіи послѣднія времена надпись, помѣщенная между надписями г. Шандлера. Колѣно Пандіоново предписываетъ оною поставить въ домѣ, который оно имѣло въ сей улицѣ, столпъ въ честь одному Аѳинянину, именемъ Никію, который былъ его хорегомъ, и получилъ награду на празднествахъ Вакховыхъ, и на тѣхъ, кои назывались Ѳаргаліи. Тамъ сказано еще, чтобъ впредь (съ Архонтства Евклидова, 403 года до Р. Х.) ставить на томъ же столпѣ имена тѣхъ изъ сего колѣна, кои въ извѣстные праздники, назначенные опредѣленіемъ народа, одержатъ подобныя преимущества.

Изъ сказаннаго мною явствуетъ, что улица Треножниковъ шла подлѣ восточной стороны замка.

*Одеумъ Периклов*ъ. Въ концѣ упомянутой мною улицы, и не доходя до Вакхова ѳеатра, Павсаній нашелъ зданіе, а къ чему оно опредѣлено, не сказываетъ. Замѣчаетъ только, что оно было построено по образцу шатра Ксерксова, и что, бывъ сожжено во время осады Аѳинъ отъ Силлы, потомъ опять возобновлено. Сличимъ сіе свидѣтельство съ тѣми показаніями, какія намъ оставили другіе писатели о древнемъ Аѳинскомъ Одеумѣ. Сего рода ѳеатръ былъ воздвигнутъ

Перикломъ, и назначенъ для состязанія въ музыкѣ: каменные или марморные столпы поддерживали кровлю его, которая была сдѣлана изъ райнъ и мачтъ, снятыхъ съ кораблей Персидскихъ, и которой видъ уподоблялся шатру Ксерксову. Сей видъ подалъ поводъ къ нѣкоторымъ шуткамъ. Стихотворецъ Кратинъ, въ одной своей комедіи, желая намекнуть, что у Перикла голова къ верьху островата, сказалъ, что Периклъ носитъ Одеумъ на своей головѣ. Одеумъ былъ сожженъ при осадѣ Аѳинъ отъ Силлы, и потомъ вскорѣ возобновленъ Аріобарзаномъ, царемъ Каппадокійскимъ.

Сличивъ между собою таковыя показанія разныхъ писателей, ясно видѣть можно, что зданіе, о которомъ говоритъ Павсаній, есть тоже, что и Периклов Одеумъ; и по словамъ Павсанія явствуетъ, что сей Одеумъ стоялъ между улицею Треножниковъ и Вакховымъ ѳеатромъ. О семъ мѣстоположеніи подтверждается еще и свидѣтельствомъ Витрувія, который поставляетъ Одеумъ на лѣвой сторонѣ ѳеатра. Но Павсаній далъ уже имя Одеума другому зданію. Я вскорѣ объясню сіе затрудненіе.

Ѳеатръ Вакховъ. У югозападнаго угла замка, видны еще развалины ѳеатра, который до сего времени былъ почитаемъ за ѳеатръ Вакховъ, гдѣ представлялись трагедіи и комедіи. Однако г. Шандлеръ поставилъ ѳеатръ Вакховъ у юговосточнаго угла замка; и я держусь его же мнѣнія, основаннаго на многихъ доводахъ.

1е По самому виду мѣста, г. Шандлеръ судилъ, что тутъ построенъ былъ нѣкогда ѳеатръ; и по повѣркѣ г-на Фушеро точно такъ оказалось.

2e. Павсаній пишетъ, что повыше ѳеатра виденъ былъ въ его время треножникъ въ пещерѣ, изсѣченной въ каменной горѣ; и точно надъ мѣстоположеніемъ ѳеатральнымъ, которое нашелъ г. Шандлеръ, есть пещера, высѣченная въ каменной горѣ, и превращенная потомъ въ церьковь подъ названіемъ: *Panagia spiliotissa*, что перевесть можно: *Богоматери пещерской*. Замѣтимъ, что слово Spiliotissa означаетъ ясно слово σπηλαιον, которымъ Павсаній именуетъ пещеру. Надобно прочитать, что писали путешественники о сей пещерѣ. Правда, что выше ѳеатра южнозападнаго есть два довольно глубокія (niche) вмѣстилища или впадины; но ихъ никакъ не можно смѣшивать съ пещерою, о которой говоритъ Павсаній.

3e. Ксенофонтъ, описывая ученье конницы, которое произходило въ Ликеѣ, или подлѣ Ликея, говоритъ: „когда конные минуютъ уголъ ѳеатра, который стоитъ напротивъ, и проч. Слѣдовательно ѳеатръ былъ къ сторонѣ Ликея.

4e. Я уже сказалъ, что въ главные праздники Аѳинянъ, хоры, выбранные изъ каждаго колѣна, состязались о наградѣ за плясаніе и музыку; что одержавшему верьхъ колѣну давался треножникъ, который посвящало оно богамъ; что на семъ дарѣ вырѣзывалось имя того колѣна, имя гражданина, содержавшаго хоръ на своемъ иждивеніи, а иногда и имя стихотворца, для хора стихи сочинявшаго, или наставника, обучавшаго лицедѣевъ. Я также сказалъ, что во время Павсанія, существовалъ треножникъ въ пещерѣ, которая была повыше ѳеатра. Даже и нынѣ, при входѣ въ сію пещеру, вид-

ны нѣкоего рода торжественные ворота, на которыхъ находятся три надписи, вырѣзанныя въ разныя времена въ честь двухъ колѣнъ, одержавшихъ награду. Одна изъ сихъ надписей 320 года до Р. Х. и сдѣлана только нѣсколькими годами позже Анахарсисова путешествія.

Когда подлѣ замка съ южновосточной стороны находятся памятники, воздвигнутые въ честь побѣдителей на пренїяхъ, которыя происходили обыкновенно на ѳеатрѣ; то основательно думать можно, что Вакховъ ѳеатръ стоялъ на концѣ улицы Треножниковъ, и точно на томъ мѣстѣ, гдѣ г. Шандлеръ его полагаетъ. Въ самомъ дѣлѣ, побѣдоносные памятники должны быть близь поля сраженія, какъ я сказалъ въ сей 12 главѣ.

Писатели, жившїе въ ту эпоху, которую я избралъ, упоминаютъ только объ одномъ ѳеатрѣ. Итакъ тотъ, коего развалины видны у южнозападнаго угла замка, не существовалъ въ ихъ время. Я почитаю его, согласно съ г. Шандлеромъ, за Одеумъ, который, 500 лѣтъ спустя, построенъ Иродомъ, сыномъ Аттика, и который отъ Филострата названъ ѳеатромъ. „Патрасскїй Одеумъ, „говоритъ Павсанїй, былъ бы изъ всѣхъ прекраснѣйшїй, когда бы не былъ помраченъ Аѳинскимъ, „который превосходитъ всѣ прочїе пространствомъ „и великолѣпїемъ. Построилъ его Иродъ Аѳинянинъ по смерти и въ честь жены своей. Въ моемъ описанїи Аттики я не говорилъ о немъ по „тому, что онъ еще не былъ начатъ, когда писалъ „я сїе сочиненїе." Филостратъ также замѣчаетъ, что ѳеатръ Иродовъ былъ самое прекрасное зданїе въ свѣтѣ.

Г. Шандлеръ полагаетъ, что Одеумъ, или ѳеатръ Иродовъ, построенъ былъ на развалинахъ Периклова Одеума. Я не могу согласиться на его мнѣнїе, Павсанїй, который поставляетъ сїе послѣднее зданїе на другомъ мѣстѣ, не говоритъ о первомъ что оно возобновлено Иродомъ, но построено, ἐποίησεν. По предположенїю г. Шандлера, древнїй Одеумъ былъ бы по правую сторону Вакхова ѳеатра, а по мнѣнїю Витрувїя, находился онъ по лѣвую. Но я уже показалъ, что Перикловъ Одеумъ былъ при южновосточномъ углѣ зáмка.

Теперь понять можно, для чего Павсанїй, идучи вдоль южной стороны зáмка, отъ юговосточнаго угла, гдѣ видѣлъ ѳеатръ Вакховъ, не говоритъ ни объ Одеумѣ, ни о другомъ какомъ либо ѳеатрѣ: для того, что и въ самомъ дѣлѣ не было его при южнозападномъ углѣ, когда онъ писалъ первую свою книгу, въ коей говоритъ объ Аттикѣ.

Пниксъ. На одномъ холмѣ, не подалеку отъ зáмка, видны еще остатки памятника, который почитаемъ былъ то за Ареопагъ, то за Пниксъ, а иногда за Одеумъ. Сїе есть пространное мѣсто, коего ограда сдѣлана частїю въ каменной горѣ, а частїю составлена изъ огромныхъ камней, обсѣченныхъ гранями. Я почитаю оное, согласно мнѣнїю г. Шандлера, за площадь Пникса, гдѣ народъ имѣлъ иногда свои собранїя. Въ самомъ дѣлѣ, Пниксъ обнесенъ былъ стѣною; онъ находился напротивъ Ареопага; съ сего мѣста можно было видѣть пристань Пирейскую. Всѣ сїи признаки приличны тому памятнику, о коемъ идетъ рѣчь. Но есть признакъ гораздо рѣшительнѣйшїй: "когда народъ воз„сѣдитъ на сей каменной горѣ, говоритъ Аристо-

„фанъ и проч. онъ здѣсь разумѣетъ Пниксъ. Я умалчиваю о прочихъ доводахъ, которые могли бы утвердить вышеизъясненные.

Однако Павсаній принялъ, кажется, сей памятникъ за Одеумъ. Что же заключить изъ того должно? То, что, въ его время, Пниксъ, о которомъ онъ не говоритъ, не назывался уже симъ именемъ по тому, что какъ народъ пересталъ тамъ собираться, то и учреждено тутъ состязалище для музыкантовъ. Снеся вмѣстѣ всѣ свѣденія, какія о семъ имѣть можно, надлежитъ заключить, что такое состязаніе происходило прежде въ зданіи, воздвигнутомъ у южновосточнаго угла за́мка; то былъ Одеумъ Перикловъ: потомъ въ Пниксѣ; сей есть Одеумъ, о которомъ говоритъ Павсаній; наконецъ на ѳеатрѣ, котораго часть еще осталась у южнозападнаго угла за́мка; сей есть Одеумъ Ирода, сына Аттикова.

Храмъ Юпитера Олимпійскаго. Къ сѣверной сторонѣ за́мка, находятся еще великолѣпныя развалины, обратившія на себя вниманіе путешественниковъ. Нѣкоторые мнили признать въ нихъ остатки того величественнаго храма Юпитера Олимпійскаго, который начатъ Писистратомъ; окончить его покушались многократно; но Силла приказалъ перевезти изъ него столпы въ Римъ, наконецъ Адріянъ возстановилъ его. Они основывались на повѣствованіи Павсанія, который въ самомъ дѣлѣ кажется, означаетъ сіе мѣсто; но Ѳукидидъ говоритъ точно, что сей храмъ былъ на южной сторонѣ за́мка; и его свидѣтельство сопровождается такими подробностями, которыя не позволяютъ принимать той поправки, какую Валла и

Полтїе предлагаютъ сдѣлать въ описанїи Фукидидовомъ. Г. Стуартъ, уваживъ свидѣтельство сего дѣеписателя, ставитъ храмъ Юпитера Олимпїйскаго на южновосточной сторонѣ за́мка, на томъ мѣстѣ, гдѣ существуютъ еще и нынѣ большїе столпы, называемые обыкновенно столпами Адрїановыми. Его мнѣнїе опровергаетъ г. Ле Роа, который почитаетъ тѣ столпы остатками отъ Панѳеона сего Императора. Не смотря на уваженїе, какое имѣю къ знанїямъ сихъ двухъ путешественниковъ, сперьва я подозрѣвалъ, что храмъ Юпитера Олимпїйскаго, поставляемый Ѳукидидомъ на южной сторонѣ за́мка, былъ древнїй храмъ, который, по преданїю, упоминаемому Павсанїемъ, сооруженъ былъ въ самыя отдаленныя времена Девкалїономъ, и что на сѣверной сторонѣ храмъ основанъ Писистратомъ. Такимъ образомъ можно бы согласить Ѳукидида съ Павсанїемъ; но какъ изъ сего произошли бы новыя затруднения, то надобно поставить на удачу храмъ Юпитера Олимпїйскаго на югѣ отъ за́мка.

Г. Стуартъ почелъ развалины, находящїяся на сѣверной сторонѣ, за остатки Пекиля; но я, какъ мнится, доказалъ, что сей славный портикъ примыкался къ народной площади, лежащей у воротъ Дипильскихъ. Впрочемъ зданїе, коего часть составляли сїи развалины, кажется быть воздвигнуто во время Адрїаново; и по тому не принадлежитъ къ моему предмету.

Стадїя. Кажется, что во время Ксенофонта упражнялись въ бѣганїи на нѣкоторомъ пространствѣ, и можетъ быть на дорогѣ, которая начиналась отъ Ликея, и продолжалась на югѣ подлѣ городской стѣны. По маломъ времени, Ораторъ Ли-

кургъ выровнялъ и обвелъ насыпью мѣсто, которое одинъ изъ друзей его уступилъ республикѣ. Въ послѣдующее время, Иродъ, сынъ Аттика, выстроилъ Стадїю и одѣлъ почти всю марморомъ, коея развалины еще и понынѣ существуютъ.

Городскїя стѣны. Я умалчиваю о многихъ вопросахъ, какїе можно бы сдѣлать о стѣнахъ, окружавшихъ Пирей и Мунихїю, о стѣнахъ, которыя, начинаясь отъ Пирея и Фалеры, примыкались къ стѣнамъ Аѳинскимъ: только скажу нѣчто объ окружности города. Мы не можемъ опредѣлить вида сей окружности; но имѣемъ нѣкоторое средство узнать нѣсколько пространство оной. Ѳукидидъ, дѣлая вычисленїе войскъ, потребныхъ для защищенїя стѣнъ, говоритъ, что та часть огражденїя, которую защищать надлежало, имѣла въ длину сорокъ три стадїи; и что остальная часть, не требующая защиты, находилась между точками, гдѣ кончились стѣны съ одной стороны Фалерская, а съ другой Пирейская. Толковникъ Ѳукидида полагаетъ сїю часть въ 17 стадїй длиною, и потому считаетъ всю окружность города въ 60 стадїй. Ежели слѣдовать сему показанїю, то стѣна Фалерская дошла бы до Ликея; а сїе невозможно. Надобно думать, что въ толковникѣ вкралась немалая ошибка.

ПРИМѢЧАНІЕ VII. ГЛАВА XII.

О двухъ надписяхъ, въ сей главѣ упоминаемыхъ. стран. 210.

Я перевелъ находящееся въ подлинникѣ Греческое слово ΈΔΙΔΑΣΚΕ сими словами: *былъ сочини-*

телемъ, вочинилъ трагедїю. Но какъ оно значитъ также *училъ лицедѣевъ*, то я за переводъ мой не отвѣчаю. Можно видѣть о семъ словѣ примѣчанїя Казобона на Аѳенея (кн. 6. гл. 7. стр. 260), Тайлора на мраморъ Сандвихскїй (стр. 71), Вандаля о гимназїяхъ (стр. 686) и прочихъ.

ПРИМѢЧАНІЕ VIII. Тамъ же.

Какъ освѣщаемы были храмы. стран. 219.

Въ храмахъ не было оконъ; въ однихъ свѣтъ входилъ только дверьми; въ другихъ вѣшаны были свѣтильники предъ главнымъ истуканомъ, иные были раздѣлены на три части двумя рядами столповъ. Средняя часть совсѣмъ была открыта, и довольно освѣщала боковыя части, которыя были покрыты. Большїя дуги (arcades) видимыя въ боковыхъ частяхъ храма, который существуетъ еще между развалинами Агригентскими, сдѣланы открытыми гораздо послѣ построенїя его.

ПРИМѢЧАНІЕ. IX. Тамъ же

О столпахъ внутрь храмовъ. стран. 220.

Кажется, у Грековъ храмы были сперьва весьма малые. Когда же данъ имъ большїй размѣръ, то выдумано поддерживать кровли однимъ рядомъ столповъ, внутри поставленныхъ, на которыхъ ставились другїе столпы, возвышающїе-

ся до самой кровли. Такъ устроенъ былъ одинъ изъ древнихъ храмовъ, котораго развалины видѣлъ я въ Пестумѣ.

Въ послѣдующія времена, вмѣсто одного ряда столповъ, ставлены были два; и тогда въ храмахъ сдѣлались три отдѣленія. Таковы были храмы Юпитера Олимпійскаго, какъ свидѣтельствуетъ Павсаній, и Минервинъ въ Аѳинахъ, какъ г. Фушеро самъ въ томъ удостовѣрился. Минервинъ храмъ въ Тегеѣ въ Аркадіи, построенный Скопою, былъ таковъ же. Павсаній говоритъ, что первый рядъ внутренныхъ столповъ былъ Дорическаго чина, а вторый Коринѳскаго.

ПРИМѢЧАНІЕ X. Тамъ же.

О размѣрахъ Парѳенона. стран. 221.

По свидѣтельству г. Ле Роа, сей храмъ былъ въ длину около 227 Греческихъ стопъ, а въ вышину около 68 стопъ и 7 дюймовъ. Что жъ касается до ширины, то она, кажется означена названіемъ Гекатомпедона (100 стопъ), которое давали древніе сему храму. Г. Ле Роа нашелъ въ самомъ дѣлѣ что личная сторона имѣла почти 100 стопъ Греческихъ.

ПРИМѢЧАНІЕ XI. Тамъ же.

О количествѣ золота, положеннаго на истуканъ Минервы. стран. 223.

Ѳукидидъ полагаетъ онаго сорокъ талантовъ; другіе писатели сорокъ четыре, а иные

пятьдесятъ. Я утверждаюсь на показанїи Өукидида. Естьли положить, что въ его время содержанїе золота къ серебру было какъ 1 къ 13, какъ и во время Иродота, то 40 талантовъ золота составятъ 520 талантовъ серебра.

ПРИМѢЧАНІЕ. XII. Тамъ же.

Какимъ образомъ расположено было золото на истуканѣ Минервиномъ. стран. 223.

На богинѣ была длинная туника, сдѣланная изъ слоновой кости. Эгидъ, или кожа козы Амалөеи, покрывалъ грудь ея, и, можетъ быть, еще и лѣвую руку, какъ то видно на нѣкоторыхъ ея истуканахъ. По краямъ эгида придѣланы были змѣи; въ полѣ щита, покрытомъ змѣиною чешуею, находилась голова Медузина. Такъ точно изображенъ эгидъ на памятникахъ и у древнихъ писателей. Исократъ, жившїй въ то самое время, въ которое полагаю я путешествїе младшаго Анахарсиса по Грецїи, упоминаетъ, что украденъ былъ Горгонїумъ; и Свида, говоря о томъ же, присоединяетъ, что онъ оторванъ былъ отъ истукана Минервина. По одному мѣсту въ Плутархѣ видно, что подъ симъ словомъ надлежитъ разумѣть эгидъ.

Теперь разсмотримъ, изъ чего былъ сдѣланъ эгидъ, похищенный съ истукана? Кромѣ того, что его не украли бы, ежели бы онъ не былъ изъ вещества драгоцѣннаго, Филохоръ увѣдомляетъ

насъ, что похищенїе, на которое тогда жаловались, относится до чешуи и змѣй. Здѣсь рѣчь не о той змеѣ, которую художникъ положилъ у ногъ богини: она была нѣчто постороннее, или такая принадлежность, которая не требовала никакого великолѣпїя. А при томъ Филохоръ говоритъ о змѣяхъ во множественномъ числѣ.

Я заключаю изъ сказаннаго, что Фидїй изъ золота сдѣлалъ чешую, которая покрывала эгидъ, такъ какъ и змѣи, которыя привѣшены были вокругъ его. То же самое подтверждаетъ Павсанїй. Онъ говоритъ, что Минерва имѣла у себя на груди Медузину голову изъ слоновой кости: такое замѣчанїе ни къ чему бы не служило, естьли бы эгидъ былъ изъ того же вещества, и естьли бы голова Медузина не отличалась отъ золотаго поля, въ коемъ она была помѣщена. Крылья у побѣды, которую Минерва держала въ рукахъ, также была изъ золота. Воры, закравшїеся въ храмъ, нашли средство отнять оныя отъ истукана; и, поссорившись при дѣлежѣ добычи своей, сами себя обличили.

По разнымъ признакамъ, о коихъ я умалчиваю, можно заключить, что обронная работа на шлемѣ, щитѣ, обуви, и, можетъ быть, на подножїи были изъ того же металла. Большая часть сихъ украшенїй существовала еще во время Анахарсисово. Онѣ были, спустя нѣсколько времени, похищены нѣкїимъ Лахаресомъ.

ПРИМѢЧ. XIII. ГЛАВА XIV.

О предсѣдателяхъ сената Аѳинскаго. стран. 240.

Все, что ни касается до чиновниковъ сената и ихъ должностей, представляетъ столько много затрудненій, что я принужденъ наименовать только писателей, объяснявшихъ оныя, каковы суть Сигоній (de republ. Athen. lib. 2. cap. 4.) Петавій (de doctr. tempor. lib. 2 cap. 1) Додвель de Cycl. dissert. 3. §. 43.); Самуелъ Петитъ: (leg. attic. p. 188); Корсини (fast. attic. t. 1, dissert. 6).

ПРИМѢЧ. XIV. Тамъ же.

Объ опредѣленіяхъ сената и народа Аѳинскаго. стран. 246.

Ничего не было исполняемо иначе, какъ по силѣ законовъ и опредѣленій, между которыми разность состояла въ томъ, что законы обязывали всѣхъ гражданъ, и обязывали ихъ навсегда; опредѣленія же, собственно такъ называемыя, касались только частныхъ людей, да и то на время. По опредѣленію посылались послы, назначался вѣнецъ гражданину, и проч. Когда опредѣленіе относилось ко всякому времени и ко всѣмъ частнымъ людямъ, тогда становилось уже закономъ.

ПРИМѢЧ. XV. ГЛАВА XVII.

О странномъ приговорѣ Ареопага. стран. 283.

Къ произшествію, упоминаемому мною на стран. 283, можно присовокупить и другое, случившееся гораздо послѣ, да и въ томъ вѣкѣ, когда Аѳины потеряли всю свою славу, а Ареопагъ сохранилъ свою. Одна жена изъ Сикіоны, оскорбившись тѣмъ, что вторый ея мужъ и сынъ, ею отъ него рожденный, умертвили сына, оставшагося у нея отъ перваго мужа, и подававшаго о себѣ великую надежду, рѣшилась обоихъ убійцъ отравить ядомъ. Она была судима во многихъ судилищахъ, которыя ни обвинить, ни оправдать ее не смѣли. Дѣло внесено было въ Ареопагъ, который, по долгомъ изслѣдованіи, велѣлъ тяжущимся сторонамъ явиться по истеченіи 100 лѣтъ.

ПРИМѢЧАНІЕ XVI. ГЛАВА XX.

Объ игрѣ въ кости. стран. 307.

Г. Пейрескъ досталъ древній календарь, украшенный рисунками. Въ Генварѣ мѣсяцѣ представленъ игрокъ, держащій въ рукѣ рогъ, и выбрасывающій изъ него кости въ нѣкоторую какъ бы башенку, поставленную на краю шашечницы.

ПРИМѢЧАНІЕ XVII. Тамъ же.

Цѣна разнымъ товарамъ. стран. 322.

Я сказалъ на стран. 322й о цѣнѣ нѣкоторыхъ съѣстныхъ припасовъ, какая была въ Аѳинахъ во время Димосѳеново. Почти за шестьдесятъ лѣтъ, во время Аристофаново, платилось поденщику 3 обола; лошадь бѣгунъ стоила 12 минъ, или 1200 драхмъ, епанча 20 драхмъ, обувь 8 драхмъ.

ПРИМѢЧАНІЕ XVIII. Тамъ же.

Объ имѣніи, какое получилъ Димосѳенъ послѣ отца своего. стран. 323.

Отецъ Димосѳеновъ почитался за богатаго человѣка: однакожъ сыну своему оставилъ не болѣе какъ талантовъ 14. Вотъ главныя вещи сего наслѣдства:

1е. Заводъ для дѣланія мечей, на коемъ работало тридцать невольниковъ. Двое или трое, имѣвшіе за тѣмъ смотрѣніе, стоили каждый отъ 500 до 600 драхмъ; прочіе по крайней мѣрѣ 300 драхмъ; ежегодно приносили они доходу 30 минъ, за изключеніемъ всѣхъ расходовъ. 2е. Заводъ для дѣланія кроватей, на которомъ было двадцать невольниковъ, кои стоили 40 минъ; они давали ежегоднаго доходу 12 минъ. 3е. Для точенія слоновой кости, для желѣзныхъ и деревянныхъ по-

дѣлокъ, въ 80 минъ; слоновая кость употреблялась или на кроватныя ножки, или на рукоятки и ножны для мечей. 4е. Для чернильныхъ орѣшковъ и мѣди, въ 70 минъ. 5е. Домъ въ 30 минъ. 6е. Домовыхъ уборовъ, сосудовъ, кубковъ, золотыхъ вещей, платья и уборный столъ матери Димосѳеновой, во 100 минъ. 7е. Денегъ въ долгахъ и въ торгу и проч.

ПРИМѢЧАНІЕ XIX. ГЛАВА XXII.

О вѣсѣ и цѣнѣ нѣкоторыхъ приношеній, въ золотѣ состоящихъ, кои присланы въ Дельфійскій храмъ отъ царей Лидійскихъ, и кои описаны у Иродота (кн. 1. гл. 14, 50 и пр.) и у Діодора Сицилійскаго (кн. 16, стр. 452) стран. 372.

Вотъ золотыя приношенія, о вѣсѣ коихъ сохранилъ свѣденіе Иродотъ:

Шесть большихъ чашъ вѣсомъ въ 30ть талантовъ, кои составляли 390 талантовъ серебромъ.

Сто семнадцать полуплимоъ, вѣсомъ въ 232 таланта, кои составляли 3016 серебреныхъ талантовъ.

Левъ въ 10 талантовъ, стоилъ 130 талантовъ серебра.

Истуканъ въ 8 талантовъ, стоилъ 104 таланта серебра.

Чаша въ 8 талантовъ и 42 мины, стоила 113 талантовъ и 6 минъ серебра.

Къ симъ приношеніямъ Діодоръ Сицилійскій прибавляетъ 360 фіаловъ золотыхъ, вѣсомъ каждая въ 2 мины, что и составитъ 12 талантовъ зол. а на серебро 156 талантовъ.

Впрочемъ, есть нѣкоторая разность въ исчисленіяхъ Иродота и Діодора Сицилійскаго; но разбирательство сего завело бы меня съ лишкомъ далеко.

ПРИМѢЧАНІЕ XX. ГЛАВА XXII.

О изпареніяхъ Дельфійской пещеры. стран. 380.

Сіи изпаренія имѣли свойство чада; поднимались онѣ до нѣкоторой только высоты. Кажется, что земля около отдушины была возвышена. Вотъ для чего сказано, что сходили внизъ къ сей отдушинѣ. А какъ треножникъ былъ углубленъ въ землю, то и можно понять, какимъ образомъ изпаренія могли доходить до жрицы, не причиняя вреда предстоящимъ.

ПРИМѢЧАНІЕ XXI. ГЛАВА XXV.

Какъ строились домы у Грековъ. стран. 432.

Г. Перролтъ сдѣлалъ чертежъ Греческому дому, слѣдуя описанію Витрувія. Г. Галіани издалъ другій, безъ сомнѣнія лучшій Перролтова. Касательно сего сообщилъ мнѣ г. Маріеттъ слѣдующее:

„ Я читалъ со всевозможнымъ вниманіемъ
„ въ переводѣ Перролтовомъ то мѣсто, гдѣ Витрувій говоритъ о домахъ, какіе строили для
„ себя древніе Греки; сличалъ его съ Латинскимъ
„ подлинникомъ, и нашелъ, что Французскій
„ переводчикъ бралъ, по мнѣнію моему, гораздо
„ болѣе вольности, нежели Маркизъ Галіани въ
„ новомъ Италіянскомъ переводѣ того же писателя. Мнѣ показалось, что его толкованіе и
„ приложенный при ономъ Геометрическій чертежъ Греческому дому, выражаютъ мысли Витрувія гораздо лучше, нежели ихъ выразилъ
„ Перролтъ.

„ По точнымъ словамъ Латинскаго писателя, домъ Грека былъ собственно домъ, женою
„ его и домашними занимаемый. Онъ былъ ни съ
„ лишкомъ пространенъ, ни съ лишкомъ украшенъ, но заключалъ въ себѣ всѣ возможныя
„ для житья удобности. А то зданіе, которое къ
„ нему прибавлялось, и служило единственно
„ для мужа, не иное что было, какъ домъ *пріемный*.

„ Какъ было неблагопристойно, и противно добрымъ нравамъ, входить прямо въ первый изъ сихъ домовъ, то и надлежало, прежде
„ вступленія въ оный, пройти чрезъ двои ворота;
„ изъ нихъ однѣ внѣшнія были на самую улицу,
„ а другія внутреннія; при обоихъ были особливые
„ привратники. Вошедъ въ первыя ворота, не
„ иначе достигнуть можно до вторыхъ, какъ
„ чрезъ не весьма широкое и довольно длинное
„ пространство.

„ Такимъ образомъ расположенный домъ, „бывъ удаленъ отъ улицы, совершенно защищалъ „отъ всякаго шума и безпокойства; вдоль помя„нутаго пространства между внѣшними и внут„ренними воротами оставалось довольно мѣста „съ одной стороны для конюшенъ и всего къ „онымъ относящагося; для сараевъ или анбаровъ, „куда ставились коляски и другія повозки; для „сѣнниковъ, и проч. что мы вообще называемъ „*заднимъ дворомъ*. А на другой сторонѣ находи„лись стражницы привратниковъ и тѣ прекрас„ныя сѣни или преддверія, коими входили въ „*пріемный* домъ, о которомъ я уже сказалъ, и „который занималъ столько же мѣста, какъ и „конюшни на противоположной сторонѣ. Сіи сѣ„ни, и слѣдующіе за ними покои охранялись „перьвыми внѣшними воротами, и по сему не „было при нихъ особливаго привратника.

„ Вторыми воротами входили въ перистиль „или ограду, имѣвшую только три портика, „одинъ на переди, а два по бокамъ. Отсюда „вступали въ *сѣни*, которыя у древнихъ разли„чествовали однакожъ отъ нашихъ сѣней. Сіе „мѣсто было спереди совсѣмъ открыто, въ глу„бинѣ третью меньше своего отверзтія, и по „обѣимъ сторонамъ онаго имѣло по два полу„столба, служившихъ подставою перекладинамъ, „кои верьхъ отверзтія дѣлали четвероуголь„нымъ, какъ брусья надъ дверью или окошкомъ.

„ Изъ помянутыхъ сѣней были трои две„ри; одна въ передней ихъ части, ведущая въ „большія и пространныя храмины, гдѣ жены

,,Греческія, даже самыя знатныя, не стыдились ,,заниматься со своими служительницами пряденїемъ шерсти, и употреблять оную на полезныя ,,издѣлїя. На правой и на лѣвой сторонѣ было ,,по двери въ двѣ храмины, называвшїяся одна ,,*Эаламъ*, а другая *Амфиθаламъ*. Я догадываюсь, ,,что Витрувїй разумѣетъ чрезъ *Θаламъ* спальню господина и госпожи дому; а чрезъ *Амфиθаламъ*, ту храмину, гдѣ госпожа дому принимала ,,гостей, и гдѣ для нихъ ставились около стѣнъ ,,возвышенныя ложа. Мнѣ кажется, что древнїе ,,домы у Грековъ, въ разсужденїи раздѣленїя частей ихъ, много сходствуютъ съ домами нынѣшнихъ Турковъ, обладателей Грецїи.

,, Прочїя храмины сего дома, разположенныя вокругъ перистили, и въ которыя входъ ,,былъ изъ портиковъ сказанной перистили, имѣли каждая свое назначенїе. Одна была обыкновенною столовою, для хозяина дома съ его семействомъ, когда не было у него гостей; въ ,,другихъ жили дѣти или служители; иныя служили кладовыми, приспѣшнями, и даже поварнею.

,, Второе зданїе, которое украшали болѣе ,,перваго, было собственно не иное что, какъ ,,только домъ прїемный, о чемъ уже я далъ замѣтить выше. Тамъ были только книгохранилища, гостинныя, столовыя, и картинныя храмины, а для житья ни одной. Тамъ хозяинъ дому принималъ посѣщенїя отличнѣйшихъ особъ; ,,бесѣдовалъ съ друзьями своими; отправлялъ дѣла; давалъ пиры; и во всѣхъ таковыхъ случа-

,,ихъ, а особливо въ последнемъ, женщины не ,,присутствовали.

,, Изъ каждой храмины двери были подъ ,,портиками перистили, которая одна занимала ,,почти вдвое места противъ целаго зданія. ,,Иногда полуденный сей перистили портикъ, ,,къ которому примыкалась гостинная храмина, ,,строился выше, нежели три прочіе портика ,,той же самой перистили. Тогда называли его ,,*портикомъ Родосскимъ*. Стены въ сихъ порти-,,кахъ, для большаго великолепія, покрываемы ,,были гипсомъ, а потолоки столярною работою. ,,Мущины тамъ прогуливались, и могли разсуж-,,дать о делахъ, не опасаясь быть развлеченными ,,присутствіемъ женщинъ. Посему и названы они ,,*Андронитскими*.

,, Не льзя думать, что бы все домы у ,,Грековъ строились по одному образцу, и точно ,,такъ, какъ описываетъ Витрувій. Онъ говоритъ ,,о домахъ людей только знатныхъ, богатыхъ и ,,роскошныхъ, которые, не довольствуясь темъ, ,,что строили для себя самихъ, ставили отде-,,ленно при своемъ доме, еще по два домика, ,,где прохожіе и другіе посторонніе люди, могли ,,спокойно помещаться, и во все время тутъ ,,своего пребыванія, жить въ полной свободе, ,,какъ бы у себя дома; входить и выходить, не ,,нарушая покою своего хозяина; иметь для сего ,,особыя ворота и довольно разстоянія между ,,жилищемъ своимъ и жилищемъ хозяина.

,, Еще и ныне почитаютъ Турки за долгъ ,,безденежно оказывать путешественникамъ гос-

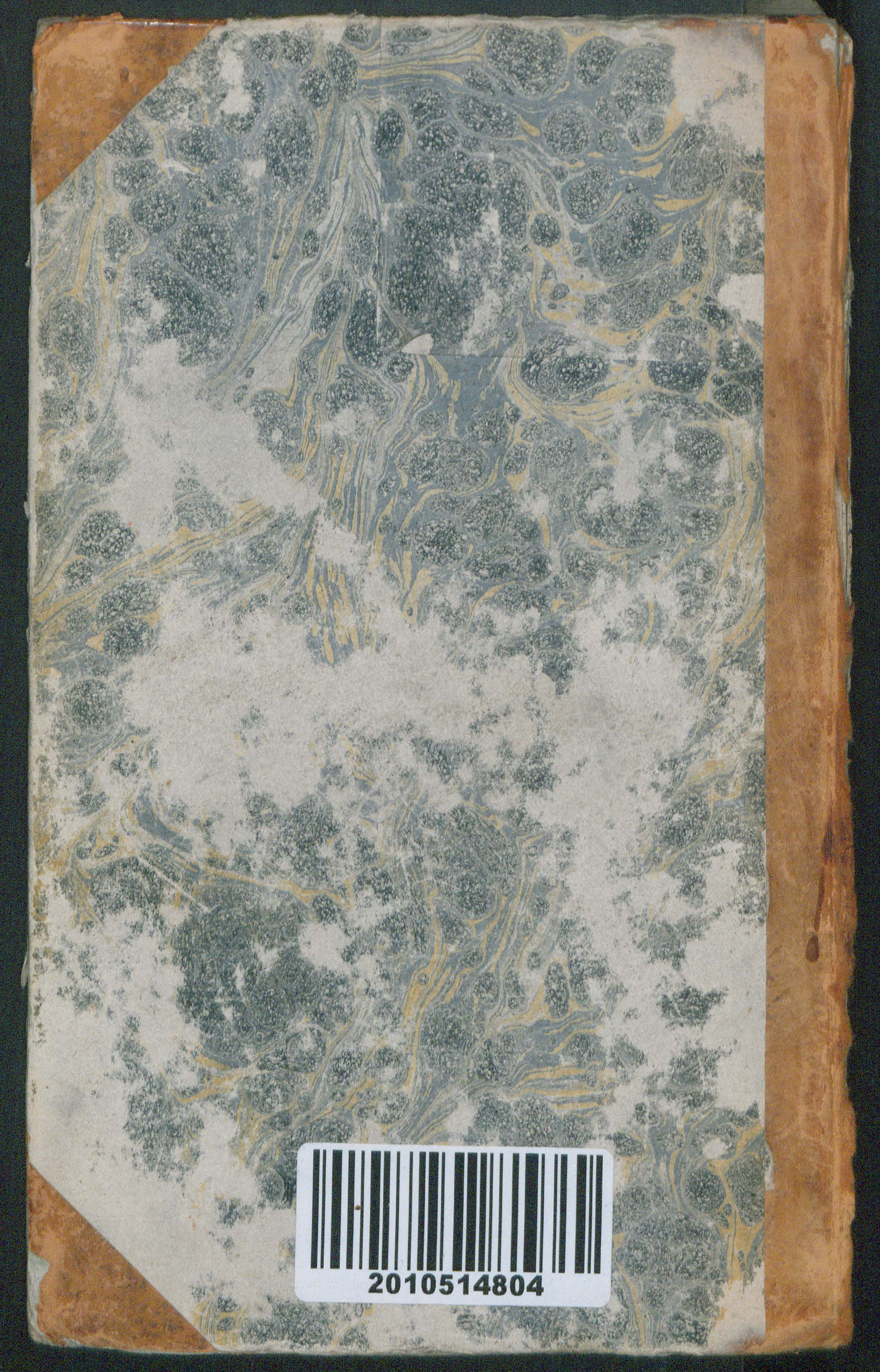
„теприимство въ Каравансераляхъ, или гостинни-
„цахъ, построенныхъ, въ видѣ оградъ, при боль-
„шихъ дорогахъ; сїе можно почесть за остатокъ
„того, что водилось древле въ Грецїи. Когда
„Турки завладѣли сею страною, въ то же самое
„время завладѣли они и зданїями, которыя занималъ
„народъ, ими порабощенный. Они нашли домы
„Греческїе по своему желанїю для того, что для
„женщинъ были въ нихъ особливыя и отъ сооб-
„щенїя мущинъ совсѣмъ отдѣленные покои. Пере-
„мѣнять тамъ было имъ нѣчего; а напротивъ
„можно еще предполагать, что народъ воин-
„ственный и мало упражнявшїйся въ художе-
„ствахъ, снималъ образецъ съ сихъ древнихъ
„зданїй, когда началъ строить новыя. По сему -
„то самому въ домахъ ихъ, такъ какъ и въ до-
„махъ Греческихъ, Витрувїемъ описанныхъ, на-
„ходится такое множество особыхъ двориковъ,
„на которые по подобїю древнихъ портиковъ
„или перистилей, сдѣланы выходы изъ большей
„части покоевъ.

Я не утверждаю, что въ то время, въ ко-
торое полагаю путешествїе младшаго Анахарси-
са, многїе Аѳиняне имѣли домы толь обширные и
великолѣпные; но какъ Димосѳенъ увѣряетъ, что
въ его время строились такїе домы, кои своею
красотою превосходили тѣ пышныя зданїя, кото-
рыми Периклъ украсилъ Аѳины: то я имѣю право
предполагать съ г. Марїеттомъ, что домы сїи
не разнились въ главныхъ частяхъ отъ описан-
наго Витрувїемъ.

КОНЕЦЪ ВТОРОЙ ЧАСТИ.

ПОГРѢШНОСТИ.

Стран.	стр.	напечатано	читай.
7	3	Лезвiйскiй	Лезвоскiй
22	5	и примѣтивъ	, примѣтивъ
33	5	избавилъ	избавился
39	16	Лесбосъ	Лесвосъ
—	22	горизонтъ	оризонтъ.
43	22	долженствующая	долженствующую
45	12	обязательства	обязанности
—	23	при раздѣленiи	при раздѣлѣ
57	26	лира	лира его
60	7	Тару	Тара
88	25	изнуренъ	изнурены
89	11	оставить	остановить
94	12	къ намъ	къ нимъ
108	18	дипилонскiй	дипильскiй
115	13	искренне	искренно
121	12	колонь	Колоною
134	1	ими	имъ
137	5	Дапильскихъ	Дипильскихъ
138	21	Георгiя	Горгiя
140	12	краснорѣчiя	въ краснорѣчiи
163	9	въ Скаллонтѣ	въ Скиллонтѣ.
174	2	составляетъ	доставляетъ
183	6	слуга	слуги
214	4	не	но
227	18	набольшiй	небольшiй
226	21	кефивъ	кефизъ
258	15	удобности	удобность
265	7	оказываются	оказывается
271	13	права	право
280	9	приосуждены	принуждены
304	16	равнымъ	равныхъ
310	10	что	чтобы
—	17	прилипивѣе	приличнѣе
355	6	служенiе храма	служенiе при храмѣ
		Церерина	Церериномъ
396	24	пленницъ	плѣннинъ
401	6	очаровительныя	очаровательныя
410	3	иргахъ	играхъ
413	12	не	ни
426	19	Викхантокъ	Вакхантокъ

2010514804